

Российская академия наук
Институт русского языка им. В.В. Виноградова

РУССКИЙ ЯЗЫК

в научном освещении

№2

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва

2001

Научный журнал

Основан в январе 2001 года

Выходит два раза в год

Редакционная коллегия:

А. М. Молдован (главный редактор), А. А. Алексеев, Х. Андерсен (США), Ю. Д. Апресян, А. Богуславский (Польша), И. М. Богуславский, Д. Вайс (Швейцария), Ж. Ж. Варбот, А. Вежбицкая (Австралия), М. Л. Гаспаров, А. А. Гиппиус, М. Ди Сальво (Италия), Д. О. Добровольский, В. М. Живов, А. Ф. Журавлев, А. А. Зализняк, Е. А. Земская, Х. Кайперт (Германия), В. В. Калугин (ответственный секретарь), Л. Л. Касаткин, Э. Кленин (США), А. Д. Кошелев, Л. П. Крысин, Р. Лясковский (Швеция), Х.-Р. Мелиг (Германия), И. Мельчук (Канада), Н. Б. Мечковская (Беларусь), Е. В. Падучева, Т. В. Рождественская, А. Тимберлейк (США), Х. Томмола (Финляндия), О. Н. Трубачев, М. Флайер (США), А. Я. Шайкевич, А. Д. Шмелев

Адрес редакции:

121019, Москва, ул. Волхонка 18/2, Институт русского языка

им. В. В. Виноградова РАН, Редакция журнала «Русский язык».

Тел.: (095) 201-79-92, факс: (095) 291-23-17, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru

Зав. редакцией *Н. Н. Розанова*

Издатель *А. Д. Кошелев*

Редактор и корректор издательства *М.Н. Григорян*

Подписка на журнал оформляется в любом отделении связи по Объединенному каталогу «печать России», индекс 44088

G.E.C. Gad Booksellers, Slavic Department, Ndr. Ringgade 3, DK-800 Aarhus C, Denmark (Fax: +54 86 209102; E-mail: slavic@gad.dk) have the exclusive right to distribute this publication in Europe and the United States.

Исключительное право на распространение журнала в Европе и США принадлежит датской книготорговой фирме G E C GAD (Fax: +54 86 209102; E-mail: slavic@gad.dk).

© Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
© Авторы, 2001

***К 200-ЛЕТИЮ СО
ДНЯ РОЖДЕНИЯ
В.И. ДАЛЯ***

СОДЕРЖАНИЕ

К 200-летию со дня рождения В.И. Даля

Ж.Ж. Варбот

Словарь В. Даля и современная этимология7

Н.А. Кожевникова

Роман А. Белого «Москва» и Словарь В.И. Даля.....14

Н.Ю. Шведова

Опыт описания типов сообщения в опоре на дейктические единицы языка
(*делать – делаться – иметь место – каково*).....40

В.З. Санников

Семантика и прагматика союза *ЕСЛИ*.....68

М.В. Ляпон

К изучению семантики парадокса.....90

Н.К. Онипенко

Теория коммуникативной грамматики и проблемы системного
описания русского синтаксиса.....107

А.Я. Шайкевич

О Статистическом словаре языка Достоевского.....122

А. В. Тер-Аванесова

Материалы по акцентуации говора деревни Пустоша
(существительные мужского рода).....150

Г.С. Баранкова

О лексической правке в списках Богословия Иоанна Дамаскина.....168

Полемика

К.А. Максимович

Текстологические и языковые критерии локализации
древнеславянских переводов (в связи с новым изданием
«Пандектов» Никона Черногорца).....191

Публикации

М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова

Евгений Баранов – собиратель народной устной речи.....225

Е.З. Баранов

Автобиографические сочинения.....232

Рецензии и обзоры

О «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» (<i>Л. Иорданская</i>).....	240
А. Е. Аникин. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заемствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Новосибирск, 1997. 774 с.; То же. 2-е изд., испр. и доп. М., Новосибирск, 2000. 768 с. (<i>А.Ф. Журавлев</i>).....	250
Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья / Под ред. Т.Б. Юмсуновой. Новосибирск, 1999. 560 с. (<i>А.Ф. Журавлев</i>).....	257
В.Г. Демьянов Иноязычная лексика в истории русского языка XI – XVII вв. Проблемы Морфологической адаптации. М.: Наука, 2001 (<i>С.И. Иорданиди</i>).....	264
С.В. Кодзасов, О.Ф. Кривнова. Общая фонетика. М., 2001 (<i>Р.Ф. Касаткина, М.Л. Каленчук</i>).....	270
Бюллетень фонетического фонда. №№ 1–7. 1988 – 2000; Бюллетень фонетического фонда русского языка. Приложения 1991 – 2000. №1 – 11. Herausgeber: Christian Sappok (Bochum), Лия Васильевна Бондарко (Ленинград; Санкт-Петербург). В Интернете: http://www.rhur-uni-bohum.de/lilab/www-dff . (<i>Л.Л. Касаткин</i>).....	281

Информационно-хроникальные материалы

Международная научная конференция «Текст. Интертекст. Культура» (<i>А.В. Гик, Л.Г. Панова</i>).....	288
Круглый стол, посвященный проблемам изучения и преподавания церковно-славянского языка (<i>Г.Е. Казанцева</i>).....	299

Personalia

Константин Иосифович Бабицкий (<i>Ю.Д. Апресян</i>).....	306
Сергей Сергеевич Высотский (1907 – 1986) (<i>Р.Ф. Касаткина</i>).....	311
Варвара Георгиевна Орлова (1907 – 1991) (<i>Л.Л. Касаткин</i>).....	316

Словарь В. Даля и современная этимология

Предлагаемая тема может показаться парадоксальной, поскольку словарь В. Даля при самом своем появлении вызвал нарекания прежде всего в отношении устанавливаемых автором генетических связей слов. Критики были правы: и в то время, и тем более сейчас в группировке лексем по гнездам, в авторских объяснениях их возможных связей и, наоборот, в отрицании таких связей обнаружено и обнаруживается много просчетов. И тем не менее, в современных этимологических исследованиях и словарях можно найти немало толкований, основанных на развитии этимологических идей В. Даля. И вызывает сожаление пропуск, опущение позднейшими исследователями некоторых из этимологических сопоставлений В. Даля. Таковым представляется, например, отнесение русск. диал. сиб. *ру́га* ‘холщовая, вообще бедная одежонка’ к гнезду *ружить, вооружать* ‘снабжать’ [Даль IV: 108]. Опираясь, очевидно, на это значение диалектизма, Фасмер предположил для *руга* производность от *ругать* [Фасмер III: 512]. Но родственное с *руга* префиксальное имя, зафиксированное недавними диалектными словарями, – тульск. и орлов. *обру́га* – имеет значения ‘праздничная одежда, наряд’ [Сл. орлов. (об-ощупкой): 47], ‘головной убор со всеми принадлежностями: кичкой, сорокой, пупухом, аряпьем...’ [СРНГ 22: 212], ср. и *обру́ги* ‘украшение из перьев селезня, носимое на голове’ [Сл. орлов. (об-ощупкой): 47]. Эта семантика явно опровергает связь с *ругать*. С другой стороны, *обруга* имеет парадигматический вариант русск. орлов. *обру́жа* ‘совокупность предметов, которыми покрывают тело; одежда; старинная плетеная обувь и обмотки, надеваемые под нее’ [Сл. орлов. (об-ощупкой): 47], сопоставимый с польск. *oreż* ‘оружие’, мн. ‘оленьи рога’ [Warsz. III: 826], и, наконец, точное балтийское соответствие – лит. *aprangà* ‘снаряжение, одежда’, издавна связываемое этимологами со слав. **obrǫžьje* [Фасмер III: 154, *оружие*]. Наличие диал. *обру́га* и его генетические связи с **obrǫžьje* надежно поддерживают толкование происхождения слова *ру́га* ‘холщовая, вообще бедная одежонка’ из того же гнезда, предложенное Далем.

*Жанна Жановна Варбот – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН.

Однако не только и даже не столько подобные неучтенные, незамеченные этимологические идеи Даля, сколько ряд других характеристик его словаря делают этот труд настольной книгой современного этимолога.

Известный теоретик этимологии Я. Малкиел заметил однажды, что было бы интересно построить типологию удачных этимологических решений с точки зрения ключевых, опорных элементов решений: новых фактов, компромиссов прежних решений, нового сочетания методов анализа [Malkiel 1962: 208]. Думаю, первое место среди таких потенциальных типов ключевых элементов новых решений в настоящее время принадлежит упомянутым Малкиелом также на первом месте новым фактам, точнее – лексическим материалам, тем «недостававшим словам..., формам, которые могут оказаться в недавно открытом... тексте..., недавно описанном диалекте» [Malkiel 1962: 201]. Именно эта неизбежная потребность этимологии в новых материалах гарантирует еще на долгие времена этимологическую значимость словарю В. Даля. Прежде всего, это до сих пор самое значительное собрание русской лексики (равно и литературной, и диалектной, и архаической, и арготической). Далее, при всей многочисленности и содержательности опубликованных (особенно в последние полвека) диалектных словарей, многие лексические материалы словаря Даля остаются уникальными, так что сводный «Словарь русских народных говоров» дает их только со ссылкой на словарь Даля. Наконец, иллюзия знания материалов старого Словаря и, соответственно, их неосознанное игнорирование нередко лишают этимологов ценнейших фактов и задерживают нахождение наиболее вероятных решений. Так, убедительное и в сущности простое толкование слова *обыденный* как производного от вост.-слав. **объ днь* было предложено лишь в 1981 г. [Журавлев 1983], тогда как основой для него явилось упоминаемое только Далем и долго не замечавшееся этимологами параллельное по структуре *обынóчный* ‘длящийся всю ночь; в одну ночь сделанный’ [Даль II: 638]. Сошлюсь и на свой опыт: только у Даля при глаголе *трунить* ‘шутить, насмехаться’ приведена поговорка «Не труни на чужой проруби: свою протяпай, да как хошь ляпай!» [Даль IV: 437], которая соединением прямого, «вещественного» значения (‘не сори на чужой проруби, сделай свою и пачкай как хочешь’) и переносного, образного значения (‘не шути над делом другого, попробуй сделать сам’) обнаруживает происхождение глагола *трунить* – производность от *трун* ‘тряпье, ветошь, сор’ (праслав. **trunъ*, от **truti*) [Варбот 1976: 71-75]¹.

¹ Семантическая модель предполагаемых отношений *трун* ‘тряпье, сор’ → *трунить* ‘сыпать, сорить’ (*принатрунить* ‘сделать тесто более густым, добавляя муки’ [Сл. Алт. 3, II: 159]) → *трунить* ‘шутить’ представлена также связью лексем *трус* ‘сенная и соломенная труха’ [Даль IV: 437] → *трусить* ‘сыпать’ [Там же] → диал. урал. *тру́сить* ‘говорить лишнее, болтать языком’ [Сл. Сред. Ур. VI: 111].

Остановлюсь более подробно еще на одном, нигде не упомянутом материале Даля, полезном для этимологизации глагола *рехнётся* ‘лишиться рассудка’. Это слово до сих пор не имеет надежной этимологии: Фасмер справедливо усомнился в связях его с *ринуться*, но так же маловероятно родство с *ристать* и производность от *решишь* [Фасмер III: 477, с дополнениями]. В последней версии, даже при наличии просторечн. *ума решишь*, вызывает сомнения вероятность обратного словообразования *решишь* → *рехнётся* с тождественными видовыми характеристиками. Но сам Фасмер уже сделал первый шаг к более реальному толкованию: русск. *рехнётся* сопоставлено им с болг. *рѣхам се* ‘брожу’ [Там же]. Семантически это сопоставление может быть поддержано русским диал. *ряхнётся* ‘тронуться, сойти с места’ (*лед ряхнулся*) и ‘сойти с ума’ [Даль IV: 126]. Однако Фасмер не углубился в происхождение болгарского глагола и потому не определил праславянский источник сопоставляемых форм. А болг. *рѣхам се* восходит к праслав. **ръх-* ‘сдвигать, разрушать’ (ср. болг. *рѣхав* ‘рыхлый’) и родственно с русск. *рушить*, *рохлый*, *рухлый*, *рыхлый*. С этим гнездом согласуется по вокализму и редкий вариант глагола *рехнётся*, приведенный Далем, – курск. *рыхнётся* ‘сойти с ума’ [Даль IV: 119]. О реальности семантики болезни и умопомрачения для гнезда праслав. **ръх-* / **рых-* / **рих-* в русском языке свидетельствуют диал. *рúхлое* здоровье ‘плохое’, *рыхляк* ‘слабый, хилый человек’ [Даль IV: 115] и вят. *порúшиться* ‘сойти с ума’ [СРНГ 30: 140]. Семантическая модель ‘двинуться’ → ‘лишиться ума’ подтверждается русскими *тронуться* ‘лишиться рассудка’, *сойти с ума*, просторечн. *крыша поехала*. В отношении формы вероятность структуры *рехнётся* ‘лишиться рассудка’ для гнезда **ръх-* / **рых-* / **рих-* поддерживается диалектными *ряхнётся* ‘тронуться, сойти с места’ (см. выше), *рехнётся* [*р’ахну́ць*] ‘упасть’ [Сл. Подмоск.: 445], *рѣхнуть* и *рѣхнуться* ‘рухнуть, провалиться’ [Сл. Краснояр.: 326–327]. Разумеется, приходится предполагать какую-то фонетическую аномалию: возможно, это экспрессивное смягчение *р* или следствие контаминации с *тряхнётся* (ср. просторечн. *трѣхнутый* ‘глупый, лишившийся рассудка’).

Другой аспект словарных материалов В. Даля, который не теряет своей актуальности для этимологии, – это энциклопедические сведения, сопровождающие терминологию ремесел и лексику старинного и областного быта. В. Даль так объяснил свое отступление от классических толкований значений слов: «Думаю, что это полезнее сухих и никому не нужных определений» [Даль I: XXXVIII]. Наиболее профессиональные из современных составителей диалектных словарей стараются следовать тому же принципу, но очень часто, вследствие недостаточной компетенции первичных собирателей материалов (студентов) или утраты знаний самими носителями говоров, сведений о реалиях оказывается недостаточно. Поэтому словарь Даля и в этом отношении остается если не неисчерпаемым, то пока еще не исчерпанным источником. Например, русск. *пáзанка* ‘задняя лапка зайца’ (та самая лапка,

которую охотник отрезает и бросает борзым, затравившим добычу) получило этимологическое истолкование как производное от *пазногть* ‘фаланга пальца, на которой растет ноготь’ [Фасмер III: 185, дополнение О.Н. Трубачева]. Ср., однако, описание *пазанки* у Даля: ‘заячья лапка, особенно задняя, с глубоко распаяженными перстами’ [Даль III: 8], которое непосредственно ведет к пониманию связи существительного с глаголом *пазить* ‘разрезать, распарывать’, что и отражено помещением слова *пазанка* в статью *паз* [Там же; см. также Варбот 1996: 12].

Для лучшего освещения реалий Даль нередко прибегал к объединению в одной словарной статье целых лексико-семантических (или тематических, предметных) групп или семантических полей: названия конских мастей, видов грибов и т. п. [Даль I: XXXVIII]. Это облегчает знакомство с определенной сферой быта, ремеслом и т. п. Но иногда полезная «вещная» информация оказывается сопровождающей лишь единичное слово, не включенное автором в группу лексем, объединенных общим понятием или полем, поэтому обнаружить эти сведения можно лишь при сплошном чтении словаря, что и рекомендуется этимологу. Так, например, не прекращаются разногласия по поводу этимологии названия пушного зверька *Sciurus vulgaris* *белка*: хотя всеми признается производность его от *белый*, мотивация толкуется по-разному. Преобладает версия о номинации по светлому цвету меха вылинявшего зверька (поскольку для *белый* первично именно значение ‘светлый’) [ЭССЯ 2: 82]². Даль как будто тоже принимал этот мотив, сообщив (при слове *белка*), что «дошлая, т. е. хорошо выцветшая, дороже» [Даль I: 156]. Но В. А. Меркулова уточнила характеристики доброкачественного меха, опираясь на сведения охотников-промысловиков: у хорошей шкурки белой должна быть мездра, что и легло в основу номинации зверька [Меркулова 1975]. И вот оказывается, что близкая по сути информация, поддерживающая эту последнюю этимологическую версию, есть и у Даля, но в статье о слове *мороженка*: по определению словаря, это ‘поддельная белка, в которой мездра выморожена и побелела’ [Даль II: 348], то есть для качества шкурки белой должна быть именно мездра. Ср. еще соврем. диал. *белка выходная* ‘белка с выхоженной, полноценной шкуркой’ в контексте: *Белка выходная водится в тайге. Левая сторона ее белая* [Сл. Сиб I, 1, 60]. Значение цвета мездры акцентировано также в контексте: *Она, белка, еще не вылиняла, мездра черная у белки – подпаль* [Там же, 67].

Наконец, весьма поучительным для современной этимологии (точнее – этимологической лексикографии) представляется методический опыт Даля-лексикографа в

² Принципиально иное толкование, связывающее использование прилагательного *белый* для обозначения зверька, шкурка которого служила платежным средством, с типологией обозначения мелких монет по признаку светлого, белого цвета в языках разных семей, см. [Добродомов 2000].

построении словаря. Размышляя об истории и теории этимологии, В.Н. Топоров заметил, что «сам феномен этимологизирования не может быть выведен за пределы неких важных жизненных потребностей» [Топоров 1994: 129-130]. Эту потребность широкого читателя-носителя языка и понял, и стремился удовлетворить Даль, избрав гнездовое построение словаря: «ум наш требует во всем какой-нибудь разумной связи», «мертвый список слов не помощь и не утеха» [Даль I: XVIII]; «самое расположение слов по гнездам, придающее целому более связи и смысла», Даль считал наиболее соответствующим определению *толковый* [Даль I: XXIV]. Представляется, что эпитет «подлинный народолюбец», которым В. Даля охарактеризовал В. В. Виноградов, более всего раскрывает сущность этой методической позиции лексикографа.

Строя словарь по гнездовому принципу, Даль опирался по преимуществу на словообразовательные связи, отказавшись от собственно этимологических гнезд – от корнесловного словаря [Даль I: XIX]. Однако опыт Даля имеет прямое отношение к методической проблематике современной этимологической лексикографии, поскольку для нее остается актуальным выбор между пословной и погнездовой структурами словаря.

В обоснование преимуществ / недостатков каждой из структур выдвигаются доводы нескольких планов: степень трудоемкости (бóльшая в полексемном словаре), возможность прослеживания истории отдельного слова (бóльшая в полексемном словаре), возможность представления информации о генетической организации лексического фонда языка (бóльшая в погнездовом словаре), ориентация (и польза для) специалиста / широкого читателя. Последний аспект оценивается особенно противоречиво. Так, Я. Малкиел [Malkiel 1976: 4, 47], М. Майрхофер [Mayrhofer 1980: 16], Э. Гавлова [Havlová 1995: 218-219] считают погнездовую структуру более современной и научной, рассчитанной на специалистов, тогда как пословная определяется Малкиелом [Malkiel 1976: 4] как «научно бесполезная, хотя и... удобная для любителей». В то же время для Ф. Славского [Sławski 1974: 9] и О. Н. Трубачева [Трубачев 1978: 16-17] гнездовая структура является устаревшей и менее научной. Практика создания современных этимологических словарей отдельных славянских языков обнаруживает их следование различным структурным принципам и даже стремление к их сочетанию, для чего есть и научные, и чисто практические основания [Варбот 1993: 24-25]. Следует, наконец, отметить и мнение диалектолога о диалектной лексикографии: к числу недостатков последней причислено «экономное объединение мотивационно родственных слов, гнездование, как правило чрезмерное» [Sochová 1995: 262].

Примечательно, что в этих методических разногласиях информативная характеристика или вообще не соотносится с критерием «для специалиста / для неспециалиста», или способность гнездовой структуры словаря давать информацию о генетической системе лексики признается полезной только для специалистов [Malkiel 1976:

47]. Для коррекции этих теоретико-методических представлений очень существен опыт словаря Даля: и сама его гнездовая структура, и мотивация ее автором («расположение..., придающее целому более связи и смысла» – см. выше), и, что наиболее убедительно, популярность словаря в самых широких кругах носителей языка-неспециалистов. Эта популярность, отчетливо выделяющая словарь Даля на фоне многочисленных новых толковых и даже этимологических словарей, свидетельствует, что автор точно понял потребность широкого читателя в уяснении происхождения и смысловых связей не столько отдельного слова, сколько целых генетических групп, систем лексики родного языка. Очевидно, при составлении этимологических словарей, ориентированных на широкий круг читателей-неспециалистов, следует помнить этот методический завет великого лексикографа.

Литература

Варбот 1976 – Ж. Ж. Варбот. *Трунить* // Русская речь. 1976. № 6. С. 71-75.

Варбот 1993 – Ж. Ж. Варбот. История славянского этимологического гнезда в праславянском словаре // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. Братислава, 1993. Доклады российской делегации. М., 1993. С. 23-35.

Варбот 1996 – Ж. Ж. Варбот. О специфике диалектной этимологии // Этимологические исследования. Вып. 6. Екатеринбург, 1996. С. 7-17.

Даль – В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I-IV. 2-е изд. СПб.; М., 1880-1882.

Добродомов 2000 – И. Г. Добродомов. *Веверица, белка, векша* // 8-ая Всероссийская нумизматическая конференция. Москва, 17-21 апреля 2000 г. Тезисы докладов и сообщений. М., 2000.

Журавлев 1983 – А. Ф. Журавлев. Семантика и происхождение слова *обыденный* // Этимология. 1981. М., 1983. С. 77-83.

Меркулова 1975 – В. А. Меркулова. *Белка* // Русская речь. 1975. № 1. С. 158-159.

Сл. Алт. – Словарь русских говоров Алтая / Под. ред. И. А. Воробьевой. Т. 1-4. Барнаул, 1991-1998.

Сл. Краснояр. – Словарь русских говоров южных районов Красноярского края / Отв. ред. В. Н. Рогова. Красноярск, 1988.

Сл. орлов. – Словарь орловских говоров. Учебное пособие по русской диалектологии / Науч. ред. Т. В. Бахвалова. Орел, 1989-.

Сл. Подмоск. – А. Ф. Иванова Словарь говоров Подмосковья. М., 1969

Сл. Сиб. – Словарь русских говоров Сибири / Под ред. д.ф.н. проф. А. И. Федорова. Новосибирск, 1999. Т. I, ч. 1-.

- Сл. Сред. Ур. – Словарь русских говоров Среднего Урала / Под ред. А. К. Матвеева. Т. I-VII. Свердловск, 1964-1988.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1-23), Ф. П. Сороколетов (вып. 24-). Л. (= СПб.), 1966-. Вып. 1-.
- Топоров 1994 – В. Н. Топоров. Из индоевропейской этимологии. V (I) // Этимология. 1991-1993. М., 1994. С. 126-154.
- Трубачев 1978 – О. Н. Трубачев. Этимологический словарь славянских языков и Праславянский словарь (Опыт параллельного чтения) // Этимология. 1976. М., 1978. С. 3-17.
- Фасмер – М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. Т. 1-4. М., 1964-1973.
- Havlová 1995 – E. Havlová. Etymologická lexikografie // Manuál lexikografie. [Praha], 1995. S. 211-229.
- Malkiel 1962 – J. Malkiel. Etymology and General Linguistics // Word, 1962, vol. 18, N 1-2. P. 198-219.
- Malkiel 1976 – J. Malkiel. Etymological Dictionaries. A Tentative Typology. Chicago-London, 1976.
- Mayrhofer 1980 – M. Mayrhofer. Zur Gestaltung des etymologischen Wörterbuchs einer «Grosscorpus-Sprache». Wien, 1980.
- Sławski 1974 – F. Sławski. Wstęp // Słownik prasłowiański. Pod red. F. Sławskiego. T. I. Wrocław etc., 1974. S. 5-11.
- Sochová 1995 – Z. Sochová. Nářeční lexikografie // Manuál lexikografie. [Praha], 1995. S. 249-264.
- Warsz. – J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiedzki. Słownik języka polskiego. T. 1-8. Warszawa etc., 1900-1927.

Роман А. Белого «Москва» и Словарь В.И. Даля

Исследователи и писатели, писавшие о романе А. Белого «Москва» (Б.М. Эйхенбаум [Эйхенбаум 1987], П.М. Бицилли [Бицилли 1996], М. Горький [Горький 1953: 579-582]), обращали внимание на своеобразие его языка, хотя и оценивали его по-разному. Отмечали и густую концентрацию необычных слов. Если не обращаться к словарям, эти слова воспринимаются как новообразования А. Белого. Однако это не так. Новообразования составляют лишь часть необычных слов. Другая же часть имеет другое происхождение. Белый, работая над романом «Москва», писал Р.В. Иванову-Разумнику о том, что пользуется словарем Даля [Белый, Иванов-Разумник 1998: 508]. Значительная часть необычных слов взята А. Белым из этого словаря.

В Музее-квартире Андрея Белого в Москве хранится копия рукописной работы «Загрунтованные этюды». Это выписки из словаря В.И. Даля, расположенные по темам: Лавка, Сад, Растения, Город, Блюда, Крестьяне, Двор, Небо, Птицы, Лес, Луг, Река, Время, Скотный двор, Конюшня, Огород, Материи, (Квартира), Работа. Часть этих выписок отразилась в романе.

Слова из словаря Даля – не отдельные вкрапления, как это бывает в произведениях, ориентированных на литературность, и они не имеют мотивировки в своеобразном повествователе, как в произведениях характерологических. Слова из словаря Даля в «Москве» – не отдельные примеры, а сама материя, из которой состоит роман. Это язык, каким он представлен в словаре Даля в разных его стилистических разновидностях, от диалекта до терминологии.

В развернутых гнездах словаря содержатся общеупотребительные слова, диалектизмы и нелитературные слова, не имеющие характеристик. Возможно, часть этих слов принадлежит самому В.И. Далю.

Диалектные слова А. Белый употребляет безотносительно к их локальной принадлежности. Слова разных диалектов оказываются рядом – при изображении Москвы. Диалектное слово может быть омонимом литературного. Таково слово *руно*: «рыба стекалась

* Наталья Алексеевна Кожевникова – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН.

руном в это место» – Д.¹ *руно* – ‘толпа, куча, стая, косяк, гов. особ. о рыбе <...>: Сельдь и язь ходят руном, рунами’. В «Москве» есть и литературное употребление слова: «Уж не волос – руно завитое, руно золотое крутила».

Для романа характерна вариативность обозначений. В соотнесенных парах одно слово литературное, другое нелитературное. Оба они содержатся в словаре Даля: *набалдашник* – *балдашка*, *тросточка* – *тростка*, *табакерка* – *табаковка*, *подоконник* – *подоконница*, *оттепель* – *подтепель*, *ласточка* – *ластка*, *ящерка* – *мыщерка* и т.п.

Из синонимического ряда берется нелитературное слово, слово с более узкой сферой употребления, нежели общеупотребительное: «Лизала метель через колья забора: сквозной *порошицей*, с серебряным свистом», «шеи своей *худобину* показывал Грибиков», «– А энтот <...> *тутовый он?*» – Д. *тутошний*, пск. *тутовый* ‘здесьний, местный <...>’.

Из словаря Даля А. Белый берет не только диалектные, но и устаревшие слова: «с порога клопеющей *брильни* там *волосочес* напوماженный грязной гребенкой работал над дамским шиньоном».

Словарь содержит и некоторые иноязычные слова, употребленные в романе: «*Гаргарисмою* он занимался: свое ополаскивал горло солями» – Д. *гаргарисма* втчб. ‘полосканье, горломойка’; «коралл-*мадрепор*, весь в ноздриках» – Д. *мадрепор* ‘дырчатый, скважистый коралл, ноздрянка <...>’; «Был генерал-*фельдцейхмейстер* критической артиллерии и гелиометр «погод» постоянно испорченный; он арестовывал мнения в толстых журналах» – Д. *фельдцейгмейстер* ‘главный начальник всей артиллерии’; *гелиометр* – ‘солномер, солнцемер <...>’; «Тителев в бороду смотрит, в лопату свою; ее цвет – *фермамбуковый*, желтый» – Д. *фернамбук* ‘красильное дерево <...> и желтая краска, из него выделяваемая’.

В главе, где речь идет о семье профессора Коробкина, множество иноязычных слов, начинающихся на *а*: «Это был стих *адонический*: чередование хореев и дактилей» – Д. *адонический стих* ‘состоящий из дактиля и спондея’; *ажурные* чулочки, *акустические* способности, *аденолог* (Д. *аденология* ‘наука о железах в животном теле’), в *абстрактах*, *афоризмы*, *апострофы*, *арпеджио*, *акростих*, *аллитерация*, *апофегма*. Иноязычные слова в речи Задопятава также имеют соответствия у Даля: *старый артритик*, *геморроиды*.

Целые диалоги в романе состоят из слов словаря Даля. Такова, например, сцена на базаре. «Коробкин протискивался через толоко тел; принесли *боровятину*; и предлагалось:

- Я *русачиной* торгую...
- Горланило:
- Стой-ка ты...
- Руки *разгребисты*...
- Не темесись...

¹В дальнейшем словарь Даля обозначается сокращением Д.

- А не хочешь ли, барышня, *тельного мыльца*?..
- Нет...
- Дай-ка *додаток* сперва...
- Так и дам...
- *Потовая копейка* моя...»

В разных гнездах словаря Даля содержатся составные элементы этого диалога: *боровятина* – ‘свинина’, «русачиной торгуют, шкурками»; *разгребистый* – ‘сильно разгребующий’, *додаток* – от гл. *додавать* ‘самый предмет, доданная вещь или деньги’, *тельное мыло* – ‘не для стирки, банное’, *потовая копейка* – ‘заработанная, трудовая’.

Слова из словаря отражаются и в повествовании: «Здесь заметим: он жил с документом на имя какого-то доктора Дро; и – *свистульничал*, праздно слоняясь по улицам; стал он *дневатель* бульваров (дремал на скамейках); ночным *бродуном* волочился без цели. А то – *гиркотал* в кабаках».

Слова, заимствованные из словаря Даля, относятся к разным тематическим группам. На первом месте – обозначения и оценки людей. Люди обозначены по роду занятий: «*Шубнику* беличью Надину шубку – скажу я – продать» – Д. ‘кто набирает и шьет шубы, тулупы; скорняк, овчинник’; «Для уха открылся *дударь*» – Д. *дударь* ‘играющий на дудке, на волынке’; «– Да кто же он, родимые? Грибиков скупно цедил: - Да *цифирник*, числец; цифири размножает» - Д. *цифирник* ‘счетчик, арифметчик’.

Слова из словаря используются и в речи персонажей, и в собственно повествовании для характеристики персонажей. Персонажи характеризуют себя и других словами из словаря Даля: Леоночка о себе: «Извините, такая я *спаха*»; самохарактеристика Мандро: «Я – *шатун*». У Даля *шатун* – ‘праздношат, пустоброд, кто шатается без дела; || бродяга, беглый’.

Часть характеристик у разных персонажей совпадает: «Профессор Коробкин был *добряшом*» - Д. *добряш* ‘благодетель, оделивший добром, сделавший кому добро’; «Профессор, *добряш*, стал свирепым: глядел с задержихой»; «Японец, *добряш*, – просиял»; «*добряш* Никанор», «Тер–Препопанц, сам *добряш*, – защищает». Разные персонажи имеют сходные характеристики: «... пропадавший брат, локтем бодаясь, взапых улепetyвает от *жердилы*...», «*жердая*: точно чучело на коноплянике: рот, как дыра; нос, курнос; рыло – дудкою: глух, точно – тетерев» – Д. *жердила*, *жердая* ‘долговязый человек, оглобля, верста, особ. поджарый’. Продавец на базаре о ничего не купившем покупателе: «Пошла и – ей вслед: – *Дармогляды!*» – Д. *дармогляд* ‘зевака, праздный зритель с даровым билетом’. В сцене во дворе повторяется эта же оценка: « – Где у тебя коллектив? – *Дармогледом* живешь!»

Некоторые персонажи имеют несколько обозначений, и их сопровождают разные оценки. Профессор Коробкин – *добряш*, *добрыш*: «он *добрышом* посмотрел» - Д. *добрыш* ‘добрый человек; прямой и простоватый, нехитростный, нескрытный и доброжелательный’.

«Он *затоптыш*, *заплевыш*», *забросыш*: «Задрожали, как будто играли в дрожалки: профессору быстро припомнилось, как он *забросышем* рос; и под старость *забросышем* стал; вот – забросился здесь негодяю ужасному в лапы, за что же?», «*Суетуном* потопатывал он»; «Вы – *суетник*» - Д. 'кто предан суете, суетности'.

Оценки характеризуют Коробкина в определенной ситуации: «В одну из ночей он, *бессонец*, со свечкой в руке толстопятой босою ногою пришлепывал по паркетикам...» - Д. *бессонник*, *бессонница* 'человек, которому не спится по ночам'; «широкоусый *простец*», «профессор сидел *потеряем* таким». Киерко «профессору вклепывал, ловко руками хватаясь под груди: – Э, полно, – да бросьте: какой вы *журжа!*» - Д. 'брюзга, ворчя, кропотун'.

Митя Коробкин – *фалалей* (Д. 'простак, простофиля, разиня; пошляк, самодовольный невежа'), *мазуля*, *замазуля*. Коробкин обращается к сыну: «... что ж ты одежду разьерзал! *Мазуля!*», в речи повествователя: «Представился Митя, двоящий глазами, такой *замазуля*». Митя – *двороброд* – Д. 'колоброд, шатун, нищий'. Отец говорит о нем: «– Ведь этакий *привра!* ... – Вот: *промозгленок*, а – учит? – подлаивал старый профессор» - Д. *привра* 'охотник привирать, прилыгать, хвастать'; *промозгленок* 'дрянной, грязный ребенок'. Киерко о Митеньке: «– Досамкался, брат, до делов: *брылотряс брылотрясом*» - Д. 'шутник, лястик, весельчак, краснобай, хохотун'. Митя с точки зрения Лизаши: «*Обсамкался* видно: такой – *самохвал*, *самоус*...». В словаре Даля слова *самоус* нет, есть слово *самоук*. *Самохвал* – Д. 'кто сам себя хвалит, прославляет'. *Обсамкался* – Д. *обсамить*, *осамить* 'дать кому личность, самостоятельность, обособить'.

Никанор, брат Коробкина – «...*харахорик*, ведомый в репейник, кусался словами» - Д. об. *хорохоря* 'задорный, хвастунишка'. *Завалюга*: «Скрипнул; и – набок; таким *завалюгой* лежал; подушонку скомчив, подложив себе руку под щеку» - Д. *завалюга* 'увалень, лентяй, замарашка'. *Слепендряй* – Д. 'слепой, слепец, в знч. шуточном или бранном', *топтыжник* – Д. *топтыга* об. 'тяжелый, неуклюжий человек', «– *Перевезенец* наш» – Д. 'перевезенный куда-либо, переселенец'.

«Лизаша сидела пред ним узкоплечей *укутою* в красненькой, бархатной тальме» – Д. *укута* твр. 'тот, кто любит кутаться, боясь холоду'; «... странной *жеманкой* с ним делалась» - Д. *жеманка* 'кто жеманится, кокетка'; «Средь блеска и плеска робела Лизаша под ним *растеряхою*» – Д. *растеряха* 'растерявший что-либо; разиня, кто все теряет'; «то *дикуша*, то тихая» - Д. *дикуша* 'малоумный, полоумный, чудак'. «Лизаша *мертвушей* свалилась в валеж многогоржавых людей» – Д. *мертвуша* 'приговоренный больной, безнадежный, умирающий, живой покойник'; «Леонорочка, ставши *живулькою* розовой, взором на нем откровенно занежилась» – Д. *живуля*, *живулька* 'все живое, но неразумное; младенец'.

«Какой *приставала*, – подумалось Мите...» (о Грибикове) – Д. *приставала* 'кто

пристает'. Грибиков – «*трясыней* сидит на своих сундуках» - Д. *трясыня* 'скупец, скряга'; «А Грибиков кушал грибочки <...> стал *шамой*; стал – бабой» – Д. *шама* 'кто шамкает'. «Потащился по комнате *чертовой курицей*» – Д. *чертова курица* 'большая болотная курица, камышник'. «*Карюзликом* ржавеньким выглядел Грибиков» – Д. *карюзлик* 'заморыш, сморчок; маленький и уродливый'.

«Киерко ей показался *живцом*» – Д. *живец* 'живой человек, тот, кто жив'. «Киерко цапко лопатой подкидывал снега: *кидала, кидалой*» - Д. *кидала* 'кто кидает'. «И выходило, что первый он *сверщик* и *сводчик* того, что творилось в рабочих кварталах» – Д. *сводчик* 'маклер, посредник при продаже, покупке, сделке', *сверщик* – 'сверяющий что-либо'. «... профессорше даже казался *проведчиком*» – Д. *проведчик* – 'проведывающий что, кого или о чем; испытатель, разспрощик, узнаватель; || лазутчик, соглядатай'. «Николай Николаевич Киерко был *двороброд*» – Д. 'колоброд, шатун, нищий'.

Портной Вишняков – «... точно гусак, *щипаком* наступал он» – Д. *щипун, щипала, щипака* 'кто щипается, щиплет других'; «был – *цветолюб, детовод*». Грибиков называет портного Вишнякова *лоскутник*. У Даля *лоскутник* – 'кто торгует лоскутьями, собирает их, одевается ими; оборванец, заплатник'.

Карлик Яша – *карла, карличшика*: «В Телепухинском доме живет карлик Яша: блажной и безносый». Разные персонажи называют его *пархуч* – пск. 'паршивец'; «*пархуч* и пропойца он»; «*Карличшико* живет в Телепухинском доме: *пархуч, сквернословец, безноска*»; он - *сдохлик* - пск. бран. 'заморышек, хляк'. «Карлик, достав из-под козел бутылку, с ней лег; и просунулся Грибиков: – *Вишвец ты, вишвец!*» - Д. *вишвец* бран. 'неопрятный, грязный, гадкий человек'. В другом месте: «Грибиков – не удержался; и – вышипнул в фортку: – Сам *вишонок*, а как зазнается!» - Д. *вишонок* или *вошка*.

Мандро – «ночным *бродуном* волочился без цели» – Д. *брода, бродуша, бродун, бродунья* 'колоброд, бродный, кто бродит без толку, цели и дела'. Он говорит о себе: «По этому поводу должен сказать: еще очень недавно меня называли: *дедюся, деденочек* иль – *дэдуган*; а по пьянству нажил себе морду – вот эту вот, - он показал: - стал – Мордан: дед Мордан! *Грехотворник!*» – Д. *дэдуга, дэдуган, дедко, дедуня, дедуся; грехотворник* 'кто грехотворит'. Переряженный Мандро с точки зрения Коробкина: «Эдакий, право, *ззнаишко*»; «экий *жердило!*», «Просел в тень: *ведьмаком*».

«Задопятав... разгуливая *бормотуном* разволосым, себе самому дирижировал ручкой пера» – Д. *бормотун* 'кто бормочет'. Анна Павловна говорит Задопятаву: «Старый *лизало*» – Д. 'кто лижет'.

Сцена содержит несколько оценок персонажа. Так строится диалог Нади и Дарьюшки: «Прищелились к двери: Надюша и Дарьюшка. – Вот он... – Японец. – *Сюсюка, картава...* – Лядаший какой. – *Недоросток*». Все характеристики Исси-Нисси содержатся в словаре.

Слова из словаря характеризуют и других персонажей: *подлипа, ерзунчик, дряхлец, чердашник, нищеброд, самоправ, косогляд, влазень*, «... увидел: стоит долгоухий японец: *задохлец* лимонно-оливковый» – Д. *задохлец* ниж. ‘человек с удушьем’, «Надюша глядела такой *сердоболенкой*,» – Д. *сердоболенка*, -болка ‘женщина, посвятившая себя на услугу и уход за больными и ранеными’, «Серафима – *мальчуга* какой-то» - Д. ‘мальчик’ – в унижительном или в шуточном значении. «Параноик, *дразнило* – ему из кустов...» – Д. *дразнила* ‘охотник дразнить’.

А. Белый изображает сценки, в которых участвуют безымянные персонажи. Для их обозначения берутся слова из словаря Даля: «кто-то *неплошь*» – Д. об. ‘человек бойкий, неоплошливый’, «Какой-то *дворыш* из Китайского дома <...> проглаголив три дня, предвещал – глады, моры и тусы» – Д. *дворыш* ‘неопределенное название всего дворового’, «совсем *пахорукий* нечеса прихрамывал сзади» – Д. *пахорукий* арх., влд., прм. ‘косолапый, неловкий руками, либо больной или слабый руками’, «Какой-то *сопливец* тащился к *кувалде* в закрапленном ситце, с подолом подхлюпанном» – Д. *кувалда* об. ‘клуша, неказистый, безобразно укутанный человек, особ. женщина’, «Грибиков старой *кутафье* твердил о чаях» – Д. *кутафья* ‘неуклюже, безобразно одетая женщина’.

Эпизодические персонажи также могут иметь несколько разных обозначений и оценок: «Шел волдырявый мужчина; сказали – *мозгльк*, синеносый пропойца, с пухлым лицом черномохим...» – Д. *мозгльк* ‘слабый, хилый, хворый, безвременно одряхлевший, щедушный’. В диалоге: «– А то эдакий с пузом придет, - *ракоед, жора, ема*; а ты – пустопопову бороду брей – костогрызом уляжешься» – Д. *жора* ‘прожора, обжора’; *ема* ряз., тул. ‘ростовщик’; *ракоед* ‘кто ест раков’.

Персонаж обращается к другому словами из словаря: «Эй, *егоза*, посмотри-ка...», «Кто-то станет и скажет в окно: - *Дуролопа*» – Д. об. ‘дурандас, дуралей, дурына’, «Ты, *невзрючка* какая» – Д. от *невзрюничать* ниж. ‘хмуриться, не глядеть, дуться’, *невзрюй* ниж. ‘нелюдим, угрюмый, молчаливый человек’.

Как серия обращений строится фрагмент диалога: «Грибиков – кекал:

- Ах, - *шитая рожка* ты!

Чертовой курицей спину выклеывал:

- *Вязаный нос!* <...>

Выхихикивал:

- Да, *Златоуст кочемазый* какой отыскался!

– Кащенка паршивая, - воздух разгребывал» - Д. *шитая рожка, вязаный нос* ‘щедровитый’, *кочемазый* или об. *кочемаза, кочемаз* ‘замарашка, чумичка, грязнушка; или закоптелый, загорелый от солнца; кучумка’, *златоуст* ‘речистый и обаятельный человек’. Реплика также содержит слово из словаря: *чертова курица* – ‘большая болотная курица, камышник’.

А. Белый неоднократно изображает скопления людей. Для этого он пользуется обобщающими словами: «людское *роенье*», «у приворотни стояла какая-то *сбродня*»

– Д. *сбродни, сбродный народ* ‘шатуший, который сбредся с разных сторон, шваль, шушваль’; «Обозначилась новая *стека* людей» – Д. *стека* – от глаг. *стекать, стечь*; словами во множественном числе: «... бежал генерал Ореал <...> - За *проживателями* домов Янцева и Щукеракина» – Д. *проживатель* ‘обыватель, житель’, «*Глазопялы* – за всем, отовсюду следили: из окон, дверей, подворотен» – Д. *глазопял* ‘праздный зевака, кто стоит выпучив глаза’, «шныряли *раздранцы, разбабы, подтрепы* меж серых, зеленых и розовых домиков...» – Д. *подтрепа* ‘растрепанная, нечесанная, оборвыш; баба с затасканным подолом’; *разбаба, разбабье* ‘раздевуля, двуснастник, более женского пола, как *размужичье* более мужского’; *раздранец* црк. ‘в раздраных ризах ходящий’, «сиволапые *краснобаи*», «*лохмачи* в расстегнутых серых тужурках» – Д. *лохмач* ‘лохмотник, растрепанная, неряха, нечесанная, космач’.

Обозначения людей из словаря включены в перечисления: «Текли и текли: и разглазый мужик, мохноногий, с подсученною штаниной и с ящиком; и *размаслюня* в рубахе, и поп, и проседый мужчина» – Д. *размаслюня* – от *размаслюниться* пск. ‘расплакаться’.

Как видно из приведенных примеров, для обозначения людей используется, с одной стороны, просторечная лексика и диалектизмы, с другой – книжная лексика. Разные стилистические средства закреплены за разными персонажами.

Еще одна сфера, в которой используются слова из словаря Даля, – имена собственные. Часть фамилий представляет собой диалектные слова: *Олябыш* – ‘пирожок’, *Лейма* – костр. ‘корова’, *Шни* – камчадальское ‘сплетни’ и т.п. Некоторые фамилии образованы от диалектных слов: *Бобынин* от *бобыня* – ‘надутый, чванный, гордый, спесивый человек’. В словаре содержится и слово *мандра* нвг. ‘человек тяжелого нрава?’, которое становится именем собственным одного из главных героев – *Мандро*.

Наряду с общеупотребительными обозначениями частей человеческого тела – *глаз, голова, нос, рука, борода, усы, пальцы* и т.п. в романе «Москва» употребляются и своеобразные слова из словаря Даля: «А профессор, довольный, хлопывал *вздошь* свое» – Д. *вздошь* ‘нижняя часть груди’; «пропучился оком: себе в *межколень*» – Д. *межколень* ‘пространство между коленями, у человека’; «поклокочить повисшее грустно *кудло*» – Д. *кудло* ‘патлы, космы, пряди курчавых, растрепанных волос’; «*Шаров* на меня не выкатывай» – Д. *шары* влгд., прм., сиб. ‘большие глаза навывкате <...> Что шары катаешь?’; «Чуть выглядывали под безбровым *надлобьем* глаза» – Д. *надлобье* ‘часть головы или черепа между лба и темени’; «Поскреб *безволосье* куриною лапой» – Д. *безволосье* ‘недостаток, отсутствие волос, лысота, лысость, плешивость’.

Из словаря почерпнуты обозначения других живых существ: «Громко влетел мокроносый *ушан* Томка» – Д. *ушак* нвг. ‘ушастый человек и животное’; *гайворон* – ‘грач’,

«*гайворонье* раскричалось» – ‘воронье, чернь <...> стадо ворон, грачей, галок’; *павко* – Д. ол. ‘муховор, кошель, тенетник, мизгирь, паук’ – «Павко давит мух» – Д. «*Павко* муху съимал, поймал»; *курнявка* – от Д. пск., твр. *курнявкать*, кур. *курнявить* – ‘мурлыкать, мяукать кошкою’.

В романе множество сравнений персонажей с животными (собакой, обезьяной, волком, свиньей, кротом, мышью, тушканчиком, львом, тигром...). В этот ряд включены и слова из словаря: *волколис* – ‘помесь от волка и лисы’: Мордан «глядел *волколисом*», *вертиголовка* – ‘пташка’: «И дернулась *вертиголовкою*».

Из словаря Даля взяты названия растений: «*белоголовец* и жимолость», «рос *дудочник*», «*елушником* пахло», «*Метлицы*, стрючочки, овесец, коробочки»; *метлица* – ‘сорная трава в хлебе’; «... сквозь *ольшину*, где воды тенели и в прочернь и в празелень»; *бессучник* – ‘чистый строевой лес’; «Литые решоточки с кустиком, вскрывшим *распуковки* в зелень вечера...»; «*сухоцветы* полей».

Нелитературными словами из словаря Даля обозначены предметы и явления внешнего мира, природа, смена времен года, сопутствующие им явления: «*Полулунок* несется» – Д. *полулунок* ‘полулуние, полулунный знак на мечете, на бунчуке, полумесяц’; «Как зарчиво-розов косяк; белый дом – уже кремовый; там *солносяды* открылись» – Д. *солносяд* сиб. ‘запад; закат или заход солнца и страна, где оно садится’; «... пригорбился брат Никанор, чтобы стужей стальной не зашибло. А в *наветре* слышалось: - Морозобой!» – Д. *наветер* ‘попутный ветер’; «... в немом *межесвете* мельчили охлопочки серые» – Д. *межесвет*, -ток ‘сумерки, сутиски, вечерний либо утренний полусвет’.

Дождь, снег: «меленький *сеянец* сереньким крапом косит» – Д. пск. ‘севень, мелкий дождь’; «да, *косохлесты* дождя: полуталый снежок, слюнотеки – какая-то каша, какая-то *няша*» – Д. *няша* сиб., прм. ‘ил, грязь с тиною, жидкое, топкое дно озера; вязкая жидкая топь’, арх. ‘вязкая, илистая полоса морского берега, открытая только в малую воду, во время отлива’; «Лист пообвеялся; черные россыпи тлелости – тлели *мокрелями*» – Д. *мокрель* ‘все, что мокро; самая влага, сырость; грязь и непогодь, мокрое место и время’; «засеверил *подморозками*» – Д. *подморозь*, *подмерзь* ‘утренник или ночной мороз на грязь, небольшой мороз по слякоти’; «Мальчик кидался там снежными *ляпками*» – Д. *ляпка* ‘брызга, ком, блин, что наляпано; цацка, неуклюже посаженное украшение’; *ляпок* ‘ляпка, ляпнутый во что ком’; «И глядели на *лепень* снежиночек два черно-синих очка безо всякого смысла» – Д. *лепень* ‘мокрый снег хлопьями, хижа, слякоть, ляпуха’; «*примёты* снега», *порошища*, *поземища*, «Дни – *разливони*» - Д. *разливоня* пск. ‘кто несет что небрежно, плещет через край’; «И вот *заводнили* дожди» – Д. ‘наводнять, заливать водою’; *бездожь*, «Профессор подставил свой лоб под припек: он припеки любил без *затины*» – Д. *затин* ‘место в тени’.

Пейзажи содержат обозначения особенностей рельефа: *водороина* – ‘водоминона; рытвина, промытая водой в вешний разлив, или паводками от дождей’, *водоточина*, ср. «олово в небе, ползет и окрапывает *водоточину*», в речи персонажа: «Ты вертай *водоточиной*» – Д. *водоточина* ‘струя, водотечина, руслице, исток воды’; *буерачник*: «К глухому забору пошли – буерачником» - Д. *буерачник* ‘местность, изрытая природою, овражистая’; *котловинник*: Д. ‘провалья, пещерник, все место, занятое множеством провалов, обычно в гипсе’; *коловерть*: «Ветер по жести пройдет: в *коловерть*» – Д. *коловерт*, *колоторот* ‘водоворот, пучина, вырь, сувой’; *березовня* – Д. ‘урочище, порастающее лесною порослью <...>’; *пустополье*: «С откоса открылася дверь в сухоцветы полей, в *пустополье* и в дальние пустоши» – Д. *пустополье* ‘пустошь, пустопорожнее место’; *падина*: «как будто они ожидали, кто первый провалится вниз головою в открытую *падину*» – Д. *падъ*, *падина* прм., сиб. ‘провал, глубокий и крутой лог, овраг, пропасть, стремнина, ущелье’; *глинокапня* (у Даля *глинокопня*), *глиновальня*.

При изображении двора используются слова *заворотье*, *прикалиток*, *копань*, *ямник*, *забочень*: «Тут мещанин в *заворотье* стоял...», «*Забочнем* дома суглил он на площадь: в людскую давиленью; - и в перы, и в пихи» – Д. *забочень* ‘боковой пристрой к дому, крыло, флигель’.

Изображая город, Белый берет из словаря обозначения предметов обихода, вещей: *битыш*: «Грибиков по двору шел мимо лысин с бутылочным *битышем*, к белому дому» – Д. ‘битое стекло, посуда, бой, лом’; *дегтярка* – дегтярная бочка: «Бочка-*дегтярка*, подмокнувши, темный *подсмол*, воняющий дегтем, пустила» – Д. *подсмол* или *подсмол* ‘плохая, жидкая ямная смола, идущая в переварку’; *подлавок*: «Крытую бархаткой лавочку в ножки поставила; ножки – на лавочку. Ушки прислушались: ножки с *подлавки* слетели» – Д. *подлавок* ‘место под круговую лавкою в избе’.

В романе «Москва» множество бытовых зарисовок, действующие лица которых появляются на одно мгновение и не принимают участия в развитии событий. Через такие зарисовки входят в роман обозначения одежды, головных уборов: «Давеча ты согласился: *александрейку*-то взял. – Взял и пропил» – Д. *александрейка* ‘красная бумажная ткань, с пропиткою другого цвета’; «сивобородый, одетый в *самару* торговец, заметил» – Д. влд. ‘долгая, долгополая одежда’; «Подпахивал ямник, к которому шла в *подчепечнике* старая: с грязным ведром» – Д. *подчепечник* вят., кур. ‘исподний бабий головной убор, волосник’; «... другой, в куртке кожаной и с *чекмарями*, такой челюстистый, - рабочий заводский, <...> Клоповиченко» – Д. *чекмари* ‘кожаные и прошитые концом насквозь пуговицы’; «Платье из серенькой, реденькой рябенькой ткани, с косою *пропиткой*...» – Д. *пропитка*, *пронить*, *нитка между чем* ‘толстая или разноцветная нитка в основе ткани, отличная от прочих’; вещи разного назначения: *махавка* - Д. ‘сигнал, маяк, знак, который машет на ветру’; «с

пронизами бусинок»; «набронзировка *настенников* – свивы змеи, разевающей пасть» – Д. *настенник* ‘подсвечник или лампа различного вида, для подвески на стену’; *резак* – Д. ‘большой, широкий нож’; *напилок* – Д. ‘терпуг, подпилочек’; *карбасина* – Д. сиб. ‘жердь, шест’.

Обозначения помещений и вещей входят в состав тропов как образ сравнения или опорное слово метафоры: «не столик – *парчевня*»; «не стол, а – *парчовник*; явайское что-то» – Д. *парчевник* ‘парчевый ткач или торговец; || старинная парчевая одежда’; «не квартира – *картинница*» – Д. ‘собрание картин или картинная галерея’; «Не комната – просто *блошница* какая-то» – Д. ‘место, где водятся блохи, притон им’; «квартира – *ледовня!*» – Д. смл. ‘погреб со льдом’; «Комната ли? Настоящий *павлятник*» – Д. ‘заведение, где держат павлинов, птичник’; «*квасильня* серьезная!» – Д. ‘заведение, помещение, где что-нибудь квасят или вымачивают в квасах’; «устроил из комнаты мне мухин сын этот *миарник*» – Д. ‘мшистое болото, кочкарник, поросший мохом, мох по топи <...>’; «вляпан, в пихач, *берендейкой*, локтями пихаемой» – Д. ‘игрушка’; «*мурашником* стала его голова» – Д. ‘гнездо и жильё муравьиной общины’.

Просторечными и диалектными словами рисуется поведение персонажа с точки зрения другого: Грибиков

«Честит Вишнякова:

- Чего *финтифантит!*

- Зафокусил!

- С чертом дерется за грешников!..» – Д. *финтифанты* – ‘лукавые увертки’.

Мандро обращается к карлику: «Что – *насандалились?* – зубил он» – Д. *насандалиться* ‘напиться пьяным’; «Чуть не кланялся в пояс Мордан; и подумалось:

- Черт подери, - *дограбастался* все-таки он до квартиры» – Д. *дограбаздаться* ‘с трудом до чего добраться, долезть’.

Мандро разговаривает с Грибиковым: «Человек мой сидит же...

- *Баклушничает*, – Не шабалдашничай» – Д. ‘шататься, бить шабалу, баклушить, шляться праздно’.

Просторечные слова и диалектизмы входят в самохарактеристики персонажей: «... На что инвалид (глаза – ланьи, а с пуд – кулаковина): - Чертову куклу, Распутина, мы – *улалакаем!*..» – Д. кур. ‘убить’; «*Нагорстаем* мы жизнь» – Д. *горстать* ‘забирать или загребать горстями’.

Информативное повествование также включает просторечные и диалектные слова. Часть диалектных слов не похожа на литературные. При изображении человека: «И за карлу проценты стришет, - *довахлял* кто-то» – Д. *довахлять* ‘свахлять до конца, докончить кое-как’; «... *еглил* он под пристальным взглядом двух тысяч пар диких, расправленных и протаращенных глаз» – Д. *еглить* тул. ‘ботаться, метаться от боли, нетерпенья’; «... *егарнули* больно о дверь» – Д. *егарнуть* тул. ‘стукнуть, ударить, выстрелить’; «*Залынял*: с табачишкой в кармане...» – Д. *залынивать, залынять* ‘начинать, начать лынять, отлынивать, отделиваться от чего’; «... *мартышничали* лихо ерзающие сквозь толпу голодранцы»

– Д. *мартышничать* ‘промышлять мошенническим занятием мартышки’; «Что эта «элда»? – *мизюрилась* Наденька» – Д. *мизюрить* влгд. ‘щуриться, присматриваться щурясь <...>’; «Он, в испуге летая туда и сюда, - ну *тетенькать*, подкидывать пупсика, строить из пальцев «козу» – Д. *тетенькать* ‘баловать ребенка; ласкать, качать, тешить его’; «... мадам Вулеву *томошилась* по комнатам только для вида» – Д. ‘мястись, метаться, суетиться, толпиться’.

В информативное повествование включаются глаголы, обладающие прозрачной внутренней формой: *бойчить*: «... смотрела она беззадорно и кисло на юношу с высмехом <...>, *бойчившего* взглядом», «пируэтцем *бойчил* Никанор; и бахромышем, точно репейником, перецеплялся он» – Д. ‘поступать бойко, решительно, смело, резко’; «Став, *забыстрела* невидным движеньем» – Д. *быстрить* ‘расти быстротою, усиливаться скоростью’; «*владил* массивную запонку» – Д. *владить* ‘вдельывать, пригонять и вставлять, прилаживая вкладывать’; «*ворошился* людьми переулоч» - Д. *ворошиться* ‘шевелиться, ворочаться, двигаться, колебаться, копошиться’; «Ледащий художник с Лизашей *приятничать* стал, полагая усилия к ней *присестриться*...» – Д. *приятничать* ‘заискивать, угождать, кокетничать’, *присестриться* ‘природниться, зваться сестрой’; «Не любила она *сердобольничать*» – Д. ‘заботиться о чужом, где не просят, упуская свое’; «*смирнела* в тенях» - Д. ‘становиться смирным’; «... старался *степениться*» – Д. ‘начать остепеняться, стать вести порядочную, степенную жизнь’; «Стали *свободничать* в доме его» – Д. *свободничать* ‘обходиться слишком вольно, или навязывать себя кому в приятели, за панибрата’; «Полно вам *томничать*» – Д. *томничать* ‘прикидываться томным, нежным’; «*Юродит* словами с болезненным, строгим лицом» - Д. *юродить* ‘делать юродивым’.

Глаголы в тексте Белого несколько видоизменяют глаголы словаря. У Даля возвратный глагол *борзиться* - ‘спешить, торопить, поспешать’, у Белого – *борзить*: «Тителев неоткровенно *борзил* перебегами глазок с очков Никанора Иваныча на безответицу...». У Даля глагол *баярить* - ‘принимать на себя вид барина, желать казаться им’, у Белого – возвратный глагол *баяриться*: «– Чего вы, товарищ, вражбите, - *баярился* позой своей Псевдоподнев, - с миром?»; «– А то, - *кропотались* беспомощно пальцы, - что мне ночевать-то и негде» – Д. *кропотать*, *кроптать*, *кропотаться* ‘хлопотать, заботиться, суетиться, возиться; ворчать, брюзжать, сердиться, браниться’.

При изображении внешнего мира также используются диалектные слова: «*фикал* болотный кулик» – Д. *фикать* пск. ‘свистать пташкой’; «Гам около свалки двушерстая психа, *подфиливиши хвост*, улезала в репье – с желтой костью; и пес позавидовал издали ей – Мухин сын» – Д. *подфилить хвост* кур. ‘поджать, подтянуть’; «Скупо *мизикало* утро» – Д. *мизикать* орнб. ‘издавать слабый свет, мерцать’.

Явно выражено пристрастие Белого к глаголам со значением звучания и речи: «В харчевне *алашили*» – Д. *алашить* ‘шуметь, спорить толпою, горланить, тревожить других, ералашить’; «*Болбошил* по-аглицки: в гул голосов» – Д. *болботать* зап. ‘бормотать’; «*Разбарабошилась* улица: в крик, в раздергаи» – Д. *барабошить* нвг. ‘невнятно говорить, бормотать’; пск. ‘говорить вздор, пустяки’; «И *гракал*, и гавкал руками махающий брат, Никанор» – Д. *гракать* ‘каркать, кричать вороной’; «Что-то *мумлил*» – Д. *мумлить* ‘говорить вяло или нечисто, шамкать, как беззубый’; «Дом тараканил и *гамил* сплошной беднотой», «... *гаганила* Дарьюшка» – Д. вят. ‘гоготать, хохотать во все горло’; *гиркотать* – Д. ‘гоготать, хохотать’; «... ночная, замызганная, *голготавшая* чайная» – Д. *голготать* прм. ‘о кликушах, заливаясь диким воплем, гоготать, горготать’; «уличный угол, где булочный *козлоголосит* хвостище» – Д. *козлоголосить* ‘рознить, петь нескладно, тонким, сиплым голосом’; «*кекал* Грибиков» – Д. влд. ‘икать’; *кекнуть* влд. ‘икнуть, невольно вскрикнуть’; «*Екотал* нехорошим, почти оскорбительным смехом» – Д. *екотать* кур. или *еготать* – ‘реготать, хохотать; кричать, орать’.

При изображении внешнего мира: «*блекотала* листва» – Д. *блекотать* юж. и запд. ‘блеять, бекать, кричать козой или овцой’ || твр. ‘пустословить, пустобаить, говорить вздор’, «Стол дубовато столовой доскою *бубнил*» – Д. *бубнить* кур. ‘болтать без умолку и толку, барабанить’; тул. ‘разглашать вести’, кстр. ‘говорить, беседовать’, пск. ‘грызть голову, брюзжать’; «Только юбка с шурцой, *шерошит*; да пролетка *шурукает*...» – Д. *шурукать* твр. ‘шушукать, шептаться с кем’; *шерошить* ‘шелестеть, издавая при трении сухой шорох’, *шербшить* ‘делать шершавым, шерохим; ерошить, клочить’.

Некоторые глаголы звучания повторяются и обладают разной сочетаемостью. Это прежде всего глагол *дроботать* – Д. *дроботить* кур., *дроботать* пск. ‘говорить скороговоркою, тарантить’, *дроботень*, *дроботуха* ‘таранта, скороговорка’; *дроботун*, *дроботунья*, *дроботуха* кур. ‘таранта, скороговорка, частобай’. Один из лейтмотивов романа – «*дроботала* пролетка»: «*дроботала* пролетка под грохотом», «А дни подсыхали; и радостно так *дроботали* пролетки» и т.п. Кроме того, глагол сочетается и с другими существительными, передавая поведение персонажей и состояние мира: «*Дроботала*, как щепкое дерево, кучка больших лопухов», «*дроботнул* «Ундервуд», «*Задроботал* офицер», «Сослепецкий, пальто растопырив, из брюк вынимал кошелек, сапогом *выдробатывая*: - Черт, как холодно!»; «... пальцы, дрожа, *выдробатывают* дробь ударов: дырр-дырр; да».

Повторяется глагол *тарарыкать* и однокоренные: «Дверь *тарарыкнула*», «Поле – *затарарыкало*, плюнув свинцом: пулеметы», «Там машина, как тяпнет <...> *затарарыкало* рывами...», «Все, бывало, сидит; *тарарыкает* громко диванной пружиною, прилокотнувшись к столу»; «с чемоданчиком *притарарыкал*; и – сел к ним на харч»

– Д. *тарара (-ы)* ‘пустая болтовня’; *тарарыкать* нвг., твр. ‘пустословить, пустобаять, говорить вздор, болтать пустяки; беседовать и шутить’.

С глаголом *тарарыкать* соотнесены глаголы *тараракать*, *тартаракать*, *тартарыкнуть*, которых нет в словаре: «*тартарыкнув по скользким ступенькам*», «утром пролеточка *затараракавши*, встала в воротах», «булыжники лобиками выкругляются четче – с пролеткою *тартаракают*».

Часть глаголов имеет метафорический характер: «Оставьте меня: не *лисите*» – Д. *лисить* ‘хитро льстить’; «Какая-то дамочка, *застрекозила* своей красноперою шляпой с вуалькою» – Д. *стрекозить* или *стрекозничать* ‘соваться, носиться туда и сюда стрекозою; егозить, юлить, ветреничать’; «*Выкрупил* первый снежишко» – Д. *выкрупить* ‘отделать мелко и чисто, зерно к зерну, как крупу’.

В романе отражаются и фразеологизмы, содержащиеся в словаре: «Карлик *праздновал труса*» (у Даля, однако, *праздновал трусу*), «И – думалось: *колокола отливают* Егор Гнидоедов, сосед» – Д. ‘обо всех несбыточных, выдуманных новостях’; «Я ведь *лынды* оставил» – Д. *лынды* кур. ‘праздность, праздношатательство’.

Фразеологизмы *Андроны едут* тул. ‘говорится, коли кто некстати важничает и дуется’, *турусы* ‘пустая болтовня, вздорное вранье, пустословие, лясы, балясы’, *нести турусы на колесах* ‘молоть чепуху, чушь’ лежат в основе развернутой метафоры: «Странно то, что – запомнилось: странно и то, что – навязчиво после, уже в голове обросло этой чушью, *турусами многоколесными*: в мыслях *поехали* всякие там на телегах – на шинах, автобусах, автомобилях – *Андроны*, Евлампии, Яковы (или – как их?), те, которые *едут с Андроном*, когда выезжает Андрон на телеге своей: в голове утомленной! Как будто нарочно кто в уши вздул чуши».

В романе «Москва» отражаются и другие слова из словаря Даля: существительные: *баламутник*, *бахромьш*, *безымень*, *бездомок*, *безутоlochь*, *дешевень*, *дребездень*, *добыток*, *добрятина*, *емок*, *задерж*, *зазноб*, *замин*, *косогляд*, *летунчик*, *мозголом*, *настилка*, *невкусица*, *отаи*, *пазевни*, *пастень*, *пошатка*, *прозор*, *растарациа*, *свертыш*, *свивок*, *свирелка*, *сколупыш*, *скомок*, *скоробранцы*, *суторма*, *толкиши*, *трясуха*, *цветень*, *целкач*, *черепиночка*, *бурячок*, *серячок* и т.п., прилагательные: *бористый*, *взористый*, *гребнистый*, *дебристый*, *загибистый*, *лапистый*, *медистый*, *морозистый*, *ржавистый*, *станистый*, *рылястый*, *долгорожий*, *догожий*, *дичливый*, *вскипчивый*, *полончивый*, *измарчивый* («отношенья людские – *измарчивы*»), *холожавый*, *моклявый*, *витлявый*, *вилявый*, *смышлеватый*, *заплеснелый*, *пропахлый*, *замоклый*, *славнецкий*, *мышевье*, *долгозубый*, *вислоногий*, *вислотелый* и т.п., глаголы: *взбелить*, *взгубиться*, *взлизывать*, *ветрить*, *вкрепить*, *возгриветь*, *выглавить*, *вымедлить*, *дотачивать*, *дояснить*, *жахать*, *заведениться*, *залужеть*, *засмолеть*, *затишеть*, *зубрить*, *кавардачить*, *коротеть*, *лепестить*, *настрять*,

ненавистничать, нелюдиться, нюхтить, обстать, привадить, присахарить, простряпать, пятнить, смаляться, тенить, тинеть, тибрить, топыриться, торочить и т.п., наречия: *впереверт, вразмашку, не всутернь, вприпуски, впроредь, впустопорожне, притрусочкой, впробегушки, вразбрось, невнарок, невпрочет, торопью, невсыть и невтерпь* и т.п.

Из словаря почерпнуты метафорические образования: «с губой грибоватой» – Д. ‘похожий на гриб’, «в клобуковатой, барашковой шапке» – Д. ‘на клобук похожий’; «мотылястая барышня» – Д. ‘на мотыль, коромысло похожий’; «стеклянистая даль» – Д. ‘на стекло похожий, прозрачный’.

Из словаря Даля взяты отдельные словосочетания.

Это прежде всего атрибутивные сочетания: *бабьево тряпье, баристый барин, безалтынный голыш, магазейная крыса* (‘инвалидный солдат’), *бережистая речка* (‘высокоберегая, крутоберегая’), *забытущее зелье* (‘отымающее память прошлого’), *моросный день* (‘когда моросит’), *потовая копейка* (‘заработанная, трудовая’), *приклепистый гвоздь, разбеглый народ, раскрутчивый шелк, свисловатые брови* (Д. «У него свислые брови, свисловатые щеки» – ‘вялые, отвислые’), *срослые брови* (или ‘сросшиеся, сходящие над переносьем’), *труперхлое дерево* (‘трухлявое, дряблое, загнившее’), *стреляная дичь* (‘не ловленная, битая из ружья’), *кислота купоросная* (‘серная’), *дикий камень* – Д. ‘дикарь, гранит и другие сходные с ним породы’; «Бита *мастистая карта*» – Д. *мастистые карты* ‘у игрока, сильные мастями’; «Чуткий *пес* за юлящую мышкою носом юлит» – Д. *чуткая собака* – ‘что хорошо стережет’; «виднелась вдали *редкосевная рожь*» – Д. *редкосевная рожь* ‘кустовая, многоплодная, которой сеют не более 2-3 мер на десятину’; «...*топлый товар*, деревянное масло, смешавшись с синькой, лилось в тротуары» – Д. *топлый товар* ‘затонувший, пролежавший в воде, мокрый’; «*Падалищная ворона* – кричала» – Д. *падалищные враны*; «... под видом консервов заваливает *астраханскими перцами* он интендантство...» – Д. *астраханский - перец* – ‘струковатый, стручковый, турецкий, красный’; «Явственно кто-то, как *щепкое дерево*, задроботал – очень тоненьким, чтеческим голосом» – Д. *щепкое дерево* ‘колкое, невязкое’; «Он серую брюку с полоской *блошиного цвета* коленкою левою выуглил...» – Д. *платье блошиного цвета*; ср. «в доме колера «плюс» проживает»; «светлоносный туман, светлоносное выше сияние – среди течи людской *многорылой*» – Д. *многорылое чудовище*; «Вынимал чубучок свой *черешневый*» – Д. *черешневый чубук*; «в рябенькой кофте с *узориком травчатый*» – Д. *травчатый узор*; «Хмарило: *жар – размарной*» – Д. *размарная, размаристая жара* ‘удушливо знойная, гнетучая’; «Толстозадый, надувшийся кучер <...> резал поток людяной белогривым, *фарфоровым рысаком*...» – Д. *лошадь фарфоровой масти, фарфоровая лошадь* – ‘вся рябая, по беловатой шерсти, чубарая, порода с китайской границы’.

Слово *цвет* и у Даля, и у А. Белого сочетается с прилагательными *кирпичный, кофейный, шпинатный, табачный* («*табачно-кофейного цвета штаны*»), *песочный, карминный, дикий*. «Пальто – *цвет сигар*» – Д. *сигаровый, табачный цвет*. Сочетание *красный товар* («Баба слюну распустила над *красным товаром*») имеет соответствие в словаре: *красный товар* ‘аршинный, панской’. В другом случае *красный* осмысливается как цветочное прилагательное: «... у палаток, палаточек с красным, лимонным, оранжево-синим и черным суконным, батистовым, ситцевым, полосатым плетеным товаром всех форм, манер, способов, воображений...».

В словаре В.И. Даля широко представлены сложные прилагательные. Часть таких прилагательных использована А. Белым: «был *куролапый* какой-то, с черватым лицом» – Д. *куролапый* ‘коротконогий’; «*плоскогрудая, широкобровая* девочка»; «Лизаша лишь дугами *широкобрового* лобика дергалась», у Даля – *широкобровый* Зевес; «с *узкотазю* дочкой», ср. у Даля: *узкотазое* строение женщины; «*гологоловая* красная морда»; «... *кривобедрой* казалась она <...> *кривоскулой* казалась она»; «*скороногий* прошел архалук»; «*сивобородый* мужик» – Д. ‘седобородый, седоусый’; «гнулся куст *белоусый*» – Д. ‘у кого или чего белые, светлые, седые усы. Белоус – растение’. В состав атрибутивных сочетаний, взятых из словаря, входят и другие сложные прилагательные: *мокросизый туманец, толстодеревый лесище, верхоширокая шляпа, мокрорукая прачка, широковоротый сюртук, тупоуглые домики*; «гулькали *сивоголовые голуби*» – Д. *сивоголовый* голубок; «тут же зевака такой *суетлазый* стоял» – Д. *суетлазые зеваки, суетлазить* ‘попусту зевать на суетное, на вздорное’.

Некоторые из таких сочетаний содержатся в речи персонажей: «Вот тебе елесья, а ты – веришь, распопа; а все оттого, что – *распойный народ*» – Д. *распойный народ* от *распаивать, распойть ведро вина* ‘дать распить’.

«Сверху грозил им рукой: – Трень-брень, – *малодошный* работник, а – тоже вот» – Д. *малодошный работник* ‘неискусный’; «Пепиков как-то разгулисто свистнул: – Эх ты, – раздудынги развел: *подновинский ты шут!*», у Даля: *шут полосатый, шут выворотной, гороховый, подновинский*.

«– Лишь толокно вы бобовое – ну-те – разводите: я ж говорю!» – Д. *бобовье толокно* ‘поджаренные и перемолотые бобы’.

Даже обычные сочетания имеют соответствия в словаре: *сосновая, еловая шишка* – ‘семенник, плод с семенем’. «*Сосновые шишки*, – не шишки: сушишки. <...> А *еловые шишки* – лиловые шишки». В «Москве» несколько раз повторяется фраза «... над *многоверхой Москвой* неслись тучи». *Многоверхая Москва* – сочетание из словаря Даля.

Из словаря берутся и словосочетания других типов: «*стужайла* пришел»; «Кто-то бессмысленно молотом *камень кувалдил*» – Д. *кувалдить камень* ‘бить на щебень’; «*лед ноздреватил*» – Д. *лед ноздреватеет* ‘рыхлеет’; «*раструживая* свою руку» – Д. *раструдить* *больную руку* ‘натрудить, разбередить’; «Сослепецкий неистовствовал: Вы хотите *дичину напырить на вертел*? Не стоит... <...> Ровоам Абрагам – здесь, в Москве, в таком именно смысле хлопочет; но только: – он – за Домардэна; он хочет *напырить на вертел* профессора вместе с Цецеркой-Пукиеркой» – Д. *напырить* *птицу на вертел* ‘наткнуть’; «кувалда ... с *подолом подхлюпанном*» – Д. *подхлѣ(ю)пать* *подол* кур. ‘затаскать его в грязи’; «взял со

стола он *нагарную свечку*» - Д. *свеча нагорела*; «В Ликуй-Табачихе бил колокол – густо, с *завоями*» – Д. *колокол с завоем* – ‘с протяжным гулом’, «Коновал: жеребцов переключал» – Д. «Этот коновал много *жеребцов переключал* на веку своем» – ‘выножил’. У Даля есть выражение *соболь в кошках, с хвостами*; у А. Белого: «с плеч – *соболя, в кошках, с хвостиками*». В соотнесенных сочетаниях использованы разные части речи. У Белого: *шапка-рысинка*, у Даля: «У чухонцев *рысьи шапки*». Сравнение из словаря Даля *глуп, как пуп* входит у Белого в ряд сравнений: «*глуп, как пуп, как надолба, как пробка, как почка*».

Часть атрибутивных сочетаний Белого своеобразно соотнесена с сочетаниями словаря – у них совпадает прилагательное и не совпадают существительные: «*абрикосовое* платье» – Д. *абрикосовый* цвет; «с глазами *гвоздистыми*» – Д. старая, *гвоздистая* бочка; «походкой *урывистой* все-то бродил» – Д. *урывистая* вода, ветер – от *урывать*; «*смокляя* крыша» – Д. *смоклое* сено; «*раскосый, расплекий* профессор» – Д. *расплекая* лошадь ‘расплека, сплеченая, прихрамывающая на переднюю ногу, от болезни в лопатке’; «*переборчивый* взгляд» – Д. *переборчивый* покупатель; «*распукленькие* тома» – Д. *распукаться*, зап. ‘о древесн. почках: развертываться, лопаться, раскрываться’; «*перебитной* человек» – Д. *перебитной* молот; «*вигоневый* плед» – Д. платок; «*кивало* из глаз *переглядное* слово ему» – Д. *переглядная*, *переглядочная*, *немая беседа*; «*раздробчивый* смех» – Д. *раздробчивый* камень ‘крошкий, крушной, который легко разбивается’; «*свинцоватая* серь» – Д. *свинцоватое* серебро, несколько свинцу в себе содержащее; «*ногтистая* рука» – Д. *ногтистый* человек; «*арфичные* звуки» – Д. *арфичные* ноты; «*струнчатый* голос» – Д. *струнчатые* гусли; «*цанкие* лапки» – Д. *цанкий* хорь ‘хваткий, цепкий, крепко хватающий когтями’; «*бобровый* цвет» – Д. *бобровый* воротник; «*изгибистая* шея» – Д. *изгибистый* вяз; «*вонький, разлогий, кривой* переулочек» – Д. *разлогий, разложистый* ‘развалистый, откосый в глубину, широкий устьем: *разлогая яма, овраг*, с пологими, отлогими боками’; «в *завалистой* позе» – Д. *завалистое* место; «запахи *промзглой* капусты» – Д. *промзглый* ‘прокислый и прогорклый, задхлый, загнивший, испорченный. *Промзглое* масло, пиво, рыба, редька’; «куртка *кургузая*» – Д. *кургузый* фрак; «*развислый* дымок папиросы» – Д. *развислый* куст; «*вылинявшие* глаза» – Д. *вылинялый* воротник. *Вылинявшие* перья, выпавшие; «*маргаритовый* галстук» – Д. *маргаритовый* цвет (‘ярко пунсовый’); «*медоносного* цвета» – Д. *медоносное* растение, пчела, шмель; «но Митя Коробкин... стоял *мокролобый*» – Д. *мокролобый* работник; «*полуталый* лед, земля» – Д. *полуталый* снежок.

Прилагательные, обозначающие масти лошадей, у А. Белого характеризуют людей: «шли там *караковые, иль – подвласые, сивые, пегие, бурочалые* люди. А недалеко от них стоял Грибиков, весь *сивочалый* такой». – Д. *лошадь бурочалая, чалый* – ‘серый с примесью другой шерсти’, *подвласая, подвласовая лошадь* - ‘вороная, с бурыми подпалинами;

караковая»; «Переулкин пошел, весь *саврасый*, кося светлым глазом»; внешний мир: «Зори – *булаными* стали» – Д. «буланая и саврасая масти свойственны дикой лошади».

Сложные прилагательные также включаются в сочетания, отличные от сочетаний словаря. В словаре содержатся сочетания *краснокрылый гусь*, *краснолапый гусь* – у А. Белого: *краснокрылая тальма* и *краснолапое дерево*. Эпитет *чернолапый*, который в словаре входит в сочетание *чернолапый гусь*, у А. Белого включен в сочетание *чернолапое кресло*. У Даля – *черноногая чувашка*, у А. Белого – *черноногий подсвечник*; у Даля – *черношерстные овцы*, у Белого – *черношерстная материя*. У Даля эпитет *светоносный* характеризует ангела, облако, учение, истину, у А. Белого – материю: «Как *светоносна*: материя!».

Другие сложные прилагательные: «Прыснули светом *двудувные* ноздри авто» – Д. *двое(дву)дувный* мех; «душепарные запахи» – Д. *душепарный* напиток; «*прямолобое* упорство» – Д. *прямолобая* голова; «*крупнодырые* ноздри» – Д. *крупнодырое* решето; «*мохнорылое* лицо» («*мохнорылым* лицом в Анну Павловну ткнулся») – Д. *мохнорылая* собака; «*мелкоструйные* кудри» – Д. *мелкоструйная* обьярь ‘в мелких струйках’; «*широколапые* листья» – Д. *широколапый* медведь; «стол *чернолапый*» – Д. *чернолапый* гусь; «*чернобрюхий* такой, *чернокрылый*» – Д. *чернобрюхая* лиса, *чернокрылый* павлин; «*белобокий* дом» – Д. *белобокая* корова; «Злой щетиной штыков *лихошерстый* простор опоясался» – Д. *лихошерстый* пес, злой, кусливый; «*красноперая* шляпа» - Д. *красноперый* ‘о птице и о рыбе, с красным пером, перьями’; «*мокроносый* ушан» – Д. *мокроносый* пьяница; «*мохноногий* мужик» – Д. *мохноногий* голубь; «*солнотечные* синие тени резки» – Д. *солнотечный* путь; «*маловетвистое* дерево» – Д. ‘случайно маловетвенное дерево, хотя оно и не маловетвистой породы’; «с таким *медноцветным* лицом» - Д. *медноцветный* ‘красный, как медь’; «Замучили *неголюбивые* помыслы» – Д. *неголюбивый* ‘любящий покой, все удобства и услады’; «*толстопятый* толстяк», «судьба *толстопятая*», «стопа *толстопятая*» – Д. *толстопятые*, дразнят тамбовских переселенцев; «*солнопечное* время» – Д. *солнопечный* денек, знойный; «*многоценные* вещи» – Д. *многоценные* картины; «*плоскоголовый* профессор» – Д. *плоскоголовые* мексиканцы; «*серопузая* психа попалась под ноги» – Д. *серопузая* лиса; «Поскользнулся: расклизился *широкошляпный* подъяблочник под башмаком» – Д. *широкошляпный* гриб, гвоздь. Слова *подъяблочник* в словаре нет, но есть *подъяблонная* тень, *подъяблочная* поспа ‘из-под яблок’.

Прилагательное *желтожирый* входит сначала в сочетание *желтожирая* дама, а затем в сочетание, полностью совпадающее с сочетанием Даля: «*желтожирую* стерлядь им подали». В словаре прилагательное *прямолетный* сочетается с двумя существительными, *стрела* и *птица*. В романе с прилагательным сочетаются оба существительных, хотя в разных конструкциях: «по проясню мчится стрелой *прямолетная* *птица* в вольготные

воздухи». Кроме того, прилагательное сочетается с существительным *слово*: «ни одного *прямолетного слова*».

Дикий - название цвета – ‘сероватый, серый, пепельный’: «Узорика – в клетку: зеленое, красное <...> Поле – *дикое*»; «Здесь дерево *дикого* цвета»; «сукно – сизо-серое: кресла, стола; на нем *дикие*, пятнами, папки; такого же *дикого*, сизого цвета процветы обой...»; «*дико-сизые* стены, *дикое* кресло».

«В *муругой* визитке», «*муругие* стены», в стихах «*муругий* мухомор» - Д. *муругий* ‘о шерсти коров, собак: волнистый, мрамористый, рыжебурый с черною волною; желтоватый с темнобурою волной, темнопестрый, в волнистых полосах и пятнах’.

«Ей казалось: не из-под крыши спускается он, а из *вогнутой* бездны», «*Вогнутые* бесконечности», «*Вогнутая* глубина кособоко опустилась над крышами, синяя вся – издрожалась она самоцветными звездами: звезды ходили, распятыся лучами» – Д. *вогнутые* стекла, зеркала.

Некоторые отрезки текста варьируют определения слов в словаре Даля. При характеристике Киерко в «Москве» использованы глаголы «сверчит, свиритит и цурюкает», отчасти повторяющие, отчасти близкие к характеристике сверчка – ‘... насекомое *Gryllus*, которое сверчит, свиритит, цурюкает, потирая жесткие накрыльники свои о зубчатые ножки’. Отрезок «Над перевальчатой местностью шел переклик расстояний» имеет прямое соответствие в словаре: *перевальчатая* местность ‘волнистая, увалистая’; и варьирует одно из определений словаря: *переклик* – ‘расстоянье, на какое слышен голос’.

Источником словосочетания может быть слово и его пояснение или часть его пояснения. Сочетание Белого «заблесты лунного света» возникло в результате объединения заглавного слова словаря *заблесты*, *заблестки* и части его объяснения: ‘блеск солнечного или лунного света на воде или на волнах’. Сочетание «*хитронырый* пролаз» – результат объединения заглавного слова *хитроныра* и объяснения ‘пролаз’. Сочетанию «*звездочка*, *ясочка*, теплилась, точно в зыбели младенец» в словаре соответствует *яска*, *ясочка* юж. ‘звезда, звездочка’. Другому сочетанию «И на заре уже слабая *звездочка*, *зирочка*: искрилась тихо» соответствует *зирка*, *зирочка* юж. и зап. ‘звездочка на небе’. В словаре *свистун* – ‘кулик’, у А. Белого – «*свистун*, полевой куличок, подавал тихий голос откуда-то издали». Выражению А. Белого «пепельница черной яшмы (*лидейского* камня)» у Даля соответствует сочетание *лидийский камень* и его объяснение: ‘пробирный камень, оселок, черная яшма’.

Вот еще несколько словосочетаний, которые образовались из заглавного слова и части объяснения его значения: «... в *карачае*, в тулупчике черной овчины» – Д. *карачай* ‘черная, долгошерстая и мягкая овчина...’; «... надвинув на лоб *малахай*, разущастую шапку» – Д. *малахай* ‘большая, ушастая (или с лопастями) шапка на меху’; «Этот *лопух* называют еще «чумный корень»...» – Д. *лапуха* ‘царь-трава, подбел, чумный корень’;

«Здесь он собирал *сардониксы* с прослойками (или – «глазком», иль – «кольцом»)» – Д. *сардоникс* ‘сердоликовый оникс, халцедон с прослойкой сердолика, с кольцами, глазком’; «Оправивши дымчато-голубоватые волосы с *просизью*» – Д. *просизь* ‘сизоватый цвет, дымчато-голубоватый’; «... глазки же – с искрами: *перебегунчики*...» – Д. *перебегунчики* ‘искры, перебегающие по углю сожженной бумаги или тряпья’; «*болдовню*, ручной молоток захватил со стола» – Д. *балодка* сиб. ‘небольшой молот, кузнечн. одноручный молоток’, *балдовня*, твр. *балда* ‘в знач. больш. деревянной колотушки’.

Те пояснения, которые сопровождают слово в словаре Даля, становятся в романе А. Белого основой сравнения. Глаголы *вавакать* и *воркотать* употребляются самостоятельно: «двестиголовное горло *вавакало*», «*воркотал* барабан». В другой ситуации уточнение, следующее за глаголом *вавакать* – ‘кричать *вава*, т.е. перепелом, по-перепелиному’, отражается в сравнении «И *вавакнул* от боли, как перепел». Уточнение к глаголу *воркотать* – ‘о голубях: бормотать, издавать свойственный этой птице голос; || нежничать, говорить вкрадчиво, льстиво, нежно’ – также входит в сравнение: «*Заворкотала*, как горлинка, Надя». Глагол *бзырить* ‘о рогатом скоте: рыскать в знойное и оводное летнее время, задрав хвост, и реветь; беситься, метаться...’ употребляется самостоятельно: «В тот вечер *забзырили* издали; знал, что машина» – и в сочетаниях со сравнением: «фаготовым голосом *бзырил*, как бык», «автомобиль, точно бык, *бзырил* издали».

Разные слова из словаря ведут себя по-разному. Часть их имеет то же значение, что и в словаре, часть переосмысливается. Слово переосмысливается в соответствии с теми звуковыми ассоциациями, которые оно вызывает. У Даля *мохнай* нвг. ‘малахай шерстью наружу’, у Белого – ‘мох’: «Хлюпали ноги *мохнаем*»; макушечный *клочень* у Белого – ‘клок волос на макушке’, у Даля *клочень* – ‘моль вошинная, сотовая тля, в ульях; метелица; она поедает соты и истребляет пчел’; глагол *деребить*: «*деребя* белый шарф ледяными и тонкими пальцами» – у Белого значит ‘теребить’, а не ‘драть, дерябить, царапать’, как в словаре Даля. Слово *желдак* ‘солдат, воин, латник, служилый’ употреблено вместо слова *желвак* на основе звукового сходства: «с *желдачком* на носу».

Переосмысливая некоторые слова, А. Белый исходит из внутренней формы слова. Семантические окказионализмы в разной степени удалены от общеупотребительных слов. Смысловое наполнение некоторых слов близко к тому, которое дает словарь. Слово *злачности* во фразе «пропучились *злачности*» скорее ‘злак’, чем ‘принадлежность, состояние злачной местности’, как в словаре; у Даля *снеговина* – ‘одна частичка, охлопочек, пушинка снега, как он падает’, у Белого – ‘снег’: «... *снеговинной* покрыт тротуар», «Только на леднике, дерном крытом, на целый аршин – *снеговина*, как белая митра, надета».

У Даля *грушина* ‘грушевое дерево’, у Белого ‘изображение груш на обоях’: «пятнами стены, кирпичные, с кубовыми кувырками, с лиловатыми *грушинами*»,

у Даля *сурик* ‘свинцовая, красная окись, идущая на краску’, у Белого: «*сурики*, листья – висят: в сини сиверкие», где *сурики*, видимо, обозначают цвет – ‘красные листья’. У Даля *тепелок* пск. ‘теплое время дня, когда обогреет’, у Белого – ‘теплый ветер’, у Даля *холодай*, -ка – сиб. ‘холодник женский, шугай’ или ‘зяблик, мерзляк, зябкий человек’, у Белого – ‘холод’: «стужайла пришел, *холодай* холодаевич», «ледорогий *сосулечник*» - ‘сосульки’, а не ‘каменный капельник, сталактиты’, как у Даля.

Смысл слова зависит от ближайшего контекста, в частности, новый смысл слова проясняет рядом стоящий синоним: «... посмотрели вплотную, *вгустую* они друг на друга» - Д. *вгустую* ‘нежидко, круто, вкруть, вкрутую, обильно; о яйцах: не всмятку’.

В основном переосмысливаются нелитературные слова. Переосмысление литературных слов – большая редкость. В строках «Бородой подмахнул на хрусталь голубых *леденцов*, от которых... - глаза закрывайте» *леденцы* имеют значение ‘льдинки’.

Семантические окказионализмы этим не исчерпываются. В романе «Москва» переосмысливаются и слова *вертопрашить*, *николить*, *колоколить*, *давитьня*, *звенец*, *кованец*, *парильня*, *рукотер*, *стояло* и т.п.

Расположение слов в словаре повлияло и на структуру текста в романе А. Белого. В нем отразился характерный для словаря гнездовой способ расположения слов. Однокоренные слова разного характера – литературные слова, нелитературные слова из словаря Даля, слова, переосмысленные А. Белым, и его новообразования образуют в романе разные комбинации. Однокоренные слова включены в строку, в абзац, в соседние абзацы или рассредоточены по тексту.

Из словаря берется фрагмент словообразовательного гнезда. Предложение «маленький ростом Анучин с лицом *лисовато-простецким*, с *лисичьими* глазками» содержит два слова из словаря. Однокоренные слова проходят через соседние абзацы: «... подошел – прошепнул, озираясь испуганно, ей предложение гнусное: *волк*; мы по жизни проходим *волками*, и жизнь есть *волковня* (пора бы, пора ее – к черту!). Взглянул – *волчонком*: бежал без оглядки» – Д. *волковня* ‘волчья яма’.

Слово, переосмысленное Белым, также включается в ряд соотнесенных слов. Например, слово *лысь*, которое в словаре Даля значит ‘мелкий морской зверь или тюлень вообще’, а в романе Белого - ‘голое место’, соотнесено со словами *лысый*, *лысина*, *лысищи*, *лысастый*, *лысить* и приставочными образованиями: *пролысь*, *пролысый*; *излыселей*.

Словообразовательные гнезда в романе отличаются и от гнезд литературного языка, и от гнезд в словаре Даля.

Зависимость языка романа «Москва» от словаря имеет и не такой явный характер. Со словарем Даля связано словотворчество А. Белого. Часть новообразований А. Белого образуется от общеупотребительных слов: *зуб* – *зубить*, *прозубить* («прозубил Мандро»),

двузубье; *капелька* – «дождичек быстро *откапелькал*» и т.п. Отправной точкой для образования новых слов может стать и слово из словаря Даля. Даль объясняет слово *косохлест* так: *косохлест* – ‘подстега, косой дождь, который хлещет в окна, в двери, под навесы’. В «Москве» слово *косохлест* включено в несколько синонимических сочетаний, в которые входят не только существительные, но и глагол, которого нет в словаре: «*косохлесты* дождя», «*косохлест* замочил подоконники», «взахлест *косохлестить* тяжелой градиной», «*косохлестило* над забурьянившим двориком».

От диалектного *вертепжсины* ‘водороины во множестве, овражистые извилины: сувои, сугробы, раскаты по зимней дороге’ образовано существительное «стал *вертепжсином*» и прилагательное: «Берег же был *вертепжсистый*; здесь коловертными быстриями, заклокотушив, неслоь протеченье...». Глагол *крукать*: «И *крукает* воздух сухой; воронье улетает над сиплой осиной сквозь синюю просинь: неясную чернью – в неясные черни» – производное от *крук* ‘ворон, каркун, крятун’.

Наиболее последовательно от прилагательных из словаря образуются наречия. В тексте присутствует и прилагательное, и наречие. При этом прилагательное есть в словаре Даля, а наречия нет: «зрел уж *разрывчатый* лист. И – стучало *разрывчато* сердце», «Пустила дымок *перевивчатый*, легкий», «дым облетающий и *перевивчато* легкий», «*беспроким* галопом», «В кабинете профессор *беспроко* нагрудил предметы: устраивал грохи – на полке, под полками» – Д. *беспрокий* ‘в ком, в чем нет проку, негодный, беспутный, неспособный’.

От прилагательного из словаря *звероватый* Белым образовано наречие *зверовато*: «А он, *зверовато* нацелясь очками, стоял и бранился». От прилагательного *разгулистый* (у Даля – *разгулистая* волна) – наречие *разгулисто*: «Пепиков как-то *разгулисто* свистнул». Наречие *беззадорно*: «смотрела она *беззадорно* и кисло» опирается на прилагательное из словаря – *беззадорный* ‘незадорный, несварливый, незадирающий’. Наречие *шажисто*: «*шажисто* шарчил из сугроба» связано с прилагательным: *шагистая* и твр. *шажистая* лошадь – ‘с крупным шагом, с ходюю’. Наречие *прекнижисто*: «Задопятав... *прекнижисто* выглядел» связано со словом Д. *книжистый* ‘богатый, обильный книгами’; «...жалась *закисчиво* по уголочкам» – Д. *закисчивый* ‘скоро закисающий’; «*икливенько* задрезжал голосок» – Д. *икливый*; «*Дрогливо* оглядываться» – Д. *дрогливый* ‘пугливый, робкий, легко вздрагивающий при внезапности’; «Никита Васильевич, - *дурковато* загукал» – Д. *дурковатый*; «на Задопятава как-то *дрязгливо* глядели» – Д. *дрязгливый* ‘сварливый, придиричивый, вздорный сплетник’; «И вот *вислоухо* просунулся Митя большой головой в переднюю» – Д. *вислоухий*; «И – губы подставила: *безароматно*» – Д. *безароматный*; «Старым таким двоерогом, в ветшаном халате, высовывается *бочковато* и грохотко он...» – Д. *бочковатый* ‘у кого или чего выпуклые, выдавшиеся бока’, «быстро, *ступисто* шагнул на подъезд; бахнул дверью

передней тетеричкой: в дверь кабинетика» – Д. *ступистый* конь ‘ходкий, шагистый, с переступью’.

По аналогии со сложными прилагательными из словаря Даля – *желтобокий, желтоголовый, желтогрудый, желтоглазый, желтобрюхий* – образованы прилагательные в сочетаниях *желтоухая* лошадь, *желтоногий* козел, *желтолапый* петух, метафора *желтокудрый* дымочек. Эпитет *желтобрюхий* входит в сочетание *желтобрюхий* мешок.

По аналогии со сложными словами из словаря образованы и сочетания *черноухая* сплетня, с пухлым лицом *черномохим, широкоусый* простец, *толстолобые* стены, *краснобокие* фрукты, *лиловобокое* облако, *желтокрылая* шаль и т.п.

Сложные прилагательные включают в себя как одну из частей слово из словаря: *станистый* – ‘рослый и хорошего складу’: «... изогнув перед мадемуазель *тонкостанистый* корпус»; «От обой, прихотливых, лиловолистных» – Д. *листистый* ‘широкий в середине, продолговатый и островатый к концам’, «зеленобутыльный сумрак» – Д. *бутыльный* ‘относящийся к сосуду того или другого рода’. Прилагательное *горьколобый* создано по образцу *горькоголовый* ‘горемычный, горепьяный’.

Слова образуются и от других нелитературных слов: «Отсвета *мертвельного* сизостылая синь» – Д. *мертвель* ‘умерший человек, покойник’; *умертвительный* – от *умертвитель*; «*нестроица* пяток» – от *нестрой*; *мужлачества* – от *мужлачий* и *мужланиться* ‘мужиковато обращаться’; «*старуховатости* лица» – от *старуховатый* ‘похожий на старуху’; «Рвалась паутина над злой *моркотой* переулочной» – от *моркотать* или *мормотать* пск., твр. ‘бормотать’; «вертелся *соблестьем* дымок папиросочки» – от Д. *соблестать* ‘блистать заодно или взапуски’; *перегусты* – от *перегустить, перегустеть*; «*густоросль* мягких, каштановых прядей» – от *густорослый* (Д.), «*Незадачником* был брат, Иван!» – от *незадачный* (Д.), «*смемелить*» – от *мемель, мемеля* ряз., тмб. ‘чепуха, дребедень, вздор, чушь, пустяки’ (Д.).

Словарь – не только источник определенных слов, но и источник словообразовательных моделей. По аналогии со словами из словаря образованы и безаффиксные отглагольные существительные, приставочные отглагольные существительные с нулевым суффиксом типа *прошарк, пропор, проторч* и т.п.

Кроме того, А. Белый меняет словообразовательный облик некоторых слов. А. Белый меняет суффиксы в некоторых словах из словаря: *кадка-дождевка* – Д. *кадка-дождейка*; *подколесина*: «И смешочек извозчицей *подколесины* бросился в грохоты злой мостовой» – Д. *подколесица* ‘колесная колея, накат, нарез’, *икрастая* нога – у Д. *икристый* ‘человек с толстыми икрами’; меняет род существительных: «*примази* цивилизации» – у Д. *примаз*.

В словаре содержится глагол *вздедерючить, вздедетюшить* (что) – ряз. ‘встюшить, поднять наверх, на высоту; вздергивать, вздымать || - кого, высечь’.

Белый отбрасывает приставку: «Вот однажды, заправивши лампу, гибел над бумагой, махры *дедерюча*». Глагол *стелеляшит* арх. 'стащить, стянуть, украсть' превращается в *телелюшит*: «Так сын, говоришь, у него *телелюшит*».

Граница между далевскими словами и словами А. Белого очень зыбка.

Связь романа «Москва» со словарем имеет и еще одну форму выражения: Белый опирается на расположение слов в алфавитном порядке. Звуковая сторона словосочетаний или небольших отрезков текста обусловлена соседством слов в словаре: «смык смышлеватых бровей», «перегорклого ротика перегорелое горе бросалось», «щеголеватый, с щеглячьим, щепливеньким личиком юноша». Кроме того, в некоторых фрагментах текста сконцентрированы слова, начинающиеся с определенного звука (*а, н, м, п* и т.п.), выбор которого обусловлен идеями звукового символизма, изложенными в «Глоссолалии».

Словарь содержит большой иллюстративный материал. В основном это пословицы и поговорки. Часть их использована Белым по преимуществу в речи персонажей. Это специально оговаривается: «*Льзя ли, нельзя ли, – пришли да и взяли, – профукнул всем Киерко (он на дворе говорил поговорками)*». Пословицы присутствуют в тексте романа либо в точном, либо в несколько преобразованном виде.

Пословица в словаре и в романе может совпадать: «Висел над ним Грибиков, дергаясь грызиной: – *Чорта пусти себе в дом, – так не вышибешь его лбом*» – Д.: *Пусти черта в дом, не вышибешь его лбом*; «верно, годы да горе лысят человека» – Д.: *Годы да горе л/ысит или лыс/ит человека*. «И – мелькнуло: *свинья – найдет грязь!*» – Д.: *Свинья найдет грязь*.

Белый изменяет в пословице порядок слов: «*Добрит кашу масло!*» – Д.: *Масло кашу добрит*; «Тоже птица. *Ломает Савелья с похмелья, – проржало*» – Д.: *Савелья ломает с похмелья*. Изменяется форма отдельных слов: «Дует на блюдец: – *Кого черт рогами под бок, – чашку доньшком вверх, – не пырля?*» – Д.: *Кого черт рогами под бока не пырля?*; «А, собачевина, «*Canis domesticus*», здравствуй; пословица есть: «*любишь меня, полюби и собаку мою...*» – Д.: *Когда меня любишь, и мою собачку люби*; «Чует мушка, где струп» – Д.: *Чует муха, где струп*. Пословица из речи Мандро: «... он вызывающе бросил пословицей: – *Льстец под словами, – змея под цветами*» несколько видоизменяет пословицу из словаря: *Льстец под словами, змей под цветами (змея – змей)*.

Слово или слова заменяются синонимами: «*Мала птичка – остер коготок*» – Д.: *Не велика птичка, да ноготок востер*. Вишняков говорит Грибикову: «*Бог шлет вам деньжат, – ерзнет задом, – черт – дырку*. И чешет по воздуху чтеческим голосом: – *В чертову дырку деньжата профукнете*» – Д.: *Дал Бог денежку, а черт дырочку, и пошла Божья денежка в чертову дырочку*. «Так прямо с *щетинистым рылом в пушные ряды не войдете*» – Д.: *Не идет щетинистому рылу в пушной ряд*.

А. Белый заменяет некоторые слова в пословице: *«Пиликает всякий кулик про болото свое»* – Д.: *Всяк кулик свое болото хвалит.* «Из угла раздалось, очевидно, по адресу деда Мордана: – Он, братец ты мой, *по брадам – Авраам, а по слову-то – хам!*» – Д.: *По бороде Авраам, а по делам Хам.* «*Рот до ушей, хоть лягушку пришей»* – Д.: *Рот до ушей, хоть завязку пришей.* «*Жена – не башимак ведь: наденешь – не скинешь»* – Д.: *Жена не сапог (не лапоть), с ноги не скинешь.* «*Как ржа ест железо, Россию ест слух»* – Д.: *Ржа железо ест, а печаль сердце.*

А. Белый сокращает пословицу: «*Время у вас отняла? – Квас не дорог: изюминка!*» – Д.: *Не дорог квас, дорога изюминка в квасу; «рот-от – не огород: не затворишь»* – Д.: *Рот не огород, не затворишь ворот.* «Ужо вот покажет тебе Милюков: *воля – ваша; а наше, брат, – поле»* – Д.: *Ваша воля, а наше поле: биться не хотим, а поле не отдадим.*

Белый развертывает пословицу: «- *Что же, битому псу только плеть покажи, он скряхтит»* – Д.: *Битому псу только плеть покажи.* «- *Какой ферг: деньги счетом, не чохом даются»* – Д.: *Деньги не чохом, а счетом.*

Пословица делится на составные части: «и кричали в дверях: <...>

– *Парочка!*

– *Боров да ярочка»* – Д.: *Парочка, баран да ярочка.*

Некоторые выражения Белого напоминают пословицы и основываются на характерных для них рифмах: «*чем тише, тем лише»* – Д.: *живи тихо, да избевай лихо, жил бы тихо, да от людей лихо;* «*вот нам было близко, да – склизко»* – Д.: *вода близка, да гора склизка, хоть церковь и близко, да ходить склизко.*

Пословица может быть источником слова или отрезка текста, хотя сама и отсутствует. Фраза цветолюба портного Вишнякова «*Какой дворик вонький, а – фролки цветут»* становится понятной при сопоставлении с пословицами, приведенными в словаре: «*Фролы – день Флора и Лавра 18 августа. Сей озимь от Преображенья до Фрола. Коли до Фрола не отсеешься, фролы и родятся, цветы, цветочки, один куколь. Кто сеет на Фрола, у того фролки и будут. После поры родятся фролки.* Источник слова *дерганог*: «Он пошел *дерганогом»* – пословица. У Даля: «*Кутейники, дерганог*: не нашли пути дороги - дразнят семинаристов».

Поговорки становятся составной частью повествования. Портрет Попакина: «*Рожа – ком; в кулаке – сорок фунтов; глаза – оловянные; нос – сто лет рос; брылы – студень вари»* содержит поговорки: *Этот нос сто лет рос; брылы – хоть студень вари.*

И, наконец, роман содержит загадку: «- Вы скажите, что есть человек? – Человек? – потрепал бородавочку Грибиков, - вот что он есть: - поглядел на свой палец, - *стоят тебе вилы; на вилах-то грабли; на граблях – ревун: на него сел – сапун; под ним – два глядуна: на них – роцца; а в роцце-то, - карле кивнул с подмигнцами, - свиньи копаются.* Эта загадка

приведена в словаре Даля для иллюстрации слова *глядун*: «*Стоят вилы, на вилах грабли, на граблях ревун, на ревуне сапун, на сапуне глядун, на глядуне роцца, а в роцце свиньи роются?* человек».

Роман «Москва» имеет множество точек соприкосновения с «Толковым словарем живого великорусского языка» В.И. Даля. Этот словарь можно считать одним из источников романа. «Москва» – не первое и не единственное произведение А. Белого, в котором отразилось изучение им словаря В.И. Даля. Слова их словаря включены в более ранний роман «Крещеный китаец», в поэму «Первое свидание» и в стихи (см. [Кожевникова 1992: 156-193; 1995: 67]). В «Москве» А. Белый продолжает работу со словарем, последовательно дополняя ее собственными словотворческими опытами. Отдавая предпочтение необычному, «нелепому», как писал сам А. Белый, слову, он создает остраненное повествование, которое противостоит повествовательной норме (см. [Левин 1971]) и представляет собой попытку создать новую норму.

А. Белому важно было сохранить свое лицо, свой стиль, свое право на такой именно стиль (а Белый мог писать и по-другому, о чем свидетельствуют три тома его мемуаров). С этой целью написано предисловие к «Маскам» (третьей части романа «Москва») в тот момент, когда Горький начинает борьбу за чистоту языка, которая в конечном счете привела к полному стиранию писательской индивидуальности.

Горький отозвался на появление романа «Маски». В статье «О прозе» Белому посвящено несколько страниц, при этом речь идет только о форме, о языке романа: «Читая текст «Масок», молодой человек убедится, что Белый пишет именно нелепыми словами, например: «серявые» вместо – сероватые, «воняние» вместо – запах, вонь, «скляшек» вместо – стекляшек, «сверт» вместо – поворот, «спаха» вместо – соня, «высверки», «перепых», «пере-пере при оттопатывать», «мырзать носом» и т.д., – вся книга – 440 страниц – написана таким языком.

Почему нужно писать «тутовый» вместо – здешний? Есть тутовое дерево и есть тошнотворное, достаточно уродливое словцо – «тутошний», - зачем нужно еще более уродовать его? <...> Иногда набор «нелепых» слов Белого превращается в набор пошлейших. Возможно, что он этого не чувствует. Он – эстет и филолог, но – страдает глухотой к музыке языка и, в то же время, назойливым стремлением к механическому рифмачеству...

И предисловие к «Маскам» и весь текст этой книги вполне определенно говорят, что в лице Андрея Белого мы имеем писателя, который совершенно лишен сознания его ответственности перед читателем.

Я вовсе не намерен умалять заслуги Андрея Белого пред русской литературой в прошлом. Он из тех беспокойных деятелей словесного искусства, которые непрерывно ищут

новых форм изображения мироощущений. Ищут, но редко находят их, ибо поиски новых форм – «муки слова» – далеко не всегда вызываются требованиями мастерства, поисками силы убедительности его, силы внушения, а чаще знаменуют стремление подчеркнуть свою индивидуальность, показать себя – во что бы то ни стало – не таким, как собратья по работе. Поэтому бывает так, что литератор, работая, думает только о том, как будут читать его литераторы и критики, а о читателе – забывает.

А. Белый написал предисловие к «Маскам» для критиков и литераторов, а текст «Масок» – для того, чтобы показать им, как ловко он может портить русский язык.

О читателе он забыл» [Горький 1953: 579-580].

Часть слов, вызвавших неодобрение Горького (*воняние, спаха, мырзать, сверт, тутовый*), взята Белым из словаря Даля. Горький источник нелепых слов не узнал.

Литература

Белый, Иванов-Разумник 1998 – Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. СПб., 1998.

Бицилли 1996 – П. М. Бицилли. О некоторых особенностях русского языка: По поводу «Москвы под ударом» Андрея Белого // Избранные труды по филологии. М., 1996. С. 589-592.

Горький 1953 – М. Горький. О прозе // М. Горький. О литературе. Литературно-критические статьи. М., 1953. С.574-592.

Кожевникова 1992 – Н.А. Кожевникова. Язык Андрея Белого. М., 1992.

Кожевникова 1995 – Н.А. Кожевникова. Андрей Белый // Очерки истории языка русской поэзии XX в. М., 1995. С. 7–99.

Левин 1971 – В.Д. Левин. Литературный язык и художественное повествование // Вопросы языка современной русской литературы. М., 1971. С.9–96.

Эйхенбаум 1987 – Б.М. Эйхенбаум. «Москва» Андрея Белого (М., 1926) // Б.М. Эйхенбаум. О литературе: Работы разных лет. М., 1987. С. 424-426.

Н.Ю. Шведова *

***Опыт описания типов сообщения
в опоре на дейктические единицы языка
(делать – делаться – иметь место – каково)***

Эта статья опирается на те теоретические положения, которые изложены в наших работах 1998-2001 гг. о дейктических глаголах и о местоимениях как носителях языкового смысла (см. литературу в конце статьи). Здесь в сжатой форме напомним основные положения той концепции, на которую опирается предлагаемое ниже описание.

Вся лексическая (лексико-фразеологическая) система языка состоит из двух неравноколичественных множеств, различающихся по своей предназначенности. Основной массив – это собственно именующая лексика, называющая реалии и понятия, которые принадлежат материальному и духовному миру человека, его среде и всему тому, что его окружает. Другую, значительно меньшую часть лексической системы составляют слова, предназначенные для обобщенного означения самых основных, глобальных понятий, относящихся к собственно существованию всего живого и неживого: к понятию о бытии, времени, пространстве, движении, событии, о предмете – лице и нелице, его признаке, количестве, мере, о действии, поступке, состоянии, об отношениях и связях между предметами, признаками, действиями, ситуациями. Это – дейктические единицы, означающие те абстрактные понятия, вокруг которых группируется вся номинативная лексика. Система номинаций обращена к дейктической системе как к высшей ступени обобщения, как к области носителей собственно языковых смыслов.

Дейктическая система лексики двучастна: одной своей стороной она обращена к «сфере покоя», другой – к «сфере бытия и движения». Все основные понятия, относящиеся к собственно существованию, его формам и проявлениям означены языком либо как лежащие в сфере стабильного состояния (это – местоименный дейксис), либо как относящиеся к сфере движения, процесса – бытия, его движения или действия, состояния, протекающего во времени. Глагольный дейксис, все его единицы, означают понятия, относящиеся к этой сфере. На первых шагах членения этот класс возглавляется дейктическими глаголами и глагольными фразеологизмами: 1) *быть*, 2) *делаться, происходить*, 3) *делать, поступать*, 4) *испытывать состояние, находиться в состоянии*, 5) *состоять где, кем, пребывать в каком-нибудь положении*, 6) *относиться к кому-чему-нибудь, получать, воспринимать отношение извне*. Этой общей системой охватываются значения всех процессуальных

*Наталия Юльевна Шведова – академик РАН, советник РАН, главный научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН.

состояний: бытийных, деятельных, ситуативных, субъективных, социальных. К каждому из названных множеств обращены дейктические глаголы, дифференцирующие соответствующий смысл. Такой дифференциацией на следующем шаге членения открываются частные смыслы, тяготеющие к центральной дейктической единице и определяющие круг ее функций. Эта дифференциация имеет следующий вид (здесь приводятся не все, а лишь основные единицы, дифференцирующие общий смысл): 1) *быть*: *существовать, жить; наличествовать, иметь место; пребывать, присутствовать*; 2) *делаться*: *происходить; случаться, получаться*; 3) *делать*: *поступать, действовать, заниматься*; 4) *испытывать состояние*: *ощущать, чувствовать, находиться в каком-нибудь состоянии; находиться в каком-нибудь расположении духа; оказываться в каком-нибудь положении*; 5) *состоять кем, где*: *находиться в каком-нибудь социальном состоянии*; 6) *иметь отношение к кому-чему-нибудь*: *получать, воспринимать отношение извне*.

Дейктическая система служит основанием для типологии сообщений. Тип сообщения – это элементарная абстрактная единица коммуникативного плана языка, относящая информацию к одной из основообразующих сфер действительности (к бытию, действию, состоянию, пребыванию во времени и пространстве, к сущности предмета или явления, к его признаку) и способная быть означенной дейктическим (указующим) словом, специально предназначенным языком для такого означения. Тип сообщения, как и всякая языковая категория, существует как категория общая и как система частных категорий, дифференцирующих общий смысл средствами местоименного и глагольного дейксиса.

На основе изложенных теоретических положений, более развернуто сформулированных и обоснованных в названных выше работах, предлагается описание трех типов сообщений, обозначенных в заглавии.

Делать

Глагол *делать / сделать* в системе дейктических глаголов занимает одно из центральных мест: им означает любое активное действие (действия, деятельность), исходящее от деятельного субъекта, причем это действие может быть как предопределено волей, так и не связано с ее непосредственным проявлением: это может быть поведение, образ жизни, времяпрепровождение (в условиях речи смысл активного действия, означаемого этим глаголом, может быть конситуативно ослаблен). Показательно определение этого глагола в словаре Даля: «*делать – работать или трудиться, производить, совершать, доспевать, упражняться, заниматься; действовать, изъявлять, оказывать; причинять, доставлять, наносить кому что-либо; поступать с кем-либо; девать куда-либо*».

Глагол *делать / сделать* возглавляет собою ряд дейктических глаголов и глагольных устойчивых сочетаний, объединенных тем же общим смыслом активного действия, исходящего от субъекта. Состав этого ряда таков (необходимые стилистические характеристики здесь пока оставляем в стороне как очевидные):

Глаголы: *делать / сделать, вершить / свершить, вести / свести (что к чему), выполнять / выполнить, действовать, держаться (как), жить (кем, как), заниматься / заняться, исполнить / исполнять, использовать ('применить, употребить'), поступить / поступать, произвести / производить, сладить / ладить (сладить дело), совершить / совершать, творить / сотворить, употребить / употреблять (употребить все способы, все возможные меры), устроить / устраивать, учинить / чинить, учредить / учреждать*. Устойчивые сочетания: *вести жизнь, вести себя, держаться чего (каких-н. правил, привычек), иметь обыкновение, исправлять обязанности (должность), проводить время, ставить / поставить себя (кем, как)*. Между всеми этими глаголами и глагольными единицами распределены функции означения собственно действия, поступка, деятельности, занятия, поведения, образа жизни, времяпрепровождения и др. (см. ниже); однако глагол *делать / сделать* противопоставлен им всем как такой, который может означать сообщения о любой активности и ее обнаружении: физического, трудового действия, занятия, любого волевого акта, мысли, речи. Кроме того, гл. *делать / сделать* включает в себе способность означать активность вообще – в отвлечении от определенного действия или действий; эта сконцентрированность на самой идее действия отразилась в таких пословицах, как *Чем думать, так делай, Слушай людей, а делай свое, Меньше говори, да больше делай, Что Бог ни делает, все к лучшему* (все – у Даля), а также в многочисленных фразеологизмах, таких, как *Что же делать, Что мне делать, Нечего делать, Ничего не сделаешь, Что прикажете делать, Что остается делать, Что тут делать* и многие др.

Кроме того, вне устойчивых сочетаний, гл. *делать / сделать*, в отличие от всех глаголов показанного ряда, способен означать множественность возможных действий, возможность или заданность их выбора; в этих случаях в предложении он сочетается с мест. *всё, что (что угодно, что хочешь), ничего, чего (чего не сделаешь), что ни (что ни сделает)*:

С нуждою, однако ж хоть большою, Чего не сделаешь терпеньем и трудом? (Крылов); *На свете кто силён, Тот делать всё волён* (Крылов); ... *велите мне сделать, что вам угодно, и я для вас все сделаю* (Пушкин); *Вот уж три дня как я в Москве, и все еще ничего не сделал* (Пушкин, письмо Н. Н. Пушкиной, 1836); *Ступай себе на все четыре стороны и делай что хочешь* (Пушкин); *Отдай мне свою лошадь, и я сделаю все, что ты хочешь* (Лермонтов); *Чего женщина не сделает, чтобы огорчить соперницу?* (Лермонтов);

Всё сделаю, решительно всё сделаю, чтобы помочь ему (Л. Толстой); [Лиза] *Ну так скажите ему, чтобы он вернулся, что ничего не было, что всё забыто. Сделайте это из любви к нему и дружбы к нам.* [Каренин] *Сделаю всё, что могу* (Л. Толстой).

Кроме этой своей способности, гл. *делать / сделать* может означать широкий круг сообщений, относящихся к сфере собственно действий, поступков, воздействий, поведений, занятий и др. Этим глаголом (и связанными с ним соответствующей функцией другими дейктическими глаголами показанного выше ряда) означаются следующие типы сообщений: 1) о собственно действии, единичном активном акте – физическом, умственном, волевом; 2) о поступке как о действии сознательном, неслучайном; 3) о поступке как о начинании, направленном на исполнение; 4) о поступке как исполнении, завершении, использовании; 5) о причинении чего-нибудь кому-нибудь, о порождении, результате; 6) о деятельности, занятии; 7) о поведении; 8) о времяпрепровождении; 9) об образе жизни.

Каждое из таких сообщений может быть означено глаголом *делать / сделать*, к которому обращены те или иные глаголы, обладающие суженной (частной) дейктической функцией (см. выше). Такие сообщения грамматически могут быть оформлены по-разному: это могут быть предложения глагольные или неглагольные, с разными формами предиката. В дальнейшем изложении для иллюстрации соответствующих типов сообщений будут приводиться предложения с гл. *делать / сделать* (под цифрой 1) и предложения с другими относящимися сюда дейктическими глаголами (под цифрой 2); предложения, содержащие тот же смысл, но не заключающие в себе дейктического глагола, будут приводиться (под цифрой 3) только в необходимых случаях, тогда, когда тот или иной тип сообщения требует соответствующей иллюстрации.

I. Сообщение о собственно действии как единичном активном акте, исходящем от активного и определенного субъекта: *что он делает / сделал?* Глаголы: *делать / сделать, вершить / свершить* (высок.), *творить / сотворить* (высок.).

1) – *Да наши предки Рим спасли! – Всё так, да вы что сделали такое? – Мы? Ничего!* (Крылов); *Как часто, что-нибудь мы сделавши худого, Кладём вину в том на другого* (Крылов); *Вы видите, что я играю в ваших глазах самую жалкую и гадкую роль и даже в этом признаюсь. И это всё, что я могу для вас сделать* (Лермонтов); *Думая о близкой возможности смерти, я думаю об одном себе; иные не делают и этого* (Лермонтов); [Федя] *Я негодяй. Но есть вещи, которые я не могу спокойно делать. Не могу спокойно лгать* (Л. Толстой).

2) *Вспомни, матушка царица, Ведь нельзя переродиться, Чудо Бог один творит* (Ершов); [Царь] *Нет, милости не чувствует народ: Твори добро – не скажет он спасибо* (Пушкин); [Басманов] *Дай Бог ему с Отрепьевым проклятым Управиться, и много, много он Добра в России совершит* (Пушкин).

Такие сообщения строятся с глаголами, называющими разовое (разовые или повторяющиеся) действие, исходящее от активного субъекта – совершающего физическое действие, движение, волевой акт, действующего интеллектуально или эмоционально, говорящего, вступающего в контакт с кем-л. Кроме глагольного предложения такое сообщение может быть оформлено и без участия спрягаемой формы глагола: а) так наз. «глагольным междометием»; б) инфинитивом; в) предложением со сказуемым – именем в косвенном падеже и некот. др. – в том случае, когда речь идет об активном единичном действии, непосредственно исходящем от субъекта, например: *Татьяна ах!, а он реветь* (Пушкин); *Мартышка, в Зеркале увидя образ свой, тихохонько Медведя толк ногой* (Крылов); *Шалун какой-то тень свою хотел поймать: Он к ней, она вперед; он шагу прибавлять, Она туда ж; он, наконец, бежать* (Крылов); *она, Одной ногой касаясь пола, Другую медленно кружит. И вдруг – прыжок, и вдруг летит...* (Пушкин); [Чацкий] *Вон из Москвы! Сюда я больше не ездук!* (Грибоедов); [Лиза] *Улыбочка и пара слов, И кто влюблен – на все готов* (Грибоедов); [Устинья Наумовна] (садясь) *Присесть, серебряная. Измучилась я нынче* (Островский).

II. Сообщение о поступке как о действии, осуществляемом намеренно, неслучайно, возможно – обдуманном: *что сделал / делает, как поступил / поступает?* Глаголы: *сделать / делать, поступить / поступать.*

1) *В Москве, видно, барышни подались в ученость – и хорошо делают, право!* (Лермонтов); [Лепорелло] *А завтра же до короля дойдет, Что Дон Гуан из ссылки самовольно В Мадрид явился, – что тогда, скажите, Он с вами сделает. – [Дон Гуан] Пошлет назад. Уж верно головы мне не отрубят* (Пушкин); [Герцог] *Это очень странно, Или вам стыдно за него?* [Барон] *Да... стыдно.* [Герцог] *Но что же сделал он?* (Пушкин); [Маша] *А что ты плохо живешь, пьешь да кутишь. А ты живой человек – брось. [Федя] Легко сказать. [Маша] И сделай так* (Л. Толстой); *На другой день он объявил регенту свое намерение немедленно отправиться в Россию. – Подумайте о том, что вы делаете, – сказал ему герцог* (Пушкин); [Липочка] *Что же это такое со мной делают? Воспитывали, воспитывали, потом и обанкротились!* (Островский).

2) *Как братья, все друг с другом поступают* (Крылов); [София] *Я очень ветрено быть может, поступила. И знаю, и винюсь; Но где же изменила? Кому...?* (Грибоедов); ... *в тот страшный час Вы поступили благородно* (Пушкин); *Вы согласитесь, мой читатель, Что очень мило поступил С печальной Таней наш приятель* (Пушкин); [Подхалюзин] *...потому он сам несправедливо поступает, против закона идет* (Островский).

Сообщения о поступке обычно заключены в собственно глагольных предложениях, сравн.: *И сам не знаю я, как впал во искушенье; Ах, наустил меня проклятый бес!* (Крылов);

Зачем ты, Балда, к нам залез? (Пушкин); *Впервые входила она в тайные, тесные сношения с молодым мужчиною* (Пушкин).

III. Сообщение о поступке как начинании, направленном на исполнение: *что сделал? что предпринял?* Глаголы: *делать / сделать, предпринять / предпринимать*.

1) [Лаура] *Что там? Убит? прекрасно! в комнате моей! Что делать мне теперь, повеса, дьявол? Куда я выброшу его?* (Пушкин); *Если решитесь прибегнуть ко мне, то принесите кольцо сюда, опустите его в дупло этого дуба. Я буду знать, что делать* (Пушкин); ... *будьте спокойны, я им не поддамся. – Что же вы хотите делать? – Это моя тайна* (Лермонтов); *Многие, невольно вскрикнув, схватили его за руки. – Что ты хочешь делать? Послушай, это же сумасшествие, – закричали ему* (Лермонтов).

2) ...*дал обещание, что он ничего не предпримет тайно от родителей* (Л. Толстой. БСл); *Надо было что-то предпринимать. Стоять неподвижно перед толпой было невозможно* (Н. Островский. БСл).

Такой смысл заключен обычно в собственно глагольных предложениях, например: [Фамусов] *Молчать! Ужасный век! Не знаешь, что начать!* (Грибоедов).

IV. Сообщение о поступке как исполнении, использовании, завершении: *что сделал? что устроил?* Глаголы: *сделать / сделать, исполнить / исполнять, призвести / производить, устроить, учинить, сладить (разг.), употребить (устар.)*.

1) *А что же сделал он такого? Всего-то лил часа два-три* (Крылов); *И, узнав, что караульщика нет, что лошади в денниках, в конюшне, – подвел воров и сделал все дело* (Л. Толстой).

2) [Графиня-бабушка] *Что? что? Уж нет ли здесь пожара?* [Загорецкий] *Нет, Чацкий произвел всю эту кутерьму* (Грибоедов); *Если Алексей будет у меня всякий день, то Бетси должна же будет в него влюбиться. Это в порядке вещей. Время все сладит* (Пушкин); *Устрой лишь так, чтобы тебя отныне Недолго я еще благодарил* (Лермонтов); ... *решил вернуть свои деньги. И устроил дело* (Л. Толстой); *Выходит, что Бог не понимал того, что нужно, и потому, не спросившись у волхвов, дурно устроил* (Л. Толстой); *Да скажите, что же я мог сделать? Ведь я употребил все, чтобы удержать ее: я говорил и о средствах, и о детях, которых мы должны оставить, и о моих делах, – она ничего слышать не хочет* (Л. Толстой); *Но он исполнил все то, что было заложено в него Богом, за то он и должен называться великим человеком* (Л. Толстой).

V. Сообщение о причинении чего-н. кому-н., о результате, о том, что вызвано чем-н.: *что сделал? что причинил?* Глаголы: *делать / сделать, причинить / чинить (устар.) / причинять, приключить кому что (устар.)*.

1) *Да что же я сделал матушке твоей? – Что ты сделал? ... Кто просил тебя писать на меня доносы?* (Пушкин); *Вся кровь от яду в нем горит. Что сделал я тебе? – Змее он*

говорит (Крылов); *Любовь как огонь, без пищи гаснет. Авось ревность сделает то, чего не могли мои просьбы* (Лермонтов); *Страшная вещь музыка. Что это такое? Я не понимаю. Что такое музыка? Что она делает? И зачем она делает то, что она делает?* (Л. Толстой); [3-ий мужик] *Вот что делает вино-то!* (Л. Толстой); *Не делай другому того, чего не хочешь себе* (посл.).

2) *Не приключи нигде ни бед, ни горя, Вода моя до самого бы моря Так докатилась чиста, как серебро* (Крылов); *Простите мне огорчения, которые я вам причинила* (Тургенев. БСл).

В старом языке *причинять* – без негативного оттенка: ... *какую красоту причиняет слово* (Лажечников, БСл); *Стрельба в цель укрепляет руку и причиняет верность глазу* (Козьма Прутков, БСл).

VI. Сообщение о деятельности: а) о многих одновременно совершаемых целенаправленных поступках, действиях (*делать, действовать*) или б) о постоянной деятельности, занятиях (*что делает? чем занимается?*). Глаголы: *делать, действовать; заниматься, быть занятым, исправлять дело* (устар.).

а) *Как действует кто-нибудь?*

Вы пишете мне: действуйте или дайте мне действовать. Как скоро получу рукопись переписанную, тотчас и начну. Это не может и не должно мешать вам действовать с вашей стороны (Пушкин, письмо Н.Н. Дуровой, 1836); *Мысль быть сподвижником великого человека и совокупно с ним действовать на судьбу великого народа возбудила в нем в первый раз благородное чувство человеколюбия* (Пушкин); *Отец Сергей заметил, что купец что-то строго действует, и слабым голосом сказал келейнику, чтобы тот не гнал народ* (Л. Толстой).

б) *Чем занимается, что делает, чем занят?*

1) *Но так как, живучи, я был здоровьем слаб, То сам я областью не правил, А все дела секретарю оставил. – Что ж делал ты? – Пиш, ел и спал, Да всё подписывал, что он ни подавал* (Крылов); *А что же делает супруга Одна в отсутствии супруга? Занятий мало ль есть у ней: Грибы солить, кормить гусей, Заказывать обед и ужин, В амбар и в погреб заглянуть* (Пушкин); *Скажите какой-нибудь матушке или самой девушке правду, что она только тем и занята, чтобы ловить жениха. Боже, какая обида! А ведь они все только это и делают. И больше им делать нечего* (Л. Толстой); ... *с пятью рублями пришел домой. Дома делать нечего было: лошади не было* (Л. Толстой); – *Вы замужем? – Да. – А муж ваш что делает? – Работает в Югославии* (Бунин); 2) *Как я рад, – продолжал Корсаков, – что еще не умер от скуки в этом варварском Петербурге. Что здесь делают, чем занимаются?* (Пушкин).

Сообщения этого типа строятся предложениями как глагольными, так и именными. Таков смысл, например, следующих именных предложений:

[Фамусов] ... *день целый Нет отдыха, мечусь как словно угорелый. По должности, по службе хлопотня, Тот пристаёт, другой, Всем дело до меня!* (Грибоедов); *Там [в суде] уже был обмят тот хомут, в котором он работал: он сразу попал в него. Просители, справки в канцелярии, сама канцелярия, заседания – публичные и распорядительные* (Л. Толстой).

Сравн. один и тот же смысл ('заниматься чем') в соседствующих безглагольном и глагольном предложениях: *Вот тут отдохните. А мне идти надо. – Куда? – Уроки у меня тут: совестно говорить – музыке учу* (Л. Толстой).

VII. Сообщение о поведении: *что делает? как себя ведет? как держится?*
Глаголы: *делать, вести себя, держаться, держать себя.*

1) Многочисленная челядь ее, разжирев и поседев в ее передней и девичьей, делала что хотела, наперерыв обкрадывая умирающую старуху (Пушкин); [Фамусов] *Вот то-то, все вы гордецы! Спросились бы, как делали отцы? Учились бы, на старших глядя* (Грибоедов); *А вы, что делали, скажите, в это время? Когда в полях чужих Он гордо погибал, Вы потрясали власть избранную как бремя? Точили в темноте кинжал?* (Лермонтов); *Ну хоть бы как те, в Саратове, кажется, поехали и замерзли. Ну, что бы наши сделали? Как бы вели себя? Да, наверно, подло. Каждый бы за себя. Да и я тоже подло вела бы себя* (Л. Толстой); [Федя] *Или третье: забыться, пить, гулять, петь. Это самое я и делал. И вот допелся* (Л. Толстой); [Акулина Кондратьевна] *Сама ты, мать, посуди, что я буду с благородным-то зятем делать? Я и слова-то сказать с ним не умею, словно в лесу* (Островский.).

2) [Фамусов] *Пожалоста при нем веди себя скромненько ...* (Грибоедов); [Фамусов] *Вы повели себя исправно, Давно полковники, а служите недавно* (Грибоедов); *Здравствуй, друг мой Павел! Держись моих правил: Делай то-то, то-то, Не делай того-то. Кажется, что ясно: Прощай, мой прекрасный* (Пушкин).

3) Сообщения, заключающие в себе смысл «вести себя как, кем», оформляются или развернутым описательным текстом (а), или специальными глаголами, составляющими достаточно широкий подкласс внутри глаголов со значением действия (б), фразеологизмами (в) либо именными (безглагольными) предложениями (г).

а) *Один Иван Петрович был как дома: ел за двоих, пил в свою меру, смеялся своему смеху и час от часу дружелюбнее разговаривал и хохотал* (Пушкин); *Грушницкий юнкер. Он только год в службе; носит по особенному роду франтовства толстую солдатскую шинель... Он закидывает голову назад, когда говорит, и поминутно крутит усы левой рукой* (Лермонтов); *Сначала, чтя его особу превысоку, Не смеет подступить из подданных никто: Со страхом на него глядят оне, и то Украдкой, издали, сквозь аир и осоку* (Крылов).

б) Глаголы: *блажить, дурить, дурачиться, дичиться, гоняться за кем* ('добиваться внимания'), *повесничать, хозяйничать, не церемониться с кем, увиваться за кем, удариться во что* (в разгул), *разливаться* (в пирах, в мотовстве), *сумасбродить, чиниться с кем, чудесить* и мн. др. (более 100 глаголов).

в) Фразеол.: *На сей раз Бог простит, Но берегись вперед И знай, с кем шутишь!* (Крылов); ... *размышлял о том, какую роль играть ему в присутствии Лизы* (Пушкин); ... *Они немножечко дерут; Зато уж в рот хмельного не берут, И все с прекрасным поведением* (Крылов); *моду взял кто (делать что-то), дня не проведет кто без чего, мелким бесом рассыпаться, быть как дома, много позволять себе и мн. др.*

г) Неглагольные предложения: [Репетилов] *Не любишь ты меня, естественное дело: С другими я и так и сяк, С тобою говорю несмело, Я жалок, я смешон, я неуч, я дурак* (Грибоедов); [Хлестова] ... *Сердитая! все кошачьи хватки!* (Грибоедов); [Чацкий] *Как суется! Что за прыть!* (Грибоедов); *Смотрите: вот пример для вас! Он горд был, не ужился с нами* (Лермонтов).

VIII. Сообщение о времяпрепровождении: *что делает? как проводит время?*
Глаголы: *делать, проводить время.*

1) *В глуши что делать в эту пору? Гулять? Деревня той порой Невольно докучает взору Однообразной наготой. Скакать верхом в степи суровой? Но конь, притупленной подковой Неверный зацепляя лед, Того и жди, что упадет. Сиди под кровлю пустынной, Читай: вот Прадт, вот W. Scott. Не хочешь? –поверяй расход, Сердись, иль пей, и вечер длинный Кой-как пройдет, а завтра тож, И славно зиму проведешь* (Пушкин).

2) *Один среди своих владений, Чтоб только время проводить, Сперва задумал наш Евгений Порядок новый учредить* (Пушкин); [Лепорелло] *Вы Приятнее здесь время проводили – Чем я, поверьте* (Пушкин).

Здесь обычны сообщения с сочетаниями *проводить дни, провести день (вечер, ночь), провести лето (зиму, осень, месяц)* и под.: *Потом не могут уж расстаться И целые проводят вместе дни* (Крылов); [Молчалин] *Поди, Надежды много впереди, Без свадьбы время проволочим* (Грибоедов); *Он три часа по крайней мере Пред зеркалами проводил* (Пушкин); *Я не держу тебя; но где ты Свои проводишь вечера?* (Пушкин); *Лето он провел в своей деревне, устривая свои дела* (Л. Толстой).

IX. Сообщение об образе жизни: *что делает? какую жизнь ведет? какое имеет обыкновение? каков образ жизни?* Глаголы и глагольные фразеологизмы: *делать, вести жизнь, иметь обыкновение.*

1) *Ты хочешь знать, что делал я На воле? Жил, и жизнь моя Без этих трех блаженных дней Была б печальней и мрачней Бессильной старости твоей* (Лермонтов). Сравн. игру слов: [Франц] *Помилуй, батюшка, за что ты на меня сердиться? Я, кажется, ничего не делаю.* [Мартын] *Ничего не делаю! то-то и худо, что ничего не делаешь. Ты ленивец, даром хлеб ешь, ешь да небо коптишь* (Пушкин).

2) *Он вел жизнь самую рассеянную: торчал на всех балах, объедался на всех дипломатических обедах* (Пушкин); *Мы ведем жизнь довольно прозаическую* (Лермонтов);

Покамест мирно жизнь она вела, Не думая о балах, о Париже, Ни о дворе (Пушкин); *Каждому казалось, что та жизнь, которую он ведет, есть одна истинная жизнь* (Л. Толстой). С вариантами фразеологизма: *Презрев оковы просвещенья, Алеко волен как они; Он без забот и сожаленья Ведет кочующие дни* (Пушкин); [Григорий] *Как весело провел свою ты младость! Ты воевал под стенами Казани...* (Пушкин); *Он стада малого был мирный обладатель И век спокойно проводил* (Крылов); *И так он свой несчастный век Влачил, ни зверь, ни человек, Ни то ни се, ни житель света, Ни призрак мертвый...* (Пушкин).

3) Кроме глагольных предложений, это смысл может выражаться именными предложениями, включая и собственно номинативные, например: *Прогулки, чтение, сон глубокой, Лесная тень, журчанье струй, Порой белянки черноокой Младой и свежий поцелуй, Узде послушный конь ретивый, Обед довольно прихотливый, Бутылка светлого вина, Уединенье, тишина: Вот жизнь Онегина святая* (Пушкин); [Чацкий] *Нам, Алексей Степаныч, с вами Не удалось сказать двух слов. Ну, образ жизни ваш каков? Без горя нынче? без печали?* [Молчалин] *Попрежнему-с.* [Чацкий] *А прежде как жилали?* [Молчалин] *День за день, нынче как вчера.* [Чацкий] *К перу от карт? и к картам от пера? И положенный час приливам и отливам?* (Грибоедов).

Таким образом, дейктический глагол *делать / сделать* участвует в значении как единичного действия, исходящего от активно действующего субъекта, так и действий, складывающихся в деятельность, занятие, или поступков, действий, образующих поведение, времяпрепровождение, образ жизни. Этот глагол возглавляет ряд дейктических единиц – глаголов и глагольных фразеологизмов, – на одном полюсе которого стоит сам этот глагол как единица с наиболее широким кругом функций, а на другом – единицы с ограниченным кругом функций, такие, как *вести себя, вести образ жизни* или *причинить, сладить, устроить*.

Глагол *делать* в своей функции значения активного действия никогда не коррелирует с *каково*, в отличие от *иметь место* и *испытывать состояние*, где такая корреляция присутствует и своим существованием реализует связь между классом дейктических глаголов и местоимений.

Делаться

В общей системе русских дейктических глаголов глагол *делаться* относится к сфере значения таких ситуаций (случаев, событий, происшествий), которые, в отличие от *быть* (*существовать, иметь место, иметься, наличествовать*), представляют собой некую динамическую картинку, сценку, где – определённо или в скрытой форме – присутствует или активный деятель (деятели), или тот (те), на кого такая деятельность направлена. Глагол *делаться* возглавляет собою ряд дейктических глаголов, так или иначе дифференцирующих этот

общий смысл. Этот ряд имеет следующий вид: *делаться / сделаться, выходить / выйти, дойти / доходить (до чего), обернуться / оборачиваться (чем), обойтись / обходиться (как), повернуться / поворачиваться (как), получиться / получаться, приходиться / прийтись, приключиться / приключаться, произойти / происходить, сбыться / сбываться, случиться / случаться, совершиться / совершаться, свершиться / свершиться, стать ('произойти'), статья, стрястись, твориться / сотвориться, устроиться / устраиваться.* Все эти глаголы распределены по частным смыслам, и только глаголы *делаться / сделаться* способны означать любой из этих частных смыслов. Обращает на себя внимание то, что этот ряд, в отличие от других дейктических глагольных микросистем, не имеет в своем составе устойчивых глагольных сочетаний (за исключением, по-видимому, единственного сочетания *пасть / выпасть на долю* 'прийтись, случиться').

Наши толковые словари очень скупо и неполно описывают семантическую структуру гл. *делаться / сделаться* (в отличие от *быть*); между тем, она достаточно сложна, и частные смыслы, заключенные в этом глаголе, образуют далеко не простую систему. За каждым из перечисленных выше глаголов стоит определенный тип сообщения. В строе текста, в речи само сообщение далеко не всегда включает в себя соответствующий дейктический глагол (и даже, гораздо чаще, не включает его), но оно может быть означено дейктическим глаголом, передающим самый отвлеченный смысл сообщаемого: информацию о событии, случае, происшествии, о событии как об ожидаемом результате, о событии неожиданном, прерывающем сложившийся ход вещей и др. (см. ниже).

Глагол *делаться / сделаться* способен означать следующие смыслы сообщаемого¹: **1)** сообщение о ситуации, возникающей на «несобытийном фоне» и спокойно вписывающейся в этот фон, в сложившийся или текущий ход вещей; **2)** сообщение о ситуации, нарушающей сложившийся или обычный ход вещей; **3)** сообщение о неожиданной, непредвиденной ситуации, нарушающей ход вещей; **4)** сообщение о стечении активных ситуаций, складывающихся в целостную картину; **5)** сообщение о единичной случайной ситуации, о собственно случае; **6)** сообщение о происшествии, ломающем, «взрывающем» ход вещей, о приключении; **7)** сообщение о ситуации, сложившейся как следствие, результат, итог того, что ей предшествовало; **8)** сообщение о беспокойном эмоциональном внутреннем состоянии, о борьбе чувств. Дейктические глаголы распределены по функциям означения всех этих частных смыслов показанного выше ряда; важно при этом иметь в виду, что один и тот же глагол может означать не один из названных частных смыслов, а несколько; однако «малые ряды», относящиеся к каждому из этих

¹ Здесь оставляются в стороне следующие значения этого глагола: 1) значение перехода из одного состояния в другое (полузнаменательность), например: *На улице совсем весна делается; Делается тепло* и 2) страдательное значение, например: *Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается* (посл.); сравн.: *Дома, Федору Михайловичу казалось, все делалось ему наперекор* (Л. Толстой).

смыслов в отдельности, никогда полностью не накладываются друг на друга. Наиболее свободны в своих возможностях сам гл. *делаться / сделаться* (он способен означать любой из названных смыслов), а также глаголы *произойти / происходить, случиться / случаться*, способные означать не один, а несколько частных смыслов; функции других глаголов уже и иногда ограничены возможностью означения лишь одного из названных выше частных смыслов (см., например, *статься, выйти, получиться, обернуться, устроиться* или *страстись, приключиться*).

Далее рассмотрим все названные частные смыслы, объединяющиеся в гл. *делаться / сделаться*, и проиллюстрируем их материалами из русской классической литературы; под цифрой (1) приводятся сообщения, означенные самим дейктическим глаголом, под цифрой (2) – сообщения, не заключающие в себе такого глагола, но способные быть им означенными.

I. Сообщение о единичной, отдельной ситуации, возникающей на «несобытийном фоне» и вписывающейся в ход вещей как одна из ситуаций, естественно входящая в общее течение событий: *Что произошло? Что сделалось?*

(1) *Все сели, опять спросили о здоровье. Произошло молчание. Лиза спросила у матери о бинокле. Произошли пререкания между матерью и дочерью, кто куда его дел* (Л. Толстой).

(2) *Успех нас первый окрылил* (Пушкин); *Братья милую девицу Полюбили. К ней в светлицу Раз, лишь только рассвело, Всех их семеро вошло* (Пушкин).

II. Сообщение о ситуации, нарушающей ход вещей, их течение вследствие вмешательства чьей-нибудь активности, посторонних обстоятельств: *Что произошло? Что сделалось? Что приключилось?*

(1) *В долгом времени, Аль вскоре, Приключилося им горе: Кто-то в поле стал ходить И пшеницу шевелить* (Ершов); [Чацкий] *Уж Софье Павловне какой Не приключилось ли печали?* (Грибоедов); *Спокоен от Мышей Купчина: По кладовым и день и ночь дозор; И всё бы хорошо, да сделалась причина: В дозорных появился вор* (Крылов); *Жива ли, нет ли, Бог весть. Всякое случается* (Пушкин); *Он часто удивлялся тому, как это случилось, что ему, Степану Касатскому довелось быть таким необыкновенным угодником и прямо чудотворцем* (Л. Толстой).

(2) – *О други! – начал Лев. – По множеству грехов Подпали мы под сильный гнев богов* (Крылов), [Лиза] *Мне-с... ваша тетушка на ум теперь пришла, Как молодой француз сбежал у ней из дому, Голубушка! хотела схоронить Свою досаду, не сумела...* (Грибоедов); *Вот однажды царь Дадон Страшным шумом пробужден* (Пушкин); – *Обидел кто тебя, Скажи; Хоть только след нам укажи* (Пушкин); [Репетилов] *Пускай лишусь жены, детей,*

Оставлен буду целым светом, Пускай умру на месте этом, Да разразит меня Господь... (Грибоедов).

III. Сообщение о неожиданной, непредвиденной ситуации, о том, что произошло вдруг, внезапно. *Что вдруг сделалось? Что произошло? Что случилось? Что приключилось?*

(1) [Басманов] *Что сделалось такое?* [Пятый] *Царь занемог.* [Шестой] *Царь умирает.* [Басманов] *Боже!* (Пушкин).

(2) *Наутро сваха к ним на двор Нежданная приходит* (Пушкин); *Ведь кошка, говорят, попала в когти к Льву* (Крылов); *Волк ночью, думая залезть в овчарню, Попал на псарню* (Крылов); *В нежданной встрече сын Гасуба Ружой завистника убит Вблизи развалин Татартуба* (Пушкин); *И пришлось нам нежданно-негаданно хоронить молодого стрелка* (Некрасов).

Сюда относятся сообщения, строящиеся со словами и фразеологизмами, заключающими в себе смысл внезапности, неожиданности: *вдруг, как вдруг; очутиться, оказаться, попасться; встретить, повстречать(ся); ахнуть не успел, оглянуться не успел, откуда ни возьмись, только успел, как:*

Тихонько брел домой проселочным путем, Как вдруг Разбойнику попался (Крылов); *Вдруг это мертвое лицо изменилось неузнаваемо* (Пушкин); *Рассуждая таким образом, очутился он в одной из главных улиц Петербурга, перед домом старинной архитектуры* (Пушкин); *Только вымолвить успела, Дверь тихонько заскрипела, И в светлицу входит царь, Стороны той государь* (Пушкин).

IV. Сообщение о стечении активных ситуаций, складывающихся в общую картину: *Что делается? Что происходит? Что творится (где-нибудь, у кого-нибудь, кругом)?*

(1) *По его словам, я отряжен был от Пугачева в Оренбург шпионом, ежедневно выезжал на перестрелки, дабы передавать письменные известия обо всем, что делается в городе* (Пушкин); *Но возвратимся к добрым ненарадновским помещикам и посмотрим, что-то у них делается? А ничего* (Пушкин); *... притворившись дураком, казалось, не обращал никакого внимания на все, что около него делалось* (Пушкин); *Все было так, как он ожидал: все было так, как всегда делается. И ожидание, и важность напускная докторская, и выстукивание, и выслушивание, и значительный вид* (Л. Толстой).

(2) *Медведь повалился. Все сбежались, дверь отворилась, Кирила Петрович вошел, изумленный развязкой своей шутки* (Пушкин); [София] *Мы в темной комнате. Для довершенья чуда Раскрылся пол – И вы оттуда, Бледны как смерть, и дыбом волоса! Тут с громом распахнулись двери Какие-то не люди и не звери, Нас врознь – и мучили сидевшего со мной* (Грибоедов).

V. Сообщение о случае, случайной разовой ситуации: *Что сделалось? Что случилось?*

(1) *Ягненок в жаркий день зашел к ручью напиться; И надобно ж беде случиться, Что около тех мест голодный рыскал Волк* (Крылов); *По счастью, близко тут Журавль случился* (Крылов); [Фамусов] *На куртаге ему случилось оступиться; Упал, да так, Что чуть затылка не прошиб* (Грибоедов); *Лиза прибегает в слезах. – Что? Что-нибудь сделалось? – Мамы не слышно* (Л. Толстой).

(2) *Иной бы был такой доволен частью; Но Скворушка услышь, что хвалят соловья (Крылов); Он хотел в открытых игорных домах Парижа вынудить клад у очарованной Фортуны. Случай избавил его от хлопот (Пушкин); А, старый хрыч, – сказал Пугачев. – Опять Бог дал свидеться (Пушкин).*

VI. Сообщение о происшествии, об экстраординарной ситуации, «взрывающей» ход вещей: *Что сделалось? Что случилось? Что произошло? Что стряслось? Что совершилось?*

(1) *Убирайтесь все отсюда! Здесь сейчас случится чудо (Ершов); Сделалось смятение. Люди бросились в комнату старого барина (Пушкин).*

(2) [Фамусов] *А? бунт? ну так и жду содома (Грибоедов); Надеждой счастье сперва ему польстило; Но бурю корабль разбило (Крылов); Государь! проснись! беда! – Что такое, господа? ...А? ... кто там? беда какая? Воевода говорит: Петушок опять кричит (Пушкин); Осада! приступ! злые волны, Как воры, лезут в окна (Пушкин).*

VII. Сообщение о ситуации как итоге, следствии, ожидаемом или неожиданном результате, исходе: *Что сделалось? Что получилось? Что вышло? Что стало? Что сбылось?*

(1) *Пугачев мог проведать истину и другим образом... Тогда что станется с Марией Ивановной? (Пушкин); Нет, она хорошо сделала, что умерла! Ну, что бы с ней стало, если бы Григорий Александрович ее покинул? (Лермонтов); Петр Андреич сочинил недавно песню и сегодня запел ее при мне, а я затянул свою любимую... Вышла разладица (Пушкин); [Подхалюзин] Я это к примеру говорю – в добрый час молвить, в худой промолчать, от слова не станется (Островский); К нему [идеалу] всегда стремились и стремятся люди. И посмотрите, что выходит. Выходит, что плотская любовь – это спасительный клапан (Л. Толстой).*

Тот же смысл с наращением компонента собственно конца (а) или оценки (б):

а) *Дошло что до чего, довело что до чего, пришло ('дошло до чего'): Не может Волк ни охнуть, ни вздохнуть, Пришло хоть ноги протянуть! (Крылов); Коль до когтей у них дойдет, То, верно, Льву не быть живому (Крылов); ...Все перероет, пересадит На новый лад и образец. Какой же выдался конец? (Крылов);*

б) *И на этот уже раз Обошлось без проказ (Ершов); Сегодня удалось, А завтра кто порукой? (Крылов); Он должен был настоять на том, чтобы дело обошлось как можно секретнее (Лермонтов); в разговорной речи: Все устроилось к лучшему.*

К этому смыслу относятся устойчивые сочетания: *так получилось, может стать, вышло так, что..., как бы чего не вышло* и некоторые другие.

(2) *Проказники тут до того шумели, Что захватило их в дыму* (Крылов); *А Балда наделал такого шума, Что все море смутилось И волнами так и расходилось* (Пушкин); [Фамусов] *Дай волю вам, Оно бы и засело* (Грибоедов); *А если корень иссушится, Не станет дерева, ни вас* (Крылов).

VIII. Всем сообщениям, описанным под пп. I–VII и относящимся к внешним ситуациям, противопоставлены сообщения о внутреннем состоянии субъекта а) как о сложном беспокойном движении чувств: *что делается, что происходит, что творится в ком / в душе у кого / с кем?* и б) как о состоянии субъекта, предопределенном каким-нибудь внешним воздействием: *что сделалось с кем?*

а) *И что с ним делается теперь? О чем он думает и грустит?* (Л. Толстой); *Но как она может не понимать этого, и что в ней делается? – говорил он себе* (Л. Толстой); *Ей казалось, что он насквозь видит ее и понимает все то нехорошее, что в ней делается* (Л. Толстой); *Степан Аркадьевич улыбнулся. Он понимал, что делалось в душе Левина* (Л. Толстой); *...Как огромно и значительно кажется ей, бедняжке, то, что происходит теперь в её душе* (Л. Толстой).

б) *Что это с вами сделалось? – сказала она, увидев меня. – Как вы бледны!* (Пушкин); [Лепорелло] – *Ай, ай! умру!* [Дон Гуан] – *Что сделалось с тобой?* [Лепорелло] – *Статуя...* (Пушкин). Сравн. безглагольные фразеологизмы: *что с ним? что с тобой? что со мной?*

В устойчивом сочетании *что делается / сделается кому* смысл, описанный в п. (б), осложнен смыслом устойчивого невосприятия субъектом какого-н. внешнего воздействия: *что ему делается* значит ‘ничего с ним не делается, не произойдет, он не таков, чтобы с ним что-нибудь случилось’: – *А что Казбич? – спросил я нетерпеливо у штабс-капитана. – Да что этому народу делается! ...ведь ускользнул!* (Лермонтов); [Устинья Наумовна] *Здравствуй, живая душа! Каково попрыгиваешь?* [Подхалюзин] *Что нам делается* (Островский).

Как уже сказано, глаголы, перечисленные вначале как закрытый ряд, неравнозначны с точки зрения своих функций: такие глаголы, как *делаться, происходить, случаться*, составляют центр этого ряда: они могут означать разные ситуации, события, случаи; другие глаголы, такие, как *статься, выйти, устроиться* и некоторые другие, образуют периферию и прикреплены только к определенным видам сообщений. Однако во всех случаях с полной определенностью обнаруживается действительная функция каждого из глаголов, группирующихся вокруг гл. *делаться / сделаться, происходить / произойти, случаться / случиться*.

Покажем на одном ярком примере то качество глагола *случиться*, которое делает его способным означать как собственно случай, так и неожиданную ситуацию или событие, складывающиеся из последовательно осуществляемых поступков, действий: «В Петербурге в

сороковых годах случилось удивившее всех событие: красавец, князь, командир лейб-эскадрона кирасирского полка, которому все предсказывали и флигель-адъютантство и блестящую карьеру при императоре Николае I, за месяц до свадьбы с красавицей-фрейлиной, пользовавшейся особой милостью императрицы, подал в отставку, разорвал свою связь с невестой, отдал небольшое имение свое сестре и уехал в монастырь, с намерением поступить в него монахом» (Л. Толстой, «Отец Сергей», I, начало повести).

Иметь место

Дейктическим сочетанием *иметь место* ('наличествовать', 'быть где и когда') означает сообщение о несобытийной ситуации, т. е. о таком «кусочке действительности», который непосредственно не связан ни с какой активной деятельностью, с деятелем либо с происшествием, случаем, окказиональной и неожиданной ситуацией, врывающейся в ход вещей, его нарушающей или пресекающей. Предметом сообщения здесь является такая ситуация, которая предстает как спокойно изображаемая, рисуемая, целиком относимая к плану развертывающегося повествования. Классическим примером здесь могут служить общеотрицательные предложения, открываемые негацией, – обычно при сопоставлении сообщений об отрицаемом и утверждаемом, например: *Не серна под утес уходит, Орла послыша тяжкий лёт; Одна в сенях невеста бродит, Трепещет и решенья ждет* (Пушкин). В своем элементарном виде – это всегда относительно законченное сообщение о внешней обстановке, о внешней несобытийной ситуации, в которой деятель либо носитель состояния или вообще исключен, или является «мнимым», нужным только для того, чтобы стать в центре повествования как то, вокруг чего создается некая «картинка». Применительно к такой ситуации всегда правомерен вопрос «Что там?», «Каково положение вещей?», «Какова наличествующая, текущая ситуация?»; сравн.: *Старый князь, ступая на пятку, ходил по кабинету и послал Тихона к Марье Богдановне спросить: что? – Только скажи: князь приказал спросить что? и приди скажи, что она скажет. – Доложи князю, что роды начались* (Л. Толстой).

Можно назвать несколько основных типов ситуаций, которые способны быть означены дейктическим сочетанием «иметь место»; это, во-первых, ситуация собственно бытийного природного состояния либо ситуация внешней обстановки, а также несобытийная ситуация с «мнимым субъектом»; во-вторых, несобытийная ситуация со скрытым или устраненным субъектом либо такая ситуация с субъектом пассивного состояния. В любом случае – это сообщения о внешнем положении, не связанном с активной деятельностью определенного субъекта, с его целенаправленным поступком, волей, чувством; присутствие такого субъекта здесь или исключено или представлено косвенно, неопределенно, сквозь призму ситуации, к которой тот или иной субъект имеет некоторое касательство. Рассмотрим каждую из таких ситуаций и более частные их разновидности.

I. Собственно бытийная ситуация – природное состояние окружающей среды, погоды. Здесь смысл «иметь место» смыкается со смыслом «каково где и когда»: *На дворе холодно, тепло; За окном метель, вьюга; Ненастье, дождь; Холод, ветер.* Здесь обычны предложения не только с предикативом, но и глагольные:

[София] *Сидим, а на дворе давно уж побелело* (Грибоедов); *Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю Слугу, несущего мне утром чашку чаю, Вопросами: тепло ль? утихла ли метель? Пороша есть иль нет?* (Пушкин); *В тот год осенняя погода Стояла долго на дворе* (Пушкин); *Все дороги занесло* (Пушкин); *Весеннее солнце взошло и жар уже напевал* (Пушкин); *В четверг ветер затих и надвинулся густой туман* (Л. Толстой); *Весна долго не открывалась. Последние недели поста стояла ясная, морозная погода* (Л. Толстой); *Днем таяло на солнце, а ночью доходило до семи градусов* (Л. Толстой).

II. Ситуация внешней обстановки, имеющегося, наличествующего положения вещей может быть представлена (1) как локализованная, данная либо (2) как обычная, одна из сходных, подобных.

1) *Добро бы было в гору Или в ночную пору – А то и под гору, и днем!* (Крылов); *Ладно ль за морем иль худо, И какое в свете чудо?* (Пушкин); *Видно: на море не тихо; Смотрит – видит дело лихо* (Пушкин); *Пойдем опять к Анне Ивановне, там весело, шум, народ, музыка* (Л. Толстой); *Танцы и шум не переставали, но было как-то скучно, неловко* (Л. Толстой).

В таких сообщениях обычно обобщающее всё, указывающее на широту охвата ситуации, на включенность в нее многого – всего того (не исключено также – и неопределенно мыслимых тех), чем эта ситуация создается:

Всё счастливо; и уж есть дети у Орлицы (Крылов); *Заздравный ковш кругом пошел: Всё шумно, гости пьяны* (Пушкин); *И всё дремало в тишине При вдохновительной луне* (Пушкин); *Коль кругом всё будет мирно, Так сидеть он будет смирно* (Пушкин); *Время шло медленно. Всё было тихо. В гостиной пробило двенадцать* (Пушкин); *И вот она одна. Всё тихо. Светит ей луна* (Пушкин); *Гаврила Афанасьевич, послав за лекарем, закрылся в своей комнате, и в его доме всё стало тихо и печально* (Пушкин); *Вид ужасный! Всё перед ним завалено; Что сброшено, что снесено* (Пушкин).

2) Ситуация внешней обстановки может быть представлена как одна из обычных, повторяющихся; темпоральная детерминация при этом может отсутствовать, но она не исключена:

Там будет бал, Там детский праздник (Пушкин); [Фамусов] *То бережешься, то обед* (Грибоедов); [Чацкий] *Вчера был бал, а завтра будет два* (Грибоедов); *Татьяны именины в субботу* (Пушкин); *Послали купить рубашку. Лакей вернулся: все закрыто – воскресенье* (Л. Толстой).

III. Несобытийная ситуация с «мнимым субъектом» имеет место в тех случаях, когда сообщение представляет собой как бы рисуемую картинку, т. е. предметом сообщения является целостная ситуация, создаваемая присутствием того, вокруг чего она существует: позиция субъекта формально занята, обозначено и его действие или состояние, однако смысл сообщения заключен не в этом сочетании, а в воспроизведении того, что создается таким сочетанием, им объясняется или стимулируется. Здесь можно обозначить несколько видов таких сообщений.

1) Сообщение о состоянии природы, внешней среды – картинка, рисуемая вокруг того, чем она создается как целое:

Сквозь туман кремнистый путь блестит; Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу, И звезда с звездою говорит (Лермонтов); *По камням струится Терек, Плещет мутный вал* (Лермонтов); *Горные вершины Спят во тьме ночной, Тихие долины Полны свежей мглой; Не пылит дорога, Не дрожат листья...* (Лермонтов); *В синем небе звезды блещут, В синем море волны хлещут; Туча по небу идет. Бочка по морю плывет* (Пушкин).

2) Сообщение о ситуации – положении, сложившемся в результате каких-н. обстоятельств:

Надеждой счастье сперва ему польстило (Крылов); [София:] *Привычка вместе быть день каждый неразлучно Связала детскою нас дружбой* (Грибоедов); *Нечаянный случай всех нас изумил* (Пушкин); *Обстоятельства некогда сблизили нас* (Пушкин); *Радость произвела в больном самое сильное впечатление* (Пушкин).

IV. Сообщениям, заключающим в себе смысл «иметь место» и исключаящим ту или иную обращенность к субъекту, к деятелю или деятелям, противостоят сообщения с тем же общим смыслом, но сопрягающие этот смысл с косвенной отнесенностью ситуации к субъекту – деятельному, активному, либо пассивному, испытывающему то или иное состояние. В обоих этих случаях в разной степени имеет место скрытость, устраненность субъекта, наличие у него статуса некоего придатка к ситуации, которая осуществляется как бы без его участия, сама по себе. Здесь можно назвать несколько видов таких сообщений, – с той оговоркой, что этот перечень не является ни исчерпывающим, ни в необходимой степени детализируемым: сообщения, заключающие в себе смысл «иметь место», «наличествовать» применительно к внешней ситуации, составляют едва ли не основной массив в общем пространстве повествовательного поля языка.

1) Субъект, деятель скрыт за так называемой «неопределенно-личностью». Это или глагольные предложения с главным членом – глаголом в форме 3 л. мн. ч., обычно сообщающие об информации, сведениях, исходящих от неопределенного, неназываемого источника (а), или именные предложения с тем же общим смыслом (б), или сообщения о конкретных действиях или состояниях неопределенного лица или лиц (в).

а) *И вдруг, как будто наяву, Изба передо мною. Я к ней, стучу – молчат. Зову – Ответа нет* (Пушкин); *От старой графини таили смерть ее ровесниц* (Пушкин).

С обобщенно-названным субъектом: – *Но, быть может, люди врут. Князю Лебедь отвечает: Свет о белке правду бает* (Пушкин).

б) *Ведь идет слух, Что всё у богачей лишь бисер да жемчуг* (Крылов); – *Какой набор? – Да так. Есть слух: Война с Китаем* (Крылов); [Скалозуб] *Я вас обрадую: всеобщая*

молва, *Что есть проэкт насчет лицеев, школ, гимназий* (Грибоедов); *Нынче поутру у колодца только и было толков, что о ночном нападении черкесов* (Лермонтов).

в) *По улицам Слона водили, Как видно, напоказ* (Крылов); *За волком поиски, клянет его весь свет* (Крылов); [Чацкий] *Кому нужна: тем спесь, Лежи они в пыли* (Грибоедов); *Однажды играли в карты у конногвардейца Нарумова* (Пушкин). В сочетании с указанием на собственно предмет или предметы, символизирующие ситуацию: *Началась панихида – свечи, стоны, ладан, всхлипывания* (Л. Толстой).

2) Множественный и известный субъект представлен обобщенно: как целостность, совокупность:

Внимало всё тогда Любимцу и певцу Авроры: Затихли ветерки, замолкли птичек хоры, И прилегли стада (Крылов); [Лиза] *Всё в доме поднялось* (Грибоедов); *Всё уселось и примолкло, последние звуки увертюры прогремели* (Пушкин); *Всё хлопает. Онегин входит* (Пушкин); *В девять часов утра заблаговестили к обедне, и всё потянулось к новой каменной церкви* (Пушкин); – *Государь! Государь! – вдруг послышалось между гусарами. Всё побежало, заторопилось* (Л. Толстой).

То же в именных предложениях, сообщающих о действии или состоянии тех, кто представлен обобщенно, как целое, действующее совместно: [Чацкий] *Умолк. И тут со всех сторон Тоска, и оханье и стон! Ах, Франция! Нет в мире лучше края!* (Грибоедов); *Это похоже было на поединок: глубокое молчание царило кругом* (Пушкин); *В комнате пронесся чистый, стройный звук и сделалось совершенное молчание* (Л. Толстой).

3) Субъект известен, но не назван, и его действие представлено как самостоятельная внешняя ситуация, относимая к определенному времени, моменту:

Вот пуце прежнего и кваканье, и стон, Чтоб им Юпитер снова Пожаловал царя иного (Крылов); *Пустился мои ребята в разговоры, Пошли догадки, толки, споры* (Крылов); [Лиза] *Переведу часы, хоть знаю: будет гонка, Заставлю их играть* (Грибоедов); *Алексей Александрович не успел прочесть брошюру вечером и дочитал ее утром. Потом явились просители, начались доклады, приемы, назначения, удаления, распределения наград, новости, жалования, переписки – то будничное дело, как называл его Алексей Александрович, отнимавшее так много времени* (Л. Толстой); *Приводим в чувство. Еще слезы, и, наконец, примирение. И не примирение: в душе у каждого та же старая злоба* (Л. Толстой).

4) Субъект действия или состояния представлен в ситуации, которую он создает, но его активность ослаблена формально: он обозначен или (а) как обладающий ситуацией (у кого), или (б) локализирующий ее (между кем, среди кого), или (в) как определяющий ее (чей), или (г) как орудие ее осуществления (кем):

а) *Зарёй, где спят еще, а уж у них давно Пошло плясать веретено* (Крылов); [Чацкий] *У вас в лице, в движеньях суета* (Грибоедов); *Вот пуце прежнего пошли у них разборы И споры, Кому и как сидеть* (Крылов); *Дó светла всё у него пляшет, Лошадь запряжет, полосу вспашет, Печь затопит, всё заготовит, закупит, Яичко испечёт да сам и облупит* (Пушкин); *Как-то раз перед толпою соплеменных гор У Казбека с Шат-горою был великий спор* (Лермонтов).

б) *Меж ими всё рождало споры И к размышлениям влекло: Племен минувших договоры, Плоды наук, добро и зло* (Пушкин); *Меж юных жен, увенчанных цветами, Шел разговор весёлый обо мне* (Лермонтов).

в) [София] *Хочу к нему, вы тащите с собой! Нас провожают стон, рев, хохот, свист чудовищ!* (Грибоедов); *В передней толкотня, тревога; В гостиной встреча новых лиц, Лай мосек, чмоканье девиц, Шум, хохот, давка у порога, Поклоны, шарканье гостей, Кормилиц крик и плач детей* (Пушкин).

г) *То солнцем дерево печёт, То градом, то дождём сечёт, И ветром наконец, то Дерево сломило* (Крылов).

5) Субъект как собственно производитель действия или носитель состояния в сообщениях со смыслом «иметь место» присутствует тогда, когда речь идёт об узуальной ситуации, о том, что имеет место всегда, постоянно, что сложилось как общеизвестное: *Ведь это все, чай, знают, Что ласточки к нам прилетают Перед весной* (Крылов); *Люди женятся; гляжу, Неженат лишь я хожу* (Пушкин); *Миленькие вдовушки в девках не сидят* (Пушкин); [Чацкий] *Молчалины блаженствуют на свете!* (Грибоедов).

Во всех рассмотренных случаях предметом сообщения является внешняя несобытийная ситуация, непосредственно не связанная ни с чьей-нибудь активной деятельностью, поступком, ни с происшествием, случаем, неожиданным событием. Для таких сообщений характерно означение посредством дейктического сочетания *дело было* (*тогда-то, там-то*), сравн.: – *Дело в пятницу на масленой было, так никого не было: все по балам* (Л. Толстой); – *Так часу в третьем было дело. Играли господа: гость большой (так его наши прозвали), князь был (что с ним все ездит)... Народу было порядочно* (Л. Толстой, «Записки маркера», начало рассказа).

Каково

I. В описании смысловых функций местоимения *каково* мы будем исходить из того положения, что в русском языке существует целостный класс слов, предназначенных языком не для номинации определенных реалий – предметов, процессов, признаков, – а для означения сообщения в целом. Это – вся система местоимений, в предложении способных занимать позицию предиката, а также закрытый класс дейктических глаголов и глагольных фразеологизмов с собственно указующей (означающей) функцией. Все вместе эти слова объединяются общей для них функцией означения сообщения в целом, т. е. способностью представлять тип сообщения, самый характер информации, содержащейся в том или ином высказывании.

II. Местоимение *каково* является связующим звеном между местоименным и глагольным дейксисом: формально это предикатив и, следовательно, ему, как и собственно местоимению, выступающему в функции означения сообщения в целом, предназначена позиция предиката. В то же время это – дейктическое слово, по своим функциям сближающееся с глагольным дейксисом. Сообщения, означаемые местоимением *каково*, по своему общему смыслу могут совпадать с сообщениями, означаемыми дейктическими глаголами и дейктическими глагольными фразеологизмами: *иметь место* (о несобытийной бытийной ситуации), *испытывать состояние, находиться в состоянии* (о несобытийной субъектной ситуации, о состоянии субъекта); в то же время *каково* сохраняет способность означать собственно признак: *каково* = ‘как’; сравни: ...*А как он стрелял?* (Пушкин); *Каково поживаете?* разг. речь (см. об этом ниже). Во всех случаях *каково* заключает в себе смысл сущности, самой сути состояния или ситуации; с этой точки зрения *каково* сохраняет свою смысловую связь с *каков* (*какова, каково, каковы*), в системе неглагольного дейксиса означаящим сущностный признак кого-, чего-нибудь.

Позиция местоимения *каково* в предложении – всегда позиция предиката, причем, в зависимости от означаемой ситуации, *каково* может быть предикатом в односоставном предложении (*Каково сегодня на дворе? Каково сегодня больному?*) либо в двусоставном предложении – в сочетании с инфинитивом (*Каково мне это терпеть? Каково ему жить одному!*).

Рассмотрим функции местоимения *каково* и те типы сообщений, которые опираются на смысл этой полифункциональной дейктической единицы.

1) Местоимение *каково* указывает на отнесенное к определенному моменту состояние внешней среды (‘каково где?; каково состояние погоды, обстановки?; какая внешняя, несобытийная ситуация имеет место?’); в этом случае оно всегда – собственно предикат, а означаемая ситуация всегда относится к определенному времени: – *Каково на дворе? – Солнышко. Тепло* (Салтыков-Щедрин); *Каково сегодня, холодно? В лесу тихо, а каково-то в поле?* Этот смысл заключен в сообщениях с соответствующим предикативом (а), а также, возможно, с предикатом-именем, безличной формой глагола или бытийным глаголом (б), причем эти формы очень часто соседствуют в тесном контексте.

а) [Чацкий] *Куда ни взглянешь, Все та же гладь и степь, и пусто, и мертво...* (Грибоедов); *В небе, в полях, по дороге было также серо и пасмурно, и та же осенняя мгла сыпалась на грязь дороги, на крыльцо, на карету* (Л. Толстой); *На улице было пусто, но длинный ряд фонарей еще светил красными огнями, на небе было высоко и звездно* (Л. Толстой).

Сочетания с инфинитивом представляют в этих случаях сосредоточенность состояния на каком-н. действии: *Читать было темно, и поэтому я закрыл глаза и притворился, что хочу заснуть* (Л. Толстой); *Гулять сегодня холодно; На солнце сидеть жарко.*

б) *Уж было поздно и темно; Сердито бился дождь в окно, И ветер дул, печально воя* (Пушкин); – *А какова погода? Кажется, ветер. – Никак нет-с, ваше сиятельство, очень тихо-с* (Пушкин); *А далеко на севере – в Париже, Быть может, небо тучами покрыто, Холодный дождь идет и ветер дует* (Пушкин); *Днем таяло на солнце, а ночью доходило до семи градусов* (Л. Толстой); – *А холодно на дворе? – спросил Делесов. – Мороз здоровый* (Л. Толстой).

Во всех таких сообщениях смысл «каково сейчас где» смыкается со смыслом «иметь место» – применительно к несобытийной ситуации, относящейся к состоянию внешней среды и относимой к определенному времени и месту.

2) Местоимение *каково* означает имеющуюся, сложившуюся ситуацию как воспринимаемую кем-н. и характеризуемую; эта характеристика, свойство как бы существует само по себе и применяется к присутствующему, данному положению вещей: *Чёрт догадал меня родиться в России с душой и талантом! Весело, нечего сказать* (Пушкин); *Право, кажется, военные цензоры марают для того, чтобы доказать, что они читают. Тяжело, ничего не скажешь. И с одною цензурою наплачешься, каково же зависеть от целых четырёх?* (Пушкин). – *Что?* – *спросил импровизатор.* – *Каково?* – *Удивительно,* – *ответил поэт.* – *Как! Чужая мысль чуть коснулась вашего слуха и уже стала вашею собственною. Удивительно, удивительно!* (Пушкин); *...говорил он всё быстрее, не давая никому вставить слова и всё больше и больше разгораясь. Все молчали. Было неловко* (Л. Толстой); *Ведь посмотреть на нынешних красавиц, смех и жалость!* (Пушкин); [Борис] *Но если в ней единое пятно, Единое, случайно завелось, Тогда – беда!* (Пушкин); [Федя] *Пошло. Скучно. Скучно. Бессмысленно* (Л. Толстой); [Аграфена Кондратьевна] *Я и слова-то сказать с ним не умею, словно в лесу.* [Устинья Наумовна] *Оно точно, жемчужная, дико сперва-то, ну, а потом привыкнешь, обойдётся* (Островский).

То же при обобщающих всё, это: *И всё бы хорошо, да сделалась причина: В дозорных появился вор* (Крылов); *Что Москва говорит о Петербурге, так это умора* (Пушкин).

В таких сообщениях нормален инфинитив, называющий само характеризуемое действие или состояние: *Сгубить легко, да душе-то каково?* (Даль); *Вот видишь ли, Пётр Андреич, каково погуливать!* (Пушкин); *Когда перенимать с умом, тогда не чудо И пользу от того сыскать; А без ума перенимать И боже сохрани как худо!* (Крылов); [Большов] *Сидят-то сидят, да каково сидеть-то? Каково по улице идти с солдатом?* (Островский). С фразеологизмом со смыслом ‘каково’: [Фамусов] *Что за комиссия, Создатель, Быть взрослой дочери отцом!* (Грибоедов); *А угодить на Льва, конечно, не безделка* (Крылов); [София] *Гоненье на Москву! Что значит видеть свет!* (Грибоедов); с придаточным в позиции инфинитива: *Какая вещь пустая! Не глупо ль, что его высоко так ценят?* (Крылов).

3) Местоимение *каково* означает физическое или нравственное, эмоциональное состояние субъекта, создаваемое им самим или стимулируемое извне и, в любом случае, сосредоточенное в нём самом. Смысл сосредоточенности в себе, на себе есть то, что отличает такое состояние от состояния модального (испытываемой необходимости,

должности, вынужденности, возможности, целесообразности), при котором субъект всегда оказывается в центре двух воздействий: ситуации вынуждающей, стимулирующей и той, которая осознаётся, осмысливается как вытекающая из первой, ею требуемая (см. п. II). В отличие от состояния модального, в *каково* это – состояние ощущаемое, чувствуемое, причём такое, которое может осознаваться как возникающее почему-то, из-за чего-то либо без такого осознания, сравн.: *мне радостно, грустно, неприятно видеть этого человека, мучительно быть с ним и мне весело, грустно, на душе легко, светло*. В отличие от состояния модального, при котором всегда присутствует ситуация, это состояние порождающая и ею порождаемая, т. е. стимул состояния и то, чем оно должно разрешиться (*мне необходимо ехать, следует подождать, должно согласиться* и под. значит ‘есть нечто, что вынуждает меня к тому-то, нечто, требующее от меня того-то’), в случаях с *каково* в элементарной конструкции заключена только ситуация стимулирующая (не называемая, скрытая или обозначенная инфинитивом), а порождаемая, стимулируемая ситуация не обозначена: состояние субъекта сосредоточено в нём самом и в самой конструкции или не объясняется (*мне страшно, стыдно, грустно...*), или объясняется инфинитивом (*мне страшно оставаться одному, ему стыдно лгать, мне грустно слышать об этом*).

Рассмотрим далее на материалах, извлечённых из классической речи, соответствующие типы сообщений со смыслом ‘каково кому’, располагая их в порядке: (а) сообщение о собственном состоянии субъекта (собственно предикатив) и (б) сообщение о таком состоянии, чем-то вызванном, обусловленном (предикатив в сочетании с инфинитивом). Внутри пункта (а) цитаты располагаются в соответствии с формальным выражением смысла «каково»: собственно предикативом (а¹) или другой словоформой в функции и в позиции предикатива (а²).

а¹) *Вам-то ничего, да нам-то каково?* (Даль); *Он разлучён с подружкой был своей, Ему тошнее всех в неволе* (Крылов); [Фамусов] *Терпенья, мочи нет, досадно* (Грибоедов) [Хлестова] *Знакомит, не спросясь, приятно ли нам, нет ли?* (Грибоедов); [Чацкий] *Блажен, кто верует, тепло ему на свете* (Грибоедов); [Липочка] *Да, легко вам разговаривать, а позвольте спросить, каково мне-то?* (Островский); *Отец Сергей видел, что молодой человек не верит и что, несмотря на то, ему хорошо, легко и спокойно* (Л. Толстой); *Чем крепче прижимал он к груди скрипку, тем отраднее и слаще ему становилось* (Л. Толстой); *И ему не только легко и радостно, умилённо стало* (Л. Толстой); *Такое же неприятное чувство испытывал Михайлов при виде живописи Вронского: ему было и смешно, и досадно, и жалко, и оскорбительно* (Л. Толстой). *Но мне вдруг стало страшно за свою голову..., за свой бедный ум стало страшно* (Л. Толстой). Сравн. характерное сочетание смыслов внешнего и внутреннего состояния: *Пришла весна... Радостно, молодо было и на небе, и на земле, и в сердце человека* (Л. Толстой).

а²) *Где горки, рытвины, ухабы – Котлу безделица, Горшки натурой слабы. От каждого толчка Горшку большой наклад* (Крылов); *Не то бы в Питере, да не о том уж речь; Всё лучше, чем голодным лечь* (Крылов); *Льву смех, но наш Комар не шутит* (Крылов); *Судьям худые шутки: В холодный пот кидает их боязнь* (Крылов); *Худые песни соловью в когтях у Кошки* (Крылов); *У Льва как гору с плеч свалило* (Крылов); [Марина] *О стыд! О горе мне!* (Пушкин); *Оно, кажется, страшно жить в таких условиях, а им было ничего, жить можно было* (Л. Толст).

б) [Чацкий] *Служить бы рад, прислуживаться тошно* (Грибоедов); *Неприятно было Чарскому с высоты поэзии вдруг упасть под лавку конторщика* (Пушкин); [Она] *Но больно мне с тобою не грустить* (Пушкин); *Мне было совестно на него глядеть* (Пушкин); *Мне жутко стало лежать в темноте, я зажжѐг свечу, и мне как-то страшно стало в этой маленькой комнате с жѐлтыми обоями* (Л. Толстой); *А с ним жить я не могу, мне мука видеть его* (Л. Толстой).

Уже в языке XIX в. местоимение *каково* в функции предикатива во всех позициях соотносится с *как*; это последнее активно выступает как равнозначное, сравн.: *Каково / как поживаете? Каково / как в городе?; Тебе хорошо, а каково / как мне-то?* См. у Крылова: *Смотри-ка, квакушка, что, буду ль я с него? – Подруге говорит. – Нет, кумушка, далеко. – Гляди же, как теперь раздуюсь я широко. Ну, каково? Пополнилась ли я? – Почти что ничего. – Ну, как теперь? – Всё то ж.*

Функция собственно наречия местоимением *каково* утрачена; см. у Пушкина: *– А каково стрелял он? – спросил меня граф. – Да вот как, ваше сиятельство: бывало, увидит он, села на стену муха... и кричит: Кузька, пистолет! Кузька и несѐт ему заряженный пистолет. Он хлоп, и вдавит муху в стену!* («Выстрел»); В Словаре Даля : *Каково испекла, таково и подала; Каково кликнется, таково и аукнется.*

III. Итак, сообщения, заключающие в себе смысл «каково кому», в элементарной конструкции могут представлять собственно внутреннее состояние субъекта (*мне весело, грустно, стыдно* и т. д.) либо состояние, стимулируемое извне, чем-то другим (*мне грустно быть одному, тяжело сознавать свою ошибку, приятно встретить друга*). В отличие от других сообщений об эмоциональном, ментальном состоянии, рассмотренные выше высказывания всегда включают в себе смысл состояния, сосредоточенного в субъекте и не распространяемого на другого (других): смысл «каково кому» входит в более широкий смысл «испытывать состояние», «находиться в состоянии», «чувствовать, ощущать»; посторонняя ситуация здесь или отсутствует или оказывается ситуацией, стимулирующей собою состояние, испытываемое субъектом.

Это особое качество типа сообщения, отвечающего смыслу «каково кому», хорошо раскрывается в его сопоставлении с сообщениями о модальном состоянии субъекта, т. е. о

состоянии обязательности, необходимости, возможности, дол́жности, следования, целесообразности и об оттенках и сочетаниях таких смыслов.

Таковы сообщения, заключённые в предложениях с так наз. модальными предикативами, модальными глаголами и входящими в их круг именами и специальными синтаксическими конструкциями: *необходимо, надо, нужно, потребно, дол́жно, надлежит, следует, стоит* ('надо', 'можно'), *можно, подобает, незачем* ('не нужно', 'не следует'), *вынужден, принуждён, возможно, нельзя, целесообразно, пора, время* ('следует наступило время делать что-н.'). и некот. др. Во всех таких случаях смысл сосредоточенности состояния на самом субъекте отсутствует. Субъект, испытывающий состояние, оказывается в центре двух ситуаций: той, которая стимулирует, вызывает собою его состояние, и той, которая следует из первой ситуации и из её осознания; субъект выступает при этом как осмысливающий, осознающий соотношение двух ситуаций, между которыми он оказывается; он связан ими и осознаёт вторую как вытекающую из первой. Ситуация стимулируемая (вытекающая из первой и из осознания её субъектом) может быть любой, самой разной; ситуация стимулирующая (требующая осознания последующего действия или поступка) всегда так или иначе связана с обстановкой, обстоятельствами, в которых оказывается субъект: это может быть случай, событие, чьё-либо требование или вообще изъявление чужой воли, сложившаяся обстановка, ситуация, диктуемая узусом, обычаем, либо собственное знание того, что необходимо, нужно, как следует действовать. В предлагаемых ниже кратких выборках из тех материалов, которыми мы располагаем и на основе которых делаются соответствующие обобщения, можно непосредственно увидеть или уяснить для себя все такие порождающие, стимулирующие ситуации, а также всю ту триаду, на которой основывается смысл «испытывать состояние как некую осознаваемую, оцениваемую необходимость, вынужденность, должность, возможность последующего действия, поступка или целой последующей ситуации».

В центре этой триады стоит субъект, совмещающий в себе состояние испытываемое, чем-то вызываемое и состояние ментальное, мыслительное, обусловленное необходимостью принимать решение, оценивать или действовать. Это сложное, двойственное состояние исключает собою смысл «каково кому», всегда неотделимый от идеи сущностности, сосредоточенности на одном, целостности внутреннего состояния субъекта.

Вот некоторые примеры, иллюстрирующие ту тройственность смысла, который заключён в сообщениях о модальном состоянии, испытываемом субъектом, «зажатым» между двумя ситуациями и оказывающимся в необходимости осмысливания, осознания такого положения.

1) Обязательность, неизбежность предстоящего – в инфинитивных конструкциях с дательным субъекта: [Лиза] *Кому назначено-с, не миновать судьбы* (Грибоедов); *Он слеп, упрям, нетерпелив, И легкомыслен, и кичлив, Бог весть, какому счастью верит, Он силы новые врага Успехом прошлым только мерит. – Сломить ему свои рога* (Пушкин); *Жить вам осталось недолго* (Пушкин).

2) Необходимость, нужность, потребность: [Григорий] *Да кого ж им надобно? Кто бежал из Москвы?* (Пушкин); *Мария Ивановна...объявила, что необходимость её заставляет ехать в Петербург* (Пушкин); [Моцарт] *Всю ночь я думал: кто бы это был? И что ему во мне?* (Пушкин); *Где силой взять нельзя, там надобно уменье* (Крылов); [Липочка] *Мне замуж надобно! Что это такое! Страм встречаться с знакомыми* (Островский).

3) Должность, обязательность: [Фамусов] *Ох, род людской! пришло в забвенье, что всякий сам туда же должен лезть, В тот ларчик, где ни стать, ни сесть* (Грибоедов); [Марина] *Тебе твой сан дороже должен быть Всех радостей, всех обольщений жизни. Его ни с чем не можешь ты равнять* (Пушкин).

4) Следование: надлежит, полагается: [Царь] *Я подданным рождён и умереть Мне подданным во мраке б надлежало* (Пушкин); *Государь мой, ты провинился..., чего ради имеешь ты быть весьма наказан, именно, должен выпить кубок большого орла* (Пушкин); [Молчалин] *В мои лета не должно сметь Своё суждение иметь* (Грибоедов); *Хоть слушать всякий вздор Богам бы и не сродно, На сей однако раз послушал их Зевес* (Крылов); *Но кстати ли Орлу принять совет из норки, И от Крота!... И что за стать Кротам мешаться сметь в дела Царь-птицы!* (Крылов); *Хоть у ворот перед двором Пристойнее б стеречь им было дом* (Крылов).

5) Вынужденность: приходится, пришлось: *Она Певцу присесть принуждена* (Пушкин); *Кони измучились, и кучер как ни бился, Пришло хоть стать* (Крылов); *И пришлось нам нежданно-негаданно Хоронить молодого стрелка* (Некрасов).

6) Возможность: ...видел актёра Щепкина, который ради Христа просит его (Гоголя) *приехать в Москву прочесть «Ревизора»: без него актёрам не спеться* (Пушкин); *Издать книгу нельзя в одну неделю: на это требуется по крайней мере месяца два* (Пушкин); *Ехать к государю на манёвры мне невозможно по многим причинам* (Пушкин); [Григорий] *Ни на челе высоком, ни во взорах Нельзя прочесть его сокрытых дум* (Пушкин); *Но долго он заснуть не мог В волненье разных размышлений* (Пушкин); [Марина] *Димитрий ты, и быть иным не можешь; Другого мне любить нельзя* (Пушкин); *В одну телегу впрячь неможно коня и трепетную лань* (Пушкин).

7) Допустимость: *Не продаётся вдохновенье, Но можно рукопись продать* (Пушкин); *Но старость ходит осторожно И подозрительно глядит. Чего нельзя и что возможно, Ещё не вдруг она решит* (Пушкин); *Но я не в состоянии жертвовать необходимым в надежде приобрести излишнее* (Пушкин); *Вы не можете не пускать меня, у меня паспорт, я ничего не унёс у вас (Л. Толстой); Какое право имеете вы обвинять его? Разве вы жили его жизнью? Испытывали его восторги? (Л. Толстой).*

8) Целесообразность, своевременность: [Шуйский] *Теперь не время помнить, Советую порой и забывать* (Пушкин); *В Оренбург возвращаться тебе незачем* (Пушкин); *Улика налицо, И запирайтесь поздно!* (Крылов).

Как отмечено выше, субъект модального состояния сочленяет в себе это состояние с состоянием собственно эмоциональным или ментальным, оценивающим; отсюда – богатый набор средств, демонстрирующих такую сочленённость: в позиции предиката оказываются имена, глаголы и фразеологизмы с соответствующими значениями: *грех, не грех* ('не следует', 'следует'), *не резон* ('не целесообразно'), *не в силах* ('не может'), *волен, не волен* ('может', 'не может'), *смеет, дерзнёт, осмелится, способен* ('может'), *устоял* ('смог'), *вправе, смешно* ('не следует'), *стыдно* ('не следует'), *охота была* ('не нужно было'), *не сумею* ('не смогу'), *умудрился* ('смог'), *не снёс* ('не смог'), *нет сил* ('не могу'), *не в моей власти* ('не имею возможности') и мн. др.

Во всех видах модального состояния субъект не является средоточием состояния: он соотносит и осмысливает те ситуации, в центре которых он оказывается. Для смысла «каково кому» роль ситуаций не является определяющей: состояние субъекта сосредоточено в нём самом и в данный момент для него внутренне сущностно.

Предлагаемым здесь описанием мы попытались подтвердить тезис о типе сообщения как о языковой категории, лежащей в сфере смыслового строя языка и имеющей в самом языке соответственные средства своего означения.

Литература

Апресян 1995 – Ю.Д. Апресян. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Ю.Д. Апресян. Избранные труды. Т. II. М., 1995. С.629-650.

Арутюнова 1976 – Н.Д. Арутюнова. Предложение и его смысл. М., 1976.

Арутюнова 1988 – Н.Д. Арутюнова. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.

Белоусов 1989 – В.Н. Белоусов. Глаголы с неполной знаменательностью и их синтаксические характеристики // Слово и грамматические законы языка: Глагол. М., 1989. С. 172–210.

Категория бытия и обладания в языке. М., 1977.

Падучева, Крылов 1984 – Е.В. Падучева, С.А. Крылов. Дейксис: Общетеоретические и прагматические аспекты // Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики. М., 1984. С. 25–96.

Степанов 1973 – Ю.С. Степанов. Семиотическая структура языка. Три функции и три формальных аппарата языка // ИАН СЛЯ. 1973. Т. 32. Вып. 4. С. 340–355.

Степанов 1989 – Ю.С. Степанов. Индоевропейское предложение. М., 1989.

Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. Под ред. А. В. Бондарко. СПб., 1986. Гл. II. Бытийность. С. 52–80.

Уфимцева 1974 – А.А. Уфимцева. Типы словесных знаков. М., 1974.

Уфимцева 1977 – А.А. Уфимцева. Лексическая номинация (первичная, нейтральная) // Языковая номинация: Виды наименований. М., 1977. С. 5–85.

Человеческий фактор в языке: Коммуникация. Модальность. Дейксис. М., 1992.

Шведова 1998 – Н.Ю. Шведова. Местоимение и смысл: Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. М., 1998.

Шведова 1999 – Н.Ю. Шведова. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарем» (доклад, прочитанный на заседании ученого совета Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН 7 мая 1998 г.) // ВЯ. 1999. № 1. С. 3–16.

Шведова 2000 – Н.Ю. Шведова. Русская дейктическая форма *сделано* и означаемый ею тип сообщения // Слово в тексте и в словаре: Сборник статей к семидесятилетию академика Ю. Д. Апресяна. М., 2000. С. 258–265.

Шведова 2001 – Н.Ю. Шведова. Еще раз о глаголе *быть* // ВЯ. 2001. № 2. С. 3–12.

Словари

Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Изд. 3-е под ред. И. Н. Бодуэна-де Куртенэ. СПб.; М., 1909. Т. I. С. 1269–1272 (статья «ДЕЛАТЬ или ДЕЯТЬ, стар. ДЕЯТИ, црк. ДЕТЕЛЬСТВОВАТЬ; ДЕЛЫВАТЬ»).

Словарь русского языка XVIII века. Л., 1991. Выпуск 6. С. 82–84 (статьи «ДЕЛАТЬ» и «ДЕЛАТЬСЯ»).

Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. (БСЛ). М.; Л., 1954. Т. 3. С. 666–670 (статья «ДЕЛАТЬ»).

Семантика и прагматика союза *ЕСЛИ*¹

Вводные замечания

Если (и его соответствия в других языках) – один из основных подчинительных союзов. Анна Вежбицка признаёт его одной из единиц, лежащих «в основе человеческой коммуникации и мышления» [Вежбицкая 1996: 297]. Естественно, что этому союзу было уделено большое внимание в лингвистических исследованиях и в исследованиях по математической логике (см., например, [Quine 1940; Reichenbach 1947; Мендельсон 1971; Lakoff 1971; Ducrot 1972; Le groupe $\lambda-1$ 1975; Грамматика 1980, II; Колосова 1980; Comrie 1986; Разлогова 1988]). Особенно детально значение и употребление русского союза *если* анализируют М.В. Ляпон [Грамматика 1980, т. II], А.В. Гладкий [1982], В.С. Храковский [1998]. И все-таки вопрос нельзя считать решенным. Достаточно указать, что само число значений, выделяемых для союза *если*, колеблется от 6 [БАС] до 1 [Гладкий 1982]. Тем не менее возвращение к значению этого союза может показаться неоправданным, особенно с точки зрения тех лингвистов, которые вслед за Анной Вежбицкой признают его универсалией-примитивом, т.е. семантически неразложимым словом, не нуждающимся в толковании.

Попытаемся показать, что русский союз *если* даже в его основном («условном») значении имеет достаточно богатое значение, и попытаемся дать толкование этого союза. Кроме этой задачи в статье предпринимается попытка решить и две других, представляющих, на наш взгляд, не меньший интерес. Это: 1) выделение других (отличных от «основного») значений союза *если*, их толкование; 2) исследование соотношения этих значений с основным, определение возможных путей их возникновения, выявление громадной роли прагматических факторов и конкретных употреблений, «расшатывающих» значение языковой единицы и приводящих нередко к созданию новых значений этой единицы, резко

* Владимир Зиновьевич Санников – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института проблем передачи информации РАН.

¹ Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 96-04-06093. Некоторые ее положения обсуждались на семинаре под руководством Ю.Д. Апресяна в Институте проблем передачи информации РАН. Я благодарю участников семинара, а также С.М. Кузьмину и А.В. Санникова за ценные критические замечания.

отличающихся от исходного. Особенно важно при этом, что эти вторичные значения не «порывают полностью» с основным, исходным значением, но сохраняют его компоненты, пусть в модифицированном виде.

1. Основные употребления союза *ЕСЛИ*

Уточнение темы исследования

Трудно найти русский союз более загадочный и «многоликий». Это бросается в глаза даже при беглом взгляде на приводимый ниже перечень примеров, иллюстрирующих основные употребления союза *если* (порядок подачи примеров не случаен и объясняется соображениями, которые будут ясны из дальнейшего изложения).

- (1) *Если вы приедете, мы пойдем за грибами.*
- (2) *Если бы вы приехали вчера, мы пошли бы за грибами.*
- (3) *Мороз если не 20, так 15 градусов.*
- (4) *Если москвичи приезжают на дачу на электричках, то новые русские – на иномарках.*
- (5) *Если я и побранил тебя вчера, то это для твоей же пользы.*
- (6) *Если ты захочешь есть, в холодильнике есть мясо* (пример Дж. Остина).
- (7) *Если 12 делится без остатка на 8, то делится также и на 2.*
- (8) *Если 16 делится без остатка на 4, то слишком низкое давление воздуха в автопокрышках вызывает их быстрый износ.*
- (9) *Если бы молодость знала, если бы старость могла!*
- (10) *«Если покинешь меня».*

Уточним (точнее - ограничим) область исследования.

Мы не будем рассматривать «обрубки» типа (9)-(10), где опущено главное предложение (так, (10) - название итальянского фильма; в качестве главного предложения здесь выступает все содержание фильма).

Абстрагируемся также от «изысков» логиков типа (7)-(8), которые крайне неестественны и не встречаются в обыденной речи.

Что касается примера (6), то он иллюстрирует чрезвычайно сложное и интересное явление, проявляющееся не только в конструкциях с *если*, но и в конструкциях с другими союзами - подчинительными, ср.: *Пока я не забыл, куда ты положил словарик?; Чтобы не спутать, в котором часу завтра собрание?* (примеры из: [Падучева 1985: 46]), и даже сочинительными, ср.: *Я тебе не говорила, но ты дурно с ней поступал* (Л. Толстой, «Война и мир») [Санников 1989: 220]. Некоторые исследователи видят здесь эллипсис, «опущение предикатов пропозициональной установки»: *Петя вчера уехал, потому что сейчас в квартире никого нет* = <Я уверен, что> *Петя вчера уехал, потому что* <известно, что> *сейчас в квартире никого нет* (см. [Разлогова 1988: 101]). Другие ученые предпочитают говорить об иллокутивном употреблении, когда союз «выражает отношение между

смыслом придаточного предложения и актом речи, соответствующим главному предложению» [Иорданская 1988: 239; см. также Падучева 1985: 46-47]. Так, в (6) говорящий оговаривает условием не наличие мяса в холодильнике (оно безусловно есть!), а свой совет. Этот вопрос требует особого рассмотрения, и в данной работе мы также не будем его касаться. Рассмотрим обычные, «основные» значения и употребления союза *если*, фиксируемые примерами (1)-(5), причем в чисто лингвистическом плане². Нам уже приходилось сталкиваться с резким отличием языковых значений от значений научных, логических, даже там, где речь идет о так наз. «логических словах» типа сочинительных союзов *и*, *или* (см. [Санников 1990]). Союз *если* представляет собой еще более яркий пример подобных расхождений между формальной логикой и логикой естественно-языковой. И дело здесь не только в многозначности союза *если*: даже в основном своем «условном» значении конструкция с *если* существенно отличается по значению от импликации в логике (см., например, [Храковский 1998: 27, 29-30]).

2. Коммуникативный статус союза *ЕСЛИ*

Прежде чем рассматривать семантику союза *если*, сделаем одно краткое замечание, касающееся коммуникативного статуса этого союза и вводимого им придаточного предложения. В русистике сложноподчиненные предложения традиционно делятся на «двучленные», «расчлененные» (когда придаточная часть соотносится со всей главной частью в целом, например: *Отец долго не приезжал, что всех беспокоило*) и «однучленные», «нерасчлененные» (когда придаточная часть, вводимая союзом, распространяет или замещает член главного предложения, выполняет функцию, близкую функции члена предложения: *Он сказал, что придет завтра*) (см., например, [Поспелов 1959; Белошапкина 1977: 219-233; Грамматика 1980]). Некоторые исследователи при описании близких явлений говорят об «автономных» и «неавтономных» союзах (см., например, [Иорданская 1988: 258-262]). Для нас важны, однако, не эти терминологические различия, а разная трактовка коммуникативных свойств рассматриваемого нами союза *если*: традиционно он понимается как автономный, входящий в состав расчлененных сложноподчиненных предложений (см., например, [Белошапкина 1977: 222-223; Грамматика 1980: 539]), однако Л.Н. Иорданская полагает, что *если* – союз неавтономный, вводимое им придаточное обозначает некоторую характеристику (условие) ситуации, обозначаемой главным предложением [Иорданская 1988: 259]. В пользу этой точки зрения свидетельствует наличие

²Некоторые случаи обыгрывания значения и особенностей употребления союза *если* приводятся в [Санников 1999: 194; 394(1); 426.3; 447(4); 449(2) и др.].

неавтономных («одночленных», «нерасчлененных») конструкций типа *Он вернется при условии, что ему гарантируют безопасность*, семантически близких соответствующим условным конструкциям (*Он вернется, если ему гарантируют безопасность*). Об этом же свидетельствует интересный тип условных конструкций - конструкции с необычным соотношением содержания главного и придаточного: придаточное представляет собой антецедент к указательному местоимению, входящему в состав главного, содержание придаточного включено в содержание главного: *Если мы совсем не выпьем, это будет искусственно* (С. Довлатов, «Чемодан»). *Если человек мертв, то это надолго, если он глуп, то это навсегда!* (Т. Толстая, «Соня»). И наконец, неавтономность союза *если* и условного придаточного совершенно очевидна в конструкциях, приводимых Ю.Д. Апресяном (правда, он рассматривает их в другом аспекте). Это конструкции, где придаточное (в частности, придаточное условное) непосредственно, не через указательное местоимение, выполняет функцию, близкую функции члена предложения - подлежащего или дополнения, ср.: *Плановики считают <находят> странным <необъяснимым, удивительным>, если на местах не осваивают отпущенные средства* [Апресян 1995, II: 117, 132].

С не меньшей уверенностью можно утверждать, что в другом своем значении – сопоставительном – союз *если*, в противоположность условному *если*, бесспорно, союз автономный, конструкция двучленна: главное и придаточное предложения здесь семантически независимы, что подчеркивается и синтаксическим параллелизмом строения этих предложений, ср.:

Если вчера была отличная погода, то сегодня весь день льет дождь.

Что касается сферы действия союза, то обычно это – целое предложение, реже – словосочетание, ср.: *Дожди там бывают если не каждый день, так через день; Я желаю всей душой если смерти, то мгновенной, если раны – небольшой* (Песня).

3. «Условное» ЕСЛИ

3.1. Вводные замечания

Это значение можно считать (и считают) основным. В МАС отмечается, что союз *если* выражает условие - либо 1) «реально возможное», либо 2) «желательное, предполагаемое или противоречащее действительности», либо 3) являющееся «причиной или обоснованием того, что говорится в главном предложении». Неудовлетворительность этого определения достаточно очевидна: два первых компонента касаются то отношения сообщаемого к реальной действительности, то его оценки, а третий игнорирует как «привязку» описываемых событий к действительности, так и их оценку, и выделен по другому (точнее – третьему) принципу. Неясен также и основной компонент приведенного толкования –

условие. Впрочем, по мнению некоторых ученых, этот компонент и не нуждается в уточнении и толковании, поскольку это – семантический примитив.

3.2. ЕСЛИ – семантический примитив?

В последнее время Анна Вежбицка и некоторые другие исследователи склоняются к мысли, что *если* – это семантически неразложимое слово, не нуждающееся в толковании. Приводимое Вежбицкой соображение, что данное понятие «сопротивляется любым попыткам его декомпозиции», разумеется, не может считаться аргументом в споре о статусе единицы, оно может свидетельствовать лишь о неудовлетворительности имеющихся толкований союза *если* и о желательности новых попыток. Напротив, аргументы, препятствующие переводу *если* в ранг семантических примитивов, представляются достаточно вескими. Их, по меньшей мере, три.

1) Если выделение абсолютного большинства указываемых Анной Вежбицкой (см., например, [Вежбицкая 1996: 322-323; Вежбицкая 1999: 27-28]) семантических примитивов (таких, как ‘я’, ‘ты’, ‘один’, ‘хотеть’, ‘хороший’, ‘часть’, ‘очень’) интуитивно не вызывает протеста, то выделение в качестве семантически неразложимого примитива союза *если* (*if*) довольно резко противоречит языковой интуиции (во всяком случае моей), не удовлетворяет принципу естественности (самопонятности, самоочевидности), который является одним из краеугольных камней концепции Вежбицкой. Еще в большей степени это относится к вычленению из *if* особого примитива *if... would* (*если бы*) [Вежбицкая 1996: 322-323], которое вызвало возражения даже сторонников Вежбицкой, таких, как авторы исследования [Типология 1998: 24-25 и др.], и от которого Вежбицкая отказалась в более поздней работе 1999 года [см. Вежбицкая 1999: 27-28].

2) Не удовлетворяет *если* (*if*) и еще одному требованию, предъявляемому самой Анной Вежбицкой к семантическим примитивам, - принципу универсальности, переводимости на другие языки. Дело в том, что понятия ‘если’ нет в некоторых языках. Этот факт Вежбицка объясняет вслед за Мак-Конвеллом не отсутствием в этих языках гипотетических условных конструкций, а наличием других (грамматических и лексических) средств для ее обозначения (см. [Вежбицкая 1996: 302-303]).

3) Некоторые исследователи склонны считать обстоятельством, препятствующим признанию той или иной языковой единицы семантическим примитивом, ее многозначность. По этому критерию *если* также «не проходит» в примитивы: в данной статье описываются другие значения союза *если* («сопоставительное» *если* и др.), которые никак уж нельзя признать примитивами. Казалось бы, это обстоятельство не представляется серьезным аргументом против включения единицы в число примитивов: почему бы не считать, что *если* в его основном значении является семантическим примитивом, который трансформируется и

снабжается «семантическими добавками» в других значениях союза? Дело, однако, в том, что в этих производных значениях отчетливо ощутима связь не с условным исходным *если* в целом, а с отдельными компонентами условного *если*.

3.3. ЕСЛИ – комбинация двух семантических примитивов?

В принципе можно, оставаясь на позициях, близких Анне Вежбицкой, предложить иное, менее уязвимое понимание значения союза *если* (*if*). Его суть заключается в следующем. Представляется возможным, не вводя особый семантический примитив *если* (*if*), описать значение условного союза комбинацией двух, уже имеющих в списке, семантических примитивов Вежбицкой, - комбинацией примитивов ‘может быть’ и ‘когда’. Показательно в этом отношении замечание самой Вежбицкой, что в языке нгаринман смысл ‘если’ отличается от ‘когда’ употреблением в конструкции суффикса неуверенности *nga* (см. [Вежбицкая 1996: 302-303]).

Тем самым значение союза *если* (*if*) можно представить следующим образом:

Если X, (то) Y = ‘Может быть, имеет место X;

Когда имеет место X, имеет место Y’.

Аргумент в пользу такого понимания – то обстоятельство, что в случае нейтрализации первого из компонентов-примитивов, указывающего на возможность X-а, допустима замена союза *если* на союз *когда* без заметного изменения смысла фразы, ср.:

(1) *Если человек раздражен, он несправедлив.*

(2) *Когда человек раздражен, он несправедлив.*

Однако даже и это (более удовлетворительное, на наш взгляд) понимание значения союза *если* все-таки представляется нам упрощенным, игнорирующим некоторые важные смысловые компоненты условных конструкций.

Хотелось бы подчеркнуть, что, признав условное *если* семантическим примитивом (или же комбинацией двух примитивов), мы избежали бы сложностей в выработке толкования этого союза, но перенесли бы соответствующие сведения, лежащие в основе этого толкования, в правила употребления союза. Тем самым, речь в значительной степени идет о различиях в интерпретации, о способах подачи лингвистической информации, а не о составе и объеме этой информации. Поэтому мы надеемся, что наши наблюдения над значением и употреблениями союза *если* (в условном и в других значениях) могут представить интерес и для тех ученых, которые считают *если* семантическим примитивом.

3.4. Значение «условного» ЕСЛИ

3.4.1. Любой из специалистов и неспециалистов на просьбу привести пример употребления условного союза *если* образует фразу типа:

(3) *Если пойдет дождь, (то) мы вернемся домой.*

Интуитивно значение союза *если* во фразах типа (3) не элементарно. Наше интуитивное понимание этой фразы включает четыре компонента, объединенных в две пары:

Если пойдет дождь (X), то мы вернемся домой (Y) ≈

1) Возможно не-X (дождя не будет), и тогда 2) не-Y (мы не вернемся домой (раньше намеченного срока));

3) Возможно X (дождь будет), и тогда 4) Y (мы вернемся домой (раньше намеченного срока)).

Однако эта красивая схема (Возможно не-X, и тогда не-Y; возможно X, и тогда Y) быстро обнаруживает свою ошибочность. Ср. пример (4), показывающий недопустимость включения в толкование союза *если* компонента 2 - не-Y:

(4) *Если ты не сможешь это сделать, тебя ругать не будут.*

Из (4) совсем не следует, что если собеседнику удастся достигнуть цели, его будут ругать. Напротив – его похвалят!

(5) *Если родится мальчик, назовем его Андреем.*

В смысл фразы входит компонент ‘Возможно не-X (возможно, родится не мальчик (а девочка)’, но вряд ли входит компонент, указывающий на последствия этой возможности, компонент ‘не Y’ (‘не назовем Андреем’).

Все это убеждает в недопустимости включения в толкование союза *если* компонента 2, сочетающегося с первой из двух возможностей (‘Возможно не-X’).

В результате возникает следующее понимание союза *если* в его основном, «условном» значении (предупреждаем, что это толкование не является окончательным!):

Если X, (то) Y = ‘Возможно, имеет место не-X;

Возможно, имеет место X и тогда имеет место Y’.

3.4.2. Смысловой компонент ‘возможно’ не указывается грамматиками и словарями русского языка. Однако он интуитивно отчетливо ощутим. Именно этот компонент отличает главным образом союз *если* от союза *когда*. Рассмотрим две пары примеров с этими союзами (они взяты нами из работы А.В. Гладкого [1982: 60-61]):

(6) а. *Когда отец приходил домой, мы ужинали.*

б. *Если отец приходил домой, мы ужинали.*

(7) а. *Когда садилось солнце, все шло купаться.*

б. [?]*Если садилось солнце, все шло купаться.*

По нашему мнению, именно указание на возможность, привносимое в (6б) союзом *если*, резко меняет смысл исходного предложения (6а) с союзом *когда* ((6б) = ‘возможно, отец приходил домой, возможно, не приходил’), а в (7б) этот союз индуцирует странный смысл: ‘возможно, солнце садилось, возможно не садилось’, ставящий фразу на грань допустимого.

Определенный интерес представляет для решения рассматриваемого вопроса и учет этимологии и истории условных союзов. Конструкции с союзом *если* (также как конструкции с *ежели*, *коли* и с древнерусским союзом *будеть (ли)*) по происхождению – вопросительные, включающие вопросительную частицу *ли* (*есть ли...?* и т.д.) (см. [Лавров 1941]). И все они сохраняют унаследованное от «предков» (общевопросительных конструкций) указание на две возможности ('возможно X', 'возможно не-X').

В более ранних работах мы отмечали компонент 'возможность' в значении союза *или* и других разделительных союзов (см., например, [Санников 1985: 126-128; Санников 1989: 153-157]). Теперь мы убеждаемся, что эти компоненты входят (иногда как факультативные) также в значение некоторых подчинительных союзов, в частности, союза *если*.

3.4.3. По причинам, которые были изложены выше, два основных компонента толкования (указание на две возможности) несимметричны, первый компонент «урезан»: говорящий указывает, что возможен не-X, но не задумывается о том, что из этого следует. А если задумается, то расширит фразу (ср. фразу *Если родится мальчик, мы назовем его Андреем* и ее возможные расширения: ... *а если родится девочка - Олей*).

Естественен вопрос: если последствия отрицательного компонента толкования не учитываются, то нужен ли вообще «отрицательный» компонент толкования ('Возможно не-X,' например, 'Возможно, дождя не будет' для фразы *Если пойдет дождь, мы вернемся домой*)? Нам кажется, что эта вторая возможность (последствия которой, повторяем, не рассматриваются говорящим!) все-таки присутствует. Утверждая это, мы руководствуемся, кроме интуиции, объективными данными: в некоторых употреблениях этот компонент значения усиливается. Так во фразах типа *Если пришел, садись* вторая возможность (не-приход гостя) не только отчетливо ощутима, но и оценивается говорящим как более вероятная, более естественная, а реальное событие (приход гостя) оценивается хозяином как менее естественное. Отсюда возникновение дополнительного прагматического компонента значения (прозрачный намек гостю, что он мог бы и не приходить). Вторая возможность ощущается также во многих других случаях, ср., например:

(8) *Уж если мы родились - ничего не поделаешь, надо немножко пожить.* (Вен. Ерофеев, «Москва – Петушки») (могли бы и не родиться).

(9) *Коля приедет если не в пятницу, так в субботу.* Союз *если* отчетливо указывает здесь на две возможности: 1) Возможно, Коля приедет в пятницу; 2) Возможно, Коля не приедет в пятницу - и тогда он приедет в субботу.

3.4.4. Указание на две возможности содержится в придаточном: *Если будет дождь...* = 'Возможно, дождя не будет; возможно, дождь будет'. Что касается главного предложения (Y), то оно семантически зависимо, и основная сложность толкования условных конструкций заключается именно в определении характера отношений между X-ом и Y-ом.

Следует прежде всего отметить факт (пусть достаточно очевидный), что отношение между X и Y не симметрично (*Если пойдет дождь, раскрою зонт* \neq *Если раскрою зонт, пойдет дождь*).

Известно, что логики игнорировали связь между содержанием частей условной конструкции: отсюда признание «логической безупречности» предложения *If Paris is the capital of France, two is an even number* ‘*Если Париж столица Франции, то два - четное число*’ (см. [Храковский 1998: 27]). Логически безупречна также шутливая фраза *Если в огороде бузина, то в Киеве дядька*.

Лингвисты всегда ощущали смысловую связь между частями условного сложного предложения, но затруднялись в ее определении.

А.В. Гладкий обозначал отношение между частями термином «сопутствование» («ситуация, выражаемая предложением B , сопутствует ситуации, выражаемой предложением A » [Гладкий 1982: 44]).

Другие исследователи говорят здесь о суппозиции, определяя ее как такое нефактивное суждение, которое говорящий просит слушающего считать фактивным (см. [Ducrot 1972; Типология 1998: 17-18]).

Е.Э. Разлогова отмечает, что в условных (как и в причинных) конструкциях события, описываемые в главном и придаточном, связаны между собой во временном отношении: событие, описываемое в придаточном, имеет место раньше или одновременно с событием, описываемым в главном [см. Разлогова 1988: 99]. Этому положению противоречат, казалось бы, примеры типа *Если в окнах нет света, значит, они вчера уехали*, характеризующиеся обратной временной последовательностью событий. Противоречия, в действительности, нет: смысл данного употребления (о котором мы упоминали в п. 1) можно описать приблизительно так: ‘Очевидно, что в окнах нет света; из этого я заключаю: они вчера уехали’. Встречается также (правда, достаточно редко) одновременность событий, вводимых главным и придаточным, ср.: *Если ты будешь сейчас спать, я буду тихонько читать книгу* (пример В.С. Храковского).

Однако совершенно очевидно, что отношения между частями условной конструкции нельзя свести лишь к временным отношениям.

Нередко отмечается, что обычно придаточное условное содержит указание на «достаточное основание», обоснование, причину того, что описывается в главном: *Послушай, если уж не хочешь собак, купи у меня шарманку, чудная шарманка* (Н. Гоголь) (см. [Грамматика 1980: 572-573]). Есть, однако, множество случаев, где содержание придаточного не может рассматриваться как обоснование или причина того, о чем говорится в главном. Вряд ли болезнь может рассматриваться как причина или обоснование отказа Ярослава Смелякова обращаться к врачам, ср.: *Если я заболею, / К врачам обращаться не стану...* Этот пример может быть признан аномальным и потому недостаточно убедительным. Имеется, однако, множество примеров такого типа совершенно обычных, ср.: *Если ты не справишься с этой работой, тебя ругать не будут* (неудача вряд ли обосновывает воздержание от брани); *Если меня пригласят, я не приму приглашение* (вряд ли можно считать приглашение «достаточным основанием», обоснованием, причиной отказа принять приглашение).

Значит ли это, что следует принять противоположную существующую точку зрения, согласно которой связь между частями условной конструкции сводится лишь к отношению «сопутствования» или временной последовательности? Вряд ли. По нашему мнению, между частями условной конструкции существует более глубокая смысловая связь, хотя определить ее характер достаточно трудно.

Обычно в главном предложении содержится указание на соответствие норме, на естественный ход событий:

(10) *Если он пошел в булочную, он купил хлеб*; не: *Если он пошел в булочную, он не купил хлеб* (Фраза возможна, но только в особых условиях, при расширении контекста, типа: *Булочная сегодня не работает*).

С этим компонентом смысла мы уже сталкивались при рассмотрении русских сочинительных союзов: одни сочинительные союзы (например, *и*) указывают на нормальный ход событий или нормальное сочетание событий (см. ниже (а)); другие (в первую очередь, союз *но*) - на ненормальный ход событий или ненормальное сочетание событий или признаков – (11б):

- (11) а. *Он пошел в булочную и купил хлеб.*
б. *Он пошел в булочную, но не купил хлеба.*

Если-конструкция (10) соотносится с *и*-конструкцией - (11а).

Однако анализ других примеров вскрывает существенное различие между сочинительными союзами и союзом *если* в соотношении смыслов двух частей сложного предложения.

Рассмотрим следующий ряд сочинительных конструкций (примеры под рубрикой *а* указывают на нормальный ход событий или нормальное сочетание событий; примеры под рубрикой *б* – на ненормальный ход событий или ненормальное сочетание событий или признаков):

- (12) а. *Меня пригласят, и я приму приглашение.*
б. *Меня пригласят, но я не приму приглашение.*
(13) а. *Морозы бывают, и сильные.*
б. *Морозы бывают, но несильные.*

Замена союзов выглядит, как правило, странно: **Меня пригласят, но я приму приглашение*; **Морозы бывают, и несильные*; **Морозы бывают, но сильные* (см. [Санников 1989: 239-241]).

Попытавшись переделать приведенные в предыдущем абзаце сочинительные конструкции в условные с союзом *если*, мы убеждаемся, что *если*-конструкции соотносятся как с *и*-конструкциями, так и с *но*-конструкциями, допускают прямо противоположные продолжения:

- (14) а. *Если меня пригласят, я приму приглашение.*
б. *Если меня пригласят, я не приму приглашение.*

(15) а. *Если морозы бывают, то сильные.*

б. *Если морозы бывают, то несильные.*

Создается парадоксальное положение. *Если*-конструкция (10) соотносится с *и*-конструкцией и указывает лишь на один исход как естественный; каждая из фраз (14)-(15) допускает как естественные два (противоположных!) исхода. Однако, сравнив примеры, мы убеждаемся, что естественность здесь разная. И в ситуации похода в булочную, и в ситуации приглашения в гости возможны два противоположных исхода: в первом случае – купить хлеб или не купить его, во втором случае – принять приглашение или отклонить его. Но есть здесь и заметное различие: в ситуации с булочной отрицательный исход (возвращение ни с чем) в принципе не исключен, но маловероятен, это нечто гораздо более неожиданное, чем отказ в ситуации приглашения в гости.

Сочинительные союзы из двух возможных исходов выбирают один как более естественный, а другой как менее естественный. Союз *если* «абстрагируется от этих тонкостей», считает оба противоположных исхода естественными. Однако он «болезненно реагирует» на слишком малую вероятность, полную неожиданность события. Ср. неправильную фразу (16):

(16) **Если он не знает английский, он сможет сделать доклад на английском языке.*

На первый взгляд, это ограничение представляется само собой разумеющимся и связанным со странностью и парадоксальностью смысла. Это не так: в отличие от условных, сочинительные и уступительные союзы допускают подобное сочетание смыслов, ср.:

(17) *Он не знает английский, но сможет сделать доклад на английском языке.*

(18) *Хотя <пусть> он не знает английский, он сможет сделать доклад на английском языке.*

Фразы странные, но грамматически правильные и вполне допустимые при описании некоторых ситуаций (например, когда докладчику кто-то другой переведет текст доклада на английский).

Сочинительные и уступительные союзы предлагают один «раскрой» действительности: на соответствующее норме, естественное (в том числе и более естественное из двух или нескольких исходов) и не соответствующее норме, не-естественное (в том числе и менее естественное из двух или нескольких исходов); условные (*если, ежели* и др.) - другой, существенно отличный: деление на возможное и невозможное (или крайне маловероятное).

Таким образом, в рассматриваемом аспекте основное различие между двумя этими группами союзов заключается в понимании менее естественного (или менее вероятного) из двух или нескольких возможных исходов рассматриваемой ситуации. В сочинительных и уступительных конструкциях менее естественный исход понимается как ненормальный,

неестественный и присоединяется с помощью союза *но* или *хотя* (*Меня пригласят, но я не приму приглашение; Хотя меня пригласят, я не приму приглашение*). В условных конструкциях он допустим – наряду с более естественным или высоковероятным событием (ср. допустимость обоих, противоположных по смыслу исходов: *Если меня пригласят, я не приму приглашение* и *Если меня пригласят, я приму приглашение*).

3.4.5. Итак, для *если*-конструкций допустимо (в главной части) все, кроме крайне маловероятного. Можно ли, однако, считать, что представление о большей/меньшей естественности, столь важное для сочинительных и уступительных конструкций, полностью отсутствует в конструкциях с союзом *если*? Видимо, нет. Рассмотрим несколько примеров:

- (19) а. *Если не справишься с этой работой, тебя будут ругать.*
б. *Если не справишься с этой работой, тебя ругать не будут.*
- (20) а. *Если меня пригласят, я приму приглашение.*
б. *Если меня пригласят, я не приму приглашение.*

Легко заметить, что в приведенных парах есть общее представление о некоей норме (в случае неудачи на работе - получить нагоняй; получив приглашение - принять его). Говорящий и слушающий отчетливо осознают, что (19а) и (20а) соответствуют этому представлению, а (19б) и (20б) - нет. Но в этом последнем случае обычно требуется обоснование и расширение контекста. Высказывание *Если я заболею, обращусь к врачу* – естественно и не требует объяснения, однако Смеляков, заявляя *Если я заболею, к врачам обращаться не стану...*, отчетливо сознает необычность («бредовость») своего поведения и поясняет далее: *...Обращусь я к друзьям, Не подумайте, что я в бреду, Постелите мне степь...* и т.д.

Как же соотносится содержание главного предложения (Y) с тем, что ощущается говорящими как естественное в описываемой ситуации? Отношения между ними бывают, кажется, трех типов: 1) обычно Y соответствует представлению о естественном (*Если я заболею, обращусь к врачу*); 2) реже Y не соответствует этому представлению (*Если я заболею, к врачам обращаться не стану*); 3) иногда Y – указание на один из множества равновероятных вариантов, ср.: *Если родится мальчик, назовем его Никитой* (Никита – одно из множества возможных мужских имен). Какой из этих трех типов имеет место, определяется в каждом конкретном случае прагматическими факторами (чаще всего – представлениями говорящего и слушающего о действительности). Формальными показателями отнесения к первому типу (т.е. соответствия Y-а – естественному развитию событий в ситуации X) являются: 1) возможность подстановки во фразу модального слова *естественно* (ср. нейтральную фразу *Если я заболею, естественно, обращусь к врачу*) и 2) недопустимость замены *если* союзами *хотя, пусть* (ср. **Хотя <*Пусть> я заболею, я обращусь к врачу*). Второй тип (т.е. несоответствие Y-а естественному развитию событий

в ситуации X) как раз наоборот: противится подстановке модального слова *естественно* (ср. странные фразы [?]*Если я заболею, я, естественно, не обращусь к врачу*) и допускает замену *если* союзами *хотя, пусть* (ср. *Хотя <Пусть> я заболею, я не обращусь к врачу*). Третий тип (Y – указание на один из множества равновероятных вариантов) с трудом допускает подстановку модального слова *естественно* (ср. [?]*Если родится мальчик, естественно, назовем его Никитой*) и совершенно не допускает замену *если* союзами *хотя, пусть* (ср. **Хотя <*Пусть> родится мальчик, назовем его Никитой*).

Таким образом, представление о естественности / неестественности сочетания двух событий, передаваемое в сочинительных конструкциях самим сочинительным союзом, содержится обычно и в условных конструкциях, однако передается оно не союзом *если*, а выводится из смысла предложения, из знаний говорящего о мире.

3.4.6. С учетом всего, что было сказано в данном разделе, предлагается следующее толкование союза *если* в его основном, «условном» значении:

Если X, (то) Y = ‘Возможно не-X;

Возможно X;

В ситуации X достаточно вероятны ситуации Y, Y₁, Y₂,... Y_n;

После события X или одновременно с ним имеет место событие Y’

3.4.7. Вряд ли кого-то удивит утверждение, что кроме «классических-канонических» немало употреблений условного *если*, которые привносят в конструкцию дополнительный смысл. Чаще всего это происходит в случаях расширения союза *если* за счет частиц *бы* и *не*. В пунктах 3.4.8 и 3.4.9 рассмотрим два из этих употреблений, наиболее частые.

3.4.8. *ЕСЛИ БЫ*. Конструкции с *если бы* очень интересны и требуют особого рассмотрения. Мы ограничимся двумя краткими замечаниями.

1) Неточно понимание (отразившееся в словарях и грамматиках русского языка), что при описании возможных событий в будущем конструкции с *если бы* синонимичны конструкциям с *если*. Сравним два следующих примера:

(21) а. *Если бы вы приехали завтра, мы пошли бы за грибами.*

б. *Если вы приедете завтра, мы пойдем за грибами.*

Мне кажется, что в (21а) вероятность приезда (по оценке говорящего) существенно меньше, чем в (21б).

2) Конструкции с *если бы*, те из них, которые указывают на нереальность описываемых событий в прошлом, чрезвычайно интересны в плане прагматическом. Какой, казалось бы, смысл в описании того, что либо вообще не могло произойти, либо могло бы произойти, но не произошло и заведомо не произойдет никогда – «поезд ушел»? Мне кажется, конструкции с *если бы* этого типа решают две основных задачи:

1) дать говорящему возможность «выпустить пар» и/или 2) подействовать на слушающего и

заставить его скорректировать в будущем свои поступки. Анализ материала убеждает в разнообразии и богатстве целей, преследуемых при произнесении ирреальных высказываний. Чаще всего ирреальная условная конструкция используется для обоснования своего высказывания, для обоснования содержащегося в нем утверждения, побуждения, упрека, мнения. Ср. след. примеры:

(22) *Ты бы как сыр в масле катался, если бы не пил-то* (В. Шукшин, «Мастер») – обоснование побуждения.

(23) *...дело швах! О, каналья, каналья! Да ведь если бы с апреля месяца он начал бы формирование офицерских корпусов, мы бы взяли теперь Москву* (М. Булгаков, «Белая гвардия») – обоснование упрека.

(24) *Если бы я не споткнулся, я бы всех обогнал* – самоутверждение и самоутешение.

(25) *Если бы Пушкин прожил еще хотя бы десять лет, вероятно, история России могла быть совершенно другой* (Ф. Искандер, «Авторитет») – обоснование утверждения о громадном значении Пушкина для России и ее истории.

Зачастую используется прием «доказательства от противного». Ср. два следующих примера обоснования утверждений путем использования конструкции с *если бы*:

(26) *Нет, у меня нет и гордости. Если бы была гордость, я не поставил бы себя в такое положение* (Л. Толстой, «Анна Каренина», ч. 1, XXIV). Смысл высказывания: ‘если есть гордость, человек не ставит себя в такое положение; я поставил себя в такое положение; следовательно, у меня нет гордости’.

Интересный аспект употребления союза *если бы* вскрывает следующая шутка из кинофильма «Блеф»: - *Скажите, который час?* - *У меня нет часов.* - *А если бы были, то который был бы?* Шутка эксплуатирует одно свойство конструкций с *если бы*: обычно они по содержанию совпадают с конструкциями с *если* и отличаются от них только тем, что указывают не на возможные, а на ирреальные события. Ср. след. диалог:

- *Скажите, в котором часу прибыл поезд из Варшавы?* – *Опаздывает из-за заносов.* - *А если бы не опаздывал, то в котором часу прибыл бы?* – *В 9:25.*

3.4.9. **ЕСЛИ НЕ**. Еще один интересный и достаточно распространенный класс употреблений условного *если* мы встречаем в примерах типа (27)-(28):

(27) *Мороз если не 20, так 15 градусов.*

(28) *Туманы [в Лондоне] бывают, если не каждый день, то через день непременно* (И. Гончаров, МАС).

Как отмечается в [МАС; Ляпон 1988], элемент *не* в конструкциях типа (27)-(28) обязателен, то есть можно было бы говорить о союзе *если не*. Другая важная особенность данных конструкций заключается в том, что союз соединяет обычно не предложения, а члены

предложения. По синтаксическому употреблению и по значению он ближе всего к «градационному» сочинительному союзу *а то и*. Ср. (27) с (29)-(30):

(29) *Мороз 20, а то и 15 градусов.*

(30) *Мороз 15, а то и 20 градусов.*

Союз *а то и* указывает на разную степень отступления компонентов X и Y от нормы: в (29) мороз оценивается как несильный; напротив, во фразе (30) с обратным порядком компонентов он оценивается как сильный. Поэтому (29) допускает подстановку прилагательного *несильный* (*Мороз несильный - 20, а то и 15 градусов*), а (30) - прилагательного *сильный* (*Мороз сильный - 15, а то и 20 градусов*), но не наоборот (**Мороз сильный - 20, а то и 15 градусов*) (см. [Санников 1989: 120-122]).

Союз *если не* - в сущности, как справедливо отмечает М.В. Ляпон [Ляпон 1988], союз градационный. От союза *а то и* он отличается лишь своей односторонней направленностью: *если не* предполагает уменьшение интенсивности описываемого признака (*Мороз сильный: если не 20, так 15 градусов*), но не его увеличение: фраза *Мороз если не 15, так 20 градусов* не совсем обычна.

Таким образом, значение «градационного *если не*» можно определить следующим образом:

Если не X, <то, так> Y = 'Возможно X;
Возможно не-X;
В ситуации не-X имеет место Y;
X – сильное отклонение от нормы;
Y – менее сильное отклонение'

Нетрудно заметить, что толкование *если не* существенно отличается от предложенного выше толкования союза *если*, и, возможно, следовало бы говорить об особом значении союза – *если* «градационное».

4. «Сопоставительное» **ЕСЛИ**

4.1. Кроме основного, словари и грамматики русского языка выделяют т. наз. «сопоставительное» значение союза *если*, представленное в примерах типа:

(1) *Если в Александровском округе климат морской, то в Тымовском он континентальный* (А. Чехов, «Остров Сахалин», МАС).

«Загадочность» этого союза, поражавшая многих исследователей, заключается в отличии его значения от значения основного, условного союза *если*, отличии столь резком, что исследователи, по сути дела, интерпретируют этот союз не как подчинительный, а как сочинительный, синонимичный противительному союзу *а*.

Впрочем, вопреки существующим представлениям, эти два союза не синонимичны и не всегда взаимозаменяемы. А.В. Гладкий различие между ними видит в том, что в

сопоставительной конструкции *если X, то Y* первый элемент X – презумпция (нечто, известное не только говорящему, но и слушающему), а Y – сообщение, нечто новое для говорящего; в сочинительной конструкции *X, а Y* – два сообщения (см. [Гладкий 1982: 47]). Имеющийся в нашем распоряжении материал убеждает в том, что в сопоставительной конструкции *если X, то Y* (точно так, как и в сочинительной конструкции *X, а Y*) мы обычно имеем дело с двумя сообщениями.

4.2. Отличия конструкций с «сопоставительным» *если* от конструкций с *а* мы видим в другом. Их, этих отличий, минимум три, и все они унаследованы от «предка» - «условного» *если* и присутствуют, правда, в трансформированном, иногда в очень слабом виде («мерцают»), и в конструкциях с «сопоставительным» *если*. Эти «призрачные семантические блики» сказываются на употреблении «сопоставительного» *если*, и в какой-то форме (в толковании ли, в правилах ли употребления) мы должны их учитывать. Они будут рассмотрены в пунктах 4.3 - 4.5.

4.3. Это, во-первых, «условный компонент» (указание на две возможности), правда, существенно трансформированный и ослабленный. В сопоставительной конструкции (*Если X, то Y*) X – реальное событие, Y – тоже, однако наряду с Y существовала другая возможность. В ситуации, описываемой фразой *Если старшую дочь они назвали Светланой, то младшую Мартой*, другая возможность (пусть неосуществившаяся) – это назвать младшую дочь также русским именем. Конструкция отражает то обстоятельство, что в наивной языковой картине мира сходство считается, видимо, более естественным, чем различие.

В тех случаях, где «иначе и быть не могло», где Y - единственно возможно в ситуации X, сопоставительная конструкция с *если* затруднительна, ср. след. странные фразы:

(2) *Если 2 в квадрате - 4, то 5 в квадрате - 25.*

(3) *Если это - мой брат, то это - сослуживцы, Виктор и Андрей.*

(4) *Если солнце встает на востоке, то заходит - на западе.*

(5) *Если это ель, то это - сосна.*

Странность приведенных фраз - не смысловая странность, она связана именно с союзом *если*: постановка здесь союза *а* делает фразы допустимыми:

(2а) *2 в квадрате равно 4, а 5 в квадрате - 25.*

(3а) *Это - мой брат, а это - сослуживцы, Виктор и Андрей.*

(4а) *Солнце встает на востоке, а заходит - на западе.*

(5а) *Это ель, а это - сосна.*

4.4. Сопоставительное *если* употребляется обычно в ситуации, когда компоненты X и Y существенно различаются или даже прямо противоположны по смыслу. Поэтому фраза *Если вчера у больного была температура 36,7, то сегодня 39,2* вполне естественна, а

фраза *Если вчера у больного была температура 36,7, то сегодня 36,8* представляется несколько странной, предпочтительнее здесь употребление союза *а*, не ограничивающего разницу между компонентами: она может быть и максимальной (*Вчера у больного была температура 36,7, а сегодня 39,2*), и минимальной (*Вчера у больного была температура 36,7, а сегодня 36,8*).

Иногда это указание на существенность различия между *X* и *Y* дублируется, передается не только союзом, но также лексическим составом частей (*Если вчера была отличная погода, то сегодня весь день льет дождь*). Иногда такого дублирования нет, и тогда обычны пояснения. Сравним две фразы:

(6) а. *Старшего сына они назвали Петей, а младшего Колей.*

б. *Если старшего сына они назвали Петей, то младшего Колей.*

Фраза (6а), включающая союз *а*, совершенно обычна и не требует разъяснений – в отличие от фразы (6б), которая представляется слушающему несколько странной. Он понимает, что в каком-то отношении имена Петя и Коля для говорящего принципиально различны, и нуждается в соответствующем разъяснении. Без подобного разъяснения представляется странной и непонятной также и фраза (7):

(7) *Если старшего сына они назвали Роландом, то младшего Арнольдом* – в отличие от фразы (8), которая представляется обычной, допустимой и без дополнительных разъяснений:

(8) *Если старшего сына они назвали Роландом, то младшего Анфимом.*

Фразы с *а* не требуют обоснований, а фразы с *если* предполагают существенное различие между компонентами и обоснование этого различия (там, где характер этого различия не совсем ясен). Фраза *Если старшую дочь они назвали Ольгой, то младшую – Мартой* наиболее естественна в ситуации, когда разница имен специально оговаривается как существенная, «принципиальная», например, если ей предшествует текст: «Со временем они стали увлекаться всем немецким...»

4.5. Отметим еще одно существенное отличие подчинительных конструкций с сопоставительным *если* от сочинительных конструкций с союзом *а* (также унаследованное от условных конструкций): в *если*-конструкции действие придаточного (*X*) имеет место раньше *Y* или одновременно с *Y*, в то время как в сочинительных конструкциях с союзом *а* допустим любой порядок частей. Отсюда шероховатость примера (9) – при полной естественности примера (10):

(9) [?]*Если сегодня весь день льет дождь, то вчера была отличная погода.*

(10) *Сегодня весь день льет дождь, а вчера была отличная погода.*

Для «исправления» примера (9) необходимо изменить порядок компонентов, с тем, чтобы они удовлетворяли требованию временной последовательности, обязательному для

условных конструкций с *если* и унаследованному от них сопоставительными конструкциями, ср.:

(9а) *Если вчера была отличная погода, то сегодня весь день льет дождь.*

4.6. В результате можно предложить следующее толкование «сопоставительного» *если*:

Если X, (то) Y = 'Имеет место X;

В ситуации X было естественно событие Z, тождественное или близкое X-у;

Имеет место событие Y, существенно отличающееся от X-а'.

5. Употребления, промежуточные между «условным» *если* и «сопоставительным» *если*

5.1. Условное и сопоставительное значения конструкций с *если* - это два полюса, между ними множество промежуточных случаев. Одно из употреблений, промежуточных между «условным» *если* и «сопоставительным» *если*, занимает настолько большое место, что мы считаем возможным выделить его в качестве особого, третьего значения союза *если* - *если* «уступительное». Это значение описывается в следующем разделе статьи. Здесь же, в пунктах 5.2 и 5.3 рассмотрим два более редких, хотя также достаточно интересных употребления промежуточного характера.

5.2. (1) *Жили два друга-товарища,*

Пой песню, пой,

И если один говорил из них «да»,

«Нет» - говорил другой (Песня).

Мы имеем здесь дело с «условным» *если*: реакция одного из друзей была обусловлена реакцией другого, была противоположна этой реакции.

Интересно, однако, что приведенная фраза близка, с другой стороны, фразам с «сопоставительным» *если*, прежде всего, по синтаксической структуре (ср. характерный для сопоставительных конструкций параллелизм членов, правда, с изменением их порядка). Еще важнее другое: эта фраза и по смыслу может быть понята (пусть это понимание менее естественно) как сопоставительная, со значением: 'один из друзей всегда говорил «да», другой - всегда «нет»', - сообщение о покладистости одного друга и несговорчивости другого.

5.3. (2) *Если в Северном полушарии лето, то в Южном – зима.*

На первый взгляд конструкция (2) близка конструкции (1). Здесь также описываются повторяющиеся события, ощущаемые как резко различающиеся или противоположные: один элемент (неважно какой) берется за точку отсчета, по одному можно судить о другом.

Однако на этом сходство кончается: в (1) между компонентами действительно существует условно-следственная зависимость, а в (2) условно-следственная зависимость лишь «навязывается» компонентам в наивной языковой картине мира. В реальной действительности ее нет: Северное полушарие не определяет время года, стоящее в Южном, и наоборот. Тем самым, (2) – еще один шаг к превращению условной конструкции в сопоставительную. Следующий, казалось бы, небольшой шаг (введение временной характеристики описываемого события) превращает эту переходную конструкцию в чисто сопоставительную:

(2а) *Если в июле в Северном полушарии лето, то в Южном – зима* – где первая часть уже не допускает, в отличие от (2), «условного осмысления», указания на две возможности: (2а) ≠ ‘Возможно, в июле в Северном полушарии зима; возможно, в июле в Северном полушарии лето’).

5.4. Иногда неясно, идет ли речь о реальных событиях (и тогда мы имеем дело с сопоставительной конструкцией) или же о возможных (условная конструкция). Ср. ниже (3) (бесспорно, условная конструкция), с (4) (бесспорно, сопоставительная конструкция) и (5), которая может быть понята и как условная, и как сопоставительная конструкция:

(3) *Если Коля съест яблоко, то Катя – грушу.*

(4) *Если я съел яблоко, то Катя – грушу.*

(5) *Если Коля съел яблоко, то Катя – грушу.*

6. ЕСЛИ «уступительное» – особое значение союза *если*?

6.1. Кроме двух рассмотренных значений союза *если* (*если* «условное» и *если* «сопоставительное») можно, вслед за некоторыми словарями и грамматиками (см., например, [МАС]), выделить еще одно, достаточно распространенное, которое также можно расценивать как промежуточное между «условным» *если* и «сопоставительным» *если*. Сравним два следующих примера:

(1) *Если Маша и побранила его вчера, то это для его же пользы.*

(2) *Если я и побранил его вчера, то это для его же пользы.*

Первый пример можно понимать как обычную условную конструкцию: говорящий не уверен, что событие имело место в действительности³. Во втором примере минимальное, казалось бы, изменение (замена третьего лица на первое) резко изменило картину: речь идет о реальном событии в прошлом – подобно тому, что мы наблюдаем в сопоставительных конструкциях. Однако здесь нет смыслового и синтаксического параллелизма частей, столь характерного для сопоставительных *если*-конструкций.

Легко заметить, однако, что в (2) все-таки еще сохраняется (пусть в очень ослабленном виде) условный компонент. Говорящий не то чтобы не уверен полностью в том, что речь идет о реальном событии, но затушевывает, смягчает его реальность, его важность (хотя брань реально имела место): субъект действия X сделал его неохотно, вынужденно, ответственность он пытается переложить на объект действия или на сложившиеся обстоятельства. Это особенно заметно, если сравнить (2) с соответствующей *хотя*-конструкцией, где реальность и преднамеренность брани не подвергается сомнению:

³Отвлекаемся от других возможных (но менее естественных) пониманий фразы.

(3) *Хотя я и побранил его вчера, но это для его же пользы.*

Конструкция с уступительным *если* сближается по значению не с конструкцией с союзом *хотя*, а с конструкцией типа *пусть...*, *но...* (см. о ней [Санников 2001]), и может быть ею заменена без резкого изменения смысла.

6.2. Видимо, в случаях типа (2) мы имеем дело с особым, третьим значением союза *если*, которое может быть определено как *если* «уступки»:

Если X, (то) Y = 'Имеет место X;

Было возможно не-X;

Не следует преувеличивать важность наличия X-а,

поскольку существенное значение имеет Y'.

Еще пример конструкций этого типа:

(4) *Если мы и победили в войне, то ценой неисчислимых потерь* (= 'Была возможна победа; было возможно поражение; мы победили; значение этого факта резко снижается, поскольку слишком высока цена победы').

Следует отметить, однако, что «чистые» конструкции такого типа встречаются не так уж часто. Обычны случаи типа (1), допускающие двойное понимание: либо говорящий не уверен, что брань имела место (и тогда это обычная условная конструкция), либо говорящий знает, что брань, действительно, имела место (и тогда мы имеем дело с «*если уступки*»).

6.3. Конструкция с *если* «уступки» имеет некоторые синтаксические особенности: 1) придаточное, как правило, препозитивно (ср. «корявость» фразы с обратным порядком частей: *Это для его же пользы, если я и обругал его вчера*); 2) *если* сопровождается обычно частицей *и*; 3) главное предложение включает обычно соотносительное слово *то* (ср. затруднительность опущения *то* во фразе (2) и особенно (4)); 4) в главной части обычно указательное местоимение *это*, соотносящееся со всем содержанием придаточного предложения.

6.4. Конструкции с *если* «уступки» чрезвычайно интересны также в аспекте коммуникативной значимости частей сложного предложения. Мы уже отмечали [Санников 1989: 151-152], что второй компонент, вводимый союзом *но*, доминирует, является решающим для описываемой ситуации. В конструкциях с «*если уступки*» (как и в конструкциях с союзом *пускай/пусть*) это соотношение еще сильнее меняется в пользу второй части, первая часть X (включающая *если* или *пускай/пусть*) объявляется (даже если она, бесспорно, имела место) малозначимой.

Литература

Апресян 1995 – Ю.Д. Апресян. Избранные труды. Т. I-II. М., 1995.

Баранов и др. 1993 – А.Н. Баранов, В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М., 1993.

- БАС – Словарь современного русского литературного языка. Т. I-XVII. М.; Л., 1950-1965. Изд 2-е. Т. I-VI (А-З). М., 1991-1994.
- Белошапкина 1977 – В.А. Белошапкина. Современный русский язык. Синтаксис. М., 1977.
- Богуславский 1996 – И.М. Богуславский. Сфера действия лексических единиц. М., 1996.
- Вежбицкая 1996 – А. Вежбицкая. Язык. Культура. Познание. М., 1996.
- Вежбицкая 1999 – А. Вежбицкая. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
- Виноградов 1972 – В.В. Виноградов. Русский язык (грамматическое учение о слове). Изд. 2-е. М., 1972.
- Гладкий 1979 – А.В. Гладкий. О значении союза ИЛИ // Семиотика и информатика. Вып. 13. М., 1979. С. 196-214.
- Гладкий 1982 – А.В. Гладкий. О значении союза ЕСЛИ // Семиотика и информатика. Вып. 18. М., 1982. С. 43-75.
- Грамматика 1960 – Грамматика русского языка. Т. I-II. М., 1960.
- Грамматика 1970 – Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
- Грамматика 1980 – Русская грамматика. Т. I-II. М., 1980.
- Иорданская 1988 – Л.Н. Иорданская. Семантика русского союза *РАЗ* (в сравнении с некоторыми другими русскими союзами) // Russian Linguistics. 1988. №12. С. 239-267.
- Колосова 1980 – Т.А. Колосова. Русские сложные предложения асимметрической структуры. Воронеж, 1980.
- Лавров 1941 – Б.В. Лавров. Условные и уступительные предложения в древнерусском языке. М.; Л., 1941.
- Ляпон 1988 – М.В. Ляпон. Семантические модификации служебного слова в условиях фразеологизированной конструкции // Язык: система и функционирование. М., 1988. С. 161-172.
- МАС – Словарь русского языка. Т. I-IV. 2-е. изд. М., 1981-1984.
- Мендельсон 1971 – Э. Мендельсон. Введение в математическую логику. М., 1971.
- Ожегов 1990 – С.И. Ожегов. Словарь русского языка. 22-е изд. М., 1990.
- Падучева 1985 – Е.В. Падучева. Высказывание и его соотношенность с действительностью. М., 1985.
- Поспелов 1959 – Н.С. Поспелов. Сложноподчиненное предложение и его структурные типы // ВЯ. 1959. № 2. С. 19–27.

- Разлогова 1988 – Е.Э. Разлогова. Эксплицитные и имплицитные пропозициональные установки в причинно-следственных и условных конструкциях // Логический анализ языка. Знание и мнение. М., 1988. С. 98-107.
- Санников 1985 – В.З. Санников. Семантика и прагматика союза *или* // Семиотика и информатика. М., 1985. Вып. 24. С. 117-141.
- Санников 1987 – В.З. Санников. Прагматика неопределенных утверждений // Научно-техническая информация. Сер. 2. № 9. М., 1987. С. 32-37.
- Санников 1989 – В.З. Санников. Русские сочинительные конструкции (Семантика. Прагматика. Синтаксис). М., 1989.
- Санников 1990 – В.З. Санников. Конъюнкция и дизъюнкция в естественном языке // ВЯ. 1990. № 5. С. 50-61.
- Санников 1999 – В.З. Санников. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999.
- Санников 2001 – В.З. Санников. О значении союза *пускай/пусть* (в печати).
- Типология 1998 – Типология условных конструкций. Отв. ред. В.С. Храковский. СПб., 1998.
- Храковский 1998 – В.С. Храковский. Теоретический анализ условных конструкций (семантика, исчисление, типология) // Типология условных конструкций. СПб., 1998. С. 7-96.
- Comrie 1986 – B. Comrie. Conditionals: A typology // On conditionals. Cambridge, 1986.
- Ducrot 1972 – O. Ducrot. Dire et ne pas dire. Paris, 1972.
- Lakoff 1971 – R. Lakoff. If's, and's and but's about Conjunction // Studies in Linguistic Semantics. New York etc., 1971. P. 114-149.
- Le groupe λ -1 -1 1975 - Le groupe λ -l: Car, parce que, puisque // Revue Romane, 10, 1975. P. 248-280.
- Martin 1973 – R. Martin. Le mot *puisque*: notions d'adverbe de phrase et de présupposition sémantique // Studia Neophilologica. XLV. 1973.
- Reichenbach 1947 – H. Reichenbach. Elements of symbolic logic. N.Y., 1947.
- Quine 1940 – W.V. Quine. Mathematical logic. N.Y., 1940.
- Wierzbicka 1996 – A. Wierzbicka. The semantics of «logical concepts» // The Moscow Linguistics Journal. 1996. № 2.
- Wierzbicka 1999 – A. Wierzbicka. A semantic basis for linguistic typology // Типология и теория языка. К 60-летию Александра Евгеньевича Кибрика. М., 1999. P. 26-35.

М.В. Ляпон*

К изучению семантики парадокса

«Парадокс – остроумная попытка уйти от истины»

(Г. Манн).

«Парадокс – вот единственная правда»

(Б. Шоу).

§1. Предварительные замечания. Парадокс (высказывание, опровергающее общепринятое суждение) привлекает внимание прежде всего тем, что выражает оппозицию стереотипу (обычно остроумно оформленную). Парадокс обладает двойной смысловой энергией: он одновременно и продукт мысли, и сильно действующее средство, способное инициировать мысль. Парадоксы нуждаются, по крайней мере, в мотивации двух видов: (1) собственно смысловой (истолкование логической аномалии, сдвига, нарушения конвенций, действующих в рамках логики здравого смысла) и (2) психологической (осмысление особенностей афористического мышления; выявление авторских предпочтений тех или других правил игры со смыслом; поиск ключа к тому, что можно назвать индивидуальной стилистикой авторского остроумия). В статье предпринята попытка обобщить некоторые результаты поисков в том и другом направлении.

Образно говоря, парадокс – это состязание двух правд, в котором ни одна не одерживает победы, своего рода соревнование, всегда оканчивающееся вничью. Непременным «спутником» всякого парадокса является состояние недоумения, ментальный дискомфорт, обусловленный оборачиваемостью истины и лжи, их способностью превращаться друг в друга. По-видимому, это и есть тот общий признак, который роднит разные виды парадоксов и естественным образом переплетает интересы философов, логиков, психологов и языковедов, изучающих этот загадочный феномен. Рассматривая парадокс в разных ракурсах и с разными целями, те и другие в конечном счете имеют дело с человеческой мыслью, которая либо предпочитает нетривиальный путь поиска истины, либо, столкнувшись с аномалией, ищет выход из логического тупика. «Парадоксы увлекательны лишь тогда, когда инициируют мысль» [Делёз 1998: 107]; «Значимость парадокса заключается в пробеге, который он заставляет совершать мысль от языкового выражения к референту и обратно» [Дюбуа и др. 1986: 258].

Парадокс есть ментальная потребность языковой личности, и изучение семантики парадокса не может быть продуктивным без пристального внимания к психологической

*Майя Валентиновна Ляпон – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН.

стороне его сущности. В своем исследовании «Остроумие и его отношение к бессознательному» З. Фрейд обращает внимание на то, что смысл понятия «остроумие» (как способности к афористическому мышлению) хорошо раскрывается старым термином *Seelenvermögen*, который буквально значит 'духовное достояние'. «У остроумных людей нужно предполагать, – пишет Фрейд, – особое дарование или особые психические условия, которые способствуют работе остроумия» [Фрейд 1925: 188].

Афористическое мышление открывает то, что не лежит на поверхности вещей. Афоризмы – плод ума, склонного к опровержению, настроенного на поиск слабых мест тривиальной логики, на подрыв авторитета так называемого здравого смысла¹. Как справедливо отмечает Л.Я. Гинзбург, «шутка ни в какой мере не является выражением легкости существования. Шутка ... выражает скорее семантическую сложность бытия; отсутствие точных смыслов, вечное несовпадение слов со словами и слов с предметами. Главная аномалия остроты, по-видимому, связана с феноменом, который теоретики остроумия называют «смыслом в бессмыслице». За остротой стоит психологическая реальность, а именно, – удовольствие от игры со смыслом, момент освобождения «от гнета критического разума» [Гинзбург 1987: 231].

Исследователи, изучающие проблему остроумия, единодушно признают, что самое трудное – определить, что такое юмор: Попытки найти некую базисную «грамматику юмора» или «глубинную комическую структуру» не могут увенчаться успехом, потому что, «чем дольше занимаемся мы поисками этой общей структуры, тем более очевидным становится досадное отсутствие единства во всех многообразных проявлениях юмора» [Минский 1988: 297]. В поисках природы юмора в фокус внимания неизбежно попадает парадокс – феномен семантически многомерный и трудно уловимый для убедительного однозначного толкования.

§2. Авторский парадокс как отражение ментального модуса личности. Изучению афористического мышления изнутри помогает сам создатель афоризмов, если он склонен к самопознанию и способен к адекватной самооценке. Таким автором является, например, Цветаева-прозаик. Проза Цветаевой содержит богатый материал для сопоставления авторской афористики с «идиоматикой» самой личности создателя афоризмов. Афоризм – один из типичных приемов ментальной стратегии Цветаевой-прозаика, одна из стилистических доминант ее прозаического текста в целом, включая дневники и письма. Суждение И. Бродского, что Цветаева, «с ее внестрофическим – вообще внестиховым

¹Проблема остроумия оказывается междисциплинарной проблемой. Такие «операторы» остроумия, как интуиция и фантазия, привлекают внимание и филолога, и логика, изучающего «цикл становления истины»; см., например: [Бахтияров 2000а: 56]. «Многомерность познания, — читаем у того же автора, — является типичной человеческой чертой. В ней секрет любого творческого начала. Парадоксы — это не тупик, а блеск в конце туннеля, освещающий путь к творческой свободе» [Бахтияров 2000б: 101].

мышлением» [Бродский 1997: 67], нуждалась в прозе, – подтверждает сама Цветаева. «Прозу люблю почти так же, как и стихи, – читаем в одной из ее записей начала 30-х годов, – и отнюдь не придаю ей оскорбительного общепринятого значения... Проза – проработанная в слове жизнь. То есть, как всякое завершение, уже над-жизнь» [Цветаева 1992: 4]. В той же записи Цветаева формулирует одну из главных, на наш взгляд, причин, по которым она любит прозу: «Работа прозаика протекает, главным образом в *мысли, а не в слове*» (выделено мною. – М. Л.). Возможно, именно проза, в которой Цветаева проявляет себя как писатель-концептуалист, дает основание называть поэта Цветаеву «наиболее интересным мыслителем своего времени» [Бродский 1997: 69].

В условиях прозы афористическое мышление, заинтригованное тайнами бытия, обретает широкие возможности удовлетворять свое пристрастие к парадоксу. Парадоксы Цветаевой – отпечаток духовной концепции личности, которая покушается на незыблемость абсолютов. Ее парадоксы – естественная реакция мысли, всегда внутренне готовой к опровержению очевидного, отклик сознания, заинтригованного метаморфозами истины и лжи. «Нет ведь окончательной лжи, у каждой лжи ведь хотя бы один луч – в правду. И вот она вся идет по этому лучу» [Цветаева 1994–1995: IV, 518]². В тяге Цветаевой к парадоксу проявляется не только эвристическая активность (антипатия к стереотипу, всепроникающая, неутолимая рефлексия). Парадокс как метод постижения истины импонирует искателю трудностей, он созвучен духовному этимону личности Цветаевой: «Прежде всего и во всем: мой инстинкт всегда ищет и создает преграды, т. е. я *инстинктивно* их создаю – в жизни, как и в стихах» [VII: 378]. Это свойство можно назвать своеобразным духовным тоном личности, своего рода темпераментом мысли. «Мысль – тоже страсть», – говорит сама Цветаева [Цветаева НСТ: 12]³.

§3. Виды игры со смыслом в парадоксах Цветаевой. В смысловом потенциале парадокса отражается фундаментальная универсалия окружающей действительности: постоянное столкновение двух истин – априорной и актуальной. Человеческое сознание как бы настраивается в унисон с этой закономерностью и превращает истину из некогда данной, не подлежащей сомнению, – в искомую. Парадокс как результат антисозерцательного восприятия мира, плод остроумия обнажает вечную конкуренцию двух логических сущностей: альтернативы и тождества. В рамках этой конкуренции интуитивно выделяются три вида игры со смыслом: (1) неожиданное открытие в единой сущности двух противоборствующих начал, разрыв целого на две части, одна из которых уничтожает другую; (2) категорическое перечеркивание очевидной антиномии, (3) мена позиций (цель –

² Далее при ссылках на многотомное издание Цветаевой 1994 – 1995 г. в скобках указывается номер тома и страница.

³ Далее – НСТ и номер страницы.

целесообразное начало, причина – следствие). Иллюстрацией самозарождающегося конфликта и самоуничтожения смысла ‘скука’ может служить стихотворение-парадокс:

– «Все перемелется, будет мукой!»
Люди утешены этой наукой.
Станет мукою, что было тоской?
Нет, лучше мукой!
Люди, поверьте: мы живы тоской!
Только в тоске мы победы над скукой.
Все перемелется? Будет мукой?
Нет, лучше мукой!» [I: 65].

«Сила парадоксов, – утверждает Ж. Делёз, – не в том, что они противоречивы, а в том, что они позволяют нам присутствовать при генезисе противоречия» [Делёз 1998: 107]. Действительно, для сознания, увлечённого поиском сущности, мало принять противоречивость двух вещей. Парадокс – это следующий виток мысли, аннулирующий противоречие. Несколько иллюстраций второго вида «игры»: «Вечной верности мы хотим не от Пенелопы, а от Кармен, – только верный *Дон-Жуан* в цене! Знаю и я этот соблазн. Это жестокая вещь: любить за бег – и требовать (от Бега!) покоя!» [VI: 612]⁴; «Предательство уже указывает на любовь. Нельзя предать знакомого» [IV: 484]; «Радость – иной вид горестей, может быть – острейший» [VI: 749]; «Самозабвение: полнейшее самосознание при полнейшем забвении всего, что не ты: не *то* в тебе. – Другозабвение» [НСТ: 66]; «Любовность и материнство почти исключают друг друга. Настоящее материнство – мужественно» [VI: 480]; «Кем нужно быть, чтобы так разочаровать, так смутить, так уничтожить человека отрицательным ответом? – Просто матерью» [IV: 522]; «Отсутствие произвола – власть над предметом путем подчинения ему, – ах, поняла: *Победа путем отказа!*» [НСТ: 15]; «Люди ревнуют только к одному: одиночеству. Не прощают только одного: одиночества. Мстят только за одно: одиночество. К тому – того – за то, что смеешь

⁴ Любить человека за определенное качество и одновременно требовать отсутствия этого самого качества — парадоксальность такого положения вещей очевидна. Функция местоимения «мы» в данном высказывании (как и в других подобных высказываниях обобщающего типа) заслуживает специальной интерпретации. Информация, передаваемая «мы», может быть понята двояко: (1) ‘Все, и в том числе Я’; (2) ‘все другие, кроме меня’ (‘все вы, но не я’). С помощью «мы» в подобных случаях говорящий затушёвывает свою причастность ко всем, для кого верна найденная им формула, во всяком случае, его отнесённость ко множеству «мы» завуалирована: оппозиция «вы» (‘все вы’) — «я» смягчается. Говорящий включает своё «я» в «мы» из вежливости. В самом деле, автор формулы, как открыватель закономерности, свойственной массе, имеет право на особое место среди *всех*, он как бы встает над другими. Таким образом, «мы» в этих условиях может означать мнимое включение, выполняя одну из ключевых ролей в структуре парадокса — сокрытие информации о себе. Не случайно Цветаева уточняет свою формулу дальнейшим рассуждением: «Знаю и я этот соблазн...».

быть один» [НСТ: 155]; «Как странно, что пространство (т. е. вся свобода между двумя) – стена, в которую ломишься» [НСТ: 217]; «Каждая книга – кража у собственной жизни. Чем больше читаешь, тем меньше умеешь и хочешь жить сам. Книги – гибель! Много читавший не может быть счастлив. Ведь счастье – всегда бессознательно» [VI: 46]; «Книгу должен писать читатель. Лучший читатель читает закрыв глаза» [НСТ: 132]; «Дать можно только богатому и помочь можно только сильному – вот опыт всей моей жизни – и этого лета» [VII: 405]; «Крылья – свобода, только когда раскрыты в полете, за спиной они – тяжесть. Крылья – синоним не свободы, а силы, не свободы, а тяжести» [НСТ: 20].

Прозаический текст Цветаевой – своего рода практикум по семантике парадокса, это школа постижения правил игры антиномиями. Сильным разрушителем идеального парадокса (суждения-миниатюры, оторвавшегося от контекста) оказывается «я» субъекта: при его включении в состав изречения открываемая истина перестает быть всечеловеческой и всевременной: «Мне все скучно. Заранее и заведомо, когда я с людьми, я несчастна: пуста, т. е. полна ими. Я – выпита» [НСТ: 220]; «Я – врачу: – Я боюсь – потому что я не знаю. Вы боитесь – потому что вы знаете» [НСТ: 453]; «В четверг Вы были один дома, в субботу я – одна, а встретились мы в пятницу. Что это, как не жизнь, с ее непрерывными случайностями, с ее *мазней*, жизнь – обратное сну (чистовику сна), где все *когда* надо и *как* надо» [НСТ: 393]; «Мой друг, скучаю без Вас. Скука во мне – не сознание отсутствия, а усиленное присутствие, так что, если быть честным (точным!): не *без* Вас, а *от* (!) Вас» [НСТ: 219]; «...Мне нужно одно: доверие и некое чудо проникновения в мою настезь распахнутую и посему трудно-читаемую душу. (В раскрытые двери собаки входить боятся. Им нужна цель: чтобы мордой)» [НСТ: 181]. Такие изречения, благодаря оставленному в них авторскому «автографу», ограждены от превращения в стереотип, но при этом они не утрачивают парадоксальной основы. Здесь мы наблюдаем идиому в «тепличных» условиях, она неотделима от контекста.

В афоризмах Цветаевой находит отражение парадоксальное переосмысление семантики цели (превращение самой цели в активное целеполагающее начало; отказ от достижения безусловно желаемого, преобразование цели в антицель). «В какую-то секунду пути цель начинает лететь на нас. Единственная мысль – на уклониться» [НСТ: 544]; «Змея не хочет зачаровать птицы – это птица хочет зачароваться, верней птица, взглянув, не может оторваться. Зачарованность птицы держит змею» [НСТ: 391]. Здесь нарушена грань допустимого в отношениях самой цели и ее антипода – сознательного целеполагающего начала (эти две сущности меняются ролями). Превращение цели в антицель часто связывается у Цветаевой с парадоксальным осмыслением понятия *победы* («скука победы»; «тупик победы»; «победа путем отказа» и др.); «Чувство – после поцелуя – позорной победы,

постыдного торжества. *Скука победы*» [НСТ: 36]; «Неуменье наслаждаться чувством победы..., глубокое недоумение перед ней, а главное – полное незнание, что с ней делать, *тупик победы*, сразу превращающий меня из победителя в побежденного» [НСТ: 178]; «Ответ в любви – для меня *тупик*. Я ищу не вздохов, а выходов» [IV: 526].

Смысловая модификация антицели – предвосхищение, мысленное опережение, отказ от того, что неизбежно только с точки зрения внешней, поверхностной логики. Ср. парадоксальную версию окончательной победы в таком ее изречении: «Первая победа женщины над мужчиной – рассказ мужчины о его любви к другой. А окончательная ее победа – рассказ этой другой о своей любви к нему, о его любви к ней. Тайное стало явным, ваша любовь – моя. И пока этого нет, нельзя спать спокойно» [IV: 478].

Парадокс ставит знак равенства там, где стереотипное мышление видит несовместимые вещи, он отрицает очевидную оппозицию, опровергает безусловную антитезу, доказывает равнозначность антиподов. Парадокс – это конкуренция двух сущностей, которая оборачивается то конфликтом, то компромиссом. Модель парадокса – лента Мёбиуса: встреча полярных смыслов и их логическое примирение. Формально за истинным парадоксом скрывается логическая манипуляция, – а именно – превращение категорической (сильной) альтернативы в тождество (ср. выше: «Либо любовь, либо предательство» → «любовь=предательство»; «либо власть, либо подчинение» → «власть=подчинение»; «либо сон, либо действительность» → «сон=действительность» и т. п. Но с парадоксом не спорят, понимая, что это продукт ума, склонного к гиперболизации сути, своего рода уловка мысли, которая желает привлечь к себе внимание. Спорить с парадоксом было бы равноценно тому, как если бы мы упрекали за нарушение правила сочетаемости слов человека, использующего фразеологический оборот.

§ 4. Форсированный синтез реальных фактов. У Цветаевой парадокс – один из маневров ее «фронтальной семантической атаки», как выражается И. Бродский [Бродский 1997: 69]. Он может быть развернут в риторическую конструкцию, которая остроумно оформляет ступенчатое восхождение мысли к суперсмыслу, к кардинальным проблемам бытия, человеческих взаимоотношений. Например: «Желая польстить царю, мы отмечаем человеческое в нем – дарование, свойство характера, удачное слово, т. е. духовное, т. е. наше.

Желая польстить *нам*, цари хвалят: чашку, из которой мы их угощаем, копеечного петуха в руках у нашего ребенка, т. е. вещественное, т. е. *их* (-нее), то, чем они так сверхбогаты. Вся моя история с Волконским.

Причем оба – неизбежно – всей осознанной недоступностью им – нашего, нам – ихнего – до гомерических размеров – усиливаем... Каждый до неба превозносит в другом – свое, данное тому в размерах булавочной головки. – А м. б., – то, в чем знает толк. – а м. б.» <оставлен пробел в две строчки> [НСТ: 48]⁵.

Формула⁶, резюмирующая ее отношения с Волконским, – типичный пример тенденциозной остроты, в которой «царь» (прототип – князь С.М. Волконский) и простой смертный (бедный, неимущий человек) меняются ролями. Царь – обладатель вещественного, в этом его богатство. Эгоцентризм рассматриваемой формулы очевиден. Это своего рода уловка нескромности: авторское «я», замаскированное под безличным «мы», фактически заявляет о своем духовном богатстве, утверждает преимущество своей жизненной позиции. Смысловой фокус формулы – психологическая закономерность, представленная как парадокс: похвала другому есть похвала самому себе.

Конечно, мы можем искать реальные источники данной формулы. Например, принять во внимание свидетельства дочери Цветаевой Ариадны Эфрон, подтверждающие мысль о том, что «цари» хвалят в нас вещественное: «Это был наш с Мариной самый чудный друг. Он приходил к нам читать свои сочинения... Он очень походит на Дон-Кихота, только без смешного. Ему все нравилось: и Маринина сумка через плечо, и Маринин ременной пояс, и мои мальчишеские курточки, и наше хозяйство на полу, и странные смеси, которыми мы его угощали, и подставка от детской ванны вместо стола, и даже наша паутина. А больше всего он любил, когда мы его хвалили...» (Из письма 9-летней Ариадны Эфрон 19 сент. 1921г.) [Саакянц 1997: 244]. С другой стороны, в своем очерке «Кедр», посвященном С.М. Волконскому, Цветаева называет его мемуары деревом «высочайшей человечности» [V: 247], а самого князя С.М. Волконского – обладателем несокрушимого человеческого духа: «...у большого ничего не возьмешь, ... не подведомственны руке человека нерукотворные крепости и недоказуемые угоды Духа, ...здесь ничто не возьмет: ни декрет, ни штык. Перстень, кресло карельской березы, портреты бабушек, куртины, десятины – да разве это я?!» [V: 260].

Но действительность (как прототип афоризма) не всегда звучит в унисон с главной идеей самого изречения, не всегда соответствует авторскому замыслу. Совершенно очевидно, что реальный человек – князь С.М. Волконский – не является «царем», лишенным духовного начала. История с Волконским опровергает формулу, а сама формула, родившись, становится самостоятельной и самодостаточной сущностью. Афоризм Цветаевой – результат

⁵ Это замечание Цветаевой («*а может быть*») с оставленным пробелом в тексте — важный модальный штрих, который дает возможность наблюдать момент перехода индивидуального человеческого опыта в область «чистой идеи» — ср. [Донгак 2000: 206].

⁶ Слово «формула» обозначает здесь афоризм, построенный на основе парадокса; ср. иное понимание «формулы», которое использует С. Ю. Лаврова при анализе художественного творчества Цветаевой [Лаврова 1998].

форсированного синтеза реальных фактов и, конечно, – плод ее интуиции, остроумия и фантазии. Для Цветаевой, с ее «мыслительным максимализмом, попыткой познать абсолютное, лежащее за гранью эмпирического опыта» [Зубова 1989: 205], парадокс необходим как средство такого познания. Примечательна концовка записи, которая начинается словами «Желая польстить царю...», – «Каждый до неба...» [НСТ: 48]. Цветаева продолжает размышлять над закономерностью, которую она сформулировала. В каждом ее парадоксе прочитывается примерно такой подтекст: ‘Я не знаю истину в последней инстанции, я только приглашаю к разгадке’.

§ 5. Опровержение стереотипа (Жалоба. Вежливость). Парадоксы Цветаевой – результат самоанализа, попытка объективировать собственный внутренний опыт, собственную меру вещей, свой критерий подлинного и иллюзорного. Ее размышления над сущностью похвалы, жалобы, вежливости, скромности и др. несут отпечаток скептицизма: она видит в этих проявлениях только позу, которой человек маскирует свои истинные намерения и чувства.

Еще пример развернутого парадокса: «Все мои жалобы на девятнадцатый год (нет сахара, нет хлеба, нет дров, нет денег) – исключительно из вежливости: чтобы мне, у которой ничего нет, не обидеть тех, у кого все есть. И все жалобы, в моем присутствии на девятнадцатый год других («Россия погибла», «Что сделали с русским языком» и пр.) – исключительно из вежливости: чтобы им, у которых ничего не отнято, не обидеть меня, у которой отнято – все» [IV: 531]. Это развернутая рефлексема, тема которой – вечная оппозиция: «материальная ценность – духовная ценность». Оппозиция «Я – другие» предстает как очевидный конфликт, обусловленный, прежде всего, невозместимостью ее утраты. Известно, что материальное («внешнее») Цветаева не считает ценностью в собственном смысле слова, – это лишь часть «быта», который она ненавидит. Свою версию быта она определяет формулой: «Быт – *ненавидимая видимость*». «Быт, – пишет Цветаева, – *это непретворенная вещественность*. До этой формулы, наконец, добралась, ненависть довела.

Но как же поэт, преображающий все?.. Нет, не все, – только то, что любит. А любит – не все. Так, дневная суета, например, которую ненавижу, для меня – быт. Для другого – поэзия. И ходьба куда-нибудь на край света (который обожаю!), под дождем (который обожаю!) для меня поэзия. Для другого – быт. Быта самого по себе нет. Он возникает только с нашей ненавистью. Итак, вещественность, которую ненавидишь, – быт. Быт: *ненавидимая видимость*» [VII: 9–10].

Оппозиция «материальное – духовное» далеко не исчерпывает содержательной ценности анализируемого построения: эта оппозиция выступает как рамка, внутри которой просматриваются мини-антиномии; их переплетение углубляет смысл афоризма, осложняет

его внутреннюю логику. Цветаевская *Жалоба* – это не поиск сочувствия, а сам акт сочувствия, шаг навстречу дающему, предвосхищение его отклика. Жалоба обиженного (испытывающего лишения) превращена в жалобу «чтобы не обидеть». Такая жалоба – результат стратегии опережения, предусматривающей ответную реакцию. С *жалобой* проделана логическая манипуляция: она парадоксально преобразована в свой антипод – в антижалобу.

Жалобы других в ее присутствии, по мысли Цветаевой, – тоже лицемерие: здесь также есть лишь видимость жалобы. Но психологическая подоплека второго субъекта жалобы («других») не тождественна первой. В первом случае (позиция Цветаевой) – это уловка гордости, нежелание быть в униженном положении просителя («прошу не ради себя, а идя навстречу дающему»). Размышления над психологическим подтекстом цветаевского построения убеждают в устойчивости феномена *гордость*, неопровержимости ее смысла. Интересно, что в мире тщеславия, который отражен Ф. де Ларошфуко в его «Максимах», гордость оценивается по тем же меркам: «Природа в заботе о нашем счастье не только разумно устроила все органы нашего тела, но еще подарила нам гордость, видимо для того, чтобы избавить от печального сознания нашего несовершенства» [Цит. по: Мартемьянов, Дорофеев 1983: 74]. Гордость как бы оберегает человека от угрозы уязвленного самолюбия (от ситуации, причиняющей страдания). Поведенческая стратегия гордого человека (несмотря на хронологическую дистанцию: Ф. де Ларошфуко – Цветаева) остается такой же. Цветаевская позиция логически сводима к утверждениям: «Человек отказывается от удовольствия, доставляемого благом, если это удовольствие ведет к страданиям уязвленного самолюбия»; «Человек примиряется со страданием от уступки некоторого блага, если эта уступка ведет к удовольствию польщенного тщеславия» [Мартемьянов, Дорофеев 1983: 72, 73]. Ср. также: «Мы предпочитаем видеть тех, кому мы делаем добро, нежели тех, кто делает добро нам» [Мартемьянов, Дорофеев 1983: 83].

Второй субъект жалобы (тот, у кого ничего не отнято) маскирует стыд, он извиняется за свое благополучие, лицемерно жалуется на мнимые утраты. Сема «унижение» в явном виде выступает в ее известном афоризме, который также построен на парадоксальной основе и относится к той же проблеме: «Брать – стыд, нет, давать – стыд. У берущего, раз берет, явно нет; у дающего, раз дает, явно есть. И вот эта очная ставка есть с нет... Давать нужно было бы на коленях, как нищие просят» [IV: 512]. По мысли Цветаевой, в унижительном положении не тот, кто просит, а именно дающий (он испытывает угрызения совести оттого, что богат, его богатство – несправедливость по отношению к тем, у кого ничего нет).

Рассуждение Цветаевой о жалобах на девятнадцатый год – опровержение семантического стереотипа *вежливости*. *Вежливость* (то, что аннулирует жалобу) поставлена в фокус внимания (в позицию ремы): она звучит как умозаключение, как разгадка

главного секрета человеческих взаимоотношений. Трагизм (и комизм!) собственного положения осмыслен Цветаевой в форме парадокса: Она делает вид, будто страдает от материальных лишений (без сахара, без хлеба, без дров, без денег); другие делают вид, будто страдают от утраты духовного достояния (гибель России, искажение родного языка). Смысловой фокус данного построения – разоблачение беспринципности вежливости, ее всеядности и несокрушимости. Вежливость – языковая игра, главная пружина внешних отношений между людьми во все времена, при всех перипетиях истории, – это один из явных логических выводов, которые могут следовать из данного афоризма Цветаевой.

§ 6. Парадокс как «остроумная попытка уйти от истины». Поиск скрытого смысла и эмпирического прототипа. Парадокс, положенный в основу высказывания, обогащает ассоциативный потенциал утверждаемого. В процесс размышления над сущностью *жалобы* и *вежливости* (эти понятия вербализованы, прямо включены в текст) естественно вовлекаются «теневые фигуры» (понятия-силуэты, прямо не названные автором): *просьба, подаяние, гордость, стыд, совесть, лицемерие, унижение, обида, лишение, утрата, несправедливость* и др. В цветаевских парадоксах отражено специфическое видение картины мира – позиция интроверта, для которого характерно пристальное внимание к обратной стороне вещей и злоупотребление углубленной каузальностью (поиск причин, не видимых или не ведомых окружающим, а также мотивации-самооправдания).

При истолковании парадоксального суждения поиск смысла неявных сущностей спровоцирован не только логической аномалией, но и нарочитым сближением грамматической формы, в которую облечены сравнимые ситуации (их параллелизм подчеркнут союзом «и»)⁷. Внешне и «Я-субъект», и «другие» действуют по одной модели (жалуются «из вежливости», «чтобы не обидеть...»). Внешние параметры ситуации (место и время) также совпадают (Россия, 1919 год). Возможно, именно навязчивый параллелизм (маскируя истинную причину) и мобилизует адресата на поиск скрываемого смысла, подлинной причины, объясняющей лицемерие.

Парадокс часто есть намеренное искажение (преобразование до неузнаваемости) эмпирической ситуации, которая его порождает. Совершая взлет к суперсмыслу, автор оставляет низкую истину (прозу жизни) далеко за пределами своей формулы. Парадокс дает автору возможность зачеркнуть реальность или опустить те элементы реальности, «которые

⁷Риторические и стилистические приемы, используемые при построении парадоксальных высказываний, точно так же как собственно языковая форма парадокса, — особая тема, заслуживающая специального углубленного внимания. Если парадоксальное высказывание формулирует всечеловеческую (вечную) истину, то оно может быть построено при помощи средств, характерных для так называемых «универсальных высказываний» (см., например: [Шмарина 1975; Садовая 1976]. Парадокс как одна из форм языковой игры рассматривается в книге В.З. Санникова (см. [Санников 1999]).

не надо видеть» [Ср.: Дюбуа и др. 1986: 258]. При истолковании риторического построения мысль движется одновременно в двух направлениях: к постижению сверхсмысла (того, что Цветаева называет «над-жизнью») и к поиску первоисточника, к реконструкции эмпирического прототипа. В реальной жизни придуманная ею «жалоба из вежливости» разоблачается и предстает просто как просьба о помощи. С позиции пассивного, описательного мышления прототип ее парадокса выглядит примерно так: она сетует на материальные лишения, и люди непосредственно откликаются на ее жалобы, т. е. дают ей то, чего у нее нет (сахар, хлеб, дрова, деньги). Реальное положение вещей подсказано концовкой цветаевского афоризма; оно «вычисляется» путем логического умозаключения: *жалобы того, у кого отнято все, нельзя объяснить «исключительно» вежливостью* (вопреки утверждению Цветаевой).

Этот вывод – только один из многих, диктуемых внутренней логикой парадоксального суждения [ср. Мартемьянов 1999], которая рождает и теневые фигуры, и «мерцающие» смыслы, извлекаемые путем умозаключения; ср., например: *суть человеческого общения – готовность к отклику; истинное сострадание сосуществует с лицемерным; суть человеческих отношений – сокрытие сути; тот, кто действительно лишен всего, предпочитает не жаловаться из гордости; лицемерие – самозащита от унижения (или от угрызений совести); если человек, испытывая поистине тяжелые лишения, жалуется только из вежливости – значит он по существу своему – не жалобщик; жалоба того, у кого ничего не отнято – цинизм; ваше страдание по поводу подлинной утраты легко выскажет тот, кто ничего не потерял* и т. п. Информация, заключенная в рамки парадоксального построения, организована так, что она не зависит от внешнего контекста. Такое высказывание самодостаточно: оно питается собственной смысловой энергией, обладает внутренней «памятью» той или иной глубины; это как бы хранитель информации, своего рода запоминающее устройство.

Размышления над структурой данного построения («Все мои жалобы на девятнадцатый год...») – попытка заглянуть в творческую лабораторию создателя афоризма, уловить движение мысли к суперсмыслу, по направлению к «чистой» идее. Цветаевская формула «жалобы» и «вежливости» иллюстрирует широкий спектр признаков сложного феномена, каким является парадокс, помогает осмыслить его семантические загадки и психологические мотивации.

§ 7. Синтаксические клише как реакция языка на парадокс. Афоризм, построенный по принципу парадокса, имплицитно семантику удивления. И это не просто аморфное удивление. Реакция на парадокс зафиксирована языковым сознанием и существует в виде синтаксического клише – я имею в виду хорошо известное и достаточно частотное выражение «*как это ни странно, но...*». Это прагматическое резюме, подтверждающее

парадоксальный характер высказанного суждения: *(Как это ни странно, но вечной верности мы хотим не от Пенелопы, а от Кармен; как это ни странно, но предательство уже указывает на любовь и т. п., – см. примеры выше).*

Языковое сознание явно реагирует на странности парадокса. Например, примирение двух конкурирующих истин (априорной и актуальной) отражено в языковом клише *«и то правда»*. Отпечаток языковой рефлексии над парадоксальной антиномией несут также синтаксические средства, оформляющие уступительную связь в сложном предложении; – см. [Ляпон 1986: 137–151]. Часто, называя ситуацию парадоксальной, мы одновременно оцениваем ее как комическую, используя выражение: *«Весь юмор положения заключается в том, что...»*. Это синтаксическое клише является функциональным синонимом (аналогом) фразеосхемы *«как это ни странно, но...»*. Переплетение трагического и иронии в парадоксе – еще одно подтверждение двуликости (оборачиваемости) этого феномена. Парадокс – точка пересечения разума и эмоции. Это триумф мысли, уловившей момент истины, и психологическая реальность, естественно сопутствующая этому моменту, – состояние удовольствия.

§ 8. Парадокс как основа когнитивной стратегии. Парадокс – неотторжимый элемент речевого почерка Цветаевой, его следы обнаруживаются в каждой клеточке порождаемого ею текстового пространства. Парадокс – основа ее когнитивной стратегии, метод доказательства. Для обоснования этой мысли рассмотрим один фрагмент цветаевской программы защиты поэта⁸ – «Пушкин и Вальсингам».

В основе цветаевской защиты поэта лежит стратегия опережения и самоопровержения. Она сама заранее прогнозирует «состав преступления», специально акцентируя пункты, наиболее уязвимые для критики: (1) обвинение в подверженности стихии, в отказе от сопротивления; (2) обвинение в отсутствии совести (в «атрофии» совести); (3) это, наконец, убежденное отождествление Пушкина с Вальсингамом, – исполнителем гимна Чуме во время пира. Затем, по всем этим кричащим обвинительным пунктам – сама же оправдывает, подчиняя собственную свою одержимость идеей защиты поэта жесткой, неумолимой логике доказательств. «Кощунство не в том, что мы, со страха и отчаяния, во время Чумы – пируем (так дети, со страха, смеются!), а в том, что мы в песне – апогее Пира – уже утратили страх, что мы из кары делаем – пир, из кары делаем дар» [V: 350]. Текст фрагмента «Пушкин и Вальсингам» подобен приковывающей повести или исторически важному сообщению, хотя по форме напоминает протокол судебного следствия,

⁸ Известно, что пушкинский цикл Цветаевой — это разработка программы защиты поэта, — основного предмета ее рефлексии: «С тех пор, ... как Пушкина на моих глазах на картине Наумова — убили, ежедневно, ежечасно, непрерывно убивали все мое младенчество, детство, юность, — я поделила мир на поэта — и всех и выбрала — поэта, в подзащитные выбрала поэта: защищать — поэта — от всех, как бы эти все ни одевались и ни назывались» [V: 58]; подробнее см. об этом [Ляпон 2000].

в котором Цветаева выступает одновременно в двух функциях. «Нигде никогда стихии так не выговаривались. Наитие стихий – все равно на кого, сегодня – на Пушкина... И эта заглавная буква Чумы, чума уж не как слепая стихия – как *богиня*, как собственное имя и лицо *зла*» [V: 348].

Аналогия с ролью адвоката, которую Цветаева выполняет как бы в ситуации суда, усиливается тем, что обвиняемый Пушкин осмыслен ею не просто как духовная ценность, но и как физический субъект, живой человек, который страдает под воздействием злой чары, которого нужно спасти от психической травмы. Пушкин извергнул песнь, потому что с этим внутри он жить бы не смог, – физически, психически не смог бы. «Весь Вальсингам – экстерриоризация (вынесение за пределы) стихийного Пушкина. С Вальсингамом внутри не проживешь: либо преступление, либо поэма. Если бы Вальсингам *был* – Пушкин его все равно бы *создал*» [V: 351].

Суперсмысл цветаевской защиты, ее «надтекст» – это обнажение сущности феноменов *искусство, творчество*, это утверждение вечных аксиом, которые на самом деле оказываются – псевдоаксиомами, т. е. вечно требуют доказательств. «Художественное творчество в иных случаях некая атрофия совести, больше скажу: необходимая атрофия совести, тот нравственный изъян, без которого ему, искусству не быть. Чтобы быть хорошим (не вводить в соблазн малых сих), искусству пришлось бы отказаться от доброй половины всего себя. Единственный способ искусству быть заведомо-хорошим – не быть. Оно кончится с жизнью планеты» [там же: 353].

Отрывок «Пушкин и Вальсингам» – иллюстрация типичной логической манипуляции, порождающей парадокс: неожиданное открытие в единой сущности двух противоборствующих начал, одно из которых уничтожает другое (ср. приводимый выше пример самозарождающегося конфликта (*скука – тоска*). Песнь Вальсингама («Гимн Чуме») является (1) злом, преступлением и одновременно (2) благом, спасением для поэта. Так же, как в случаях с явным парадоксом, Цветаева демонстрирует здесь свою способность превращать известное (*творчество, искусство, совесть, преступление*) в искомое, постигаемое в новом измерении.

§9. Формула как средство защиты «от беспредельных возможностей жизни».

Преимущество цветаевского текста для изучения парадокса – высокая степень рефлексивности авторской мысли, ее прямое обращение к собственной ментальной деятельности. «Знаете, как это бывает? Вы ставите вопрос, сгоряча, первым движением: – нет, потом – глубже: да, потом – еще глубже: нет, глубже глубокого: да... (не четыре ступени: сорок!) и конечное: да» [НСТ: 130]. Так Цветаева представляет схему своего познавательного цикла. Сам парадокс – предмет рефлексии Цветаевой: «Не есть ли это закон – вопреки?» [НСТ: 14]; «Что такое полярность с ее распределенным притяжением перед

расстилающейся бесконечностью неизмеримых заполярностей» [НСТ: 15]. Пристрастие к парадоксу она оценивает как устойчивый признак собственного стиля. Приведу отрывок из дневниковой записи под заголовком «Сон». Цветаева (во сне) читает вслух письмо: «...в комнате множество народа, несколько дам... почерк ужасный, мушинные лапы, листков – оказывается – бесконечность... После, мое утверждение: – Можно убить, но писать нужно хорошо (разборчиво). Непонимающий одобрительный смех как после парадокса (т. е. обычного моего высказывания – наяву» [НСТ: 480].

В афористике, так же, как и в сфере фразеологической идиоматики, каждая единица уникальна. Единичная острота требует к себе «персонального» внимания. Для адекватной интерпретации было бы идеальным, как говорит Фрейд, «знание субъективных условий в душе того, кто эту остроту создал» [Фрейд 1925: 169]. Но авторский афоризм идиоматичен прежде всего потому, что за ним стоит не «единичная» психологическая реальность, а психологическая тенденция, отпечаток ментального модуса личности создателя. «Две любимые вещи в мире, – говорит Цветаева о себе, – песня и формула. (то есть... стихия – и победа над ней!» [IV: 527]; «Написать Вам исчерпывающее письмо в ответ на Ваше – было бы отказаться от всякого: знаю себя, – стала бы, как всегда, когда пишу – чтобы ни писала – добиваться формулы, а время бы шло, а его у меня вообще нет...» [VII: 380].

Афоризмы Цветаевой несут отпечаток интроверсии как психологической позиции вообще. Интроверт, – по словам Юнга, – «доверяется формуле как средству защиты от беспредельных возможностей жизни» [Юнг 1997: 361]. Он «возводит интеллект на престол на место внешней обесцененной реальности», – пишет Юнг [Юнг 1997: 602]. Ср. у Цветаевой: «Я не люблю жизни как таковой, для меня она начинает значить, т. е. обретать смысл и вес – только преображенная, т. е. – в искусстве... Мне вещь сама по себе не нужна» [VI: 344]; «Мне внешне всегда плохо, потому что я не люблю его (внешнего), не считаюсь с ним, не отдаю ему должной важности и с него *ничего* не требую. Все, что я люблю, из внешнего становится внутренним...» [VI: 349]; «Все мои друзья мне о жизни *рассказывают*, как моряки о далеких странах – мужикам... Из этого заключаю, что я в жизни не живу, что впрочем ясно и без предпосылки» [VI: 354]; «Некоторые люди относятся к внешнему миру с какой-то придирчивой внимательностью (дети, дальнороркие – писатели типа Чехова и А.Н. Толстого). С такими мне утомительно и скучно» [IV: 573]. «Симптомы» интроверсии Цветаевой рассматриваются также в [Ляпон 1995].

Специфика мироощущения интроверта заключается в том, что для него решающее значение имеет не реальность объекта, а «реальность субъективного фактора, и именно изначальных образов, которые в их совокупности представляют из себя психический мир зеркальных отображений. Но это зеркало обладает своеобразным свойством – оно изображает наличные содержания сознания не в знакомой и привычной нам форме,

но... примерно так, как видело бы их сознание, прожившее миллион лет... Настоящий момент является для этого сознания неправдоподобным... Интровертное ощущение передает образ, который не столько воспроизводит объект, сколько покрывает его осадком стародавнего и грядущего субъективного опыта. От этого простое чувственное впечатление развивается в глубину, исполненную предчувствий, тогда как экстравертное ощущение схватывает мгновенное и выставленное напоказ бытие вещей» [Юнг 1997: 480–481].

* * *

Кратко обобщая вышеизложенное, можно сказать, что (1) афористика в целом есть совокупность индивидуальных духовных достояний, она часть общего фонда интеллектуальной культуры человечества, и вклад Цветаевой в этот фонд несомнен; проза Цветаевой подсказывает пути к осмыслению природы парадокса и его семантики; (2) парадокс есть средоточие ментальной идиоматики, он идиоматичен по своим смысловым параметрам. Парадокс – это странность по существу, но странность, предусматриваемая правилами игры со смыслом.

Размышления над стилистикой Цветаевой приводят к мысли о системе доминант, плавно переходящих одна в другую. Афористика Цветаевой, как и ее «окказиональная грамматика» [Ляпон 1999а, 1999б, 2001], – своеобразный автограф языковой личности, которая «активно утверждает свою индивидуальность, особость, отъединенность от всех» [Ельницкая 1990: 6]. Тяга к парадоксу созвучна разрушительно-творческой установке ее личности. В ее парадоксах ярко отражается характерный для ее стилистики принцип непрестанно разрушаемых ожиданий [Мейкин 1997]. Цветаевский парадокс – это не просто попытка одолеть стихию смысла, заключив ее в рамку словесной формулы. Это прежде всего опровержение стереотипного представления или, как говорит З. Фрейд, – освобождение «от гнета критического разума». Но обретение строгой формулы вновь оборачивается попаданием в ситуацию чары, – неконтролируемого, иррационального. Ведь сам парадокс – загадка, тайна, тоже своего рода чара, плен которой так притягателен для Цветаевой.

Афористическое мышление – органическая составляющая той адаптивной, самонастраивающейся системы, которая подчиняется внутреннему диктату личности. Эта система и есть стиль, – его неотторжимость от человека подчеркивает сама Цветаева: «Стиль есть бытие: не мочь иначе» [IV: 583]. За авторским парадоксом просматривается стратегия мысли, окрашенная определенной психологической тенденцией. Стилистика XXI века, чтобы стать откликом на требование времени, не может удовлетворяться перечнем «выразительных средств»; – она «должна, – как справедливо утверждает О. Г. Ревзина, – раскрыть возможности, данные стилистике ее предметом – стилем как способом мышления и познания» [Ревзина 2001: 265–266]. Пристрастие к парадоксу как психологическая

реальность, обусловленная спецификой мировидения, оказывается непосредственным объектом такой стилистики.

Литература

Бахтияров 2000а – К.И. Бахтияров. Стили мышления в логике // Вестник Моск. ун-та. Серия 7. Философия. 2000. № 1. С. 56–67.

Бахтияров 2000б – К.И. Бахтияров. Блеск парадоксов // Реальность и субъект. Т. 4. СПб., 2000. № 1–2. С. 99–101.

Бродский 1997 – И. Бродский. Поэт и проза // Бродский о Цветаевой. М., 1997. С. 56–76.

Гинзбург 1987 – Л.Я. Гинзбург. Литература в поисках реальности. Л., 1987.

Делёз 1998 – Ж. Делёз. Логика смысла. М., 1998.

Донгак 2000 – С.Б. Донгак. Лингвистический статус афоризма и парадокса // Риторика. Лингвистика: Сб. статей. Смоленск, 2000. С. 206–212.

Дюбуа и др. 1986 – Ж. Дюбуа, Ф.Эделин, Ж.-М. Клинкаенберг, Ф.Мэнге, Ф.Пир, А.Тринон. Общая риторика. М., 1986.

Зубова 1989 – Л.В. Зубова. Поэзия Марины Цветаевой. Лингвистический аспект. Л., 1989.

Ельницкая 1990 – С. Ельницкая. Поэтический мир Цветаевой. Wien, 1990.

Лаврова 1998 – С.Ю. Лаврова. Формулы в текстовой парадигме (на материале идиостиля М. Цветаевой). М., 1998.

Ляпон 1986 – М.В. Ляпон. Смысловая структура сложного предложения и текст: К типологии внутритекстовых отношений. М., 1986.

Ляпон 1995 – М.В. Ляпон. Языковая личность: поиск доминанты // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. М., 1995. С. 260–276.

Ляпон 1999а – М.В. Ляпон. Текст как отпечаток психологической доминанты личности (окказионализмы М. Цветаевой) // Речевые и ментальные стереотипы. М., 1999. С. 56–60.

Ляпон 1999б – М.В. Ляпон. Языковой портрет – психологический портрет // Структура и семантика художественного текста. М., 1999. С. 240–250.

Ляпон 2000 – М.В. Ляпон. Пушкиниана Цветаевой как отражение ментального модуса личности // А.С. Пушкин – М.И. Цветаева. Седьмая цветаевская межд. научно-тематич. конф. Сб. докладов. М., 2000. С. 32–42.

Ляпон 2001 – М.В. Ляпон. Отношение к стереотипу и речевой портрет автора // Словарь и культура русской речи. К 100-летию со дня рождения С.И. Ожегова. М., 2001.

- Мартемьянов 1999 – Ю.С. Мартемьянов. Афоризм: проблема построения имплицитного текста // Имплицитность в языке и речи. М., 1999. Гл. III, раздел 5. С. 115–123.
- Мартемьянов, Дорофеев 1983 – Ю.С. Мартемьянов, Г.В. Дорофеев. Опыт терминологизации общелитературной лексики [о мире тщеславия по Ф. де Ларошфуко] // Вопросы кибернетики: логика рассуждений и ее моделирование. М., 1983. С. 38–103.
- Мейкин 1997 – М.Мейкин. Марина Цветаева: поэтика усвоения / Пер. с англ. М., 1997.
- Минский 1988 – М. Минский. Остроумие и логика когнитивного бессознательного // НЗЛ. Вып. XXIII. М., 1988. С. 281–309.
- Ревзина 2001 – О.Г. Ревзина. Стилистика XXI века // Русский язык: исторические судьбы и современность. Международный конгресс. Труды и материалы. М., 2001. С. 265–266.
- Саакянц 1997 – А. Саакянц. Цветаева. Жизнь и творчество. М., 1997.
- Садовая 1976 – Г.Г. Садовая. Языковая природа и стилистические функции сентенции. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1976.
- Санников 1999 – В.З. Санников. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999.
- Фрейд 1925 – З. Фрейд. Остроумие и его отношение к бессознательному. М., 1925.
- Цветаева 1992 – М. Цветаева. О поэзии и прозе / Предисл. и публ. Е.Б. Коркиной) // Звезда. 1992. № 10. С. 4. С. 3-4.
- Цветаева 1994–1995 – М. Цветаева. Собрание сочинений. Т. I–VII. М., 1994–1995.
- Цветаева НСТ – М. Цветаева. Неизданное. Сводные тетради. М., 1997.
- Шмарина 1975 – В.И. Шмарина. Универсальное высказывание и лингвистические средства его выражения. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1975.
- Юнг 1997 – К.Г. Юнг. Психологические типы. М., 1997.

Теория коммуникативной грамматики и проблема системного описания русского синтаксиса

Одной из наиболее актуальных проблем русской грамматической науки является системное описание синтаксиса. На современном этапе развития грамматики системное описание моделей русского предложения не может не учитывать, во-первых, трехмерной целостности (единства формы, значения и функции) предложения, во-вторых, парадигматических возможностей модели предложения и, в третьих, степени ее (модели) текстовой обусловленности.

Осознание трехмерной целостности как основания идентификации конкретной языковой единицы привело к пересмотру приоритетов и к отказу от приоритета формы над значением, а значит, и к пересмотру приоритета классификационно-описательного принципа представления русского предложения – представления в виде списка структурных схем, лишенных не только функции, но и семантики.

В синтетическом, флективном языке, каким является русский, особое значение имеют отношения между синтаксисом и морфологией. И если в описательной грамматике исследователей интересуют отношения между компонентом предложения и словоформой, то в грамматике объяснительной устанавливаются отношения между типовым значением предложения и категориальным значением частей речи, участвующих в организации того или иного типа предложений. Это отношение оказывается основным критерием классификации моделей в концепции «Коммуникативной грамматики русского языка» [Золотова и др. 1998].

В отличие от списка структурных схем, предложенного формальной описательной грамматикой, классификация предложений в коммуникативной грамматике опирается на идею поля. Полевое представление системы предполагает разграничение основных, базовых, центральных структур и структур периферийных. Критерием деления становится признак изосемичности / неизосемичности: изосемичность – прямое, наиболее простое отношение между морфологической формой и категориально-синтаксическим значением, между категориально-морфологическим и категориально-синтаксическим значением; неизосемичность – несовпадение категориально-морфологического и категориально-синтаксического значений. Речь идет о том, что наиболее простым отношением между

* Надежда Константиновна Онипенко – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН.

морфологической формой и типовым синтаксическим значением является такое отношение, при котором семантика предиката предложения совпадает с семантикой части речи, оформляющей предикат (действие – глагол, качество – прилагательное и т.д.), а семантика субъектного компонента представлена соответствующей субъектной синтаксемой личного или предметного существительного (субъект действия – личное существительное в именит. падеже, субъект состояния – дат. падеж, субъект количественного признака – род. падеж и т.д.).

Коммуникативная грамматика в основу своей объяснительной теории кладет идею триединой сущности языковой единицы, и тем самым соединяет системное и текстовое исследование языковой единицы.

Для соединения в одном исследовании структуры, семантики и функции оказываются необходимыми такие лингвистические «инструменты», которые бы обнаружили связь между словом, предложением и текстом – во-первых, и грамматической системой и текстом – во-вторых.

Таковыми грамматическими инструментами стали (1) модель субъектной перспективы высказывания, (2) понятие коммуникативного регистра речи и (3) таксис как техника межпредикативных отношений в тексте. Если конкретное высказывание исследовать с использованием каждого из трех инструментов, то станет очевидным, что отношение высказывания к действительности интерпретируется системой коммуникативных регистров, отношение высказывания к сфере человека мыслящего и говорящего представлено субъектной перспективой, а отношение высказывания к другому высказыванию объясняется теорией таксиса.

Коммуникативный регистр речи – модель речевой деятельности, обусловленная точкой зрения говорящего и его коммуникативными интенциями, располагающая определенным репертуаром языковых средств и реализованная в конкретном фрагменте текста. Коммуникативный регистр в условиях текста является средством обнаружения синтаксической композиции, в рамках же языковой системы образует область функциональных возможностей языковой единицы.

Модель субъектной перспективы – ось, соединяющая пять субъектных сфер, взаимодействие которых организует высказывание и объясняет его функционирование в тексте. Идея субъектной перспективы позволяет интерпретировать грамматические объекты в связи с точкой зрения говорящего, то есть обеспечивает антропоцентрический взгляд как на текст, так и на грамматическую систему.

Таксис – техника линейного взаимодействия предикативных единиц, основанная на механизме совпадения / несовпадения по трем параметрам – модальности, времени и лицу.

Каждая из трех идей может быть понята как возведение до уровня текста определенных глагольных категорий – (1) категорий времени и модальности, (2) категории лица, (3) категорий вида и времени.

Место модели предложения в синтаксическом поле и ее системно-синтаксическая характеристика прямо связаны с объемом ее функциональной парадигмы: чем дальше от центра, тем меньше функциональные возможности моделей. Центральные модели, располагающие большими грамматическими, структурно-семантическими и функциональными парадигмами, квалифицируются как **свободные**, поскольку они не имеют ограничений в образовании ни грамматических форм, ни структурно-семантических модификаций, не имеют ограничений в плане регистровых возможностей - степень их зависимости от контекста минимальная.

Свободными называют такие типы предложений, для которых нет регистровых ограничений, которые существуют в наибольшем количестве регистровых вариантов. **Обусловленными** – предложения, сформированные в определенных регистровых условиях, то есть связанные с одним типом модуса и одним-двумя регистрами. **Связанные модели** – результат взаимодействия лексики и грамматики: их компоненты лексикализуют одну из грамматических форм или структурно-семантических модификаций базовой модели предложения или структурируют один из вариантов ее актуального членения.

Поясним эти различия подробнее. Но начнем с самих терминов.

Термины *свободный*, *обусловленный*, *связанный* были впервые употреблены В.В. Виноградовым в статье 1953 г. при классификации лексических значений слова [Виноградов 1977]. Г.А. Золотова применила триаду терминов «*свободный – обусловленный – связанный*» к синтаксическим объектам как шкалу зависимости значимых единиц языка от контекстуальных условий, то есть как три ступени отношений единицы и контекста (в широком смысле этого слова) и соответственно как **функциональный принцип** классификации значимых единиц языка [Золотова 1973].

Г.А. Золотова предложила классифицировать минимальные синтаксические единицы – **синтаксемы** – как свободные, обусловленные и связанные. Свободные синтаксемы располагают наибольшими функциональными возможностями: могут употребляться в изолированной позиции заголовка, быть конституирующим компонентом модели (главным членом предложения), осложнять и распространять модель предложения, быть присловным компонентом словосочетания. Примером свободных синтаксем являются локативные (*в лесу, на площади, у окна*) и темпоральные (*в мае, ранним утром, под вечер*). Обусловленные синтаксемы предназначены для функционирования в рамках определенных моделей предложения; форма и значение этих синтаксем обусловлены типовым значением предложения (им. или дат. субъекта, спрягаемые и формы глагола, род. п. в

номинализованных структурах). Связанные синтаксемы функционируют в словосочетаниях, занимая присловную позицию; Так, для вин. п. или тв. п. объекта возможна лишь позиция при глаголе, реже при девербативе (*читать книгу, полоть грядку, строить дом; интересоваться театром, увлекаться спортом; увлечение спортом*). Разграничение свободных, обусловленных и связанных синтаксем было положено в основу «Синтаксического словаря русского языка» [Золотова 1988].

Противопоставление свободных и связанных конструкций было принято и в книге Д.Н. Шмелева «Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке» [Шмелев 1976]. При этом критерий разграничения свободных и связанных структур был не внешним, функциональным - большие/меньшие возможности употребления, а внутренним, структурно-семантическим - тип значения компонентов, организующих синтаксическую конструкцию. Рассматривая предложения типа *Где ему ехать?* и *Куда ему проехать?*, Д.Н. Шмелев писал: «В отличие от «свободных» синтаксических конструкций, в которых реализуется независимое и прямое значение входящих в них слов и грамматических форм, рассматриваемые конструкции строятся по определенной **фразеологической схеме**. Значения опорных слов данной **фразеосхемы** оказываются сдвинутыми» [Шмелев 1976: 134-135]. Здесь же Д.Н. Шмелев показал, что фразеосхемы, как правило, имеют определенное ««контекстное» обрамление» – более или менее свободное» [Там же: 137]. Тем самым было отмечено, что внутренняя фразеологизированность функционально (контекстно) обусловлена – в материале Д.Н. Шмелева диалогически обусловлена.

Противопоставление свободных и фразеологизированных схем положено в основу классификации структурных схем предложения в «Русской грамматике» 1980. На с. 383 читаем: «Фразеологизированными называются предложения с индивидуальными отношениями компонентов и с индивидуальной семантикой». Хотя «Русская грамматика» отмечает экспрессивный и разговорно-диалогический характер подобных предложений, предлагаемое здесь разграничение типов структурных схем основано на внутреннем – структурно-семантическом принципе: отсутствие индивидуальной семантики в свободных структурных схемах и наличие индивидуальной семантики в фразеологизированных структурных схемах.

Таким образом, введенные В.В. Виноградовым термины в синтаксических описаниях используются по-разному: для анализа языкового материала на докоммуникативном уровне – как триада (свободный – обусловленный – связанный), разграничиваясь по характеру отношений единицы и контекста, а на уровне коммуникативном (уровне предложения) – как пара свободный / связанный (фразеологизированный), разграничиваясь по характеру отношений между компонентами, образующими синтаксическую структуру.

В концепции коммуникативной грамматики триада терминов – *свободный* – *обусловленный* – *связанный* – осмыслена как шкала зависимости значимых единиц языка от контекстуальных условий, то есть как три ступени отношений единицы и контекста (в широком смысле этого слова) и соответственно как **функциональный принцип** классификации значимых единиц языка.

Коммуникативная грамматика использует эту триаду как функционально-семантический принцип классификации значимых единиц языка на всех уровнях языковой системы. При этом проблема односоставности решается в связи с понятием синтаксической обусловленности.

Синтаксическая обусловленность выражается в прикрепленности к определенному коммуникативному регистру. При этом очень часто регистрово обусловленные модели характеризуются и определенной субъектной перспективой (модель субъектной перспективы см. в [Золотова и др. 1998: 232]). Так, инфинитивные, модально окрашенные предложения с Дат. п. субъекта (*Ему этого не понять; Ему завтра работать; Быть ему битым*) принадлежат информативному регистру или волюнтивному при наличии адресата-исполнителя (*Завтра всем быть на плацу ровно в семь*), а номинативные предложения (*Ночь. Улица. Фонарь. Аптека*) – репродуктивному, чаще в его описательной разновидности. Для номинативных предложений важна и другая характеристика – их субъектная перспектива: модусные субъекты – субъект речи и субъект восприятия совпадают в одном лице; субъектом диктума является внешнее пространство, в котором находится субъект восприятия и речи (*Черный ветер. Белый снег; Сумерки, сумерки вешние, Хладные волны у ног* – Блок).

Если обусловленные структуры занимают периферию полей базовых моделей, то *связанные* – периферию всей синтаксической системы. Связанные синтаксические структуры характеризуются не только внешней (текстовой) обусловленностью, но и внутренней связанностью компонентов, что проявляется (а) в том, что предложение организовано компонентами, которые лексикализуют определенные модификационные значения (например, фазисность: *Матч - в разгаре; Экономика - в тупике, Искусство - в упадке*; модальность: *Он передо мной в долгу; Он в ответе перед детьми; Мне не до тебя*); (б) в том, что компоненты лексикализуют определенные варианты актуального членения (*Она живет ради детей – Смысл ее жизни в детях*); (в) в лексическом повторе (*Жизнь есть жизнь; Ребенок как ребенок; Работать, так работать; Кормить – не кормит*); (г) в том, что компоненты модели лексикализуют части сложного предложения (*Я меня нет места, где я мог бы спокойно работать - Мне негде спокойно работать*).

Понятия *свободной, обусловленной и связанной* синтаксической структуры открывают новые перспективы в традиционной для русского синтаксиса проблеме односоставного предложения, которая в рамках объяснительной грамматики обсуждается не столько в связи со списком базовых моделей, сколько в связи с парадигматикой и периферией полей базовых структур. *Односоставность* рассматривается не как дифференциальный признак модели предложения, а как знак структурно-семантической производности синтаксической структуры. Поэтому в списке базовых предложений нет

односоставных структур (предложения *Брату грустно*, *Братьев двое* признаются двусоставными), односоставные предложения появятся в той части синтаксического поля, где помещаются структурно-семантические модификации предложений по линии субъекта.

Известно, что значимое отсутствие связано с выражением таких значений, как определенно-/неопределенно-/обобщенно-личность. Синтаксическая обусловленность в этом случае обнаруживается прежде всего по линии субъектной перспективы, поскольку отсутствие каких-то компонентов диктума предполагает наличие добавочных модусных смыслов. Тем самым "недостаточная" вербализованность диктума обнаруживает увеличение количества модусных смыслов.

Определенно-/неопределенно-/обобщенно-личность - это три соотносимых друг с другом значения, первое из которых является исходным, а два других производными. Каждое из этих вторичных значений можно выразить лексико-синтаксически (словом) или структурно-синтаксически (при отсутствии субъектной синтаксемы). Если учесть типологию субъектов, то есть их деление на личные, не-личные (предметные) и вне-личные (пространственные), то можно представить следующую таблицу «односоставных» структурно-семантических модификаций русского предложения по линии субъекта:

добавочное значение тип субъекта	определенный	неопределенный	обобщенный
личный	+	+	+
не-личный		+	
вне-личный	+		

Верхняя горизонталь известна нам еще из школьной грамматики. Представляется, что к классу определенно-личных следует добавить так называемые «эгоцентрические» [Падучева 1996: 258-284] конструкции, которые при отсутствии субъектной синтаксемы (как правило, в дат. падеже) прочитываются (а) либо по первому лицу, (б) либо как совпадающие по лицу с предшествующим предложением (корреферентные с субъектом предшествующего предложения). Речь идет о предложениях с ментальными глаголами на *-ся* (*подумалось*, *вспомнилось*, *показалось*, *послышалось*) и ментальными предикатами состояния (*скучно*, *обидно*, *грустно*). Чтобы доказать определенно-личное прочтение (по 1-му лицу) подобных предложений, рассмотрим начало романа В. Набокова «Дар»:

(1) *Облачным, но светлым днем, в исходе четвертого часа, первого апреля 192... года (иностраный критик заметил как-то, что хотя многие романы, все немецкие например, начинаются с даты, только русские авторы – в силу оригинальной честности нашей литературы – не договаривают единицу), у дома номер семь по Танненбергской улице, в западной части Берлина, остановился мебельный фургон...*

Тут же перед домом (в котором я сам буду жить), явно выйдя навстречу своей мебели (а у меня в чемодане больше черновиков, чем белья), стояли две особы. Мужчина, облаченный в зелено-бурое войлочное пальто /.../. Женщина, коренастая и немолодая, /.../

(2) *«Вот так бы по старинке начать когда-нибудь толстую штуку», - подумалось мелко, с беспечной иронией - совершенно, впрочем, излишнею, потому что кто-то внутри него, за него, помимо него, все это уже принял, записал и припрятал.*

(3) *Опытным взглядом он искал в ней того, что грозило бы стать ежедневной зацепкой, ежедневной пыткой для чувств, но, кажется, ничего такого не намечалось...*

Фрагмент (1) – классическое начало реалистического романа, если не считать комментариев от 1-го лица, данных в скобках. Фрагмент (2) – внутренняя речь того самого Я, которое появлялось в скобках: глагольная форма *подумалось* при отсутствии субъектной синтаксемы прочитывается в связи с точкой зрения говорящего (Я). Однако неожиданно вместо Я появляется ОН, но это ОН – то самое, которое обнаруживает деление субъекта мыслящего на две ипостаси: субъекта сознания и субъекта действия, субъекта модуса и субъекта диктума (о себе можно мыслить и в третьем лице). Поэтому в фрагменте (2) *подумалось* относится к мыслящему Я, а *внутри него, за него, помимо него* – к предмету его мышления, к объекту его внимания – творческой личности. То же раздвоение и во фрагменте (3): ОН (позже Федор Константинович Годунов-Чердынцев) - герой романа, субъект действующий; *кажется* же принадлежит той части сознания Годунова-Чердынцева, которая соединяется с Я рассказчика. Разница между *подумалось* и *кажется* состоит в том, что *подумалось* всегда конкретно(определенно)-личному субъекту, *кажется* же в позиции вводного слова указывает на конкретный субъект (Я говорящего), а в рамках предиката (*Надежда Федоровна кажется образованной*) представляет точку зрения многих, включающую точку зрения говорящего.

На средней горизонтали возможны неопределенно-предметные структурно-семантические модификации: *В трубе забулькало; За стеной все еще тархтело; Пробило полночь.*

На нижней горизонтали значимое отсутствие субъектной синтаксемы характеризует определенно-пространственную модификацию, при этом субъект восприятия и речи оказывается включенным в то пространство, о котором говорит; ср.: (1) *На улице светло / рассвело; В купе тесно/ теснота* - (2) *Светло; Рассвело* (здесь, вокруг меня); *Тесно; Теснота*

(здесь, сейчас, вокруг меня). Предложения (1) произносятся говорящим, который, например, находится в доме и смотрит в окно; предложения (2) обусловлены инклюзивной точкой зрения говорящего (он находится в том пространстве, которое характеризует).

Предложения с так называемой неопределенно-личной формой глагола исследовались в связи с проблемой точки зрения рассказчика: было замечено, что рассказчик находится во внутреннем пространстве и времени и смотрит на ситуацию глазами героя. Г.А. Золотова предложила для интерпретации неопределенно-личных модификаций признак эксклюзивности говорящего – его исключенности из состава субъекта действия [Золотова 1991]. Т.В. Булыгина, анализируя пушкинские строчки *Она навстречу, как сурова! Его не видят, с ним ни слова*, отметила, что в бесподлежащем предложении с глаголом в форме 3-го лица множ. числа субъект действия (в данном случае Татьяна) «не соотносится с лицом, находящимся в фокусе эмпатии». Т.В. Булыгина интерпретировала семантику подобных предложений при помощи понятия «отчуждение» [Булыгина, Шмелев 1997: 345-346] и показала, что выбор неопределенно-личной формы глагола в актуальном времени обнаруживает точку зрения, с которой представлена вся сцена (в данном случае это точка зрения Онегина).

Тот же эффект «отчуждения» наблюдаем в следующих примерах:

*Обыкновенно смотрели на молодого негра как на чудо, окуждали его, осыпали приветствиями и вопросами, и это любопытство, хотя и прикрытое видом благосклонности, оскорбляло его самолюбие («Арап Петра Великого»); *В красавиц он уж не влюблялся, / А волочился как-нибудь;/ Откажут - мигом утешался; Изменят - рад был отдохнуть («Евгений Онегин»).**

3-е лицо множ. числа во всех этих примерах (речь идет не о морфологическом, а о синтаксическом лице) обнаруживает противостояние двух субъектных сфер; обе субъектные сферы принадлежат зоне диктума. В фокусе эмпатии находится конкретно-личный субъект, выраженный именем в единств. числе. Кроме того, все эти примеры принадлежат информативному регистру, а следовательно, говорящий является субъектом знания, но не наблюдателем. Значит, есть «отчуждение», но нет эффекта соприсутствия. Соприствующий рассказчик возможен лишь тогда, когда неопределенно-личные предикаты локализованы в актуальном времени. См., например: [Пимен] *Вдруг слышу звон, ударили в набат...; Но звонят / К заутрене... благослови, господь, / Своих рабов!* («Борис Годунов»); *Все оживилось; здесь и там / Бегут за делом и без дела, однако больше по делам* (Отрывки из путешествия Онегина) – неопределенно-личные предложения принадлежат репродуктивному регистру, в рамках которого говорящий помещает свой наблюдательный пункт во время и пространство субъектов действия, но сохраняет позицию наблюдателя: не соединяет свою позицию с позицией субъектов действия. При этом сохраняется значение

«отчуждения» (в терминологии «Коммуникативной грамматики» – эксклюзивности говорящего), но не по отношению к внутреннему времени, а по отношению к диктумной субъектной сфере (сфере субъектов действия, персонажей).

Используя неопределенно-личный предикат, говорящий может сближать свою позицию с позицией одного из героев, именно в этом случае говорят о фокусе эмпатии, см., например: *Ей было назначено жалованье, которое никогда не доплачивали, а между тем требовали от нее, чтоб она одета была, как и все, то есть как очень немногие* («Пиковая дама»). Совпадение точек зрения рассказчика и точки зрения персонажа (в данном случае Лизаветы Ивановны) возможно в условиях информативного регистра, где персонаж оказывается не только субъектом действия или субъектом качества (субъектом диктума), но и субъектом мнения (субъектом модуса). По сути, то, что принято называть «эмпатией», представляет собой обнаружение двух субъектов мнения, которые противостоят третьему (не выраженному в предложении): в приведенном примере рассказчик солидарен с Лизаветой Ивановной и не согласен со старой графиней.

Итак, в условиях репродуктивного регистра форма 3-го лица множественного числа (или множ. числа в прошедшем времени) может интерпретироваться в связи с эффектом эксклюзивности, но не всегда. См., например, знаменитое начало «Пиковой дамы»:

Однажды играли в карты у конногвардейца Нарумова. Долгая зимняя ночь прошла незаметно; сели ужинать в пятом часу утра.

В.В. Виноградов, анализируя стиль пушкинской «Пиковой дамы», показал, что отсутствие подлежащего в первом предложении «Однажды играли в карты у конногвардейца Нарумова» и во второй части второго предложения «...сели ужинать в пятом часу утра», как и отсутствие указания на субъекта мыслящего в первой части этого же предложения «Долгая зимняя ночь прошла незаметно», обусловлено образом автора – сопричастующего рассказчика [Виноградов 1936]. Тем самым отсутствие синтаксических компонентов, то, что гораздо позже будет названо «синтаксическим нулем», было соединено с проблемой точки зрения говорящего.

Значит, начало «Пиковой дамы», наоборот, характеризуется инклюзивностью рассказчика по отношению к субъектной сфере персонажей. Сравним три примера:

(1) *Однажды играли в карты у конногвардейца Нарумова* («Пиковая дама»);

(2) *Вчера играли здесь «Les enfants d'Edouard», и с большим успехом* (Из дневника А.С. Пушкина);

(3) *Однажды человек десять наших офицеров обедали у Сильвио. Пили по-обыкновенному, то есть очень много; после обеда стали мы уговаривать хозяина прометать нам банк* («Выстрел»).

Общим во всех трех примерах является то, что в них употреблен глагол прошедшего времени множ. числа, что они начинаются темпоральным наречием, но если (1) и (3) примеры принадлежат сюжетному времени и начинают фрагменты репродуктивного регистра, то пример (2) обусловлен точкой зрения субъекта знания и относится к информативному типу текста. В примерах (1) и (3) говорящий входит в состав субъектов действия, в примере (2) говорящий исключен из состава тех, кто играл пьесу, что позволяет квалифицировать данное предложение как неопределенно-личное. В примере (3) субъект в первом предложении предстает как 3 лицо, но потом оказывается, что рассказчик (подполковник И. Л. П.) принадлежит к этому кружку офицеров, т.е. включен в состав субъектов действия. В этом примере предложение *Пили по-обыкновенному* можно назвать неполным, поскольку его субъект кореферентен субъекту первого предложения, но как быть с примером (1)? В нем субъект речи (рассказчик) входит в состав субъектов действия, а значит, неопределенно-личным его назвать нельзя, но это первое предложение текста, следовательно, нет той синтагматической зависимости от предтекста, с которой обычно связано понятие неполноты. См. еще пример из лицейского дневника Пушкина: *Вчера не тушили свечек; зато пели куплеты на голос: «Бери себе повесу».*

Если в дневнике Пушкина форма прошедшего времени соотносится с *мы* товарищей по лицу и прочитывается однозначно, то в художественном тексте все сложнее: рассказчик мог входить в общество игравших или только незримо присутствовать, быть наблюдателем по праву автора. В эпиграфе к первой главе «Пиковой дамы» есть местоимение *они*: *А в ненастные дни/ Собирались они/ Часто; / Гнули - бог их прости! - / От пятидесяти / На сто, / И выигрывали, / И отписывали/ Мелом. / Так, в ненастные дни,/ Занимались они / Делом.* Местоимение *они* разграничивает внешнюю субъектную сферу автора (которому принадлежит название повести – «Пиковая дама» - и эпиграфы) и внутренние субъектные сферы рассказчика и персонажей. В первом же предложении текста «Пиковой дамы» расстояние между субъектными сферами диктума и субъектными сферами модуса сокращено до минимума, но не полностью, поскольку первая глава завершается предложением: *В самом деле, уже рассвело: молодые люди допили свои рюмки и разъехались.* Это предложение, принадлежащее репродуктивному регистру, обнаруживает позицию незримого наблюдателя, что отличает «Пиковую даму» от «Выстрела», в котором рассказчиком является персонаж.

Анализ пушкинских текстов еще раз убеждает нас, что язык Пушкина не укладывается в привычную терминологию формального синтаксиса, поскольку знаменитое начало «Пиковой дамы» нельзя отнести ни к неопределенно-личным, ни к неполным предложениям: неопределенно-личность возможна лишь при изменении порядка слов (*У конногвардейца Нарумова играли в карты*), а о неполноте можно говорить только с

формально-синтаксической точки зрения. По-видимому, следует обратить внимание на семантику предложения: здесь речь идет не просто о действии, а о коллективном действии (мероприятии). В текстах, организованных 1-м лицом рассказчика, подобные глаголы (*Однажды праздновали день рожденья Маши*) указывают на принадлежность автора к определенному кружку, который часто собирается и к которому оказывается приближенным и читатель. Все это позволяет отнести подобные предложения к средствам «интимизации» [Булаховский 1954: 455-458] – средствам сближения автора и читателя – и еще раз убеждает нас в том, что значимое отсутствие является следствием приспособления конкретной модели предложения к определенной субъектной перспективе текста, средством задания этой субъектной перспективы. Само же предложение следует считать синтаксически (позиционно – абсолютное начало, и субъектно) обусловленной конструкцией.

Если с учетом этих идей рассмотреть список предложений [Русская грамматика 1980: 97] и их грамматические парадигмы, а также списки регулярных реализаций структурных схем, то станет понятно, что в одном ряду «свободных» (по терминологии [Русская грамматика 1980]) структурных схем оказываются как базовые модели, так и их модификации (например, инфинитивные предложения или конструкции с отрицанием), которые в функциональном плане гораздо менее свободны, чем соответствующие базовые структуры. Так же обстоит дело и со списком минимальных структурных схем в учебнике под ред. В.А. Белошапковой [Современный русский язык 1997: 724-727]. Трудно понять, почему при наличии деривационной парадигмы предложение *Я должен ехать* – это модальный дериват, а *Мне нужно ехать* – минимальная структурная схема? Почему *Была зима* и *Зима* относятся к одной структурной схеме, а *Реки чистые* и *Быть рекам чистыми* – к разным?

Коммуникативная грамматика относит предложения *Мне нужно ехать* и *Быть рекам чистыми* к структурно-семантическим модификациям моделей: первое – модели «Субъект и его действие» (*Я еду / Он едет*), второе – «Субъект и его качество» (*Реки чистые*). Отсутствие субъектной синтаксемы в инфинитивных предложениях указывает на определенное соотношение субъектных сфер, что, в свою очередь, говорит о синтаксической обусловленности, иногда такой же, как и синтаксическая обусловленность так называемых номинативных предложений. Рассмотрим с этой точки зрения предложения в стихотворении О. Мандельштама «Автопортрет»:

*В поднятье головы крылатый
Намек. Но мешковат сюртук.
В закрытье глаз, в покое рук -
Тайник движенья непочатый.*

*Так вот кому летать и петь
И слова пламенная ковкость,
Чтоб прирожденную неловкость
Врожденным ритмом одолеть.*

Автор смотрит на себя самого как бы со стороны и соединяет внешний облик с тем внутренним Я. Внешний взгляд и ситуация первого знакомства, узнавания, попытки проникнуть внутрь выражаются полипредикативными именными предложениями, построенными по модели так называемых бытийных предложений: В + предл. п. - Им. п. (*В поднятье головы крылатый намек... В закрытье глаз, в покое рук - тайник движенья непочатый*). Подобные предложения обусловлены точкой зрения прямого наблюдателя, который одновременно является субъектом мнения и субъектом речи. Во второй строфе узнавание продолжается, но от ситуации наблюдения остается своеобразный речевой жест (*вот кому*); в рамках информативного регистра появляются модальные модификации (инфинитивные – *Так вот кому летать и петь*, номинативная – *И слова пламенная ковкость* и вновь инфинитивная – *Чтоб прирожденную неловкость / Врожденным ритмом одолеть*). Речевой жест *вот кому* предполагает определенную дистанцию между субъектом диктума (субъектом качества) и субъектом модуса (субъектом знания, который одновременно является субъектом речи). Но так как стихотворение названо «Автопортрет», мы понимаем, что и субъектом качества оказывается сам поэт: его внутреннее Я должно одолеть его внешнее Я, но это две стороны одного Я.

Синтаксические конструкции, использованные поэтом в рассмотренном стихотворении, нельзя относить к свободным: они обусловлены дистанцией между субъектом сознания и субъектом качества, познающим и познаваемым. Они и обнаруживают эту дистанцию, которая сохраняется даже тогда, когда субъектом сознания и субъектом качества является один и тот же человек.

Еще пример несвободных синтаксических структур - конструкций, занимающих место на периферии синтаксического поля. Это так называемые общие суждения, но не все суждения с «квантором общности», а те, которые выражают общие законы человеческого бытия, или, в «Коммуникативной грамматике», предложения, организующие генеритивный регистр речи. К генеритивному регистру относятся обобщенно-личные модификации предложений – не только «односоставные» (*Тише едешь, дальше будешь*), но и двусоставные (*Безумство ищет, глупость судит*).

Предложения генеритивного регистра характеризуются (1) обобщенностью субъекта диктума (все люди, все, кто принадлежит к данному классу), (2) всевременностью диктального предиката (всегда), (3) обобщенностью субъекта модуса (все считают и все знают, что...) и его включенностью в состав субъекта диктума (по данному закону живут все

и Я в том числе). См., например, *В чужой монастырь со своим уставом не ходят* – (1) кто? – так ведут себя все (все воспитанные люди), (2) когда? – всегда, во все времена, (3) кто так думает? – все. Но кроме этих трех смысловых отличий существует и (4), которое позволяет предложениям генеритивного регистра образовывать минитексты. Это – наличие внутренних причинно-следственных отношений: «Если монастырь чужой, то туда не ходят со своим уставом, со своими законами». Еще пример: *У злой Натальи все люди каналы* = «Если человек зол, то...»

Синтаксически обусловленной оказывается и структурная схема Ни N2. Но за этой структурной схемой скрываются омонимичные синтаксические конструкции: в рамках репродуктивного регистра (*В комнате ни звука*) подобные генитивные предложения предполагают несовпадение субъекта диктума и одного из субъектов модуса (наблюдателя), а в рамках волюнтивного регистра – совпадение субъекта диктума и одного из субъектов модуса (адресата речи, того, кому запрещают говорить – *Тишина! Ни звука!*). Но двойное прочтение возможно для немногих существительных (*С ним ни слова!* – Татьяна не сказала ни слова; *Ему ни слова!* – Ему не говорите ни слова) – для тех, формы которых соотносимы как с именительным, так и с винительным. Дело в том, что родительный в волюнтивных генитивных предложениях соотносим не с именительным (*Шепот. Робкое дыханье – Ни шепота, ни шороха*), а с винительным (*сделать шаг назад, сказать слово – не сделать ни шага, не сказать ни слова*), что и порождает синтаксическую омонимию.

Ни звука в первом понимании (соотносимое с именительным) предназначено для репродуктивного регистра, но допускает и волюнтивное прочтение, правда, не императивное, а оптативное; ср. у И. Анненского:

*Когда б не смерть, а забытьё,
Чтоб ни движения, ни звука...
Ведь если вслушаться в нее,
Вся жизнь моя - не жизнь, а мука*

= ‘хочу, чтобы в моей жизни не было ни движения, ни звука’, которое производно от ‘В моей жизни движения и звуки’. Это *Ни звука* восходит к модели с типовым значением «Субъект пространственный и его характеристика» (*В комнате шум и движения — В комнате ни шума, ни движений — В моей жизни ни движения, ни звука*) и располагает большими функциональными возможностями. См. еще пример, в котором родительный с частицей *ни* принадлежит информативному регистру:

*Ни кремлей, ни чудес, ни святынь,
Ни миражей, ни слез, ни улыбки...
Только камни из мерзлых пустынь
Да сознание проклятой ошибки.*

(Анненский, «Петербург»).

Ни звука во втором понимании (соотносимое с винительным) - экспрессивно-волеизъявительная модификация акциональной модели (*Всем молчать! Ни звука! И чтоб у меня ни-ни, ни звука!*).

Представленный здесь текстовый анализ, по мысли автора данной статьи, должен продемонстрировать (а) объяснительные возможности концепции коммуникативной грамматики и (б) стать аргументом в пользу соединения системного и текстового описания языковых единиц в рамках антропоцентричной лингвистики.

Анализ этих и многих других примеров говорит о необходимости пересмотра критериев разграничения свободных и связанных моделей предложения. Свободными моделями предложения являются те, которые характеризуются изосемичностью компонентного состава, широкими структурно-семантическими, грамматическими и функциональными возможностями. Свободные модели образуют центр синтаксической системы русского предложения. Синтаксически обусловленные структуры – это синтаксические дериваты базовых моделей (структурно-семантические, экспрессивные модификации и их синтаксические синонимы, полипредикативные конструкции), то есть периферия в поле каждой из базовых моделей. Синтаксически обусловленные модели – результат взаимодействия коммуникативной единицы и контекста, то есть результат подстройки базовой модели предложения под конкретные текстовые условия. Связанные модели характеризуются не только внешней (контекстуальной) зависимостью, но и внутренней связанностью, лексикализованностью синтаксических значений. Связанные модели – результат взаимодействия лексики и грамматики: их компоненты лексикализуют одну из грамматических форм или структурно-семантических модификаций базовой модели предложения или структурируют один из вариантов ее актуального членения. Связанные модели – это периферия всей синтаксической системы.

Тем самым устанавливается общность типологии лексем, типологии синтаксем и типологии моделей предложения: свободные номинативные, синтаксически обусловленные и фразеологически связанные значения, свободные, обусловленные и связанные синтаксемы, свободные, обусловленные и связанные модели предложения. Триада терминов «свободный – обусловленный – связанный» может быть соотнесена с любым уровнем значимых единиц языка, поскольку представляет три ступени отношений единицы и контекста (в широком смысле этого слова).

Данная статья может рассматриваться как приглашение к дискуссии о принципах русской грамматики XXI века.

Литература

Булаховский 1954 – Л. А. Булаховский. Русский литературный язык первой

половины XIX века. М., 1954.

Булыгина, Шмелев 1997 – Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.

Виноградов 1936 – В.В. Виноградов. Стиль «Пиковой дамы» // Временник Пушкинской комиссии. 2. М.;Л., 1936.

Виноградов 1977 – В.В. Виноградов. Основные типы лексических значений слова. // В.В. Виноградов. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 162 – 189.

Золотова 1973 – Г.А. Золотова. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.

Золотова 1988 – Г.А. Золотова. Синтаксический словарь русского языка. М., 1988.

Золотова 1991 – Г.А. Золотова. Субъектные модификации русского предложения // Sagners slavistische Sammlung. Bd. 17. München, 1991. S. 509-515.

Золотова и др. 1998 – Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.

Падучева 1996 – Е.В. Падучева. Семантические исследования. М., 1996.

Русская грамматика 1980 – Русская грамматика. Т. 2. М., 1980.

Современный русский язык 1997 – Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. 3-е изд. М., 1997.

Шмелев 1976 – Д.Н. Шмелев. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. М., 1976.

О Статистическом словаре языка Достоевского¹

В Отделе машинного фонда Института русского языка РАН подходит к концу работа над Статистическим словарем языка Достоевского. Работа эта начиналась в рамках проекта «Словарь языка Достоевского», поддержанного РГНФ (руководитель – Ю.Н. Караулов), а затем выделилась в самостоятельное направление. Следует с самого начала подчеркнуть, что цели обоих словарей не совпадают. Цель «Словаря языка Достоевского» – показать лексику писателя во всей ее полноте (с детальной семантической разработкой, с богатым собранием иллюстративных примеров, с исчерпывающим словоуказателем и т.п.). Итогом явится многотомное издание, намного превосходящее по объему лучшие образцы авторской лексикографии, такие, как первый опыт на русской почве – Словарь языка Пушкина [Словарь] или замечательный Словарь языка Мицкевича [Słownik]. Задача Статистического словаря языка Достоевского скромнее, он должен количественно представить лексику Достоевского, повторив и обогатив опыт уникального конкорданса к Шекспиру [Spevack]. Однако и при таком ограничении результат оказался бы слишком объемным для бумажного издания (речь идет о сотнях авторских листов), а потому было принято решение издать словарь в гибридном виде – как однотомную книгу, показывающую лишь часть таблиц, и сопровождающий ее компактный диск, содержащий информацию в полном объеме. Конечно, в первом опыте такого рода нас подстерегают многие технические трудности издания, а также психологические предубеждения читателей, но именно на этом пути нам видится дальнейший прогресс академической лексикографии. Все программное обеспечение для проведения этой работы было создано Н.А. Ребецкой.

Предваряя описание структуры словаря, выскажем одно замечание относительно развития статистической лексикографии. В 1960-1970-х гг. наблюдалось широко распространенное увлечение частотными словарями, особенно в связи с педагогическими и информационными приложениями. От очень скромных по объему (400 тыс. словоупотреблений) лексикография шагнула к рубежу в 1 миллион словоупотреблений, а затем и к новым рекордам – максимально дифференцированный словарь американских текстов для школы содержит более 5 миллионов словоупотреблений [Carroll], а словарь,

* Анатолий Янович Шайкевич – доктор филологических наук, заведующий отделом машинного фонда русского языка Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН.

¹Основное содержание настоящей статьи было доложено на юбилейной конференции Словарного кабинета им. Б.А. Ларина Филологического факультета Петербургского университета (март 2001 г.).

созданный Институтом французского языка [Dictionnaire], опирается на корпус литературных текстов объемом более 70 миллионов словоупотреблений. Затем наступает кризис: электронные корпуса текстов продолжают множиться и увеличиваться по объему (в некоторых из них счет идет уже на сотни миллионов словоупотреблений), но не видно новых частотных словарей, которые были бы созданы на основе этих корпусов. В чем же дело? Причин может быть много, назовем некоторые из них.

1) Программными средствами можно легко и просто получить статистику графических слов². Именно такая информация представлена в вышеупомянутом словаре Кэрролла. Но читателю обычно нужно большее – графические слова должны быть сведены в осмысленные лингвистические единицы, они должны быть лемматизированы. Процесс же лемматизации не поддается алгоритмам на сто процентов. Доля ручного вмешательства хотя и уменьшается относительно, но продолжает расти абсолютно. При росте объема текстового корпуса в 100 раз объем ручного труда при постредактировании возрастет, скажем, в 10 раз.

2) До сих пор не разработаны хорошие автоматизированные процедуры формирования выборки на большом корпусе текстов. Впрочем, эта трудность не существует при обработке замкнутого корпуса целиком (как, например, в случае текстов Достоевского).

3) Наконец, существует и психологический фактор. Лингвостатистика, как она складывалась в середине XX в., в какой-то степени была во власти математического фетишизма: открытие «закона» Ципфа создавало иллюзию существования новой области статистических исследований, возникала новая дисциплина, все более терявшая связи с лингвистикой, филологией, информатикой.

Предлагаемый Словарь должен сделать шаг в обратном направлении.

Статистический словарь состоит из статистических таблиц. Описание такого словаря предполагает, что будут даны ответы на такие вопросы:

²Термин «графическое слово» кажется автору более правильным, чем общепринятый термин «словоформа». Один раз встретившееся у Достоевского слово *взяточка-то-с* заслуживает названия «графическое слово», но вряд ли будет идентифицировано лингвистами как особая «словоформа». Точно так же графическое слово *ви-но-ват*, встретившееся три раза, едва ли кем-либо будет объявлено особой словоформой. С другой стороны, встретившаяся последовательность *по...за...буду...* («Белые ночи») в словаре графических слов будет отражена как три слова, в словаре лемм — как одно слово *позабывать*.

- 1) Каков порядок лингвистических единиц в таблицах?
- 2) Что имеется в виду под лингвистическими единицами?
- 3) Каков принцип дифференциации исходного корпуса текстов?
- 4) Какова форма статистического представления данных?

Ответы на эти вопросы будут даны в нижеследующих таблицах, представляющих собой фрагменты некоторых важнейших таблиц подготавливаемого словаря.

В существующих частотных словарях до половины общего объема приходится на ранговые словари, т.е. на таблицы, в которых единицы расположены в порядке уменьшения их частоты (f) и соответствующего возрастания их ранга (r)³. Примером может служить табл. 1.

Таблица 1

Начало рангового словаря графических слов

r	f		r	f		r	f	
1	135139	и	18	15037	вы	35	9445	теперь
2	70053	в	19	14840	то	36	8963	уже
3	67276	не	20	14536	мне	37	8914	если
4	57892	что	21	14450	меня	38	8551	ее
5	51592	я	22	14098	бы	39	8515	до
6	34099	на	23	13683	у	40	8413	вот
7	30793	с	24	12811	за	41	8296	быть
8	28305	он	25	11599	она	42	8051	ты
9	26104	а	26	11111	только	43	7637	был
10	24773	как	27	11050	по	44	7047	вас
11	24581	но	28	10945	о	45	7009	может
12	22571	это	29	10939	было	46	6899	есть
13	18596	же	30	10860	еще	47	6576	ли
14	18223	все	31	10714	да	48	6568	вам
15	17463	его	32	10434	даже	49	6454	для
16	16850	так	33	9910	от	50	6449	очень
17	15265	к	34	9792	из			

В описываемом Словаре ранговые списки займут очень скромное место – будут даны четыре списка по 500 самых частых графических слов для всего корпуса текстов, для совокупности художественных текстов, для публицистики и для писем; аналогичным образом будут включены таблицы слов (лемм). Такое решение объясняется просто: ранговыми словарями практически нельзя пользоваться. В них можно ответить на такие

³У многих лингвостатистиков именно ранговый словарь именуется «частотным словарем», для второго основного варианта частотного словаря они используют термин «алфавитно-частотный словарь».

экзотические вопросы, как «какие именно слова имеют частоту 15?» или «какое слово занимает 305-е место в ранговом словаре?», но нельзя найти конкретные слова средней и низкой частоты. Если же читателю все-таки понадобится перейти от частоты к соответствующему рангу, это можно будет сделать при помощи таблицы, уместящейся на одной-двух страницах; именно такое решение было принято в «Частотном словаре языка М.Ю. Лермонтова» [Частотный...: 773].

Все остальные таблицы соблюдают алфавитный порядок, обеспечивая тем самым легкий поиск слов и давая возможность совместить в одной таблице информацию обо всем корпусе и о его частях. Ниже (см. таб. 2) приводится фрагмент самой важной таблицы Словаря, где информация дается по всему корпусу текстов и по трем основным жанрам (макрожанрам).

Таблица 2

Общий частотный словарь

(ХЛ – художественная литература, ПБ – публицистика, ПС – письма)

	Всего	ХЛ	ПБ	ПС		Всего	ХЛ	ПБ	ПС
Общая частота (в тыс. словоупотреблений)	2891	1835	526	530	бритье	3	2	1	
					бриться	3	3		
					бричка	4	4		
Бретань	2	1	1		бровки	2	1	1	
бретер	3	3			бровь	85	82	1	2
бретерство	1		1		брод	1	1		
бретонский	1		1		бродить	71	55	10	6
бретцелев	2			2	бродяга	52	45	4	3
Бретцель	14			14	бродяга-коммунист	1	1		
брехать	1			1	бродяжество	8	7	1	
Брибри	18	18			бродяжий	1		1	
бригада	1	1			бродяжить	7	1	6	
бригадир	6	6			бродяжничать	1	1		
бригадирша	4	4			бродяжничество	4	2	1	1
бригадный	5	1	1	3	бродячий	4	2	1	1
бриллиант	21	17	2	2	брожение	8	2	4	2
бриллиантик	1	1			Брокен	1			1
бриллиантовый	12	11		1	Брольи	4		4	
брильянтщик	2	2			Бромберг	1			1
Бринкен	1			1	броненосец	1		1	
британец	5	1	4		броненосный	1		1	
британский	5		4	1	бронза	1	1		
бритва	36	23	12	1	бронзовый	22	18	3	1
бритвенный	2	2			Бронников	3		3	
бритый	14	13	1		Бронницы	1			1
брить	15	13	2		броня	1	1		

Еще одна возможность расположения единиц в частотном словаре иллюстрируется таб.3.

Таблица 3

Обратный частотный словарь графических слов

52	ба	2	озноба	1	гоньба	2	побить
2	б-ба	29	гроба	49	борьба	5	дробить
111	баба	1	гардероба	138	просьба	3	раздробить
1	бой-баба	5	короба	1	Письмо- просьба	2	коробить
24	слаба	7	проба			4	пробить
36	раба	1	утроба	9	женитьба	1	дробить
4	штаба	42	особа	31	люба	1	пособить
154	хлеба	3	герба	73	бить	15	бить
57	неба	1	серба	2	забить	8	отбить
7	погреба	4	ущерба	4	ослабить	197	убить
4	Феба	2	корба	1	набить	20	губить
37	служба	9	губа	8	грабить	5	загубить
30	дружба	1	пагуба	1	заграбить	39	погубить
5	тяжба	1	Соллогуба	17	ограбить	5	сгубить
13	изба	2	Гекуба	1	пограбить	1	усугубить
2	Биба	11	клуба	1	вбить	1	голубить
1	Скриба	3	груба	1	подбить	1	приголубить
5	пошиба	2	сруба	8	перебить	6	рубить
19	лба	1	труба	4	теребить	1	зарубить
6	столба	10	шуба	62	употребить	1	нарубить
1	Памба	20	рыба	25	истребить	8	грубить
1	дифирамба	53	свадьба	23	разбить	1	нагрубить
7	бомба	2	усадьба	7	избить	1	сгрубить
4	Комба	5	ходьба	8	прибить	1	срубить
1	апломба	181	судьба	1	зашибить	3	трубить
2	Колумба	1	ворона- судьба	1	пришибить	2	выбить
1	тумба			1	ошибить	387	любить
560	оба	1	похвальба	2	долбить	2	залюбить
2	худоба	1	стрельба	1	добить	1	влюбить
8	жалоба	1	мольба	2	разжалобить	5	разлюбить
52	злоба	2	гульба	1	озлобить	4	возлюбить
				1	знобить	2	долюбить
						67	полюбить

Не приходится разъяснять эвристическую ценность обратного словаря. Наряду с обратным словарем графических слов (110734 разных слов) будет представлен и обратный словарь лемм (40000 разных слов). Весьма объемные обратные словари будут отражать весь корпус текстов; что же касается отдельных частей корпуса, то для них будут даны сведения о частоте словообразовательных элементов (префиксов и суффиксов). Во всех остальных таблицах будет принят прямой алфавитный порядок.

Все приведенные выше фрагменты таблиц содержат слова (будь то графические слова или леммы), наряду с ними в Словаре будут представлены некоторые семантические объекты «внутри» слова (включая разведение омонимов), а также сочетания слов. Рассмотрим с этой точки зрения фрагмент частотного словаря художественных произведений (табл.4).

Таблица 4

Частотный словарь художественных произведений
Распределение лексики по периодам творчества

	ВСЕГО	1844	1856	1866
		-49	-65	-80
Всего словоупотреблений (в тыс.)	1835	247	449	1139
а (союз)	16381	1651	3681	11049
а не то	9	2		4
а ну как	8	1	1	6
а то	217	17	50	150
а! (междометие)	202	36	21	153
А.	11	1	2	8
...				
Авдотья Игнатьевна	13			13
Авдотья Петровна	2			2
Авдотья Романовна	117			117
Авдотья Сергевна	1			1
Авдотья Сергеевна	1			1
...				
авось	40	12	12	16
на авось	4	3		1
...				
батюшка	374	119	102	153
батюшка (обращение)	241	22	98	121
батюшка (священник)	29			29
батюшки (междометие)	14	1	2	11
...				
Бог	1337	244	249	843
боги	25			25
бози	1			1
Бог в помочь	1	1		1
Бог весть	1			1
Бог видит / видит Бог	12	5	2	5
Бог даст / даст Бог	4	1	2	1
Бог знает	208	53	42	113
Бог мой	10	5	2	3
Бог попутал	1		1	
Бог с (кем-то)	32	3	10	19
Вот Бог, а вот порог	1		1	
Господи Бог мой	12	12		
Господь Бог	9	5	4	
да сохранит Бог	1			1

дай Бог	30	6	8	16
как Бог свят	1			1
как перед Богом	2		1	1
как пред Богом	1			1
не дай Бог	1			1
отдать Богу душу	2	1		1
побойтесь Бога	1		1	
почить в Бозе	1			1
ради Бога	136	63	25	48
разрази меня Бог	1			1
русский Бог	4			4
сохрани Бог	2		1	1
с Богом	17	3	5	9
слава Богу	89	21	17	51
...				
Боже	500	140	160	200
Боже мой	301	102	116	83
Боже сохрани / сохрани Боже	23	5	6	83
Господи Боже	16	10	6	12
...				
высший	487	12	117	358
в высшей степени	134	2	31	101
высшее общество	52	5	22	25
высший свет	19			19
...				
выход	131	11	38	82
черный выход	1	1		
выходец	1	1		
выходить	702	76	211	415
выходить за	28	3	6	19
выходить замуж	23		5	18
выходить из себя	21	2	6	13
выходить сухим из воды	1		1	
выходка	106	13	30	63
выходной	13			13
выходная дверь	11			11

В описываемом словаре впервые в практике статистической лексикографии даются таблицы бинарных словосочетаний, в которых представлены все сочетания графических слов, встретившихся более одного раза. В таб. 5 дается статистика сочетаний слова ДО, встретившегося 4662 раза; в полной таблице мы найдем 440 соседей слева и 358 соседей справа (двумя звездочками отмечены леммы, в остальных случаях речь идет о графических словах).

**Частота некоторых бинарных сочетаний слова ДО
(художественные произведения)**

Слово слева	Слово справа		
36 а	4 Алеши	3 костей	7 приезда
108 быть**	3 Анны	39 крайности	8 прихода
33 вплоть	5 безобразия	6 крови	16 рассвета
90 все	10 безумия	6 малейшей	96 самого
12 головы	10 бешенства	4 мелочи	4 самозабвения
88 даже	17 болезни	58 меня	76 самой
31 дело	24 боли	4 места	7 свадьбы
14 дня	27 вас	3 могилы	5 свету
11 добежать**	4 Версилова	3 Москвы	41 свидания
15 добратся**	28 вечера	3 муки	35 свиданья
28 довести**	7 ворот	4 мучения	13 сегодня
156 дойти**	8 восторга	13 нас	4 седых
19 дотронуться**	52 времени	5 настоящего	5 сердца
59 доходить**	12 всего	20 невероятности	495 сих
47 его	3 генерала	7 невозможности	3 сладострастия
93 еще	14 глубины	46 него	33 слез
42 же	6 глубокой	4 неприличия	5 слова
28 знать**	21 головы	4 нитки	29 смерти
241 и	5 греха	19 них	4 смеху
16 иногда	4 гроба	12 ног	5 столбняка
84 касается	6 дверей	29 ночи	6 страдания
22 который**	10 десяти	6 обеда	19 странности
53 меня	5 дивана	3 обморока	15 страсти
16 мочь**	11 дому	3 обожания	5 судорог
26 наконец	19 его	17 одного	4 сумасшествия
106 не	39 единого	5 одной	75 такой
10 нет	6 единой	8 основания	84 тех
53 но	13 ее	7 отчаяния	702 того
21 ног	6 забвения	8 отъезда	5 тошноты
85 он	53 завтра	3 передней	4 угла
28 она	13 земли	6 печки	5 ужаса
13 отложить**	17 известной	7 поворота	23 утра
11 покраснеть**	8 исступления	20 половины	8 ушей
24 почти	8 истерики	3 полу	48 чего
15 сказать**	59 какой	4 полусмерти	4 чертиков
21 теперь	3 кареты	5 порога	5 черты
25 утра	5 квартиры	44 последнего	3 Шатова
11 человек	6 князя	97 последней	49 этого
92 что	62 конца	14 последних	5 ярости
83 я	5 копейки	3 потолка	

Подобные таблицы дают богатый материал для изучения комбинаторики слов в тексте. Обратимся к анализу правых соседей. Здесь обнаруживаем свидетельства употребления предлога в пространственном значении (*до ворот, до дверей, до дивана, до дому, до кареты, до квартиры, до места, до Москвы, до передней, до печки, до поворота, до порога, до угла*). Несравненно чаще обнаруживаются темпоральные употребления (*до вечера, до времени, до завтра, до ночи, до рассвета, до свету, до сегодня, до утра*). Иногда маркером времени выступают какие-то привычные символы (*до гроба, до могилы*) либо обозначения конкретных событий (*до обеда, до отъезда, до приезда, до прихода, до свадьбы*). Очень часто предлог ассоциируется с идеей степени и предела, что уже многое говорит об особенностях семантики Достоевского (*до глубины, до конца, до крайности, до нитки, до основания, до последнего, до самого, до того, до чего; а с другой стороны – до малейшей, до мелочи, до одного, до одной*).

Самым ярким свидетельством индивидуальной семантики писателя выступают обозначения предела посредством слов, обозначающих эмоции, патологические состояния, моральные оценки, – *до безобразия, до безумия, до бешенства, до болезни, до боли, до восторга, до греха, до забвения, до истерики, до исступления, до муки, до мучения, до неприличия, до обморока, до обожания, до отчаяния, до самозабвения, до сладострастия, до слез, до столбняка, до страдания, до странности, до страсти, до судорог, до сумасшествия, до тошноты, до ужаса, до чертиков, до ярости*).

С первого взгляда может показаться странным частое появление справа слов, обозначающих людей (*до вас, меня, него, тебя*); для решения этой загадки полезно обратиться к соседям слева, где находим *дело до, касается до, не до, что до*. Отсюда становится ясным, что бинарные словосочетания могут вести нас к конституированию устойчивых и часто идиоматических словосочетаний (*до свидания, с ног до головы, с головы до ног, что же касается до, до такой степени, до сих пор, до тех пор* и т.п.), которые должны быть соответствующим образом отражены в Словаре.

Итак, основными объектами, отражаемыми в таблицах Словаря, будут слова, словосочетания и отдельные значения слов. Еще об одном объекте табличного представления речь пойдет ниже.

Дифференциация корпуса текстов Достоевского основывается на соединении иерархического принципа и принципов многоаспектной классификации. Первый иерархический принцип основан на разделении корпуса на макрожанры (художественная литература, публицистика, письма), первые два подкорпуса сводятся затем к своим основным частям – отдельным текстам⁴. В случае писем этот принцип становится

⁴ Ряд текстов из «Дневника писателя» отнесен к художественной литературе: «Бобок», «Кроткая», «Мальчик у Христа на елке», «Мужик Марей», «Сон смешного человека», «Столетняя».

неэффективным: отдельное письмо – слишком короткий текст для статистического представления. На этот важнейший принцип накладывается принцип хронологической классификации. Общепринятая периодизация творчества писателя тесно связана с периодами его жизни: 1) до ареста, 2) каторга и ссылка (этот период, естественно, фигурирует только в корпусе писем), 3) возвращение из Сибири и возобновление литературного творчества, 4) большие романы (начиная с «Преступления и наказания»), женитьба на А.Г. Сниткиной. В художественной литературе естественным оказывается выделение микрожанров: авторская речь, речь персонажей, ремарки, письма и т.п. Подробнее см. в [Шайкевич 1995; 1996]. В меньшей мере микрожанры могут быть выделены в публицистике. Заметим, что здесь исключены из рассмотрения обширные цитаты (всего 32 тысячи словоупотреблений). В таблицах подкорпуса писем естественной кажется классификация по адресатам, по месту написания (в России или за границей). В качестве примера рассмотрим микрожанры художественной литературы (табл. 6).

Таблица 6

Распределение слов по микрожанрам

А – авторская речь; Р – ремарки, сопровождающие прямую речь; Г – прямая речь героев (в т.ч. м – монологи, рс – рассказы); Пс – письма; В – внутренняя речь героев; Л – литературные жанры не от лица автора

	ВСЕГО	А	Р	Г	М	рс	Пс	В	Л
	1835	856	88	752	140	91	49	58	26
знаменитый	53	42		9	4	2		1	1
знамо	10	4		6					
знамо дело	4			4					
знамши	1			1	1				
знамя	16	3		5	1			1	6
знание	67	50		16	3	3	1		
знатнейший	3	2		1	1				
знатно	1			1					
знатность	2	1		1	1				
знатный	66	31		29	7	5	4	1	1
знаток	22	13	2	7		1			
знать	6972	1739	45	4641	700	350	251	199	79
Бог знает	208	98	10	69	4	6	12	11	8
Господь знает	8	1		4			3		
дать знать	3	1		2					

почем знать	7	1		5	2			1	
честь знать	2	1		1		1			
знаете (-ешь) ли	58			49	8	3	9		
знай наших	1	1							
знать (вводн)	51	2		42	5	12	4	3	
знать (сущ)	5			3	1	2	2		
значение	90	52	1	36	13	2			1
значит	401	68	3	288	51	40	2	37	3
значительно	44	17	16	11	2	2			
значительный	121	86	8	25	6	2	2		
значить	206	58		124	16	8	9	12	3
золовка	23	18		4			1		
золото	51	30	1	17	6	2	1	1	1
золотой	157	85	1	63	12	14	4	1	3
зонтик	30	19	1	10	3				

Все примеры таблиц, представленные до сих пор, содержат абсолютные частоты лингвистических единиц. Их преимущество – представление полного объема информации, их недостаток – сложность непосредственного сравнения данных, входящих в разные столбцы. Обойти эту трудность можно при помощи таблиц относительных частот, где частоты приведены к общему знаменателю (скажем, на 100 тысяч словоупотреблений). В качестве первого примера рассмотрим те же микрожанры художественной литературы (табл. 7).

Таблица 7

Распределение слов по микрожанрам

Относительные частоты на 100 тысяч словоупотреблений

А – авторская речь; Р – ремарки, сопровождающие прямую речь; Г – прямая речь героев (в т.ч. м – монологи, рс – рассказы); Пс – письма; В – внутренняя речь героев; Л – литературные жанры не от лица автора

	Средняя	А	Р	Г	м	рс	Пс	В	Л
	1835	856	88	752	140	91	49	58	26
и	4730	5428	4024	4062	4723	5003	4367	4783	5123
ибо	35	27	5	41	95	38	71	26	144
играть	21	22	3	22	13	22	24	7	12
идеал	5	5		7	21	2		2	
идея	35	31	17	41	57	14	26	49	16
идиот	4	2		5	6	6		14	29
идти	78	73	17	89	62	80	55	129	70

из	347	454	298	248	298	274	243	239	431
из-за	22	21	20	23	30	18	15	29	12
изверг	4	1		8	10	9		4	
известие	13	23	6	6	6	6	4	7	4
извинить	14	1	1	32	9	10	2	7	
изволить	17	2	2	36	15	25	15	8	
изволь (те)	5			11	1	5		4	
измениться	6	9	7	3	4	3	2	4	
измученный	7	6	1	1	1				4
изредка	5	10	1	1	2	1	2	4	
изумление	11	18	46	2	1		4		12
или	161	162	25	173	185	121	122	225	193
именно	92	88	12	108	148	80	58	117	58
иметь	86	80	16	101	113	52	91	45	119
имя	18	16	1	21	16	15	41	7	74
иначе	19	17	1	25	36	9	24	22	16
иногда	59	85	29	35	38	55	53	29	82
иной	39	51	9	30	44	28	53	35	21
искать	23	32	7	15	16	23	17	11	24
искренний	7	8	9	7	8	3	17	2	4
искренно	12	12	8	13	22	8		16	

Таблицы микрожанров откроют широкие возможности изучения как самих этих типов текстов, так и стилистической характеристики лексем. В целом складывается впечатление, что, за исключением ремарок, все остальные микрожанры лексически довольно близки друг к другу. В ремарках резко повышается частота таких слов, как *изумление, испуг, испуганный, испугаться, исступление, исступленный, истерика, истерический, к, как будто, как бы, как-то, какой-то, капелька, капитан, кивнуть, князь, колени, краска, крепко, кресло, крикнуть, кричать, кругом, кто-то, кулак, ладонь, ласково, левый, лоб, локоть, ломать*. В нескольких случаях относительная частота повышается как в ремарках, так и в авторской речи (*карман, коляска, крик, крыльцо, легкий, лицо*).

Еще один пример использования относительных частот дает табл. 8.

Таблица 8

**Распределение некоторых частых слов по периодам
Художественная литература**

Относительная частота на 100 000 словоупотреблений

	1844–49	1856–65	1866–80
а (союз)	670	920	924
арестант	...	131	2
ах	65	49	48
бедный	78	50	29
без	102	131	125
беспокойство	13	15	12
бледный	35	23	17
Бог	99	52	71

Бог знает	22	11	10
ради Бога	26	6	4
Боже	56	37	17
бояться	59	57	62
будто	224	152	75
бумага	32	13	13
бутылка	1	10	6
бы	416	404	475
было (част.)	54	39	54
в	2246	2342	2435
вагон		5	7
вдруг	173	154	350
ведь	157	248	213
великий	10	19	34
вера	2	6	14
верить	23	44	55
верно (вводн.)	26	25	8
веровать		2	17
весь	1339	1388	1323
весьма	64	12	40
взглянуть	58	34	17
видеть	183	132	157
видно	28	24	15
вино	5	19	12
возле	20	7	12
вообще	11	43	22
вопрос	22	38	71
восторг	36	28	19
вот	358	271	307
впечатление	30	23	23
вполне	24	32	20
время	154	136	142
вроде	2	13	12
все-таки	19	62	60
всеобщий	9	17	7
вскрикнуть	22	17	12
вскричать	7	67	48
вчера	37	26	50
вы	1150	760	1157
высший	6	24	33
газета	2	8	8
где	74	74	70
главное	1	25	35
главный	12	28	25
глаз	200	122	119
глубокий	26	10	12
говорить	401	379	345
голова	148	94	88
голос	77	42	56
гораздо	10	14	19
горе	31	13	10

гореть	21	7	7
грудь	52	14	16
грустно	25	5	7
губа	29	14	21
да (союз)	451	411	338
да (утверждение)	105	74	75
давеча	1	29	49
давешний	...	4	10
даже	182	371	399
дама	37	31	32
дверь	61	44	72
девочка	19	18	16
действительно	40	55	59
деньги	63	90	102
дескать	78	14	19
дети	28	28	38
диван	11	14	27
дитя	24	14	37
для	145	200	185
до	218	289	249
до сих пор	26	33	16
до того, что	11	30	22
довольно	46	45	62
довольный	15	26	12
досада	19	10	11
дрожать	50	19	21
дух	47	26	21
душа	79	68	53
его	457	317	358
едва	44	15	14
ее	212	179	162
если	155	220	254
еще	292	380	377
же	672	743	724
желать	34	35	29
женщина	32	29	57
за	465	480	461
забыть	29	42	46
завопить	...	1	8
задрожать	15	5	6
закричать	61	34	19
заметить	97	79	102
засмеяться	16	10	20
затем	9	13	32
звчем	55	42	54
земля	17	23	35
злой	24	26	13
значит	4	30	24
и	4076	4431	4751
ибо	22	11	42
идея	18	20	41

из	280	389	323
или	125	136	165
именно	46	85	97
иметь	51	71	92
к	570	585	614
-ка	21	14	10
как	1074	883	898
как будто	205	147	54
как бы	14	24	121
как раз	184	158	128
какой-то	184	158	128
карета	29	13	8
комната	118	61	86
конец	22	24	43
конечно	49	60	92
который	385	325	294
краснеть	15	4	7
красота	9	9	11
кредитка		...	4
крик	23	20	19
крикнуть	6	9	40
кричать	26	48	37
кровать	29	7	10
кроме	17	36	42
кругом	49	19	21
лестница	42	14	27
лишь	13	3	79
любить	119	163	126
любовь	48	52	31
маленький	42	36	38
минута	134	115	132
молодой	76	42	47
молодой человек	50	11	23
мочь	383	440	514
может быть	95	120	133
может(=предыд.)	7	26	34
мужик	6	24	14
музыка	18	6	4
мы	335	423	293
мысль	55	50	99
на	1374	1290	1225
надо	18	118	124
наконец	245	137	111
напротив	17	26	38
не	2113	2199	2372
некоторый	38	61	63
неужели	19	39	30
неужто		1	12
но	620	795	887
ну	290	250	186
нужно	98	20	12

о (предлог)	205	250	269
о! (междометие)	31	31	82
образ	89	47	39
(икона)	6	4	7
образом	45	27	16
таким образом	35	13	12
однако	28	31	65
однако же	24	23	29
он	2127	2036	2406
она	938	995	994
они	339	490	415
оно (местоимение)	62	40	41
оно (частица)	54	9	5
опять	113	89	169
от	404	339	322
ответить	8	11	48
отвечать	100	114	42
отчего	47	22	8
очень	123	205	223
перед	90	146	44
передать	5	6	25
Петербург	20	23	31
пистолет	...	3	8
плакать	46	40	32
по	349	356	358
подле	13	20	24
пожалуй	19	37	34
пока	5	7	33
покамест	22	17	7
покраснеть	28	12	14
полно(те)	42	13	8
получить	16	18	29
постель	47	13	16
потом	161	101	100
потому	130	164	179
почему	27	47	62
почти	92	106	138
право (вводн.)	41	21	16
пред	11	3	73
пробормотать	5	6	23
проговорить	48	48	67
просить	52	52	52
пьяный	10	29	28
работа	24	52	8
работать	15	16	5
рад	35	30	27
разумеется	25	83	43
револьвер			10
Россия	2	8	20
рука	241	160	187
с	1200	1315	1278

-с	162	130	205
сей	24	17	47
сердце	206	96	83
серебро	14	9	1
сказать	401	335	295
слеза	102	45	29
слишком	32	48	72
словно	52	5	4
смотреть	147	166	114
смущение	20	5	7
снег	10	10	2
совершенно	93	108	73
столь		2	20
страдание	5	11	13
странно	14	16	30
страх	36	18	24
стыд	25	8	12
счастливый	47	20	18
счастье	44	36	21
темный	25	8	10
то (союз)	153	163	234
-то	258	276	238
только	324	375	398
тоска	54	25	12
тот	432	456	629
тот же	45	42	49
точно	27	60	66
тут	185	130	190
ты	608	742	524
тяжело	27	26	10
у	434	469	475
убеждение	4	9	16
убить	22	19	63
ужас	32	19	16
ужасно	21	46	70
ум	28	35	54
усмехнуться	4	2	19
факт	2	13	25
фигура	11	5	5
хороший	44	33	29
хорошо	93	68	51
хоть	71	146	101
хотя	55	63	91
человек	262	223	209
человечество	2	10	12
через	51	62	50
черный	27	13	15
черт	19	18	37
чрез	3	4	20
чрезвычайно	22	54	41
чрезвычайный	2	13	29

что (местоимение)	712	551	500
что (союз)	1612	1520	1593
чтобы	176	227	234
чувство	66	38	45
чувствовать	78	40	29
чуть	35	52	48
чуть (ли) не	27	46	41
этот	1117	1596	1609
я	3786	3428	2888

Эволюция лексики Достоевского практически не была объектом лингвистического анализа, поэтому публикуемая таблица может дать начало самым разным исследованиям. Однако необходима сугубая осторожность и неспешность в интерпретации материала. Ясно, что тривиальным окажется случай влияния отдельного текста, в котором данное слово обладает крайне высокой частотой. Примером может служить слово *арестант* из «Записок из мертвого дома». Особенно характерно такое поведение для имен нарицательных, обозначающих героев (*бабушка* в «Неточке Незвановой» и в «Игроке», *дядя* и *дядюшка* в «Дядюшкином сне», *наш герой* в «Двойнике», *князь* во многих текстах, *жена*, *муж* и т.п.). Большую приуроченность к конкретным текстам обнаруживают и многие другие существительные: не только *музыка* в «Неточке Незвановой», но и *топор*, *шинель* и т.п.

На противоположном полюсе оказываются слова, более или менее равномерно распределенные по трем периодам – прежде всего слова с относительной частотой более, чем 1 на тысячу: *весь*, *время*, *другой*, *думать*, *за*, *к*, *какой*, *минута*, *ни*, *об*, *она*, *первый*, *по*, *раз*, *с*, *сам*, *слово*, *теперь*, *хотеть*, *что* и т.п. В следующем частотном интервале (более 1 на 10000) очень много служебных слов, местоименных наречий, модальных слов – *вероятно*, *вовсе*, *всякий*, *где*, *друг друга*, *завтра*, *коли*, *нельзя*, *неприменно*, *никогда*, *потому что*; очень широко представлены глаголы: *бояться*, *бросить*, *встретить*, *глядеть*, *желать*, *идти*, *лежать*, *посмотреть*, *сидеть*, *случиться*, *слушать*, *слышать*. Уникален глагол *просить*, вообще не показывающий расхождений по периодам. Не вызовет удивления стабильность частот слов *полный*, *последний*, *взгляд*, *год*, *жизнь*, *стол*. В некоторых других случаях исследователь начнет искать связь с индивидуальной авторской семантикой; таковы существительные – *беспокойство*, *дама*, *девочка*, *дорога*, *красота*, *недоумение*, *честь*; среди прилагательных отметим *маленький* и *глупый*.

Подавляющее большинство частых слов обнаруживает расхождения между периодами. В некоторых случаях аномальное положение второго периода (резкое повышение или понижение частоты) может объясняться влиянием жанровой композиции этого периода (бессюжетность «Записок из мертвого дома» и «Зимних заметок о летних впечатлениях»). Так можно объяснить увеличение частоты у *мы* и *они* и уменьшение – у *его*, *он*; большую употребительность слов *ведь*, *значит*, *рассказ(ыв)ать* и, наоборот, относительное уменьшение таких маркеров сюжетного повествования, как *вы*, *здесь*, *тут*, *вдруг*, *вот*, *видеть*, *заметить*, *сесть*, *стоять*, *спать*, *лестница*, *квартира*, *комната*, *окно*.

Однако в большинстве случаев тенденция изменения частот монотонна: наблюдается либо последовательный рост, либо сокращение. Например, частота слова *который* сокращается, употребительность многих союзов (*а*, *но*, *однако*, *или*, *али*, *хоть*, *хотя*, *все-таки*, *если*, *чтобы*) нарастает (суммарная относительная частота 1922 – 2609 – 2802). Отмечен значительный рост местоимений *тот* и *этот* (1539 – 2052 – 2238) и сокращение местоимений *оно* и *что* (774 – 591 – 541).

Изредка изменения частоты отражают реальные изменения в обществе. Ясно, что обозначения уходящих реалий (*карета*, *писарь*, *серебро*) будут сокращать частоту, обозначения новых – ее увеличивать (*вагон*, *газета*, *кредитка*, *револьвер*, *застрелиться*). В других случаях эти изменения связаны со сменой топок писателя (*бумага*, *бутылка*, *деньги*).

На протяжении трех периодов внутри семантических групп постоянно разыгрывается соперничество синонимов. Доля отдельного слова в группе – яркое тому свидетельство:

возле (67%-26%-33%) и *подле* (33%-74%-67%); *отчего* (63%-32%-11%) и *почему* (37%-68%-89%); *нужно* (85%-15%-15%) и *надо* (15%-85%-85%); *однако же* (86%-74%-45%) и *однако* (14%-26%-55%); *покамест* (82%-71%-18%) и *пока* (18%-29%-82%), *отвечать* (93%-91%-47%) и *ответить* (7%-9%-53%). Вот как выглядит доля пяти соперников в группе слов сравнения: *как будто* (68%-59%-21%), *словно* (17%-2%-2%), *точно* (9%-25%-26%), *как бы* (5%-10%-47%), *вроде* (1%-5%-5%). По-видимому, совпадает с общеязыковой тенденцией уменьшение частоты четырех вводных слов: *право* 41 – 21 – 16, *знать* 13 – 3 – 1, *знаете ли* 11 – 2 – 2, *верно* 26 – 25 – 8. На этом фоне удивительным кажется некоторый сдвиг к архаике в третьем периоде – в паре *перед* и *пред* доля второго слова составляет 10%-2%-63%, в паре *через* и *чрез* такие цифры – 6%-6%-29%; странным кажется и рост относительной частоты у слов: *сей* 24 – 17 – 47, *столь* 0 – 2 – 20 и у междометия *о!* 31 – 31 – 82).

Иногда наблюдается рост целой семантической группы. Показательна в этом отношении группа слов обозначения степени (*весьма, вполне, высший, гораздо, даже, до того, что, едва, именно, крайне, несколько, особенно, очень, по крайней мере, почти, слишком, совершенно, совсем, в высшей степени, только, ужасно, чуть (ли) не, чрезвычайно, чрезвычайный*). Их совокупная относительная частота увеличилась в полтора раза (1344 – 1837 – 2066).

Может меняться и полнота разработки каких-то фрагментов текста. С течением времени все реже появляются слова общей положительной оценки (*добрый, хороший, хорошо* 204 – 148 – 100). Ко второму периоду резко сокращается частота слов, описывающих портрет персонажа: *глаза, голова, губы, рот, зубы, щеки, грудь, темный, черный* (общая частота 533 – 299 – 297).

Особенно динамично протекает конкуренция в группах слов, характерных для ремарок – слов говорения (и шире – производства звуков), слов-обозначений эмоций. Вот некоторые группы с их относительными частотами по трем периодам: *говорить, сказать, закричать, крик, вскрикнуть, шептать* 922-788-695; *вскричать, кричать, обращаться* 47 – 150 – 103; *вопрос, проговорить, крикнуть, обратиться, воскликнуть, произнести, пробормотать, сообщить, высказать, заявить, прокричать, восклицать, завопить* 106 – 167 – 362; *сердце, чувство, чувствовать, впечатление, волнение* 419 – 222 – 195; *восторг, счастливый, счастье* 127 – 84 – 58; *довольный, наслаждение, рад* 55 – 76 – 49; *слезы, плакать, тоска, дрожать, бледный, страх, ужас, горе, задрожать, тяжело, отчаяние, грустно, злой, досада, замирать, рыдание* 554 – 299 – 228; *покраснеть, краснеть, стыд, смущение* 88 – 29 – 40; *страдание, ненавидеть, гнев, злобно* 16 – 38 – 46.

Складывается впечатление, что этот участок лексики, сформировавшись в первый период, затем частично обновлялся при стабильности слов говорения (1075 – 1105 – 1160) и общем сокращении совокупной частоты группы эмоций (1259 – 748 – 616).

Заметим, что основная лексическая граница проходит между первым и вторым периодами. На стыке же второго и третьего периода заметна лишь та семантическая группа, которая связана с переходом к «идейным» романам: *мысль, верить, ум, ибо, идея, великий, Россия, веровать, убеждение, вера, человечество* (166 – 214 – 404).

Представление результатов в виде относительных частот имеет одно ограничение – оно бессмысленно в приложении к редким явлениям. В связи с этим в Словарь вводится еще и специальная мера оценки статистической значимости реальных частот:

$$S=(f - m - 1)/\sqrt{m}$$

где f – наблюдаемая частота данного события,

m – математическое ожидание этого события, подсчитанное на основе какой-то нулевой гипотезы.

Эта величина найдет в словаре самое широкое применение. Важно, что при этом в круг анализа вовлекаются также пускай и редкие, но значимые события, иногда даже двукратное появление слова или словосочетания. Предположим, нам надо оценить статистическую значимость слова *деньги* в макрожанре «письма». Частота слова *деньги* в текстах Достоевского равна 2097, в письмах оно встретилось 822 раза. Предположим, что

слово *деньги* не зависит от специфики макрожанра, тогда, зная долю писем во всем корпусе (0,1833), мы можем подсчитать математическое ожидание появления этого слова в письмах: $2097 \times 0,1833 = 384$, подставляя 822 и 384 в нашу формулу, получаем $S=22$ (величину исключительно высокую), отсюда вывод – слово *деньги* очень характерно для писем Достоевского. Будем называть такие единицы лексическими маркерами подкорпусов (макрожанров, микрожанров, периодов творчества, отдельных текстов, отдельных персонажей и т.п.). Соответствующие списки целиком войдут в Словарь. Пример лексических маркеров микрожанров дается в таб. 9 (в таблицу не вошли имена людей).

Таблица 9

Лексические маркеры макрожанров

Худож. литература		Публицистика		Письма	
S		S		S	
24	-с	10	-де	24	август
17	-то	11	Австрия	30	адрес
6	али	18	автор	11	адресовать
9	арестант	9	авторитет	17	ангел
9	ах	11	Азия	19	апрель
7	бабушка	11	англичанин	13	Барнаул
7	батюшка	18	Англия	13	Берлин
6	бежать	17	армия	9	беспокоить
8	бледный	13	бесспорно	11	беспокоиться
6	боже	11	болгарин	17	бесценный
9	броситься	21	большинство	18	благодарить
12	будто	13	будущий	20	Бог
24	был(-а,-и,-о)	14	бы	27	брат
8	быстро	12	быт	37	будет,-у,-ешь...
19	вдруг	21	в	12	будущий
10	весь	20	век	13	буквально
6	вечер	20	великий	12	в
6	взглянуть	17	вера	34	ваш
6	вздыхнуть	11	весь	11	Вевей
7	вздрыгнуть	14	власть	14	вексель
9	видеть	16	вовсе	9	Висбаден
9	войти	10	военный	10	возможность
7	волнение	34	война	16	воскресение/ье
6	ворота	13	войско	9	время
7	воскликнуть	21	вопрос	15	вторник
7	вскрикнуть	12	восток	12	вчера
13	вскричать	22	восточный	12	вы
9	встать	10	всякий	13	выдать
6	вчерашний	10	вывод	20	выехать
6	выпить	20	высший	32	выслать
15	генерал	10	выше	17	высылать
6	генеральша	13	газета	9	высылка
17	глаз	10	гений	19	г
10	глядеть	21	Германия	10	главное
6	гм	13	германский	14	глубокоуважаемый

Формула оценки статистической значимости может быть использована для выявления текстуальных связей слов. Весь текст механическим образом членится на фрагменты равной длины (скажем, 40 слов), а затем подсчитывается число фрагментов, в которых одновременно встретились слово *x* и слово *y*. Если реальная частота совместной встречаемости статистически значима, делается вывод о текстуальной связи двух слов. Таким образом, в Словаре найдет отражение еще один лингвистический объект – текстуальные связи слов. В качестве примера рассмотрим текстуальные связи двух частых слов (табл.10 и 11).

Таблица 10

Текстуальные связи слова РУССКИЙ
РУССКИЙ (прилагательное)

Художественная литература (f=472)			Публицистика (f=1412)		
S	f		S	f	
6	2	апофеоза	5	11	бессознательный
7	6	буква	10	15	«День»
6	6	бывать	8	89	дух
6	18	вообще	6	41	еврей
6	5	глупее	8	44	европеец
7	16	граница	4	67	европейский
6	8	дворянин	6	64	женщина
6	8	Европа	4	129	жизнь
17	14	европейский	7	71	земля
10	5	завет	7	32	интеллигентный
6	2	заморский	6	43	исторический
7	7	изящный	4	44	история
10	7	иностранец	11	104	литература
14	5	культурный	4	141	люди
13	9	либерал	5	6	местожительство
19	10	либерализм	21	447	народ
11	12	литература	12	47	народность
11	7	национальный	7	100	народный
11	84	наш	11	466	наш
7	12	немец	5	10	патриотизм
12	9	перевод	5	24	Петр
7	3	писатель	6	8	подняться
8	8	по-русски	5	65	понять
14	10	пословица	6	21	православный
6	8	поэт	5	8	пророческий
8	4	православный	7	19	простолюдин
6	3	просвещенный	6	73	Пушкин
14	27	Россия	4	138	Россия
10	13	русский (сущ.)	8	114	русский (сущ.)
6	3	Русь	4	27	семейство
6	3	светлость	5	16	слой
6	4	слой	5	6	стремительность
8	9	современный	6	43	тип
14	14	тип	5	28	царь
10	4	тысячелетний	6	17	чутье
6	10	француз	6	22	элемент
7	11	французский	4	35	явление
8	16	язык	12	82	язык

Таблица 10 (продолжение)

РУССКИЙ (существительное)

Художественная литература (f=472)			Публицистика (f=1412)		
S	f		S	f	
4	3	Америка	5	12	англичанин
11	5	англичанин	4	5	атака
5	4	Астлей	4	7	болгарин
11	5	бывать	9	6	Греч
5	6	гораздо	4	6	дар
4	5	граница	11	28	еврей
8	5	Европа	7	62	Европа
11	3	европеец	15	35	европеец
3	2	жид	4	11	интеллигентный
3	2	забитый	7	5	коммунар
3	2	иностранец	5	7	край
3	3	лето	6	5	Крым
5	4	мистер	5	4	Лефорт
5	36	мы	5	3	Мериме
7	4	Наполеон	5	6	мусульманин
3	14	наш	6	223	мы
14	10	немец	5	3	нелиберальный
4	3	немецкий	8	23	немец
8	2	падкий	4	5	парадокс
4	4	петербургский	5	7	песня
5	3	поляк	4	9	племя
6	4	родиться	5	5	Польша
8	8	Россия	11	13	поляк
3	2	ругать	4	9	помогать
12	6	рулетка	4	5	приезжать
10	13	русский (прил.)	7	7	равный
8	3	славянофил	5	3	редут
3	4	способный	8	69	Россия
6	2	табльдот	8	114	русский (прил.)
3	2	Франция	8	9	серб
15	10	француз	4	6	Сербия
12	3	французик	9	34	славянин
6	2	цивилизированный	17	22	татарин
			7	23	турок
			7	4	удача
			4	5	цивилизированный
			5	22	язык

Таблица 10 подтверждает интуитивные представления читателей о Достоевском как философе русской идеи, однако во взаимодействии с таблицами лексических маркеров мы можем обнаружить важные детали. Так, среди лексических маркеров «Дневника писателя» за 1876 год мы обнаруживаем слова *бескорыстие* (S=4), *Сербия* (S=4), *славяне* (S=7), *Россия* (S=6). Характерные контексты:

...Убеждение в бескорыстии России если придет когда-нибудь, то разом обновит и изменит весь лик Европы.

...Тем не менее честность, бескорыстие, прямота и откровенность демократизма в большинстве русского общества не подвержены уже никакому сомнению.

...Не служила ли она [Россия], напротив, в продолжение всей петербургской своей истории всего чаще чужим интересам с бескорыстием, которое могло бы удивить Европу, если б та могла глядеть ясно, а не глядела бы, напротив, на нас всегда недоверчиво, подозрительно и ненавистно. Да бескорыстию в Европе и вообще никто и ни в чем не поверит, не только русскому бескорыстию, – поверят скорее плутовству или глупости. Но нам нечего бояться их приговоров: в этом самоотверженном бескорыстии России – вся ее сила, так сказать, вся ее личность и всё будущее русского назначения.

...политика чести и бескорыстия есть не только высшая, но, может быть, и самая выгодная политика для великой нации потому, что она великая.

...Да если б Россия не только объявила, а и доказала бы даже, *de facto*, свое бескорыстие, то это, может быть, еще пуще смутило бы Европу. Ну, что ж такое, что мы ничего не возьмем себе, «облагодетельствуем» и уйдем назад, ничем не попользовавшись, а только лишь доказав Европе наше бескорыстие.

В следующем году началась русско-турецкая война, и в «Дневнике писателя» за 1877 год среди лексических маркеров уже нет слов *бескорыстие* и *славянин*, но есть слова *Россия* (S=11), *турок* (S=13), *Турция* (S=6), *турецкий* (S=5), *болгарин* (S=6), *грек* (S=2), *Константинополь* (S=6), *народ* (S=4) и характерное *народец* (S=2), которое встретилось здесь 6 раз, а больше у Достоевского и не встречается. Этим словом обозначены балканские славяне. Снова обратимся к контекстам:

...Как может Россия участвовать во владении Константинополем на равных основаниях с славянами, если Россия им неравна во всех отношениях – и каждому народцу порознь и всем им вместе взятым? Великан Гулливер мог бы, если б захотел, уверять лилипутов, что он им во всех отношениях равен, но ведь это было бы очевидно нелепо. Зачем же напускать на себя нелепость до того, чтоб верить ей самому и насильно? Константинополь должен быть наш, завоеван нами, русскими, у турок и остаться нашим навеки.

...Федеративное же владение Константинополем разными народцами может даже умертвить Восточный вопрос, разрешения которого, напротив того, настоятельно надо желать, когда придут к тому сроки, так как он тесно связан с судьбою и с назначением самой России и разрешен может быть только ею. Не говорю уже о том, что все эти народцы лишь перессорятся между собою в Константинополе, за влияние в нем и за обладание им.

...Конечно, трудно устроить согласное и равное на правах владение Константинополем всех восточных народов и народцев, но ведь допускает же автор статьи [Данилевский], что Россия могла бы владеть Константинополем одна, пока, временно, так сказать, более охраняя его, чем смея владеть им, с тем, однако, чтоб после передать его на общее владение народцам (для чего? для чего передать?).

В «Дневнике писателя» на 1881 год на фоне побед русского оружия в Средней Азии Достоевский обращается к новым идеям – список лексических маркеров возглавляет слово *Азия*, есть здесь *азиаты*, *азиатский* и, парадоксальным образом, *цивилизаторский*. Писатель в обиде прощается с Европой:

...Они [в Европе] ни за что и никогда не поверят, что мы воистину можем участвовать вместе с ними и наравне с ними в дальнейших судьбах их цивилизации. Они признали нас чуждыми своей цивилизации, пришельцами, самозванцами. Они признают нас за воров, укравших у них их просвещение, в их платья перерядившихся. Турки, семиты им ближе по духу, чем мы, арийцы. Всему этому есть одна чрезвычайная причина: идею мы несем вовсе не ту, чем они, в человечество – вот причина!

...Но от окна в Европу отвернуться трудно, тут фатум. А между тем Азия – да ведь это и впрямь может быть наш исход в нашем будущем, – опять восклицаю это! И если бы совершилось у нас хоть отчасти усвоение этой идеи – о, какой бы корень был тогда оздоровлен! Азия, азиатская наша Россия, – ведь это тоже наш больной корень, который не то что освежить, а совсем воскресить и пересоздать надо!

...– В Европе мы были приживальщики и рабы, а в Азию явимся господами. В Европе мы были татарами, а в Азии и мы европейцы. Миссия, миссия наша цивилизаторская в Азии подкупит наш дух и увлечет нас туда, только бы началось движение.

...А главное – цивилизаторская миссия наша в Азии, с самых первых шагов (и это несомненно), поймется и усвоится нами. Она возвысит наш дух, она придаст нам достоинства и самосознания, – а этого сплошь у нас теперь нет или очень мало.

Если текстуальные связи слова *русский* часто вели нас к заветным идеям писателя, слово *глаза* (f=2392) с его 570 связями скажет нам больше о писательской технике.

Таблица 11

Текстуальные связи слова ГЛАЗ (S>5)

Художественная литература

S		S		S	
14	бледный	28	засверкать	7	посмотреть
8	блеск	7	засматривать	13	потупить
9	блеснуть	6	левый	12	пристально
8	блистать	7	лихорадочный	8	прищурить
7	брызнуть	20	лицо	6	проговорить
9	будто	7	личико	9	прямо
9	бывать	10	морщинка	6	раскрыть
9	вдруг	12	на	7	ресницы
13	взгляд	6	налитый	6	рост
9	взглянуть	7	него	9	рука
10	волосы	7	нее	31	сверкать
7	воспаленный	8	нежность	21	сверкнуть
9	впитаться	9	неподвижно	6	свет
6	вскинуть	7	обвести	9	секунда
24	выпучить	10	обводить	6	серый
7	выступить	8	огонь	8	сиять
13	вытаращить	7	он	9	скосить
15	глядеть	12	она	19	слеза
12	голубой	6	опускать	6	смигнуть
6	Голядкин	23	опустить	21	смотреть
6	гореть	9	отвести	6	смыкаться
6	градом	10	отводить	28	спускать
9	грудь	7	отворотиться	7	стоять
16	губа	6	открывать	6	темный
13	его	6	открытый	6	Тихон
18	ее	11	открыть	8	ужас
9	заблистать	7	отрывать	6	хлопать
6	заглядывать	6	платок	6	хлынуть
10	загореться	6	побледнеть	6	цвет
9	зажмурить	13	поднять	14	черный
12	закрывать	6	подымать	15	щеки
15	закрывать	6	покраснеть		

Таблица ведет исследователя к признанию, по крайней мере, пяти сфер использования слова *глаза* в художественной литературе.

Во-первых, глаза – орган зрения, а отсюда такие текстуальные связи, как *смотреть*, *посмотреть*, *глядеть*, *спускать*, *обводить*, *обвести*, *отводить*, *отвести*, *отрывать*, *впитаться* (а также с меньшей степенью значимости – *видеть*, *видать*, *всматриваться*, *глянуть*, *зоркий*, *искать*, *кругом*, *осмотреться*, *от*, *поглядеть*, *попадаться*, *проводить*, *разглядывать*, *рассматривать*, *сводить*, *скрыться*, *следить*, *толпа*, *увидеть*, *устремить*).

Подобные текстуальные связи нейтральны в отношении субъекта и объекта зрения, хотя чаще ассоциируются с субъектом, т.е. наблюдателем, говорящим (именно на субъекта указывают связи с *защемить, зеленеть, померещиться, помутиться, потемнеть, темнеть*).

Вторая сфера – портрет, где глаза – важный компонент всего изобразительного комплекса. Приметами этой сферы выступают такие связи: *морищинки, ресницы (большой, белки, близорукий, ввалиться, впалый, жадно, заплывший, навывкате, опухший, подслепый, очки, подбитый); цвет, голубой, серый, черный (карий, светло-карий, светло-серый, синий); волосы, темный (белокурый, брюнетка, включенный, густой, локон, проседь, седой, темно-русый); щека (румянец, румяный, красный, подбородок, рот, губки, зубы); лицо, личико (борода, бровь, нос, острый, горбатый, продолговатый, сплюснутый, набеленный, голова, лоб, шея, кадык, уши); бледный (белый, бледно-желтый, желтизна, пожелтелый, смуглый, темно-желтый); рука (плечо, ручки); рост (похудеть, одетый, стройный, сухощавый, худенький, худой)*. Сюда же относится и эстетическая оценка (*красота, прекрасный, прелестный, чудно, чудный*). Эта сфера целиком связана с объектом наблюдения, хотя теоретически мыслимо совпадение объекта и субъекта (например, в зеркале), ср. такой контекст в «Бедных людях»:

...Я так похудела в последнее время; щеки и глаза мои ввалились, я была бледна, как платок...

Главное отличие второй сферы – статичность, именно этим отличается она от третьей сферы, хотя некоторые элементы ее могут участвовать и в динамике (лицо, щеки, руки).

Семантика третьей сферы формулируется принципом: глаза – зеркало души, но не только души в ее статике, но и малейших движений души. Характерны такие связи: *взгляд, взглянуть (окинуть, уставиться); засверкать, сверкать, блеск, блеснуть, блистать, гореть, огонь, свет, сиять, заблестать, загореться (блестеть, искры, засветиться, засиять, затлеться, луч, лучистый, разгореться); воспаленный, лихорадочный; выпучить, вытаращить (выкатиться, вылупить)*. Семиотическую значимость в литературном тексте приобретают любые движения глаз: *потупить, опускать, подымать; неподвижно (медленно); прищурить, смигнуть, хлопать, зажмурить (блуждать, замигать, мигать, моргать, щурить)*.

Функционально здесь же оказываются мимика, жесты, любые неконтролируемые симптомы чувств: *побледнеть, покраснеть (краска, побагроветь, побелеть; кривиться, кривой, измениться); губы; дрожать, задрожать, вздрагивать, вздрогнуть, судорожный*.

Естественно, что в этой сфере оказываются как внешнее выражение мыслей и эмоций, так и сами эти мысли и эмоции. Ср. *нежность* (единственный пример положительной эмоции); *изумление; наивно, кроткий, стыдливо; лукаво, насмешка; бессилие, потеряться, смешаться; ужас; боль, мучительный, невыносимый; грозный, злобно, злоеущий, негодование, ненавистный; бесстыжий, нахальный*. Очень характерен для Достоевского некоторый семиотический мост между выражением и содержанием, который призван «реалистически» отразить некоторую неуверенность наблюдателя в своей интерпретации взглядов и мимики объекта наблюдения: *будто (видимо, казалось, словно, точно, выражение, как-то, какой-то, что-то)*.

В литературном тексте третья сфера почти целиком связана с описанием объекта наблюдения (лишь глаголы *потупить, подымать* и т.п. распространяются на субъекта наблюдения).

Четвертая сфера, крайне характерная для Достоевского, основана на тривиальном факте: глаза – источник слез. Свидетели этой сферы – текстуальные связи со словами *слеза,*

брызнуть, выступить, градом, хлынуть (влажный, заплаканный, катиться, омочить, накупать, плакать, платок, повлажнить, потечь, сквозь, слезинка, утирать). Пятая (менее важная) сфера связана со сном и просыпанием: *открытый, открыть, смыкаться (закрывать, закрытый, закрыть, проснуться, утирать)*. На долю этих пяти сфер приходится более 90% всех текстуальных связей слова *глаза*.

Привязанность второй и третьей сфер к наблюдаемому объекту поразительным образом может исчезать у Достоевского; в тех текстах, где повествование ведется от первого лица, претензия на реализм пропадает (вряд ли здесь сознательный прием, скорее – небрежность, издержки автоматизма писательского пера).

... я бледнела, краснела и сидела потупив глаза, боясь шевельнуться, дрожа всеми членами.

... – Нет, – отвечала я, посмотрев на нее ясными глазами.

... Он еще раз шагнул ко мне, но, взглянув на меня, увидел в глазах моих столько решимости, что остановился, как будто в раздумье.

(«Неточка Незванова»)

Я нагло обвел их всех осоловелыми глазами.

(«Записки из подполья»)

... Глаза мои налились кровью. На окраинах губ запекалась пена.

... Губы у меня побелели, и я стал дрожать.

(«Игрок»)

... – Я не знаю, что выражает мое лицо, но я никак не ожидал от мамы, что она расскажет вам про эти деньги, тогда как я так просил ее, – поглядел я на мать, засверкав глазами.

...Я смотрел, выпуча глаза.

... – Если я выражался как-нибудь дурно, – засверкал я глазами, –

...– Версиков не любил вас, оттого и не понял вас, – вскричал я, сверкая глазами.

... Я выпучил на нее глаза...

... Это – неправда! – вытаращил я глаза.

... И что ж, что я ее люблю, продолжал я вдохновенно и сверкая глазами...

(«Подросток»)

Материал Словаря основан на анализе корпуса текстов Достоевского и на сравнении частей этого корпуса. Лишь в одном случае мы выходим за рамки творчества писателя. В Отделе машинного фонда накоплены тексты других писателей третьей четверти XIX в., которые могут служить фоном для изучения Достоевского. Этот фон образован сочинениями Боборыкина, Гончарова, Крестовского, Лескова, Мельникова-Печерского, Писемского, Помяловского, Потехина, Салиаса, Салтыкова-Щедрина, Льва Толстого, Тургенева,

Чернышевского; общий объем этого фонда – 4922 тысяч словоупотреблений. Из корпуса Достоевского для сравнения привлечены художественные произведения второго и третьего периода. При этом можно обнаружить не только «положительные» лексические маркеры Достоевского, но и его «отрицательные» маркеры, т.е. слова, встречающиеся реже, чем в среднем в объединении двух корпусов. Некоторые результаты даны в таб. 12.

Таблица 12

Лексические маркеры прозы Достоевского в сравнении с прозой его современников

	Положительные маркеры			Отрицательные маркеры			
	Д	Весь корпус	S	Д	Весь корпус	S	
аксиома	14	18	3	актриса	9	152	-4
аллегория	26	40	4	аллея	26	246	-4
Америка	68	116	7	армия	14	527	-10
ангел	155	478	3	артель	13	203	-5
атеизм	28	36	6	ассигнация	12	210	-5
аффект	23	23	6	атмосфера	1	89	-4
ахиня	10	12	3	ахнуть	8	166	-4
ба	52	90	6	баба	148	1059	-7
бедный	540	1637	5	барин	168	1352	-9
безбожник	24	33	4	барский	23	287	-5
безмерно	26	51	3	бархатный	15	175	-4
безумие	45	106	3	барыня	140	869	-5
беспокойство	204	468	8	батюшка	288	1788	-5
беспорядок	82	195	4	белый	242	2105	-12
беспрерывно	140	159	15	беспременно	20	179	-6
бесчестный	53	88	6	беспрестанно	12	537	-10
бешенство	96	176	7	благородие	15	205	-4
благородный	384	827	12	блаженный	30	326	-5
благородство	120	168	11	блеск	34	318	-5
бокал	58	128	4	блестящий	52	475	-6
более	1303	4574	3	Бог	1055	5435	-8
болезненный	160	322	8	божий	175	1282	-7
болезнь	338	887	7	больно	135	884	-5
бояться	941	2730	9	большой	846	4786	-10
бред	207	282	15	братец	174	1111	-6
брезгливо	29	38	6	бровь	60	601	-7
броситься	563	1608	8	бумага	215	1253	-5
бы	8261	27305	15	былой	2	102	-5
ваш	2757	9028	10	вальс	7	96	-4
ввернуть	41	68	5	вдоль	16	285	-6
вдруг	3750	8741	27	ведать	35	374	-6
ведь	3518	8949	27	вернуться	47	1162	-14
верить	833	2228	11	весело	176	1247	-7
веровать	205	307	14	весна	44	383	-5
весьма	517	1600	5	ветер	62	570	-6
взгляд	923	3088	4	вздых	13	484	-9
вздор	323	841	8	взор	25	683	-11

Конечно, серьезное изучение лексики Достоевского – все еще дело будущего; появление данного словаря будет способствовать прогрессу в этой области.

Литература

Словарь – Словарь языка Пушкина. М., 1956-61.

Частотный... – Частотный словарь языка М.Ю. Лермонтова // Лермонтовская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1981. С. 717-774.

Шайкевич 1995 – А.Я. Шайкевич. Компоненты речевой характеристики персонажей (анализ индивидуальных статистических словарей) // Филологический сборник. М.: ИРЯ РАН, 1995. С. 393-401.

Шайкевич 1996 – А.Я. Шайкевич. Дифференциальные частотные словари и изучение языка Достоевского (на примере романа «Идиот») // Слово Достоевского. М.: ИРЯ РАН, 1996. С. 195-253.

Carroll – J.B. Carroll. Word frequency book. Boston, 1971.

Dictionnaire – Dictionnaire des fréquences. Paris, 1971.

Słownik – Słownik języka Adama Mickiewicza. Wrocław, 1962.

Spevack – Spevack M. A Complete and systematic concordance to the works of Shakespeare. Hildesheim, 1968-70.

МАТЕРИАЛЫ ПО АКЦЕНТУАЦИИ ГОВОРА

ДЕРЕВНИ ПУСТОША

(существительные мужского рода)

В работе рассматривается фрагмент акцентуации говора деревни *Пустоша́* Шатурского района Московской области (ударение существительных мужского рода, главным образом, непроизводных). Материал был частично собран в 1991 г. И. А. Букринской, О. Е. Кармаковой и автором и в таком виде вошел в Акцентологический словарь ([Дыбо, Замятина, Николаев 1993]); его краткая характеристика содержится в [Тер-Аванесова 1993]. Экспедиция 2000 г. позволила значительно дополнить и уточнить результаты предыдущей поездки. Сбор материала по акцентуации непроизводных существительных мужского рода осуществлялся по программе, составленной С. Л. Николаевым, а затем был дополнен формами, взятыми из текстов (сокращенный вариант программы опубликован в [Диалектные различия: 162-166]).

Данные говора Пустошей рассматриваются на фоне праславянского акцентного распределения, поскольку акцентные типы говора являются непосредственным продолжением праславянских акцентных парадигм. Реконструкция акцентных парадигм существительных мужского рода дается по следующим источникам: [Дыбо 1981], [Дыбо, Замятина, Николаев 1990; Дыбо, Замятина, Николаев 1993]. В реконструкции типов именных основ мы следуем за следующими источниками: [Бернштейн 1974; Вайян 1957; Дыбо, Замятина, Николаев 1993; Фасмер; ЭССЯ].

В говоре Пустошей имеется противопоставление двух фонем «типа *о*», распределенных по правилу, установленному Л. Л. Васильевым и А. А. Шахматовым ([Васильев 1929; Шахматов 1914]). Это правило А. А. Зализняк называет «великорусским» принципом распределения двух фонем «типа *о*» [Зализняк 1985: 173-179]. Для говора Пустошей его можно сформулировать следующим образом: **о* под ударением в ортотонических словоформах (= под автономным ударением) отражается в фонеме /*ʊ*o/; **о* под ударением в формах-энклиноменах (= под автоматическим ударением), **ь*, а также **е*, **ь* в положении перед твердыми согласными отражаются в /*o*/; в первом предударном слого *о* из всех указанных праславянских гласных есть /*o*/. Впервые наличие в говоре Пустошей «семифонемного вокализма» отмечено Д. В. Бубрихом

* Александра Валерьевна Тер-Аванесова – кандидат филологических наук, научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН.

[Бубрих 1914], однако, он не приводит списков словоформ, содержащих *o*, ссылаясь на совпадение «лексического распределения» двух фонем «типа *o*» в говорах Пустошей, Леки [Шахматов 1914] и в тотемском говоре [Брок 1907]. Действительно, различия рефлексов **o* в этих говорах невелики, причем особенно близки говоры Пустошей и Леки (расстояние между этими деревнями – не более 50 км); объем настоящей работы, к сожалению, не позволяет проследить эти сходства и различия. Между тем ни О. Брок, ни А. А. Шахматов не рассматривают рефлексy **o* в корнях существительных мужского рода в связи с акцентными парадигмами последних.

Фонетическая реализация двух фонем «типа *o*» не является предметом настоящей работы; остановимся лишь на наиболее характерных звукотипах. Фонема /*ўo*/ представлена восходящими дифтонгами типа [*ўo*] с варьирующей длительностью *u*-образного элемента, причем одновременно с понижением подъема к концу звучания происходит также продвижение гласного в средний ряд и даже утрата огубленности, так что «дифтонг» нередко оканчивается звуком типа «шва»: [*ўoʷ*]. Фонема /*o*/ представлена монофтонгом среднего подъема [o] или нисходящим дифтонгом [oʷ]; характер распределения аллофонов /*o*/ неясен. После [ж], [ш], [ч], [р] и, кажется, [л] реализации фонем «типа *o*» имеют средне-заднее и даже среднее образование (дифтонги - начальную фазу среднего или средне-заднего ряда); то же имеет место перед [л] (*бой, жўоны, хўрошўo, лўовит, рот, Чорусти*). Ниже примеры приводятся в фонематической записи.

«Великорусский» принцип распределения двух фонем «типа *o*» в говоре Пустошей «работает» на большей части материала. Отклонения от него имеются в корнях производных слов (полных прилагательных, диминутивах на *-ик*, презенсе *і*-глаголов и некоторых других), в аффиксах и прежде всего – во флексиях. Так, вследствие выравнивания мягкой разновидности склонения по твердой /*ўo*/ появляется в позиции после исконно мягких согласных во флексии *instr. sg. a*-склонения (*землїўой, душўой*), а в *gen. pl.* существительных мужского рода флексия *-{ўоф}* представлена после всех согласных, кроме *j*; после *j* варьируют флексии *-{ўоф}* и *-{оф}* (*котўоф, крїажўоф, мол'цўоф, мужїўоф / мужїоф*). Поздними акцентными перестройками объясняются примеры с /*ўo*/ в корнях непроизводных слов после шипящих (*nom. pl. жўоны, пчўолы, чўолы* 'чело, передняя стена русской печи над устьем') и на месте **ь* после сонантов (*nom. pl. снўохи*); имеются также *nom. sg. крўот* (из **кгъть*), *ижжўом*. Односложные **a*-основы с подвижным ударением обычно выравнивают фонемный состав корня (*nom. sg. роса, асс. sg. росу, nom. pl. росы, gen. pl. рос*; *nom. sg. коза, асс. sg. козу, nom. pl. козы, gen. pl. кос*); исконный фонемный состав имеют словоформы более частотных слов: *nom. sg. нога, асс. ногу, nom. pl. ноги, gen. нўок*. В заимствованиях, в том числе именах собственных, обычно находим /*o*/:

афтобус, тонна, Сочи, икона, Апостъл, Зоик, Толик, олик, но: *Йегуор*. Отклонения от основного принципа распределения двух *о* помещают говор Пустошей вместе с говором Леки в «переходную» (между северной и южной) группу диалектов, различающих два *о* [Зализняк 1985: 174-175].

Говору Пустошей свойственны черты, присущие и другим русским говорам с семифонемным вокализмом: наличие под ударением двух фонем-дифтонгов /*ўо*/ и /*ие*/, противопоставленных монофтонгам среднего подъема /*о*/ и /*е*/; наличие дифтонгов *иа, юо, цу* и редкого «трифтонга» *цўо* (как правило, только в ударенном и, за исключением *цўо*, в первом предударном слоге: *пцат', нцух, сцоло, цўотка; пцатак, сцоло, цубоф*); твердость согласных перед гласными переднего ряда (в том числе и перед дифтонгами с начальной фазой *ц*); смягчение задненебных после мягких согласных (*стайк'а*). В говоре Пустошей мягкие согласные представлены, таким образом, только на конце слов (*огон'*), перед согласными (*свад'ба, огон'к'ца*) и перед безударными непременными гласными не первого предударного слога (*олен'а, олен'у, олен'ьм*).

В говоре Пустошей имеется фонологическое противопоставление /*ы*:/и/, поскольку перед [и] согласные не смягчаются: [сын]-[синь], [гуси]-[осы]. В аффиксах (принимая во внимание противопоставление твердых и мягких основ в говоре) фонемы /*ы*/ и /и/ объединяются в одну морфему {и}. Учитывая морфемные границы, дифтонги *иа, юо, цу, цўо* следует рассматривать как бифонемные сочетания: ген. *угла - углца - вала - вопл'а*, дат. *углу - углцу - валу - вопл'у*, instr. *углом - углцом - валъм - вопл'ьм*, instr. *пилўой - землцўой - вўол'ьй*. Таким образом, вокализм Пустошей правильнее считать «восьмифонемным».

Говор Пустошей имеет много общих черт с владимирско-поволжскими говорами. Здесь следует прежде всего назвать характерную ритмику слова, интонацию, тип безударного вокализма. В Пустошах имеется неполное оканье, произношение в первом предударном слоге *о* перед твердыми согласными на месте **ѣ* (ном. рл. *цюса*) и *а* после мягких перед твердыми согласными (*пцатак*). Говор имеет некоторые черты, общие с восточными среднерусскими говорами: следы твердого цоканья, пассивно сохраняющегося только у старшего поколения (Д. В. Бубрих пишет о последовательном цоканье только у женщин и детей); окончание юс. рл. -{ф} (*ццеф дьревцанныф домаф*), объединяющее ряд восточных среднерусских говоров с обширным белозерско-бежецким ареалом [Образование: 338, карта 916].

Акцентная система говора Пустошей представляет большой интерес как хорошо сохранившая особенности «восточнорусского» (и шире - «восточного» в рамках Славии) типа акцентуации, представленного также в русском литературном языке (о системах

«восточнорусской» акцентуации существительных мужского рода см. [Дыбо, Замятина, Николаев 1993: 140-142], о «восточной» группе славянских диалектов по акцентологическим данным см. [Дыбо, Замятина, Николаев 1990: 156-159]). Здесь, в частности, сохраняется система праславянской трактовки форм-энклиноменов, своеобразное развитие праславянской а. п. *d* у существительных мужского рода, в том числе – сохранение рефлексов форм-энклиноменов в пот.-асс. sg. и окситонезы остальных форм парадигмы у некоторых слов, архаический «рисунок» акцентных кривых. Ценность материала Пустошей тем более велика, что ударенные рефлексы **o* в этом говоре в явном виде показывают акцентную «валентность» словоформ (= позволяют различать старые «восходящую» и «нисходящую» интонации).

Соотношение акцентных типов имени существительного в говоре Пустошей с праславянскими акцентными парадигмами представляется следующим образом.

Акцентная парадигма *a* сохраняется в большинстве случаев без изменений, отражаясь в акцентном типе А с неподвижным накоренным (наосновным) ударением. Лишь отдельные **o*-основы с корневыми **a* и **ě* приобретают в говоре Пустошей окситонезу во мн. числе и окончание пот.-асс. pl. *-{a}*, несравненно реже *-{i}* (pl. *глаза, йьстреба, йьшчура, крайа, лаза, вцотра, бьраны*); так же ряд консонантных и **i*-основ праславянской а. п. *a* перераспределяются в говоре Пустошей между а. т. С и D1. Напротив, некоторые слова мужского рода а. п. *b* и *d* переходят в а. т. А. Словоформы, относящиеся к а. т. А, ведут себя как ортотонические: их основы содержат /*yo*/ из **o* и у них отсутствует перенос ударения на предлоги.

Акцентная парадигма *b* также сохраняется практически без изменений, отражаясь в акцентном типе В с неподвижным ударением на окончании (лишь несколько слов праславянской а. п. *b* приобретают в говоре Пустошей баритонезу в ед. числе, т. е. переходят в подвижный акцентный тип С). Колонная окситонеза сохраняется даже у *кўон'* (pl. *кони, коней*). На ортотонический характер словоформ, относящихся к а. т. В, указывает /*yo*/ из **o* под ударением; однако изредка у слов этого акцентного типа встречается перенос ударения на предлог (по всей вероятности, под влиянием слов акцентного типа D, восходящего к праславянской а. п. *d*).

Рефлексы праславянских а. п. *c* и *d* у существительных мужского рода в говоре Пустошей зависят от старого типа основы, а у **u*-основ - от количества корневого гласного.

Праславянская а. п. *c* имеет в говоре Пустошей следующие рефлексy: **o*-основы и краткостные **u*-основы а. п. *c* относятся к а. т. С (баритонированные формы ед. числа и пот.-асс. pl., прочие формы мн. числа – окситонированные) или D3 (баритонированные формы ед. числа, окситонированные – мн. числа, окончание пот.-асс. pl. *-{a}*). Последний возникает на русской почве из а. т. С в результате замещения окончания пот. pl. *-{и}* ударенным *-{a}*; в говоре Пустошей а. т. D3 у **o*- и краткостных **u*-основ праславянской а. п. *c* фактически вытесняет а. т. С. Баритонированные формы слов а. т. С и D3 имеют рефлексy форм-энклиноменов: в них под ударением представлена фонема /*o*/ из **o* и отчасти сохраняется перенос ударения на предлоги.

Все консонантные и **i*-основы а. п. *c* относятся к а. т. С. Исключение составляют долготные **u*-основы праславянской а. п. *c*, которые совпали в акцентном отношении с долготными **u*-основами а. п. *d* и имеют рефлекс праславянской а. п. *d*.

Говор Пустошей сохраняет следы праславянской акцентной кривой **u*-основ а. п. *c*: слово *дом* (наиболее употребительное среди краткостных **u*-основ а. п. *c*) имеет в архаической разновидности говора окситонированную форму gen. sg., правда, лишь в сочетании с предлогами *у*, *от* и *до*. У одной из информанток такая же акцентная кривая имеется у **u*-основы *след*.

Рефлексы праславянской а. п. *d* («смешанной», для которой были характерны формы-энклиномены в ном.-асс. sg. и окситонеза остальных форм парадигмы, см. [Дыбо, Замятина, Николаев 1990: 129-154]), в говоре Пустошей отличаются наибольшим разнообразием. Часть **o*-, **i*- и консонантных основ а. п. *d* перешла в говоре Пустошей в а. п. *c*; это касается и **u*-основы **gols*-, что, по-видимому, объясняется полногласием в корне. Другая часть существительных мужского рода а. п. *d* (сюда относятся часть **o*-, **i*-, консонантных, практически все **u*-основы а. п. *d*), а также совпавшие с ними долготные **u*-основы а. п. *c* развивают специфические акцентные типы, восходящие в конечном счете к акцентной кривой парадигмы *d*.

Непосредственным продолжением а. п. *d* в говоре Пустошей являются акцентные типы D1, D2 и «смешанный». А. т. D1 в неизменном виде сохраняет праславянскую акцентную кривую *d* (рефлексы энклиноменов представлены в ном.-асс. sg., а у **i*-основ - также в ном.-асс. pl.: баритонеза этих форм сопровождается произношением /o/ на месте **o*; прочие формы парадигмы - окситонированные): ном. sg. *плот*, *гвост*’, gen. *плода*, *гвоздя*. К этому акцентному типу относятся краткостные **u*-основы а. п. *d*, краткостная **jo*-основа а. п. *b* (все они, за исключением слова *плод*, - зоонимы), консонантные и **i*-основы а. п. *d*.

У всех слов с корневым гласным, отличным от **o*, противопоставление акцентных типов В и D1 нейтрализовано. Как принадлежащие к а. т. D1 ниже рассматриваются лишь слова с двусложными корнями *угъл*, *угъл*’, *узъл* (gen. *угла*, *угля*, *узла*). Возможно, рефлекс а. п. *d* > а. т. D1 в говоре Пустошей имеет *u*-основа *гриех*, устанавливаемый на основании переноса ударения на предлог в форме асс. sg. (*на грих*). Однако в восточнорусских говорах и в литературном языке перенос ударения на предлоги свойствен и отдельным словам а. п. *b* (это, впрочем, преимущественно слова с кратким корневым гласным).

Акцентный тип D2 (колонная баритонеза в формах ед. числа, колонная окситонеза в формах мн. числа при окончании ном.-асс. pl. -{и}); перенос ударения на предлоги не отмечен) включает в себя долготные и краткостные односложные **o*-основы праславянской а. п. *d*, долготные **u*-основы а. п. *d* и совпавшие с ними долготные **u*-основы а. п. *c*.

Несколько **и*- и **о*-основ а. п. *d* с долгим корневым гласным переходят в а. т. В (*лист, цеп, серп, струк*), другие сохраняют отдельные окситонированные формы ед. числа, образуя «смешанный» акцентный тип (*горб, рог, след, низ, нос, верх* и др.). Баритонированные формы парадигмы при наличии в слове корневого **о* показывают рефлексы форм-энклиноменов.

Таким образом, в говоре Пустошей акцентуация существительных мужского рода с **о*-, **и*-, **і*-основами и основами на согласный предстает в следующем виде:

Акцентный тип А

	* <i>о</i> -(<i>и</i> -)основы	* <i>і</i> -основы
Sg.		
nom.	<i>морёос</i>	<i>олен'</i>
gen.	<i>морёоза</i>	<i>олен'а</i>
dat.	<i>морёозу</i>	<i>олен'у</i>
acc.	<i>морёос</i>	<i>олен'а</i>
instr.	<i>морёозьм</i>	<i>олен'ьм</i>
loc.	<i>морёози</i>	<i>олени</i>
Pl.		
nom.	<i>морёозы</i>	<i>олени</i>
gen.	<i>морёозьф</i>	<i>олений/олен'ьф</i>
dat.	<i>морёозьм</i>	<i>олен'ьм</i>
acc.	<i>морёозы</i>	<i>олен'ьф</i>
instr.	<i>морёозьми</i>	<i>олен'ьми</i>
loc.	<i>морёозьф</i>	<i>олен'ьф</i>

Акцентный тип В

	* <i>о</i> -(<i>и</i> -)основы	* <i>і</i> -основы
Sg.		
nom.	<i>стёол</i>	<i>огон'</i>
gen.	<i>стола</i>	<i>огнца</i>
dat.	<i>столу</i>	<i>огнцу</i>
acc.	<i>стёол</i>	<i>огон'</i>
instr.	<i>столом</i>	<i>огнцом</i>
loc.	<i>столце</i>	<i>огнце</i>
Pl.		
nom.	<i>столы</i>	<i>огни</i>
gen.	<i>столуоф</i>	<i>огней/огнцуоф</i>
dat.	<i>столам</i>	<i>огнцам</i>
acc.	<i>столы</i>	<i>огни</i>
instr.	<i>столами</i>	<i>огнцами</i>
loc.	<i>столаф</i>	<i>огнцаф</i>

Акцентный тип С

		*о-основы	*и-основы	*і-основы
Sg.	nom.	<i>вор</i>	<i>рот</i>	<i>гост'</i>
	gen.	<i>вора</i>	<i>рода</i>	<i>гост'а</i>
	dat.	<i>вору</i>	<i>роду</i>	<i>гост'у</i>
	acc.	<i>вора</i>	<i>рот</i>	<i>гост'а</i>
	instr.	<i>ворѣм</i>	<i>родѣм</i>	<i>гост'ѣм</i>
	loc.	<i>вору</i>	<i>роду</i>	<i>гости</i>
Pl.	nom.	<i>воры</i>	<i>роды</i>	<i>гости</i>
	gen.	<i>ворѣоф</i>	<i>родѣоф</i>	<i>гостей</i>
	dat.	<i>ворам</i>	<i>родам</i>	<i>гостѣам</i>
	acc.	<i>ворѣоф</i>	<i>роды</i>	<i>гостей</i>
	instr.	<i>ворами</i>	<i>родами</i>	<i>гостѣами</i>
	loc.	<i>вораф</i>	<i>родаф</i>	<i>гостѣаф</i>

Акцентный тип D1

		*о-основы	*и-основы	*і-основы
Sg.	nom.	<i>угъл</i>	<i>плот</i>	<i>гвост'</i>
	gen.	<i>угла</i>	<i>плода</i>	<i>гвоздѣа</i>
	dat.	<i>углу</i>	<i>плоду</i>	<i>гвоздѣу</i>
	acc.	<i>угъл</i>	<i>плот</i>	<i>гвост'</i>
	instr.	<i>углом</i>	<i>плодом</i>	<i>гвоздѣом</i>
	loc.	<i>углу/узлѣ</i>	<i>плодѣ</i>	<i>гвоздѣѣ</i>
Pl.	nom.	<i>углы</i>	<i>плоды</i>	<i>гвозди</i>
	gen.	<i>углѣоф</i>	<i>плодѣоф</i>	<i>гвоздей</i>
	dat.	<i>углам</i>	<i>плодам</i>	<i>гвоздѣам</i>
	acc.	<i>углы</i>	<i>плоды</i>	<i>гвозди</i>
	instr.	<i>углами</i>	<i>плодами</i>	<i>гвоздѣами</i>
	loc.	<i>углаф</i>	<i>плодаф</i>	<i>гвоздѣаф</i>

А.т. D2 (nom. pl. -ы)

		*о-основы	*и-основы
Sg.	nom.	<i>гроп</i>	<i>дар</i>
	gen.	<i>гроба</i>	<i>дара</i>
	dat.	<i>гробу</i>	<i>дару</i>
	acc.	<i>гроп</i>	<i>дар</i>
	instr.	<i>гробѣм</i>	<i>дарѣм</i>
	loc.	<i>гробу</i>	<i>пиру</i>
Pl.	nom.	<i>гробы</i>	<i>дары</i>
	gen.	<i>гробѣоф</i>	<i>дарѣоф</i>
	dat.	<i>гробам</i>	<i>дарам</i>
	acc.	<i>гробы</i>	<i>дары</i>
	instr.	<i>гробами</i>	<i>дарами</i>
	loc.	<i>гробаф</i>	<i>дараф</i>

А.т. D3 (nom. pl. -а)

		*о-основы	*и-основы
Sg.	nom.	<i>вос</i>	<i>дом</i>
	gen.	<i>воза</i>	<i>дома/дома</i>
	dat.	<i>возу</i>	<i>дому</i>
	acc.	<i>вос</i>	<i>дом</i>
	instr.	<i>возѣм</i>	<i>домѣм</i>
	loc.	<i>возу/горѣди</i>	<i>доми/дому</i>
Pl.	nom.	<i>воза</i>	<i>дома</i>
	gen.	<i>возѣоф</i>	<i>домѣоф</i>
	dat.	<i>возам</i>	<i>домам</i>
	acc.	<i>воза</i>	<i>дома</i>
	instr.	<i>возами</i>	<i>домами</i>
	loc.	<i>возаф</i>	<i>домаф</i>

Падежные парадигмы существительных мужского рода представлены ниже в таблице, показывающей их акцентные типы. В таблицу не включены «партиитивный», «отложительный» падежи и «счетная форма». Данными о наличии в говоре «предложного» падежа, отличного от местного, мы не располагаем (не зафиксированы конструкции с предлогом *о*: обычно употребляется конструкция с *про* (*рѣскажы про маму*), а конструкции с предлогом *при* крайне редки). В контекстах, типичных для счетной формы

(сочетания с числительными 2-4), зафиксированы словоформы, не отличающиеся от gen. sg. Исключение составляют *пш. два часа* при gen. sg. *ни часа*, *пш. два слюда* при gen. *нцету слюду*. Имеется 3 группы случаев, которые можно описать как «отложительный» падеж в говоре Пустошей. 1. Существительные **а*-склонения с безударными окончаниями в конструкциях с предлогами *у, от, из, с, до* в ед. числе имеют окончания, совпадающие с окончаниями dat. sg.: *у баби, от Шури, до школи*; несравненно реже в указанных конструкциях выступает флексия gen. sg. *до школы*. 2. Существительные **о*- (**јо*-) и **и*-склонения, имеющие безударные окончания в ед. числе, с теми же предлогами, предлогом *без* и отрицанием *нет(у)* могут иметь окончания, совпадающие с окончаниями dat. sg.: *з боку, без лазу, от крайу, до полу, нцет мосту*. В тех же контекстах возможны и словоформы gen. sg. Ниже все эти случаи имеют помету «gen.». 3. Особое окончание, не совпадающее ни с dat. sg., ни с gen. sg. представлено у слова *дом* с предлогами *у, от, до*: *нцету дома, ззади дома - у дома, од дома, дь дома*. Это, скорее всего, объясняется сохранением в говоре старого акцентного контура gen. sg. **и*-основ а. п. *с* (см. ниже). «Партитивный» падеж выражается в говоре непоследовательно: у слов с известной семантикой и любой акцентуацией он представлен окончанием *-у*: *йьчменцу, сору* (возможно также *йьчменца, сора*).

Падежно-числовые показатели у слов мужского рода в говоре Пустошей (как и в литературном языке) фактически сводятся к единому для всех типов основ (старых и современных) набору окончаний. Исключение составляют окончания loc. sg., ном.(-асс.) pl. и gen. pl., причем распределение показателей этих падежей определяется акцентуацией и старым типом основы. Распределение показателей loc. sg. *-{у}* и *-{це}* в говоре Пустошей таково, что только *{це}* представлен у **і*-основ с любым ударением и у слов а. т. А и В, а у **о*- и **и*-основ а. т. С - D *-{у}* и *-{це}*, распределены в зависимости от морфонологической структуры основы. Окончание *-{и}* ном. pl. характерно для основ всех акцентных типов с любым исходом, а окончание *-{а}* - для синхронно твердых **о*-основ подвижных акцентных типов (редко оно встречается также у **јо*- и **и*-основ, единично - у **о*-основ а. т. В), а также для основ мн. числа с элементом *ј* различного происхождения.

**і*-основы и основы на согласный в а. т. С - D никогда не имеют баритонированных форм ном.-асс. pl. с окончанием *-{и}*. Некоторые из них в преобразованном виде сохраняют старую флексию ном. pl. **і*-склонения (*звер'яа*, gen. pl. *зверей*), распространяющуюся на названия животных с основами других типов (ном. pl. *вьрон'яа*, gen. *вьроней*, ном. pl. *баран'яа*) (правда, имеются формы pl. *къробяа, лучја*, gen. *къробей, лучей* не у зоонимов). Несомненно, под влиянием этих форм слова *воробей, соловей, муравей* имеют окончания ном. pl. *-{и}* и нулевое в gen. pl.: ном. *сьловји, мьравји*, gen. *сорок съловей, вьробей*. Консонантные и *і*-основы а. т. С-D никогда не присоединяют окончания gen. pl. *-{ѳф}/-{оф}*, в отличие от таких же основ а. т. А и В (последние часто в качестве вариантного имеют окончание *-{ѳф}*) и от **о*-основ, формы множественного числа которых восходят к собирательным существительным (*кўол'яа, кўол'йѳф, мужяа, мужйѳф*).

Таким образом, унификация падежных показателей у существительных мужского рода с разными типами основ («старых» и «новых») наиболее последовательно проведена у слов неподвижных акцентных типов А и В, тогда как слова подвижных акцентных типов С - D в небольшой мере, но все же сохраняют различие старых типов основ.

Ниже приводится распределение материала по акцентным типам.

1. **Акцентный тип А.** Рефлексом **o* под ударением в словах, относящихся к а. т. А, является /*ǫo*/, что указывает на ортотонический характер словоформ.

Непроизводные **o*- (и **u*-) основы. Сюда относятся слова праславянской а. п. а (**baranь*, **děďь*, **gadь*, **gorxь*, **morzь*, **orěxь*, **placь*, **porgь*, **vьpukь*), а также ряд слов а. п. d (**sluxь*, **slyxь*, **straxь*, **svekgь*, **změjь*) и а. п. b (*vixijь*):

боран, gen. *борана* (но пом. pl. *боран'я* / *бъраны* 'баран' (животное); *горǫох*, gen. *горǫоха*; *морǫос*, gen. *морǫоза*; *порǫок*, gen. *порǫога*; *дцет*, gen. *дцеда*, pl. *дцеды*, gen. *дцедаф*; *гат*, gen. *гада*, pl. *гады* 'кто дьсадит' (ругательство по адресу любого живого существа), 'змея'; *орцех*, gen. *орцеха*, pl. *орцехи*, gen. *-хьф*; *плач*, gen. *плача* 'плач' (в том числе плач невесты, плач по покойнику); *слух*, gen. *слуха* 'способность слышать; музыкальный слух', pl. *слухи* 'молва'; gen. *никакǫова слыху* 'сведение, известие'; *страх*, gen. *страха*, pl. *страхи*, instr. *страхьми*; *свцокър*, gen. *свцокъра*, pl. *свцокъры*, instr. *-ами*; *вихер'*, gen. *вихрца*, pl. *вихри*, instr. *вихр'ьми* 'вихрь'; *внук*, gen. *внука*, dat. *внукам*; *змцей*, instr. *змцейам*, pl. *змцеи*, gen. *змцей* (ругательство).

**i*-основы и основы на согласный. Зафиксированы следующие слова м. рода а. т. А (праслав. а. п. а): *медвцет'*, pl. *медвцеди*, асс. *медвцедей*; *олен'*, асс. *олен'а*, pl. *олени*, gen. *олен'ьф*.

Открытое /*o*/ в *пором*, pl. *поромы* 'паром' объясняется неосвоенностью слова (*у нас ых нцету*, *поромы на рцокаф*, *на морцаф*). /*o*/ в *стон*, gen. *стона*, instr. *стоньм*, pl. *стоны*, gen. *стоньф* (праслав. а. п. с) объясняется переходом слов типа *крик*, *воплъ*, *стон*, *говор* в неподвижный акцентный тип с ударением на основе при сохранении исконного фонемного состава корня.

Ниже приводятся некоторые производные, относящиеся к акцентному типу А; рефлексом **o* под ударением является /*yo*/:

березвик, *березьвик* 'гриб подберезовик'; *звьробǫой*; *гьнобǫол*, instr. *зь гьнобǫольм* 'голубика'; *убǫору нцет* 'украшение, убранство'; *забǫор*, dat. *пь забǫору-ту*; *згǫон* 'выгон скота'; *прогǫон* 'переулок, проход между домами'; *загǫон*; *почадьк* 'початок кукурузы'; *чынǫовник*; *пьддорǫожник*; *гладьш*, gen. *гладьша* 'белый груздь'; *загорбьк* 'загривок'; *вьдойом*; *колǫодис'*, gen. *колǫоцца* (с чередованием суффиксов: *-*kz'* - в основе пом.-асс. sg., *-*ьс-*, - в остальных формах парадигмы); *укǫолы*; асс. *нъ покǫон* (обычай коллективного приготовления кваса или пива на всю деревню в канун церковного праздника); *покǫос*; *налǫоги*; *на снǫос*; *ьппокǫойник* 'покойник'; *оприцядьш* 'льняное волокно вторичной обработки'; *нарǫот*; *срǫок*; *осот*, *осота*, loc. *в осоти*, 'прополис', *два осота*, pl. *осоты* 'кусочек прополиса'; *пьттǫопьк* 'печь для обогрева дома' (кладется отдельно от русской печи, но выводится в общий с ней дымоход); *потǫок*; *привал*; *овин*, pl. *овины* 'постройка для сушения

снопов'; *свѣот* (в русской печи); *завѣот*; *пчѣловѣот*; *повѣойник* 'женский головной убор'; *пѣворѣот*; *завѣор* 'калитка'; *навѣос*; *извѣортыш* 'льняное волокно первичной обработки'; *охѣотник*; *заиц*, gen. *зайца*, pl. -цы, gen. -цѣф; *подзѣор*; *пустозвѣон*; *ижжѣом* 'выжимки льняного семени' *ворѣобушѣк*; *горѣошѣк*, gen. *горѣошка*; *морѣозец*; *внучѣк*.

К акцентному типу А относятся диминутивы с суффиксом *-ик-* (записаны образования от существительных мужского рода с флексивным и подвижным ударением). Производные от слов акцентного типа В имеют под ударением /ѣо/ < *о: *нѣожык*, *клѣопик*; *пѣопик*; *стѣолик*; *кѣотик*; *хѣѣостик*; *столбик*; *мечик* 'мячик'. Единственным диминутивом от слова а. т. D1 (с окситонезой косвенных падежей ед. числа и рефлексом форм-энклиноменов в им. -вин. ед. и мн.) является ном. pl. *гвѣоз* 'дики (также /ѣо/ < *о). В корнях диминутивов от слов подвижных акцентных типов с баритонезой форм единственного числа рефлексом *о является фонема /о/: *мостик*, *носик*, *домик*, *годик*. Таким образом, за единственным исключением (*гвѣоздики*) рефлекс ударенного *о в корнях этого класса слов соответствуют рефлексам, которые представлены под ударением в производящих словах.

2. Акцентный тип В. Рефлексом *о под ударением является /ѣо/, что указывает на оротонический характер словоформ, относящихся к данному акцентному типу.

Сюда относятся, главным образом, слова праславянской а. п. *b*, а также несколько слов а. п. *d* (**сѣрь*, **стрѣкъ*, **сырь*) и а. п. *a* (**јѣзыкъ*). К этому же типу относятся церковнославянизмы *врак* 'враг', *врет* 'вред' (гласный *e*, обычный рефлекс **e*, в неполногласном сочетании соответствует норме русского церковнославянского), *рап* 'раб' и заимствование болт. Слово *пѣот* / *пот* 'под в русской печи' в говоре зафиксировано в двух вариантах: с рефлексами а. п. *b* и а. п. *d*. Два варианта (рефлексы а. п. *b* и а. п. *c*), как и в литературном языке, записаны у слова *творѣк* / *тварѣок*. Отклонение от а. т. В отмечено у слова *кѣон*' в ном. pl. (*кѣони* наряду с *кони*, свойственным архаической разновидности говора).

Непроизводные *о- и *јо-основы: *бѣоп*, gen., num. *боба*, pl. *бобы* (у одной информантки *бол*, видимо, - неосвоенное слово, так как она затруднилась образовать формы косвенных падежей); *двѣор*, gen. *двора*, pl. *дворы* 'помещение для скота' (в частном хозяйстве находится под одной крышей с жильем; так же называют колхозный скотный двор); *клѣоп*, gen. *клопа*, pl. *клопы*; *кѣол*, gen. *кола*, pl. *кѣол'яа*, gen. *кѣол'йѣф* 'палка, деревянный кол', pl. *колы*, gen. *колѣоф* 'отметка' (в том числе - отметка об отработанном трудовом); *кѣон*', gen. *конца*, pl. *кони* (в архаическом слое говора) / *кѣони*, gen. *коней*; *корѣол*', gen. *кѣрольца* 'кѣролик'; *кѣот*, gen. *кота*, pl. *коты*; *мѣол*' *вблетил*, gen. *мольца*, pl. *моли*, gen. *молицѣоф*; *нѣош*, gen. *ножа*, instr. *ножом*, pl. *ножы*, gen. *ножѣоф*; *пирѣок*, gen. *пирога*; *пѣот*, gen. *пода*, pl. *поды* 'под в русской печи' (см. ниже *пот*, *пода*); *пѣоп*, gen. *попа*, pl. *попы*; *пѣост*, gen. *поста*, pl. *посты*; *скѣот*, gen. *скота*; *снѣоп*, gen. *снопа*, instr. *снопом*, pl. *снопы*;

стўол, gen. *стола*, pl. *столы*; *ствўол*, gen. *ствола*, pl. *стволы*; *топўор*, gen. *тьпора*, pl. *тьпоры*; *тварўок*, gen. *твьрога* (/ *творьк*, part. *творьгу*); *хцўост*, gen. *хцоста*, pl. *хцосты* ‘хвост’, ‘голова’ (крупного рогатого скота) (*осталис’ при одном хцостце*); *хцўош’ч’*, gen. *хцошча*, instr. *за хвошч’ом* (слова с корневым *о).

багор, gen. *багра*, pl. -б; *бык*, gen. *быка*, pl. -*бык’и* ‘бык’, ‘самец парнокопытного’ (в одном из примеров - лось); *болт*, gen. *болта*, pl. *болты*; *цеп*, instr. *цьпом*, pl. *цьпы*, instr. *цепами* ‘цеп, орудие ручной молотьбы’; *чърцот*, dat. *пъ чърцоду пастухи ходили* ‘очередность, очередь’, instr. *съсцетка чърцодом от них* ‘порядок’ (домов вдоль улицы); *шмел’*, gen. *шмелца*, pl. -ли; *лешч*, gen. *лешча*, pl. *лешчы*, gen. *лешчей*; *дош*, gen. *дожджа*, pl. *дожджи*; *гуш*, gen. *гужа*; *грач*, gen. *грача*; *грип*, gen. *гриба*, pl. *грибы*; *још*, gen. *јожа*; *йязык*, gen. *йъзыка*; adv. *йодом јела* ‘поедом’; *јорш*, gen. *йорша*; *клок*, gen. *клока*, pl. *клоки*, gen. *клокўоф* ‘клок непряденной шерсти или льна, кудель’, ‘клок’ (шерсти, волос); *клицошш*, gen. *кlescча* ‘кlesc’; *клицуч*, gen. *клицуча*, pl. *клицучы*; *костцор*, gen. *коcтра*; *котцол*, gen. *котла*, pl. *котлы*; *крўот* / *крот*, gen. *крота*, pl. *кроты*; *крцост*, gen. *креста*, pl. *кресты* ‘крест’ (христианский символ), ‘укладка ржаных снопов’, а также дублетная форма *хрцост*, gen. *хрцоста* ‘укладка снопов ржи’ (ср. также *хрцосна матушка*); *куст*, gen. *куста*, pl. *кусты*; *кобцол*, gen. *кобла*, pl. *коблы*, instr. *коблами* (прозвище жителей Пустошей); *кулч*, gen. *кулча*, pl. *кулчы*, gen. *кулчўоф* ‘кучка земли, выброшенной кротом из норы’; *луч*, gen. *луча*, pl. *лучја*; *рап*, gen. *раба*, pl. *рабы*; *орцол*, gen. *орла*, pl. *орлы*, gen. *орлўоф*; *овцос*, gen. *офса*; *паук*, gen., num. *пўука*, pl. *пўуки*; *перцот*, gen. *пъреда*, instr. *пърцодом*; *пцест*, gen. *песта*, pl. *песты* / *песта*; *пласт*, gen. *пласта*, pl. -б; *пъросен’*, gen. *пъросн’а* ‘поросенок, кабан’, *прут*, gen. *пруда*, pl. *пруды*; *пыш*, gen. *пыжа*, pl. *пыжы*; *пен’*, gen. *с пнца*, pl. *пни*, gen. *пней*; *пцос*, gen. *пса*, pl. *псы*; *серцон*, dat. *пъ сърцону*, instr. *път сърцоном* ‘наст’; *сут*, gen. *суда*, pl. *суды*; *стрцук*, gen., num. *стрцука*, pl. *стрцуки* ‘стручок’ (гороха); *стриш*, gen. *стрижа*, pl. *стрижы* ‘пичушка’; *столш*, gen., num. *столба*, pl. *столбы*; *стбт*, gen. *стыда*; *свиш’*, gen. *свиш’ш’а*, pl. *свиш’ш’и* ‘свищ, нарыв’; *сон*, gen. *сна*, loc. *во снце*, pl. *сны*; *сыч*, gen. *сыча* ‘пичушка’; *серп*, gen. *серпа*, instr. *серпом*, pl. *серпы*; *шып*, gen. *шыпа*, pl. *шыпы* ‘шип растения’, ‘деревянный стержень для скрепления бревен в срубe’; *шоф*, gen. *шъва*, pl. *шъвы*; *трут*, gen. *труда*; *клицеф*, num., gen. *клицова*, pl. *клицовы*, loc. *ф клицоваф* ‘хлев’; *хлыст*, gen. *хлыста*, pl. *хлысты*, instr. *хлыстами* *вўозцут дрова* ‘ствол спиленного дерева без сучьев’; *хмел’*, gen. *хмелца*, instr. *хмелцом*; *хомут*, gen. *хъмута*, pl. *хъмуты*; *хрцак*, gen. *хрцака*, pl. *хрцаки* ‘невылекченъй пъросен’; *хрцаш’ш’*, gen. *хрцаш’ш’а*, pl. -*хрцаш’ш’и*; *холст*, gen. *холста*, pl. *холсты*; *ум*, gen. *ума*, instr. *умом*; *ус*, gen. *с уса*, instr. *пъд усом*, pl. *усы*; *уш*, gen. *ужа*, pl. *ужы*; *врет*, gen. *вреда*; *врак*, gen. *врага*, pl. *враги*; *журавл’*, gen. *журавлца*, pl. *журавли* ‘птица’.

*и-основы: *грцех*, асс. *на грих*, gen. *грцоха*, pl. *грехи*; *лист-ът*, gen. *листа*, pl. *листы*, *лис’т’йа*, gen. *листўоф*, *лис’т’йьф*.

**i*-основы и основы на согласный: *огон'*, gen. *огнца*, pl. *огни*, gen. *огней / огнцоф*; *ден'*, num. *два дн'а*, pl. *дни*, gen. *пцат' дцон/дней*; *йжчмен'*, gen. *йьчмен'а*, part. *йьчменцу*; *ремен'*, gen. *ремнца*, pl. *ремни*, gen. *ремней*; gen. sg. *как'овь рожнца надь*; *ступен'*, gen. *ступнца*, instr. *път ступнцом*, pl. *ступни* 'ступенька' (крыльца).

Производные основы: *ярец*, gen. *ярца* 'плохо вспаханная земля'; *кочан*, gen. *кочна*; *комар'*, gen. *к'марца*, pl. *к'марей*; *отец*, gen. *оцца*, pl. *оццы*, gen. *оцц'оф* (к форме вокатива этого слова восходит *очче*, к *оччу*, за *очч'ьм* 'неродной отец, отчим'); *пузыр'* 'плафон керосиновой лампы'; *Покроф*, gen. *П'крова* 'праздник Покрова Пресвятой Богородицы'; *п'тол'юк*, gen. *п'толка*; *стожар*, *два ст'жара*, *ст'жары* 'вертикальная палка, вокруг которой мечут стог'; *красик*, gen. *к'р'сика*, pl. *к'р'сики* 'гриб подосиновик'; *д'б'овик*, pl. *д'б'ьвики* 'белый гриб'; *ржаник*, instr. *ржаником* 'ржаная лепешка'; *сел'ник*, loc. *н'ь с'ьл'ниц'е* 'чулан, неотапливаемая комната, не имеющая выхода в избу'; *жыв'от*, род. *жывота*; *чолнок*, gen. *ч'лнока* 'челнок в ткацком стане'; *клевушок*, gen. *клевушка*; *м'л'оток*, gen. *м'лотка*; *п'рен'цок*, gen. *п'рен'ка* 'паренек, мальчик'.

3. Акцентный тип С. Баритонированные формы слов, относящихся к этому акцентному типу, являются энклиноменами, о чем свидетельствует наличие в них под ударением /о/ из **o*.

Сюда относятся **o*-основы а. п. *c* (**běsь*, **čirьjь*, **čьrtь*, **godь*, **vьlkь*) и а. п. *d* (**čьgrь*, **sokolь*, **volsь*, **zobь*, **z'qьbь*), как долготные, так и краткостные, и краткостная **u*-основа а. п. *c* (**rodь*; прочие краткостные **u*-основы а. п. *c*: **medь*, **domь* – также характеризуются баритонезой и рефлексамии энклиноменов в формах единственного числа, см. ниже). К этому же акцентному типу относятся многие **i*-основы и основы на согласный, принадлежавшие в праславянском к а. п. *c* (**děverь*, **gol'qьbь*, **gostь*, **pogьtь*, **zvěрь*), а. п. *d* (**g'qьsь*, **grebень*, **kogьtь*, **korenь*, **losь*, **žel'qьdь*) и а. п. *a* (**kaмень*).

**o*- и **jo*-основы: *б'цес*, gen. *б'цеса*, pl. *б'цесы*, gen. *б'цос'оф*; *чериц*, gen. *черица*, pl. *черицы*, gen. *ч'реп'юф* 'черепа'; *ч'риий*, gen. *ч'ри'я*, pl. *ч'ри'и*, gen. *ч'ри'ей*; *чорт*, dat. *к чорту*, pl. *ч'р'ти*, gen. *ч'р'тей*; *гот*, gen. *года*, pl. *годы / года*, gen. *год'юф*; *сок'ъл*, gen., num. *сок'ъла*, pl. *сок'ълы*, gen. *с'ькол'юф*; *вол'ьс*, num. *два вол'ьса* 'волос'; *глатк'ьй вол'ьс*, pl. *вол'ьсы*, gen. *вол'юс* 'волосы'; *вор*, gen. *вора*, pl. *воры*, gen. *вор'юф*; *волк*, gen. *волка*, instr. *за волк'ьм*, pl. *волки*, instr. *волками*; *зоп*, gen. *из зоба*, pl. *зобы (/зоба)*, gen. *зоб'юф*; *зуп*, gen., num. *зуба*, pl. *зубы*, gen. *зуб'юф*.

**u*-основа: *рот*, gen. *как'ова роду*, pl. *рода* 'род' (родня) /pl. *роды*, gen. *род'юф* 'роды'.

**i*-основы и основы на согласный: *д'цевир'*, асс. *д'цевир'а*, pl. *д'цевир'и / д'ьвер'ја*, gen. *д'ьвер'юф*; *голуп*, gen. *голуб'а*, pl. *голуби*, gen. *г'ьлубей*; *гост'*, gen. *госц'а*, pl. *госц'и*, gen. *гостей*; *гус'*, gen. *гус'а*, loc. *в Гусци* (топоним), pl. *гуси*, gen. *гусей*; *гребин'*, gen. *гребн'а*, pl. *гребни*, gen. *гребней*; *камин'*, gen. *каmn'а*, pl. *камни*, gen. *каmnей*; *ког'ьт'*, gen. *кокт'а*,

pl. *кокты*, gen. *коктей*; *корин'*, gen. *корн'а*, pl. *корни*, gen. *корней*; *лос'*, gen., num. *лос'а*, pl. *лоси*, gen. *лосей*; *нокът'*, gen., num. *нокт'а*, instr. *под ноктъм*, pl. *нокти*, gen. *ноктей*; *окун'*, gen. *окун'а*, pl. *окуни*, gen. *окуней*; *звѣер'*, gen. *звѣерца*, instr. *звѣерьм*, pl. *звѣери* / *звер'ја* / *звѣер'ѣа*, gen. *зверей* / *звер'јоф*; *жолут'*, gen. *жолуд'а*, pl. *жолуди* / *жълуд'ја од дуба*, gen. *жълудей*.

Производные основы: *окърѣк*, pl. *окърѣки*, gen. *ѣкърѣоф*; *подмьст* (loc. *ф подмости*), *потпѣл*, loc. *ф потпѣли*, gen. pl. *пѣтполѣоф*; *противен'*, pl. *противни*.

4. Акцентный тип D1. Акцентная кривая немногих слов, относящихся к этому акцентному типу, совпадает с акцентной кривой типа В, за исключением ударения на начальном слоге основы в пом.-асс. sg. слов *угъл*, *угъл'* и *узъл* и баритонезы форм пом.-асс. pl. **i*-основ. Рефлекс ударенного корневого **o* > /*o*/ говорит об «энклиноменном статусе» баритонированных форм. Тем самым, данный акцентный тип является прямым продолжением праславянской а. п. *d*.

К а. т. D1 относятся краткостные **u*-основы **plodъ* (а. п. *d*), **volъ* (а. п. *b*), **drozdъ* (а. п. *d/b*), **somъ* (а. п. *d/b*) (о реконструкции **u*-основ в праславянском у двух последних зоонимов см. [Дыбо, Замятина, Николаев 1993: 152]).

По косвенным данным, к этому списку зоонимов можно добавить **kot-* 'детеныш' на основании /*o*/ в корне формы 3 sg. *окотищѣ* 'родить' (об овце, козе, кошке и других мелких животных): вторичное накоренное ударение в формах *i*-глаголов а. п. *c* и *b2* в Пустошах обычно сопровождается появлением /*ŷo*/ < **o*; корневое /*o*/ в глагольной форме может объясняться влиянием корневого гласного в производящем существительном, не сохранившемся в говоре.

К а. т. D1 также относятся **o*-основы а. п. *d* (**ǫgъlъ*, **ǫzlъ*), *jo*-основа а. п. *b* (**dъxorjъ*) и **i*-основы а. п. *d* (**ǫrvъ*, **gruzdъ*, **olkъtъ*) и а. п. **a* (**myъ*, **ǫglъ*). По понятным причинам у не **i*-основ с корневым гласным, отличным от **o*, и односложной основой противопоставление а. т. D1 и а. т. В нейтрализуется.

В говоре Пустошей, тем самым, отчетливо видна закономерность сохранения а. т. D1 (=акцентной кривой праславянской а. п. *d*) у группы зоонимов с основами разных типов и различной праславянской акцентуацией, имеющих односложные корни, причем костяк этой группы составляют краткостные **u*-основы а. п. *d* и **i*-основы. Сюда же относятся слова морфонологической структуры типа *узел*.

**o*- и **jo*-основы: *угъл*, gen. *из угла*, instr. *зъ углом*, pl. *углы*, gen. *углооф*; *узел*, gen. *из узла*, num. *два узла*, pl. *узлы*, gen. *узлѣоф*; *хор'*, gen. *хорца*, pl. *хори*.

**u*-основы: *дрост*, gen. *дрозда*, pl. *дрозды* (птица); *плот*, gen. *плода*, instr. *плодом*, pl. *плоды/плода*, род. *плѣоф* 'зародыш' (у животных и человека), 'плод' (у растений); *сом*, gen. *сома*, pl. *сомы*, gen. *сомѣоф*; *вол*, gen. *вола*, pl. *волы*, loc. *на волаф*.

*i-основы и основы на согласный: *чер'ф*, gen. *чър'вца*, pl. *чер'ви*, gen. *чървей*; *грус'т'*, gen. *груздца*, pl. *грузди*, gen. *груздей*; *гвос'т'*, gen. *гвоздца*, pl. *гвозди*, gen. *гвоздей*; *локът'*, gen. *локт'а*, с *локтца* / с *локт'а* (первая форма предпочтительна), num. *два локтца*, instr. *пъд локтцом*, pl. *локти*, gen. *локтей*; *мыш*, асс. *мыша*, pl. *мышы*, gen. *мышей*; *угъл'*, gen. *углца*, pl. *угли*, gen. *углей*.

5. **Акцентный тип D2** (окончание ном.-асс pl. -/ы/). В баритонированных формах корневое *o отражается в /o/.

К этому акцентному типу относятся односложные o-основы праславянской а. п. *d* (как долготные, так и краткостные) и долготные *u-основы а. п. *c* (**darъ*, **pirъ*) и а. п. *d* (**čipъ*, **dǫbъ*, **dьlgъ*, **grǫdъ*, **rǫdъ*, **sadъ*), а также две *o-основы а. п. *a* с корневым *a* (**lazъ*, **kvasъ*).

*o-основы, долготные: *час*, gen. *часу*, num. *часа*, pl. *часы дѹобрыйа вам појехат'*; *крѹаш*, instr. *крѹажъм*, pl. *крѹажы*, gen. *крѹажѹоф* 'брѹовнѹо'; *квас*, gen. *квасу наварила*, instr. *квасъм*, *квасы*; *цвѹет*, gen. *цвѹета* 'цветение', 'цвет, окраска', pl. *цвѹеты*, gen. -*тѹоф* 'цветок'; *лас*, num. *два лаза*, gen. *нет лазу*, *без лазу*, pl. *лазы* / *лаза* 'вход в подпол'; *шум*, gen. *нѹет шуму*, pl. *шумы*, gen. *шумѹоф*; *вал*, gen., num. *вала*, instr. *валъм*, но adv. *валом*, pl. *валы* 'куча сена'; *зад*, pl. *зада*, dat. *по заду*, instr. *задъм*, 'зад; задняя часть', pl. *зады*, instr. *пъ задам* 'зад', 'задворки'; краткостные: *лоп*, *от лоба*, *на лбу*, pl. *лыб*, *лбѹоф*; *рот*, gen. *из рота*, pl. *рты*; *гроп*, gen. *гроба*, pl. *гробы* / *гроба*; *пот*, gen. *с поду*, loc. *нъ поду*, pl. *поды* 'под в русской печи' (ср. также *пѹот*, а. т. В); *хот*, gen. *хода*, instr. *ходъм* 'движение; ходьба', 'проход', gen. *ходу не давали* 'возможность, разрешение', pl. *ходы* 'проход'.

Долготные *u-основы: *чын*, gen. -*a*, pl. *чыны* 'начал'ства'; *дар*, gen. *дара*, pl. *дары* (/дары) 'свадебный подарок', 'торжественный подарок'; *дуп*, gen. *дуба*, pl. *дубы*; *долк*, gen. *долга*, pl. *долги*; *грут*, instr. *грудъм*, loc. *в груди*, pl. *груды* 'куча, груда' (предметов), 'кучка, толпа' (людей, животных); *пир*, gen. *пира*, pl. *пиры* 'праздничное угощение'; *рѹат*, gen. *рѹада*, *из рѹаду*, num. *рѹада*, dat. *фсѹо к рѹаду*, adv. *рѹадъм*, pl. *рѹады*; *сат*, gen. *ис сада*, instr. *садъм*, pl. *сады* / *сада*.

Особую группу составляют существительные а. т. D2 с корнями, оканчивающимися на *oj* (**jo*-основы и **ju*-основа **znojъ*). У большей части реконструируется а. п. *b* или *d*, кроме **znojъ* и **gnojъ* (а. п. *c*). Различия в огласовке корня не поддаются однозначному объяснению: *бѹой*, gen., num. *бѹойа*, pl. *бѹи*; *гнѹой*, gen. *гнѹойа*; *крѹой*, instr. *крѹойем*; *рой*, gen. *ройа*, instr. *ройъм*, pl. *рои*; *слѹой*, gen. *слѹойа*, pl. *слои*, но у другой информантки *слой*, gen. *сloyа*; *стрѹой*, gen. *ис стрѹойа*, instr. *стрѹойъм*; *вой*, gen. *войа* 'плач' (в том числе плач невесты, плач по покойнику), 'вой' (волков); *зной*, gen. *знойа* 'чад от печки'.

6. **Акцентный тип D3** (окончание ном.-асс. pl. -{a}). Этот тип, характеризующийся рефлексами /o/ <*o в баритонированных формах представляет собой нейтрализацию а. т. С и

D2, поскольку ударенное окончание ном.-асс. pl. $-\{a\}$ в говоре «замещает» как $-\{и\}$, так и $-\{i\}$. Это следует, во-первых, из сосуществования $-\{a\}$ и $-\{и\}$, $-\{a\}$ и $-\{i\}$ у отдельных слов, а во-вторых, из того обстоятельства, что к типу D3 относятся «типичные представители» как а. т. С (**o*-основы а. п. *c* и а. п. *d* с полногласием, краткостные **u*-основы а. п. *c*), так и а. т. D2 (долготные **u*-основы а. п. *c* и *d*). Сюда относятся **o*-основы а. п. *d* (**bergъ*, **bokъ*, **borvъ*, **brusъ*, **brodъ*, **grobъ*, **kolkolъ*, **kъmъ*, **mostъ*, **mozgъ*, **mъxъ*, **lqgъ*, **polъ*, **rogъ*, **stogъ*, **storъzъ*, **tokъ*, **večerъ*, **xoldъ*, **želbъ*), а. п. *c* (**godъ*, **lěsъ*, **pojasъ*, **razъ*, **sokъ*, **teterevъ*, **věkъ*, **vozъ*), а. п. *a* (**glazъ*, **jastrěbъ*, **jaščerъ*, **větrъ*), а. п. *b* (**tězъ*), небольшое число **u*-основ и аномальная **i*-основа **gospodъ*.

**o*-основы: *берик*, gen., num. *берега*, loc. *берегу*, pl. *берега*; *бок*, gen. *з боку*, num. *оба бока*, pl. *бока*; *боръф* num. *борава*, pl. *бърова*, gen. *-вўоф* ‘*вылекченъй пьросен*’, ‘часть дымохода’; *брот*, gen. *брода*, pl. *брода*, gen. *бродўоф*; *брус*, gen. *бруса*, loc. *на брусу*, pl. *брусы/бруса*; *глас*, gen. *глаза*, pl. *глаза*; *горът*, gen. *горьда*, pl. *гърода*; dat. *госпѣду*, voc. *госпѣди* (ном. *госпўот*), pl. *гъспода*; *грок*, gen. *гроба*, pl. *гроба*; *јастрип*, gen. *јасреба*, pl. *йестреба*; *јашчур*, gen. *јашчура*, pl. *йешчура* ‘ящерица’, ‘ящур’ (болезнь); *колькъл*, gen. *колькъла*, pl. *кълъкола*; *край*, gen. *с/от крайу*, pl. *крайа*; *корм*, gen. *корму*, instr. *за кормъм*, pl. *корма*; *лицес*, gen. *из лицесу*, loc. *в лицосу*, pl. *лицоса*, loc. *в лицосаф*; *лук*, gen. *лугу*, pl. *луга*; *мост*, асс. *на мьст*, gen. *моста*, с *мосту*, loc. *мосту*, pl. *моста* ‘мост’, ‘сени, прихожая’; *мозк*, gen. *мозгу*, pl. *мозга / мозги*, gen. *-гўоф*; *мох*, gen. *без моху*, instr. *с мохъм*, loc. *на моху*, pl. *моха* ‘мох’, ‘болото’; *пойес*, gen. *пойеса*, pl. *пъйаса*; *пол*, асс. *на пъл*, gen. *с полу*, dat. *до пьлу*, pl. *пола*; *рас*, gen. *нидновўо раза*, pl. *фсѣ раза*, num. *два раза*, *два рас*, *три рас*, *пцат* ‘*рас / разўоф*’; *рок*, gen. *рога*, instr. *рогъм*, pl. *рога*; *снѣк*, асс. *на снѣк*, gen. *снѣга*, instr. *снѣгъм*, loc. *нъ снѣогу*, pl. *снѣога*; *сок*, part. *выпил соку*, instr. *сокъм*, pl. *сока* (березовый и др.); *сток сѣна*, gen., num. *стога*, pl. *стога*; *сторъш*, gen., num. *сторъжа*, pl. *стърожа*; *тетъръф*, gen. *тетъръва*, instr. *-въм*, pl. *тътърцова*; *тѣаш*, gen. *тѣажа*, pl. *ф хомутаф тѣажа*; *ток*, асс. *на тьк*, gen. *тока*, loc. *нъ току*, pl. *тока*, gen. *токўоф* ‘тумно’ (новое слово: *в овинаф фсѣо молотили*); *вечир*, gen., num. *вечира*, pl. *въчора*; *вѣк*, adv. *по вьк* ‘всю жизнь, весь век’, gen., num. *вѣка*, pl. *вѣока*; *вѣтер*, gen. *вѣтра*, pl. *ветра*; *вос*, gen., num. *воза*, instr. *за возъм*, pl. *воза*; *хлицеп*, gen. *хл’цеба*, pl. *хлицоба* ‘зерновые культуры на корню’; *хольт*, gen. *хольда*, pl. *хьлода*; *зоп*, pl. *зоба* (см. а. т. С); *жолуп*, gen. *жолуба*, pl. *жълуба* (желоб для отвода воды, выдолбленный из ствола дерева; кладется по границе усадьбы); *жорньф*, gen. *жорньва*, pl. *жърнова*.

**u*-основы: *сат*, gen. *сада*, instr. *-вм*, pl. *сада/сады*, род. *садўоф* (см. выше а. т. D2); *гольс*, gen. *-су*, pl. *гълоса*; *рот*, pl. *рода* ‘род, родня’ (см. выше а. т. С).

**u*-основа а. п. *c* **dotъ* в архаической разновидности говора частично сохраняет акцентную кривую, характерную для **u*-основ подвижного акцентного типа в праславянском (см. [Дыбо, Замятина, Николаев 1990: 47-49: формы-энклиномены в ном.-асс., dat. sg.,

ударение на окончании в gen., instr., loc. sg.). Притом что старые окончания *и-склонения заменены окончаниями *о-склонения (за исключением окончаний loc. sg. и gen. pl.), у этого слова сохраняется окситонеза в gen. sg. при предлогах *у, от, до* (в «отложительном» падеже, см. выше). Во множественном числе у этого слова имеется колонная окситонеза при окончании nom.-acc. pl. -а: *дом, асс. на дѣм, gen. у дома, од дома, до дома, ззади дома, нцету дома, adv. дома, dat. г дому, instr. за домѣм, loc. в доми / в дому, pl. дома, gen. домѹоф, loc. в домаф.*

К а. т. D3 формально относится группа слов, обозначающих друзей и родственников: *брат, num. брата, pl. брат'йа; друк, gen. друга, pl. друз'ја; кум, gen. кума, pl. кумоѹйа, gen. -цѹоф; муш, instr. с мужѣм, pl. мужйа, gen. мужйоф, мужйѹоф; сват, gen. свата, pl. сват'йа; сын, gen. сына, pl. сыновйа; тѹес'ц', gen. тѹес'ц'а, pl. тѹес'ти/тес'ц'йа; зѹат', gen., num. зѹатѹа, pl. зѹат'йа.*

7. Акцентный тип С ~ D2 ~ D3. Сюда относятся слова, у которых по разным причинам засвидетельствованы только баритонированные формы ед. числа, являющиеся рефлексамии форм-энклиноменов: это слова, у которых имеется либо корневое ударенное /о/ < *о, либо полногласное сочетание с ударением на первом слоге, либо сдвиг ударения на приставку. Среди них есть *singularia tantum*, слова с наращением основы в pl. (*полѹозйа*), слова, у которых по семантическим причинам затруднено образование форм мн. числа. В списке представлены, главным образом, *о-основы (также *и-основы *ledь, *borь, *i-основы *topoль и *sobolь) а. п. с и d. Слова праславянской а. п. с (и с/d): *Бох, з Богѣм; голѹт, gen. з голаду; говѣр, instr. говѣрѣм; гром, gen. грому; кольп 'лепешка'; лопѹт 'стук'; лѹот, part. л'ду, dat. по л'ду, instr. подо л'дѣм, loc. на л'ду; лѹон, dat. по л'ну; мор; польмин', gen. польмин'а 'пламя, огонь'; собѹл', gen. собѹл'а 'рыба така'; топѹл', gen. топѹл'а; творѣк, instr. с творѣгѣм (см. также творѹок, а. т. В); ворѣн, gen. ворѣна, pl. вѣронйа, gen. вѣроней; ворѣх дроф 'куча'; звон, gen. звона (звук). Слова праславянской а. п. d (b/d): *бор, gen. из бора; черин, gen. черина 'рукоять лопаты, вил'; кольс, instr. кольсѣм, pl. колѹос'йа; ком; кон, gen. кона (в игре); корѹп, gen. корѹба, pl. кѣробйа, gen. кѣробѹй 'берестяная или металлическая коробка с крышкой, которую носят за плечами'; лом, gen. лома (орудие); лоф; мољт, instr. -ѣм; норѹф, instr. с норѹвѣм; рост, gen. высокѣвѣ роста, малѣ росту, instr. ростѣм; польс, gen. польза, pl. полѹозйа (санный полоз); порѣх, part. порѣху; пот 'пот'; сольт, gen. квас дѹельли из еѹѣва сольда; сор, part. сору нѣбралѹос', loc. ф сору; ворѣт, instr. за ворѣгѣм 'ворот, воротник'; воск, gen. воска; холѹт; хворѣст, gen. -а, instr. -ѣм 'хворост, сучья'.**

8. «Смешанные» акцентные типы. Несколько слов праславянской а. п. d (долготные *и-основы, долготные и краткостные *о-основы), а также, по-видимому, случайные слова с корневым [у] имеют «на фоне» акцентных кривых D2 и D3 отдельные окситонированные формы в единственном числе: *горп, gen. горба, instr. горбам, loc. на горбу, pl. горба; рок,*

num. *два рога*, gen. *нидновѹо рога*, instr. *рогѣм*, pl. *рога*; *слѣет*, gen. *слѣеду*, dat. *пѣ слѣоду*, num. *слѣода*, adv. *слѣедѣм*, pl. *слѣода*, gen. *-дѹоф*; у другой информантки: *слѣет*, gen. *слѣода*, num. *два слѣеда*, dat. *по слѣеду*, adv. *слѣедѣм*, pl. *слѣоды*, gen. *-ѹоф*; *нис*, adv. *снизу*, instr. *пѣд низом*, *под низѣм* (последняя форма предпочтительна), adv. *внизу*, loc. *на низу*, pl. *низы*; *нос*, gen. *из носа*, num. *два носа*, instr. *под нѣсѣм*, *под носѣм*, *пѣд носом*, pl. *носа*, gen. *носѹоф*; *плук*, gen. *плуга*, instr. *за плугѣм*, pl. *плуга*; *тур*, *тур ых знаѣт*, gen. *ни тура*, dat. *иди к туру* (ругательство); *струп*, gen. *струба*, instr. *струбѣм*, pl. *струбы*, асс. *струба* 'сруб' (постройка). Слова, сохранившие окситонезу в наречиях, образованных от падежных форм: *вер'х*, gen. *с вер'ха*, adv. *вер'хом*; *крук*, gen. *ис круга*, adv. *кругом*; *бѣек*, gen. *бѣега*, adv. *бѣогом*. По-видимому, «смешанное ударение» слов праславянской а. п. *d* в говоре Пустошей (как и в литературном языке) указывает на первоначальную окситонезу косвенных падежей единственного числа, а /o/ < *o в корнях в им.-вин. ед. показывает, что данные формы являются рефлексамии энклиноменов.

9. Акцентный тип А~С~D2~D3. Сюда относятся слова с окситонезой в формах единственного числа и им.-вин. мн., с корневым гласным «не-*o», что не позволяет различать а. т. А, с одной стороны, и подвижные а. т. - с другой.

Праславянская а. п. *a*: *чат*, part. *чаду*; *дым*, gen. *дыма*, *дыму бойацѣ*; *ѹук*, gen. *ѹуга ѹог*; южный ветер'; *лай*, *лайу*; *лук*, part. *луку*; *мак*, part. *маку*; *мѣел*, instr. *хрестѹат мѣельм на окошкаф на дверѹаф*; *писк*, gen. *устала от писка*; *сѣевѣр*, gen. *сѣевѣра* 'север; северный ветер'; *сѣеф*, gen. *сѣева*; *сыр дѣельли бѣват нѣекѣтъры*, gen. *кусок сыра*, *за сырѣм*; *хрѣен*, gen. *хрѣена нѣету*, instr. *хрѣенѣм*;

Праславянская а. п. *c*: *блеск*, gen. *блеска*; *дух*, gen. *духу* 'мужество'; *гнѣеф*, gen. *гнѣева*; *гул*, gen. *гула*; *јат*, gen. *јадѣм*; *клей*; *кѣѹуф*; part. *лѹуду* 'народу...'; *мѣот*, gen. *нѣету мѣоду-ту*; *мѣех*, gen. *мѣеха*, instr. *пал'то ли с мѣехѣм* 'например, пальто бывает с мехом'; *нѣух*, gen. *нѣету нѣуха* 'обоняние'; *рѣоф*, gen. *рѣову* 'плач', 'крик животных' (коровы, лося), 'брачный период' (у лосей); *спѣех*, gen. *нѣ до спѣеха*; *стук*, gen. *стука*; *сѣет*, gen. *сѣета*, instr. *сѣетѣм*; *трѣеск*, gen. *трѣеска*; *толк*, gen. *толку ф тебѣ нѣету*, *толку чут*, dat. *гѣвори по толку*; *вит*, gen. *вида*; *виск*, gen. *визга*; *храп*, instr. *храпѣм храпит чѣловѣк кой*; *хрип*, gen. *хрипа*, instr. *-ѣм*; *зут*, gen. *зуда*; *звук*, gen. *звука*; *жыр*, gen. *жыра*.

Праславянские а. п. *d* и *b*: *блут*, gen. *блуда*; *крик*; *лат*; *пар*, part. *пару скол'к'а*; *прут*, gen. *прута*, instr. *прутѣм*, pl. *прут'ѹа*, gen. *прут'ѹѣф*; *пух*, gen. *пуха не нат*'; *перс'ц'ѣн*', gen. *перс'н'а*; *скрип*, gen. *скрипа*; *смѣех*, gen. *ни до смѣеха*, instr. *смѣехѣм*; *сук*, gen., num. *сука*, instr. *за сукѣм*, loc. *на суку*, pl. *сучѹа*; *сѣист*, gen. *нѣ слышѣл сѣисту*; *тѣос*, gen. *тѣоса*, instr. *за тѣосѣм*; *тыл*, gen. *тыла*; *улий*, gen. *ул'ѹа*, pl. *ул'ѹи*; *вѣес*, gen. *вѣеса*; *жар*, gen. *жара*.

10. Перенос ударения на предлог имеется не только у существительных подвижных а. т., но и а. т. В. Подвижные а. т.: *на пѣл*, *на мѣст*, *на тѣк*, *на вер'х*, *на дѣм*, *до пѣлу*, *по мѣсту*,

по век, из носа, под нѣсьм. по л'ду, подо л'дѣм, по л'ну; а. т. В: по двѣру, на грих. В устойчивых сочетаниях сохраняются следы энклитического характера форм слова ден': Петруѡв дин', Петруѡва дн'а, два дн'а, три дн'а.

Литература

Бернштейн 1974 - С. Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования. Именные основы. Т.2. М., 1974.

Брок 1907 - О. Брок. Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда // СОРЯС. Т.83. 1907.

Бубрих 1914 - Д. В. Бубрих. Фонетические особенности говора д. Пустоша. // ИОРЯС. Т.18 (1913). Кн. 4, 1914. С. 305-346.

Вайян 1957 - А. Вайян. Руководство по старославянскому языку. М., 1957.

Васильев 1929 - Л. Л. Васильев. О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI-XVII вв. К вопросу о произношении звука *o* в великорусском наречии. Л., 1929.

Диалектные различия - Диалектные различия русского языка. Морфология. Программа собирания диалектного материала. М., 1998.

Дыбо 1981 - В. А. Дыбо. Славянская акцентология. Опыт реконструкции акцентных парадигм в праславянском. М., 1981.

Дыбо, Замятина, Николаев 1990 - В. А. Дыбо, Г. И. Замятина, С. Л. Николаев. Основы славянской акцентологии. М., 1990.

Дыбо, Замятина, Николаев 1993 - В. А. Дыбо, Г. И. Замятина, С. Л. Николаев. Основы славянской акцентологии. Словарь. Непроизводные основы мужского рода. М., 1993.

Зализняк 1985 - А. А. Зализняк. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.

Образование - Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970.

Тер-Аванесова 1993 - А. В. Тер-Аванесова. О противопоставлении двух фонем «типа *o*» в говоре д. Пустоша Шатурского р-на Московской области // Деревня центральной России: история и современность. М., 1993. С.6-10.

Фасмер - М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. М., 1986-1987. Т. 1-4.

Шахматов 1914 - А. А. Шахматов. Описание Лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губернии // ИОРЯС. Т.18 (1913). Кн. 4, 1914. С. 171-220.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Т. 1-27-. М., 1974-2000 –.

О лексической правке в списках Богословия Иоанна Дамаскина

Богословие Иоанна Дамаскина - один из наиболее значительных в богословско-философском отношении памятников, рано ставший известным на Руси благодаря переводу Иоанна экзарха (кон. IX- нач. X в.). Древнейший сохранившийся восточнославянский список этого произведения относится к XII в. Его текст был издан дважды - в ЧОИДР и Л. Садник. Известны также многочисленные русские списки перевода Иоанна экзарха, относящиеся к XV-XVII вв. Однако болгарский писатель сделал перевод сочинения Дамаскина не в полном объеме, а ограничился переводом 48 глав из 100 (по данным Т.Н. Копреевой, им были переведены 54 главы). Позднее у южных славян был осуществлен новый перевод этого памятника. Его издание в наши дни было выполнено по сербскому списку XIV в. [Weiher 1987].

Новый перевод Богословия Иоанна Дамаскина связан с именами Андрея Курбского и Михаила Оболенского, которые дополнили перевод Иоанна экзарха недостающими главами, а также осуществили его редактирование по латинскому изданию [Калугин 1998: 114]. Наконец, в 1665 г. в Москве впервые появилось печатное издание Богословия Иоанна Дамаскина в переводе Епифания Славинецкого.

Неоднократное обращение к тексту памятника было связано с рядом причин. Во-первых, само произведение имело огромное мировоззренческое значение и высоко оценивалось в среде древнерусских книжников, о чем свидетельствует не только большое число его сохранившихся списков, но и высказывания о нем Андрея Курбского и Максима Грека. В Предисловии к своему новому переводу Курбский приводит слова Максима Грека «къ нѣкоемоу егориѹ, которому Максим советовал «читати книгоу дамаскиновоу сице гл҃ше, вниман православнымъ оучителемъ» и у которого вопрошал: «что господине реклѣ лоучьши книги дамаскиновы аще бы прямо преведена была и исправлена въ истинноу невѣ(с)нои красотѣ подобна и пище раистен и сладчаше паче меда и сота» [ЧОИДР 1878: 23]. Сам же Курбский писал, что со прилежание(м) прочтохъ книгоу блаженнаго дамаскина книгоу гл҃ю зело премоудроую и много намъ потребноую бо онъ былъ оучитель последней и избираючи ѿ всѣхъ оучителен вкратце wpisалъ яко бы зеркало цр҃кви и щитъ альбо бронь крѣпкоюу то всѣхъ еретикъ [ЧОИДР 1878: 23].

* Галина Серафимовна Баранкова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН.

Во-вторых, осуществлять новый перевод А. Курбского побуждало то обстоятельство, что его не удовлетворял старый перевод Иоанна экзарха. Это было связано с тем, что он нашел его книгу **НЕ ТОКМО ПРЕВЕДЕННУЮ НЕ ДОБРЕ, АЛЪБО Ѡ ПРЕПИСУЮЩИХЪ НОУ РАСТЛѢННОУ НО И КО ВЫРАЗУМѢННЮ НЕОУДОБНОУ**. Испорченность святоотеческих книг (в том числе, по видимому, и списка Богословия, которым располагал Курбский) ученый князь объяснял тем, что некоторые из них **ПРЕВЕДѢНЫ НЕ ПРЯМО Ѡ ПРЕВОДНИКОВЪ НЕИНСКОУСНЫХЪ А НѢЦЫИ Ѡ ПРЕПИСУЮЩИХЪ В КОНЕЦЪ ИСПОРЧЕНЫ**.

Сравнение двух этих переводов, сделанных в разные исторические эпохи и в разных странах, представляет несомненный интерес для исторической лексикологии славянских языков. Впервые на это обратил внимание А. Попов, указавший, что «Труд князей Курбского и Оболенского в сопоставлении с переводом Иоанна экзарха Болгарского представляет драгоценный материал для истории языка» [ЧОИДР 1878: 24]. Им было предпринято сличение состава текста и отчасти лексики переводов, однако этот материал не был в полной мере использован исследователями при написании истории русского языка. Переводческому искусству князя А.М. Курбского посвящена работа Ю. Бестерс-Дилгер [Besters-Dilger 1992].

В настоящей статье рассматриваются вопросы редактирования языка Богословия Иоанна Дамаскина в переводах Иоанна экзарха Болгарского и Андрея Курбского и Михаила Оболенского. В качестве материала для сопоставления привлекаются русские списки Богословия в переводе Иоанна экзарха XV-XVI вв., а также южнославянский перевод памятника по списку XIV в. Исследование ограничивается анализом лексических и отчасти словообразовательных различий в списках названных переводов на основе текста 18, 20, 21, 23, 25 и 31 глав Богословия: **Ѡ СВѢТѢ И ОГНИ И СВѢТИЛЬНИЦѢХЪ; Ѡ ВОДАХЪ; Ѡ ЗЕМЛИ И ЕЖЕ Ѡ НЕА; Ѡ ЧЛѢЦѢ; Ѡ ЧЮВСТВѢ**. Текст Богословия Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна экзарха цитируется по его древнейшему сохранившемуся древнерусскому списку по изданию Л. Садник (далее в нашем обозначении БИЭ), а Богословие в переводе А. Курбского - по изданию Ю. Бестерс-Дилгер (в нашем обозначении Курбский 1995), при этом даются указания на лист издаваемой рукописи.

В XV-XVI вв. возрастает интерес к вопросам теории и практики переводческой и редакторской деятельности. Это было связано, с одной стороны, с обилием книг, поступивших на Русь в период второго южнославянского влияния и содержащих многие южнославянские слова и выражения, непонятные русскому читателю в XV-XVI вв., а с другой стороны, с созданием новых переводов, в том числе с привлечением латинских оригиналов (переводческая деятельность в Геннадиевском кружке, работы Дмитрия

Герасимова, Максима Грека, Нила Курлятева, Андрея Курбского). Характер правки и выбор лексических вариантов при переводе, ориентировавших переводчиков на складывавшиеся нормы русского литературного языка, рассмотрены Л.С. Ковтун [Ковтун 1975, 1977].

Для наших целей сначала целесообразно проанализировать, как менялась лексика списков перевода Иоанна экзарха. Как уже указывалось выше, древнейший восточнославянский список Богословия относится к XII в. - ГИМ, Синодальное собр. № 108. Кроме того, известны многочисленные списки XV-XVI вв., для анализа которых были выбраны три из них - РГБ, собр. Московской Духовной академии, № 145, XV в., РГБ, собр. Егорова, № 619, XVI в., ГИМ, собр. Синодальное, № 442, XVI в. Список МДА-145 интересен тем, что в нем ряд слов и выражений глоссируется на полях писцом рукописи (иногда другим лицом):

в тексте	глосса
л. 279а <u>иночадын снѣ</u>	едино
л. 288 <u>въ своен оупостаси сы. неѡлѡченъ</u> <u>и неѡходенъ ѡ оца и сѡна и всемогыи</u>	имыи
л. 288 <u>ѡщѣ бо безвиненъ и без ро(д)ства</u>	безна(ч)ле(н)
л. 288 <u>ни ѡ кого (ж) бо ни ѡ себе ѡбатїе има(т)</u>	бытїе
л. 290 <u>или сѡщїемъ рѣзаеми</u>	раж(д)
л. 291 <u>конечное</u>	сетное
л. 300 <u>свѣтилиникъ бо е(с) и са(м) тои свѣ(т).</u> <u>но свѣтѣ капѣ</u>	образъ
л. 302 <u>юнецъ</u> (название знака зодиака)	юнота (более поздним почерком)
л. 311б <u>а к бесловесны(м) и тѣми же нѣ</u> <u>чисменн(ѣ) по хотѣнїю. рѣкше гнѣво(м)</u> <u>и похотью</u>	и желаниемъ
л. 316 <u>и ѡвѣ дѡволъ же</u>	и винни
л. 323б <u>омрачнѡмъ же и смѣтнѡмъ и въ зли</u> <u>бывше ѡ бж(с)твенаго ѡбщѣства</u> <u>обнажнѡмъ</u>	повеле(н)ѡ
л.323б <u>ти бо ѡко и образи соу(т) бж(с)тве [номѣ</u> <u>естѣствѣ] беспечалное и безвѣртное</u> (почерком) <u>и безлюбное</u>	(другим звре(д)ное
л. 326 <u>рави пакы сѡ грѣх(м) повѣримъ</u>	сѣтво
л. 328 <u>древо житїа вѣчнаго. то оубо древо</u> <u>ч(с)тѣное</u>	живо(т)ное
л. 329б <u>таче видимаго и невидимаго мира</u>	чюема
л. 331 <u>ч(с)тыа и бес прирока крови</u>	ѣтробы
л. 335б <u>вѣдѣщомоу бжкви</u>	книги
л. 335б <u>ѡко(ж) бо и та скжпа</u>	совокоупа
л. 339б <u>чимъ бо болствоуетъ кр(с)тъ</u>	исцѣляетъ
л. 339б <u>г(с)ню смртъ</u>	стр(с)тъ
л. 340б <u>ѡрѣзанїе</u>	ѡвращенїе

л. 346 <u>ГОНОЗИТСА</u>	ИЗБѢДЖТЬ
л. 347б <u>ВЪ ВСѢХЪ СТРАНА(Х)</u>	АЗЫЦѢ(Х)
л. 349б <u>ЖИТІЕ ОБРАЩЕ(М)</u>	ПРѢХОДИ(М)
л. 349б <u>ВЪСТАНЕ(Т) МИХАНЛЪ КНІЗЬ ВЕЛИКЫИ</u> <u>СТОАН ВЪ СЫНО(Х) ЛЮД(И)И СВОИ(Х)</u>	В СОНМѢ
л. 350 <u>ТАКО И БѢ ОУМРШАА СЪ ТѢСМЪ ПРИВЕДЕ(Т)</u> <u>С НИ(М)</u>	ОУСОПШАА

При анализе глосс в МДА-145 обращает на себя внимание замена ряда слов, осознававшихся к XV в. как устаревшие. Сказанное относится к словам **капъ (капъ)**, **повѣрити**, **гонозитиса**, **прѣстѣпъ**, **сѣкѣпити**. При этом употребление этих слов характерно для других памятников Преславской книжности: Изборника Святослава 1073 г., Шестоднева Иоанна экзарха. Ряд замен связан с богатыми синонимическими возможностями церковнославянского языка, лексической вариативностью, уходящей своими корнями в глубокую древность. Примерами могут служить пары: **страна(х)** - **азыцѣ(х)**, **иночадыи** - **единочадыи**, **похотью** - **желаниемь**, **бѣкви** - **книги**, **болствоуѣть** - **исцѣлаѣть**. Что же касается замены лексемы **оумршаа** на **оусопшаа**, предложенной в рассматриваемом списке XV в., то она была, по-видимому, вызвана тем же богословским толкованием этих слов, которое мы находим в более позднем сочинении XVI в. «Преводные строки», где подчеркивается существенная смысловая разница между этими словами: праведников следует называть усопшими, а не умершими, ибо впоследствии они «возбудятся, воскреснут», так как «смерть успение именуется, последователне же успению воскресению» [Ковтун 1975: 37; Калугин 1998: 127].

Наличие некоторых глосс объясняется стремлением к архаизации или иными стилистическими причинами, что позволяло Богословию оставаться произведением высокой книжности. Таким образом можно истолковать, например, глоссирование слова **конечныи** словом **сетныи**, характерным для памятников симеоновской эпохи, стилистическими причинами может быть обусловлена замена лексем **въ сыно(х) людни** на **въ сонмѣ людни**. Весьма вероятно, что материал для глосс в МДА-145 во многом дали языковые различия между списками Богословия, однако этот вывод требует дополнительного исследования.

Анализ вариантов, проведенный по спискам Богословия в переводе Иоанна экзарха, свидетельствует о том, что лексические разночтения в них не столь значительны и разнообразны, как в списках Шестоднева того же автора, см. [Шестоднев 1998: 22-23, 30-40]. Возможно, это определяется самим содержанием памятника, являвшегося одним из наиболее авторитетных в вероучительном отношении, и традицией его бытования на Руси, что приводило к бережному сохранению его языка на протяжении веков. Среди

рассмотренных нами списков в языковом отношении противопоставлены две группы: представителями одной из них являются списки МДА-145, Сн-442, а другой - Егр-619.

Приведем примеры лексических и словообразовательных различий названных списков из текста 18 и 31 глав Богословия:

Сн-442 (л. 32)

ТВОРЦЕМЪ
ЕТЕРИ
ВЪСЛѢ(Д)СТВЪЕМЪ
СКИТАЮЩЪСА
ВЕЛѢНІЕМЪ
СВѢТИЛО
РАДИ
ШЕСТВІЕ
БО
ЧАСО(В)
СТЪДЕНЬСТВА

18 глава

Егр-619 (л. 277а)
ТВОРИТЕЛЕМЪ
НѢКТО
ПОСЛѢ(Д)СТВЪЕЖЕТЬ
СКАТАЮЩЪ
ПОВЕЛѢНІЕМЪ
СВѢТИЛНИКЫ
ДѢЛА
ШЕСТІЕ
ЖЕ
ВРЕМЕНЪ
СТОУ(Д)СТВА

МДА-145 (лл. 319-320б)

ПРЕБЫТИ
В ДОБРОТѢ
ВЪСЛѢ(ДО)ВАТИ (дважды)
РАДИ (дважды)
РО(Д)СТВО
СЪДА (СМЕРТИ)
ПИТѢНІСА
ОУТВОРИ
ПО ИЗВОЛЕНОМЪ
СКЪПА
РО(Д)СТВА
СЪСТАВИТИ
ВЫСОСТЬ

31 глава

Егр-619 (лл. 300б-302)

ПРЕБЫВАТИ
В ДОБРѢ
ВЪСЛѢ(Д)СТВОВАТИ
ДѢЛА
РЖ(С)СТВО
САДА
ПИТААСА
ОУТВЕРДИ
ПО ИЗВОЛНОМЪ
СЪВОКЪПА
РЖ(С)ТВА
СЪСТАВАЛТИ
ВЫСОТОУ

Обращение к новому переводу Богословия Иоанна Дамаскина показывает значительное число лексических замен, произведенных южнославянским переводчиком (или редактором) в XIV в. Покажем это на примере двух глав Богословия **ВОДАХЪ** и **ЧОУВЪСТВЪ**. При этом древнейшему сохранившемуся древнерусскому списку Богословия противопоставляется сербский список XIV в. по изданию Вайера.

Бог. Ио. экз. XII в.

лл. 148а-155б

ВЕЩИИ
ПРЕДОБРАГА
СТОУХНЕ

W водахъ

Сербский список XIV в.

лл. 179б-182б

СЪСТАВЪ
ДОБРѢИША
СЪСТАВЪ

ДОЛУПЕРИВО
ТОУ ЖЕ
НЕДОВѢДОМЪ
ПРЕЖДЕ ЖЕ
ТОГО ДѢЛМА
ЧЕСО РАДЬМА
ТЕПЛОТНААГО ИЖДЪЖЕННА
ТАЖЕ
СЪКОУПИТИ СЯ
НЕ МЪНИТЬ
СЪБРАТИ СЯ
ПАКЫ ПОТОМЪ
СЪНЬМЫ
КОУПНО
ОТЪЛУЧИМАМЪ
ОВИХОДѢТЕ
ЛОУКЫ
НЕГИАЛИ
ИЖЕ СОУТЬ
КРАИ ПЕСЪЧАНИИ
АКТЫ
ИЖЕ СОУТЬ СТѢНЫ КАМЕНЫ
ИНЖИЧЬСКО(О)К
РЕЧЕТЬ
КАСПИСКОК
ОБЪХОДИ
ИСТЬ ПОРОДЫ
МУДАЩИ
НЕПОСТОУПНА
РАЗИДЕТЬ СЯ
ГАНГИСЪ ИНЪДИЧЬСКАЯ
ГОУОНЪ
ПРИХОДИТЬ
ИНЫ
ВЪЛИВАЮТЬ СЯ
ПОНИЧУТЬ
ВЪРТЪПИВА
ИЗВОДИТЬ
ТВОРИТВУ
ЗЕМЬНОМУ
ЦѢДИТЬ... СЯ
ТИ
СЛАДИТЬ СЯ
ИСХОДИТЬ
ИСХОДИТЬ
МНОГАСЬДЫ
НОУДЬМИ РАЗМЕЩУЩИ СЯ
ВЪЗГОРИТЬ СЯ

ДОЛѢНОСЬНЬ
СИЮ ЖЕ
НЕПОСТИЖЬНЬ
ПРЪВѢК
ТѢМ ЖЕ
ЧЕСО РАДИ
ГОРЕЩАГО РАСПАЛЕННА
ТАКО ЖЕ
СЪНЕТИ СЕ
НЕ ПЛАКЕТЬ
СЪНЕТИ СЕ
СЕ БО ПО СИХЪ
СЪСТАВИ
ВЪКЪПЬ
РАЗЛОУЧЕННАМЪ
ШЕДРЪЖЕЩИ
НѢДРА
КРАИ И ВРѢГЫ
КРАК ЖЕ ГЛЮ ИЖЕ СОУТЬ
ПѢСОЧНИИ ПРОУДИ
ВРѢГЫ ЖЕ
СТѢНИ КАМЕННЫК
ИНДИНСКОК
ГЛѢКЪ СЕ
КАСПИЯ
ШКРОУЖАК
ИЗЪ РАТА
КЪСНЕЩИ
НЕДВИЖНА
РАЗ(Д)ѢЛАКЪ СЕ
ТАГГИСЪ ИНДИНСКА
ГИНЬ
СХОДЕЩИЯ
ДРОУГЫК
ИЗЛИВАЮТЪ СЕ
ПОНИРАЮТЬ
ВРЪТЪПАТА
ВЪЗ(Д)АВАКЪ
КАЧЬСТВОУ
ЗЕМЬНОМУ
ЦѢЖ(Д)АКЪ... СЕ
И
ОУСЛАЖ(Д)АКЪ СЕ
ВЪЗДАВАКЪ СЕ
ВЪЗВОДИТЪ СЕ
МНОГОУЩИ
НЪЖ(Д)ЕЮ РИГАЮЩИ
СЪГРѢВАКЪ СЕ

самородьныхъ
теплицъ воды
въсходатъ
божьемъ
сътвориша сѧ
сѧ съвъкоупиша
д̄шю живоу
имъ же
поношааше сѧ по водамъ
стыи
животы
см(о)кы
лежагы
смучимыи
птица крилаты
вещь
чистило
приметь

лл. 188а-193б
рекъше (2 раза)
разоумичьна
чоувства
оудове
чоукмъ
чоувьна
чоутью
чоувъ
животъ
чоутык
чоувства
видъ
чоувитва
оудове
видоу
из мождень
чоуктъ
масть. рекъше лице
съвѣсть
помазаник тѣло
ѿстоупъ посредьней
чисма
пошьстик
стоаник
съставление
водьно

саморастни
топли... воды
възводитъ се
бж(с)твьнымъ
быше
събраше(с)
д̄шоу животноу
понже
носимымъ на водахъ
бж(с)твьнымъ
животна
змікве
—
прѣсмикающаа се
птице пернати
съставъ
чистилице
прѣ(д)варить

Ѡ чоувствѣ
лл. 205а-208б
сирѣчь
рассмотрителна
чоувствителнице
съсѣди
чоувствоукмъ
чоувствьна
чоувствоу
чоувствьно
животнок
чоувство
чоувствителнице
зрѣник
чоувствительнице
съсоуди
зрѣнию
ѿ мозга
чоувствоукт
масть
съразоумѣвакт
сѣмастнок тѣло
растоаник еже посрѣ(д)
число
движеник
станик
състояние
водовидно

ЗЕМЛЪНО
РЕКЪШЕ
МОКРОТЪНО
ЧОУИТЕЛЪНО
ТЪНОСТЬ
МАЛЪСТВО
ЎДОВЕ
ЖИЛЫ МОЖДЕНЬНЫМ
ОУШНАГА ТВАРЬ
ПТИЦА (ИСПР. ИЗ ОПИИЦА)
ПРЕМИНЕТЪ
ПРИПЪРЪВЪНИИМЪ ОУДОЛЬМЪ
МОЗГОУ
ЧОУИТЕЛЪНО
ПРИИМЪНО ВЪСПАРЪМЪ
ВЪСКОУРЪ
ТВОРИТЪВНОК
ДОБРОВОНИЕ
ЗЛОСМЪРДЪНИЕ
ВЪ ПЛЪТЪХЪ
СТРОИИЪ СУЧАТЬ СІА
СОУЧЪШЕ
БЪХМА
НЕ ИСУЧЪШЕ
ВЪКОУСЪ
ХОУМОМЪ РЕКЪШЕ
ИЗЛИВОМЪ
ПРИИМЪНО
РЕКЪШЕ
ЧОУИТЕЛЪНО
ЖДА
ПАЧЕ
КОНЕЦЪ
ЛАЛОКА

ИЗ МОЖДЕНЕ
СПОВЪДАЮТЬ
БОЛШОМОУ
ЧОУТЬЕ
ПРИАТЬЕ
ТВОРИТВА
СЛАДЪСТВО
БРИДОСТЬ
ТОУКОСТЬ
СОПОЛЬСТВО
НЕСЪВЪДЪТИЕ
НЕТВОРИТЪВНА
ЖИВОТА

ЗЕМЛЪВИДНО
СИРЪЧЬ
МОКРО
ЧЮВЪСТВИТЕЛНО
СКОРОСТЬ
ТРЪШЕНИК
СЪСОУДИ
ЖИЛИ ЕЖЕ ИЗ МОЗГА
ОУШНОК ОУСТРОКНИК
ПИИИКИ
ПРЪХОДИТЪ
ПРЪДНИМЪ ЧРЪВОМЪ
МОЖ(Д)АНА
ЧЮВЪСТВИТЕ(Л)НО
ВЪСПРИИМИТЕ(Л)НО ПАРАМЪ
ПАРАМЪ
РОДЪИШЕ
БГОВОНИК
ЗЛОВОНИК
ВЪ ТЪЛЕСЕХЪ
ЎНОУДЪ ИССЕКШИМЪ
ИССЕЧЕНИК
ЎНОУДЪ
НЕ ИССЕКШИ
ВЪКОУШЕНИК

ИЗЛИВОМЪ
ВЪСПРИИМИТЕЛНО
СИРЪЧЬ
ЧЮВЪСТВИТЕЛНО
СЪСОУДИ
МНОЖАК
КРАИ
ЛАЛОКА ЕЖЕ НАРИЦАЮТЬ
ИИЦИ ИИЦЕ
ИЗ МОЗГА
ВЪЗВЪЩАЮЩЕ
ВЛ(Д)ЧЪСТВОУЮЩОМОУ
ЧЮВЪСТВО
ВЪПРИКТИК
КАЧЪСТВА
СЛАДО(С)
УСКОМИНЪСТВО
ТОУЧНОСТЬ
БРИТКОСТЬ
РАЗЪОУВЪДАТЕЛНО
БЕЗЪКАЧЪСТВЪНА
ЖИВОТНИМЪ

ЗАНЕ	ИМЪ ЖЕ
ПОСАЗАНИЮ	УСЕЗАНИЮ
ПОСАЗАНЬЮ	УСЕЗАНИЮ
ВИДОУ	ЗРѢНИЮ
ЕТЕРИ	ИНИ НѢКЫК
ВЪСКРАИНАЖ ПЛЪТИ	ПРИБЛИЖАЮЩОУ СЕ ТѢЛО
ЧОУЕТЪ	ЧЮѢСТВЪКЪ
ПОМЫСЛЪМЪ	МЫСЛИЮ
ЧИСМЕНИ	ЧИСЛА
ВИДЪ	ЗРѢНИК
ТРЕВѢ	ПОТРѢБА
ЧОУВИТВЪ	ЧЮВЪСТВЪ
ТВОРЬЦЪ	СЪДѢТЕЛЬ
СЪТВОРИЛЪ	УСТРОИЛЪ
НАКОНЪЧАЕТЪ	НАПЛЪНАКЪ
ТРЕБОВАНИК	ПОТРѢБОУ
БРОДА	ПРОХОДА
СЪВОУЗЪ	СТАВЪ
ВИДЪ	ЗРѢНИК
ВИДИТЬ	ЗРИТЬ
ОБОУХЪ	УБОИАНИК
ПРИКОСЪ	УСЕЗАНИК
ВКОУСЪ	ВЪКОУШЕНИЕ
ЧУТИИ	ЧЮВЪСТВИ

Анализ приведенного материала показывает, что в южнославянском переводе Богословия XIV в. была проведена целенаправленная языковая редакция, которая выразилась в систематической замене некоторых слов и особенно терминологической лексики памятника. Так, для этой редакции характерен отказ от грецизма **СТОУХИЕ**, употребительного в языке Иоанна экзарха, а также синонимичного ему в значении 'стихия, элемент' слова **ВЕЩЬ**. Оба этих термина передаются в новой редакции словом **СЪСТАВЪ**, что также традиционно для церковнославянского языка. В Шестодневе Иоанна экзарха мы можем наблюдать цепочку терминов: **СТОУХИЕ** - **ВЕЩЬ** - **СОСТАВЪ** для обозначения греч. *στοιχειον*. Постоянны замены слова **ТВОРИТВО**, отмеченного в «Материалах» И.И. Срезневского в значении 'качество, свойство', словом **КАЧЕСТВО**. Слово **ЖИВОТЪ** последовательно заменено здесь словом **ЖИВОТНОК**, **ОУДЪ** ('часть тела') - словом **СЪСОУДЪ**, **ЧУВИТВО** ('орган чувства') - словом **ЧЮВЪСТИТЕЛЬНИЦА**, а **ВИДЪ** - словом **ЗРѢНИК**.

Кроме того, из этого перевода убраны некоторые слова, которые можно рассматривать как окказиональные или малопонятные читателям. К их числу могут быть отнесены, например, такие слова, как **АКТЫ**, **НЕГИЛИ**, **ХОУМЪ**, **ЛЕЖАГЪ**, **СОПОЛЬСТВО** и некоторые другие. Заслуживает внимания постоянная передача союзного слова **РЕКЪШЕ**,

характерного для языка Иоанна экзарха, выступающего в функции пояснительного союза, словом **сирѣчь** в более позднем церковнославянском переводе. Таким образом, можно констатировать, что уже в XIV в. язык нового перевода Богословия подвергся значительным изменениям, о чем можно судить по большому числу примеров на сравнительно небольших отрывках текста. Эта правка проводилась с привлечением греческого оригинала, о чем свидетельствуют дополнения, сделанные в сербском списке сравнительно с переводом Иоанна экзарха.

Однако более существенно обновился язык этого памятника при обращении к нему А. Курбского и М. Оболенского, предпринявших перевод Богословия с привлечением латинского текста.

Как следует из предисловия Курбского к переводу книги Иоанна Дамаскина, он ставил перед собой две основные задачи - исправление перевода Иоанна экзарха, который был сделан, по его мнению, недостаточно хорошо и при этом испорчен переписчиками текста, и перевод тех глав, которые ранее не были переведены. Интересно, что ученый князь отмечает, что ему и его соратнику М. Оболенскому **лѣхчанше шврѣталоса небышее преводити нежели испорченое и разтѣное исправлати** [ЧОИДР 1878: 24], т. е. он расценивал труд по редактированию текста как более сложный по сравнению с переводческой деятельностью.

Известно, что в своей работе он руководствовался филологическими взглядами Максима Грека, который ориентировался на русский язык, избегая в своих переводах болгаризмов и сербизмов [Ковтун 1975: 50]. Ученик Максима Грека Нил Курлятев в Предисловии к переводу Псалтири Максима Грека перечисляет ряд слов, южнославянских по происхождению, непонятных в XVI в. русскому читателю, таких, как **васнь, цѣща, вѣхума** и др. Стремление Андрея Курбского к переделке архаичного для XVI в. перевода Богословия Иоанна Дамаскина, сделанного Иоанном экзархом, отвечало потребностям развития русского языка этого времени. Вполне естественно поэтому, что значительным изменениям подверглась в переводе Курбского лексика, характерная для Преславской книжности, воспринимаемая в этот период как архаическая. К числу таких слов можно отнести следующие примеры¹: **вѣхума - весьма, глѣнь - флегма, глѣнь - питоуѣта, творитво - пакость, подрагъ-подобие, наслѣдїе, наслѣдованїе, сетьныи - краинни, безблзньныи - несоумнѣнныи, небонъ - понеже, отоки - потоки, пивьныи - напожѣмыи и сладкии, порода - ран, разоумичьныи - оумныи, изливъ- влага, вѣзвратъ - обращенїе, дѣльма - ради, кѣзнь - искоуство, ометъ - мрежа, растивыи - растителныи, съдрьзатиса - боитиса, треба - жертва, чоувитва - чоувства, мождень - мозгъ,**

хоумъ - смакъ, престѹпъ - престѹпление.

Следует отметить, что ряд этих слов употребляется в Изборнике Святослава 1073 г.: **везблазникъ, вѣхма, глѣнъ, небонъ, надьма, подрагъ, прѣстѹпъ, сетьныи, съдрьзатиса, трѣва.** Большинство из них совпадают по своей семантике со словами из перевода Иоанна экзарха. Сказанное относится к словам **вѣхма, небонъ, прѣстѹпъ, сетьныи, трѣва.** Значительна группа слов, объединяющих переводы Иоанна экзарха, - Богословие и Шестоднев. Среди перечисленных это лексемы **везблазнїе, бридость, дѣльма, мождень, ометь, пивьныи** (πότιςος), **разоумичьныи, сетьныи, съдрьзатиса, трѣва, творитвьныи** (при отсутствии в Шестодневе сущ. **творитво**), **хоумъ (хоумось).**

Слово **вѣхма (вѣхма)** ‘совершенно, совсем, вовсе’ один раз отмечено по Изборнику Святослава 1073 г. и отсутствует в Шестодневе Иоанна экзарха. В Егр-619, как и в переводе Курбского, его вариантом является лексема **вєсма.** Несомненно, что в XVI в. оно осознавалось как архаичное, о чем свидетельствует его пояснение в Азбуковнике этого времени: **вохма - вєсма** [Ковтун 1975: 273].

Слово **глѣнъ** употреблено в Богословии в значении ‘влага, жидкость’, ‘слизь’, те же значения отмечены у этого слова в [СлРЯ XI-XVII вв. 4: 32]. При этом один раз в переводе Курбского, где речь идет о составе тела человека из четырех жидкостей, его вариантом является грецизм **флегма** (φλεγμα): **флегма примеряетса ко водѣ поне(ж) стоудена есть и мокра** [Курбский 1995: 45а 1-13]. Этот грецизм известен также по естественно-научному памятнику **галиново на впократа**²: **флегма же иже есть мокротна видѣние(м) была,** где синонимом этого слова является **мокрота: флегма сирѣ(ч) мокрота**³. [Мильков 1999: 454, 456].

В другом случае в переводе Курбского мы встречаем латинизм - слово **пѣтѹпта** (лат. *pituita* - мокрота, влага): **аки па(т)надесе(т) годинъ пѣтѹптоу примножае(т)** [Курбский 1995: 35а 19]. Примечательно, что в этом случае вариантами этого слова по спискам являются слова: **флакгмоу, флагмоу** [Курбский 1995: 138]. В латинском оригинале, который использовал Курбский, в обоих случаях стояло слово *pituita*. Выбор Курбским слова **флегма** для обозначения одной из стихий (жидкости, воды), из которой состоит тело человека, очевидно, был связан с закрепившейся традицией ее обозначения в церковнославянском языке, тогда как слово **глѣнъ**, несомненно, осознавалось уже как южнославянское и архаичное. В сербском списке Богословия XIV в., также, как и в списках XV-XVI вв. перевода Иоанна экзарха, слово **глѣнъ** было сохранено.

Слово **подрагъ** употребляется в Богословии в двух значениях: ‘подобие’ и ‘подражание’. В «Материалах для древнерусского словаря» И.И. Срезневского оно зафиксировано всего по двум памятникам - Изборнику Святослава 1073 г. и Богословию Иоанна Дамаскина [Срезневский II: 1044].

Слово **разумичьныи** ‘одаренный разумом’, ‘постигающий, воспринимающий’, ‘разумный’ известно по памятникам Преславской книжности - Псалтири с толкованиями Феодорита Киррского, Шестодневу Иоанна экзарха и некоторым другим [Срезневский III: 53]. В Богословии Иоанна экзарха оно весьма употребительно, однако в южнославянском переводе XIV в. , как и в переводе Курбского, оно заменено на слова **оумныи**, **разоумьнъ**, в Сн-442 - на **разумьнъ**. Имеется единственный случай, когда Курбский сохранил слово **разоумичьныи**, восходящее к переводу Иоанна экзарха: **чю(в)ство естъ сила дшевнаа примате(л)наа вещь(м) рекше разоумична** (cognoscitiva) [Курбский 1995: 48b 1-2].

Среди слов, принадлежащих к рассматриваемой группе лексики, можно выделить окказионализмы, свойственные языку Иоанна экзарха и не отмеченные в других письменных памятниках. К ним, в частности, относятся лексемы **вѣдѣмъ**, **вѣсрашьныи**, **вертьпивыи**, **творитво**, грецизмы **егнали** (греч. αἰγιαλός - морской берег), **акты** (греч. ἄκτι - берег морской, особенно высокий, крутой).

Грецизмы **егнали** и **акты** служат в Богословии для обозначения морского берега, однако если первое слово обозначает песчаный берег, то второе - высокий и скалистый: **егнали иже соуть краи пѣсчании и акты иже соуть стѣны камяны** [БИЭ: 151a]. В сербском списке XIV в. **егнали** заменено на **краи** и имеет пояснение: **крак же глаю иже соуть пѣсочнии проуди**, а слово **акты** - лексемой **брѣгы**: **брѣгы же стѣны каменнык** [Weiher 1987: 180b 27-181a 3]. В своем переводе Курбский сохранил только грецизм **акты**, а весь отрывок переделан им следующим образом: **ра(з)личныє лимени ꙗ акты пристанища имоущие по(д)ле себе глоубиноу превеликоюу** [Курбский 1995: 38b 17]. При этом интересны глоссы, сделанные в списках Богословия в переводе Курбского: к слову **лимени** - **пристанища песочныє**, а к слову **акты** - **каменны(м) гора(м) пристанища** [Курбский 1995: 152]. Сохранение грецизма **акты**, возможно, связано с тем, что Курбский мог хорошо знать это слово, достаточно сказать, что его толкование содержится в Азбуковнике конца XVI в. (**акты ꙗ стѣны камены**) [Ковтун 1975: 284].

Слово **вертьпивыи** (греч. ὑπόνοος - имеющий подземный ход или канал) представлено только в Богословии Иоанна экзарха: **вбаче и вса земля скважнята ксть и вертьпива ꙗко и каки жилы имоущи** [БИЭ: 153a], его аналогом в переводе Курбского является лексема **проникателныи**.

Слово **вѣдѣмъ** (без определения значения) приведено И.И. Срезневским [Срезневский I: 333] по единственному примеру из Богословия Иоанна экзарха, ср. : **дшо же словесноу и разоумичноу своимъ вѣдѣмомъ давъ емоу** [БИЭ: 174a]. В Егр-619 его вариантом является слово **вѣдхновеніє**, та же лексема представлена у Курбского и в сербском списке XIV в. В древнерусском языке она зафиксирована по памятникам, начиная с XIV в. [СДРЯ I: 522]. Эти варианты употреблены в значении ‘вдуновение, вдыхание (наделение способностью жить)’ [СлРЯ XI-XVII в. 2: 40].

Слово **въсрашьныи** (τραχυς) отмечено И.И. Срезневским [Срезневский I: 419] только по Богословию Иоанна экзарха в значении ‘неровность’ (точнее было бы ‘неровный’): **въсрашьно и голо** (τὸ τραχὺ καὶ λεῖον) и **гладъко и негладъко и остро и тоупо** [БИЭ: 189а]. Его вариантом в переводе Курбского является лексема **ДЕБЕЛО** (лат. *asper*). Греч. τραχυς и лат. *asper* синонимичны в значениях ‘шероховатый, шершавый’, ‘неровный, бугристый’, ‘негладкий’. У слова же **ДЕБЕЛЫИ**, по данным исторических словарей, эти значения отсутствуют: **дебелыи** - ‘тучный, толстый, крупный’, ‘плотный, густой’, ‘плотный, грубый’, ‘материальный, вещественный’ [СлРЯ XI-XVII вв. 4: 196], ‘толстый, здоровый’, ‘грубый, жесткий’ [СДРЯ II: 451]. Возникает вопрос, адекватен ли перевод лат. *asper* на славянский язык словом **ДЕБЕЛЫИ**? В этой связи возможны два предположения: во-первых, существование у слова **ДЕБЕЛЫИ** значения ‘неровный’, ‘шероховатый’, не зафиксированного историческими словарями. Во-вторых, возможно заключение, что при переводе Курбский выбрал славянское слово с иной семантикой. Второе предположение подтверждается дальнейшим противопоставлением в тексте: **ДЕБЕЛО** ι **ЛЕГКО** (*asperum et leve*) [Курбский 1995: 48b 11], в то время как в переводе Иоанна экзарха встречаем иную пару антонимов: **въсрашьно и голо**. Возможно, что это противопоставление в переводе Курбского возникло при выборе славянского соответствия латинского слова *levis* (I *levis* - гладкий, ровный и др., II *levis* - легкий, нетяжелый). Определение значения второго слова повлекло за собой и перевод лат. *asper* словом **ДЕБЕЛЫИ**.

Слову **творитво** – окказионализму в языке Иоанна экзарха, замененному, как было показано выше, уже в сербском списке XIV в. словом **качьство**, у Курбского соответствует южнорусское **накость** (*qualitas*). Однако как соответствие тому же латинскому слову в его переводе употребляется и слово **качество**, которое, как правило, в других списках имеет вариант **накость**. В то же время в тех случаях, когда в публикуемом Ю. Бестерс-Дилгер списке Рм-193 стоит слово **накость**, оно может глоссироваться в других списках того же перевода словом **качьство** или иметь его в качестве разночтения. Обращает на себя внимание тот факт, что передача латинского *qualitas* славянским **качьство** встречается лишь в тех местах Богословия, которые отсутствовали в переводе Иоанна экзарха и были заново переведены Курбским или Оболенским. Производное от этого существительного прилагательное **творитвеныи**, широко распространенное в языке Иоанна экзарха, особенно в его Шестодневе, также подверглось изменениям в переводе Курбского, ср.: **творитвѣное различье** - **насоо(в)щитѣ(л)нѣишеѣ ра(з)личие** [Курбский 1995: 498b 23].

Наблюдается лишь один случай, когда Курбский сохраняет в своем переводе преславизм **НЕТВОРИТЬВЪНЫН: А ВОДА НЕВТОРИТВЕ(Н)НА ЕСТЬ, ТАКО СОУ(Т) СИ СОСТАВНЫ** (*aqua harum qualitatum vacua est*) [Курбский 1995: 49а 13]. Примечательно, что в южнославянском переводе XIV в. в этом месте находим словосочетание **ВОДА БЕЗЪКАЧЪСТВЪНА**.

Грецизм **ХОУМЪ** (греч. *χῦμος* - влага, сок, вкус) - **ДА ПЛОДИ ЧЕТЫРЬМИ ВЕЩЬМИ СЪСТОНАТЬСЯ А ХОУМИ РЕКЪШЕ Ѡ ПЛОДА** [БИЭ: 180а 4-6], **ТАКОЖДЕ И ИЗЛИВИ РЕКЪШЕ ХОУМІ ЧЕТЫРЕ** [БИЭ: 179а-179б] - заменен у Курбского словами **ВЛАГА И СМАКЪ: ВЛАГИ (humores) ОУБО С ПЛОДОВЪ ИСХОДАТЬ** [Курбский 1995: 45а 15-16]. **ЧЕТВЕРТОЕ ЧОУВСТВО ВКОУШЕНИЕ ЕСТЬ СМАКОВЪ ПРИЕМНО І ЧОУТАТЕ(Л)НО** [Курбский 1995: 49а 4-5]. В южнославянском переводе Богословия этот грецизм передан словом **ИЗЛИВЪ: ИЗЛИВИ ЖЕ Ѡ ПЛО(Д)ВЪ** [Weiherr 1987: 198а 22]. В Шестодневе Иоанна экзарха он пояснен следующим образом: **ХУМОСОМЪ ЕЖЕ СЪТЬ СОЦИ ВСЕГО ОВОЦА** Чуд-171. В то же время само это слово так и не было усвоено славянскими книжниками, так как подвергалось в списках Богословия и Шестоднева искажениям: **ХОИМОМЪ** Егр-619, **ОУМЪ САМЪ** (вм. *хумосомъ*) в болгарском списке Шестоднева XV в. - Син-35.

О степени усвоения древнеболгарской по происхождению лексики в русском языке XVI в. можно судить не только по характеру лексических замен, наличию вариантов у тех или иных слов и даже их искажениям, но и по отказу от употребления некоторых лексем, хотя в этом случае, разумеется, можно говорить и о некоторых особенностях языковой личности переводчика. Так, А. Курбский в своем переводе опускает слово **ЛЕЖАГЫ (ЛЕЖАГЪ, ЛЕЖАСЪ - κήτος)**, которое употребительно в языке Иоанна экзарха и служит для обозначения китов⁴. Это слово опущено также в Егр-619 и сербском списке XIV в. В Сн-442 оно представлено в форме **ЛЕЖАСЫ**, т.е. так же, как в Шестодневе Иоанна экзарха.

Слово **РАСТЪПЪ** употребляется в Богословии и Шестодневе Иоанна экзарха как для обозначения временного промежутка, продолжительности, так и в значении 'измерение' (протяженность в длину, ширину и высоту)⁵. В Богословии оно отмечено в первом из указанных значений: **И РАСТЪПЪ ДНИ Є(С). Ѡ ВОЗЪТОКА И ДО ЗАПАДА. НА(Д) ЗЕМЛЕЮ СЛНЧНОЕ ТЕЧЕНИЕ** (διάστημα) (Сн-442: 30б)⁶. Курбский отказался в своем переводе не только от этого слова, но и существенно отредактировал текст по латинскому оригиналу, в результате его перевод сильно отличается от Иоаннова: **ИБО ДЕ(Н) ТОГО РАДІ ЕСТЬ, ИЖЕ СЛНЦЕ Є(СТ) НА(Д) ЗЕМЛЕЮ ОТ ВОСТОКА А(Ж) ПРИДЕ(Т) ДО ЗАПАДОУ** [Курбский 1995: 33b 20-22].

Заметно, что Курбский избегает в своем переводе слово **эфиръ**. Оно употреблено здесь всего один раз: **ѿ сего нарицаю(т) етера** [Курбский 1995: 31b 6-7]. В трех остальных случаях оно заменено словом **гнь** [Курбский 1995: 31b 14, 38b 3, 4]. В главе 18 **Ѡ свѣтъ и огни и Ѡ свѣтильницѣхъ** в переводе Иоанна экзарха читается текст, в котором поясняется природа огня - эфира: **дрѹзи же рѣша мира сего гнь по въздохомъ ꙗже наричюуть етера** (... ὁ καλουσειν αιθερα) [БИЭ: 131a], ... **его (ж) наричю(т) ефера** Егр-619. В переводе Курбского пояснение со словом **эфиръ** отсутствует: **дрѹзи же мира сего огнь подъ въз(д)охомъ быти глѹтъ** [Курбский 1995: 33a 24-25], несмотря на то, что в латинском тексте оно имеется в наличии: *quem aethera vocant*.

Можно отметить еще одну особенность переводческой и редакторской деятельности А. Курбского. Он не употребляет слово **вещь** в значении 'первичная материя, элемент, стихия', постоянно заменяя его грецизмом **стихиа** (в латинском тексте ему соответствует *elementum*). В то же время он переводит словом **вещь** лат. *materia, materialia*, но особенно часто - лат. *res* (вещь, предмет, сущность, дело и др.). Для переводов же Иоанна экзарха характерно использование слова **вещь** в большей степени для передачи греч. ὕλη (материя, вещество) и στοιχειον; значительно меньше случаев, когда он переводит этим словом греч. πρᾶγμα [Шестоднев 1998: 620].

Еще один пример – отказ от слова **нощѣдень** для обозначения понятия «сутки». Примечательно, что compositum νυκθημερον (**нощѣденіе**) в виде слов **нощѣдень, нощѣде(н)** представлено в Егр-619, Сн-442, тогда как в древнейшем восточнославянском списке Богословия ему соответствует словосочетание **единъ днь: да ѿ начатъка дни до дрѹгаго дњи кдинъ ксть днь** [БИЭ: 132a -132б]. А. Курбский лат. *noctidium* передал тем же словосочетанием: **ѿ о(т) начала днѧ а(ж) до дрѹгаго днѧ едї(н) днь** [Курбский 1995: 33b 14-15]. О том, что в списках XVI в. Егр-619 и Сн-442 представлено более древнее чтение, восходящее к протографу Иоанна экзарха, свидетельствует наличие слов **нощѣденіе** и **дньноштіе** в Шестодневе Иоанна экзарха и Изборнике Святослава 1073 г., в последнем из двух памятников имеется еще и существительное **нощѣдньница**.

Большие изменения в переводе Курбского и Оболенского касались не только лексики Преславской книжности, но и многих архаизмов, характерных для других ранних переводных произведений церковнославянской литературы. Несмотря на выдержанный в духе следования церковнославянской норме характер перевода Богословия⁷, Курбский вслед за М. Греком и Н. Курлятевым признавал необходимость исправления малопонятных архаизмов и южнославянизмов. В то же время для него очень важно было не исказить смысл

латинского подлинника [Калугин 1998: 115]. Об этом свидетельствуют многочисленные примеры замен, сделанные в его переводе: **клясатѧ** - **ослы**, **заоутра** - **оутро**, **съкоупитисѧ** - **да соверутсѧ**, **съвъкоупиша** - **собираю(т)сѧ**, **дѣльма** - **ради**, **етерьъ** - **нѣкын**, **къзнь** - **искоуство**, **лоуца** - **копнѣ**, **лалока** - **поднебениѣ**, **начатъкъ** - **начало**, **съвадитель** - **началникъ**, **отлѣчимы** - **разделѣнны**, **чисма** - **число**, **лихование** - **отшествие**, **мысльнъ-словеснъ**, **обълын** - **окроуглын**, **особие** - **своиства**, **оукрѣпивыи** - **оутвердивыи**, **ѣдь** - **пища**, **расходъ** - **престатѣе**, **реть** - **ревность**, **не рачи** - **не допоустилъ**, **стречение** - **точка**, **газа** - **вредъ**, **хоудьство** - **искоуство**, **чиститель** - **ерѣи**, **оужика** - **сродникъ** и др.

Интересна замена слова **опица** на **обезьяна**, которое в списках Богословия Иоанна экзарха подвергалось искажениям, очевидно, будучи уже в XII в. малопонятным и редким. Так, в древнейшем списке Богословия оно было исправлено на слово **птица** [ЧОИДР 1878: 8], то же чтение **птица** представлено в МДА-145, Сн-442 (однако **опица** в Егр-619), несмотря на то, что предложение с подобным исправлением лишалось смысла, ср.: **Члкъ ти птица не движи(т) оушима** Сн-442. В южнославянском переводе XIV в. его вариантом является грецизм **пификъ** (πιδηκος). О предпочтительности слова **обезьяна** или его варианта **облезьяна** среди других обозначений этого животного в русском языке свидетельствует пояснение в одном из Алфавитов XVII в.: **пифики** - **обле(з)аны** (ЛМ-94: 224а). Слово **теплица** (**топанца**) 'горячий источник' заменено в переводе Курбского словосочетанием **собою теплые: ꙗко(т)туды саморо(д)ные ꙗко собою теплын соделоваютсѧ воды** [Курбский 1995: 39а 22-23].

Слово **лалока**, используемое в Богословии и Шестодневе Иоанна экзарха, а также некоторых других памятниках для обозначения нѣба, передается у Курбского словом **поднебениѣ** (*palatum*) и имеет пояснение: **ꙗко(д)небениѣ что грекове оуранискоумъ нарицаю(т)** [Курбский 1995: 49а 6-7]. В сербском списке XIV в. оно сохранено, но также имеет пояснение: **лалока кже нарицають нѣци нѣце** [Weiher 1987: 206б 13-14].

О том, что многие из приведенных выше слов устарели и стали непонятны читателям, свидетельствует факт включения их в Азбуковники или Алфавиты XVI-XVII вв. Отметим в связи с этим, что труд Курбского по исправлению перевода Богословия осуществлялся в период оживления лексикографической практики. Вероятнее всего, Курбский и Оболенский использовали материалы таких словарей. Выше уже неоднократно приводились примеры, подтверждающие это предположение. Добавим к ним еще несколько толкований из Азбуковников, позволяющих говорить о соотносимости лексических замен в переводе

Курбского с данными русских словарей: етеръ - нѣкѣи, свѣне - кромѣ, пиѣникъ - обезьяна, люща - копѣе, оужика - сродника, стихїа. вещь... илї составъ, качество. е(с)ство каковомъ есть, їерѣи. сщени(к) или чистите(л) [Ковтун 1975: 280, 300, 298, 289, 306, 301, 263, 284]; клюся - подъяремник или лошадка Алф. XVII в. [СлРЯ XI-XVII вв. 7: 183], бохма Ѡню(д) или всако или весма, дѣлма ради, клюся лоша(д), лѣща копне, свѣне кромѣ, стихїа вещи или составы четыре сѣ(т) стихїя а. въздѣ(х). в. вода . г . персть. д. огонь, оужика - сродница [ЛМ- 94: 145б, 164а, 192а, 200б, 232б, 233а, 247а.].

Характер лексических замен в переводе Курбского свидетельствует о значительных сдвигах в семантике ряда церковнославянских и русских слов в XVI в. Стремлением переводчика заменить ряд слов, несомненно употребительных в русском языке этого времени, но изменивших свои значения, можно объяснить словарные отличия двух редакций перевода Богословия (в приведенных ниже парах лексемы из перевода Иоанна экзарха стоят на первом месте, а из перевода Курбского - на втором): видъ - зрѣнїе, вредъ - болезнь, възвратъ - обращение, драхлыи - скорбныи, жатва - лѣто, застоупъ- заслоненїе, крѣчина-влажность, могила - гора, поносъ звѣздныи - теченїе звѣздное, садъ - лѣторасль, трѣвити - исцелати, оутварь - оукрашение, оутварь - миръ.

Как правило, первый член этой пары - многозначное существительное или существительное с двумя или более значениями, одно из которых к XVI в. осознавалось как архаичное. Слово възвратъ имело в древнерусском языке два значения: 'возвращение, прибытие обратно', 'поворот, солнцеворот' [СлРЯ XI-XVII вв. 2: 275-276]. В Богословии оно употребляется во втором из названных значений: тако ѱбо слнце възвраты творить и тѣми лѣто сътваряеть [БИЭ: 137а]. В переводе Курбского оно последовательно заменено словом обращенїе: сще слнца обращенїа (conversiones) и тѣми годъ творить и днї и ноци [Курбский 1995: 35а 26-35 b 1], ѱбо слнце(м) времяъ четыре обращенїа (versio) и премененїа состоатса [Курбский 1995: 34b 4-5]; ср.: слнцемъ во четыре възврати состоатса (Сн-442: 31б). В исторических словарях рассматриваемое значение слова възвратъ фиксируется только по материалам Богословия Иоанна Дамаскина. В Шестодневе Иоанна экзарха вместо слова възвратъ в указанном значении постоянно употребляется однокоренное съвратъ: Ѡ тоу ж оуже на жатвеныа съвраты [Шестоднев 1998: 138б 7-8]; съвраты во хранить ѱкоже се весненїи равноднѣе жатвенїи и осенїи [Шестоднев 1998: 149б 13-15]. В одном случае отмечается замена этого слова в списке поздней русской редакции на лексему възвратъ. Появление этого разночтения может быть связано с тем, что еще в XVII в. у рассматриваемого слова сохранялось указанное значение, которое могло

быть знакомо переписчику или редактору по Богословию Иоанна экзарха. Достаточно сказать, что в поздних списках Богословия Иоанна экзарха оно не подвергалось искажениям и заменам. Однако судя по замене слова **возвратъ** на **обращеніе** Курбским, логично предположить, что в XVI в. преобладающим значением слова **възвратъ** стало 'возвращение, прибытие'.

Слово **крѣчина** имело два основных значения - 'желчь' и 'печаль, горе' [СлРЯ XI-XVII вв. 8: 90]. Согласно учению Гиппократову о четырех жидкостях, входящих в состав человеческого тела, две из них - кручина желтая и кручина черная (желтая и черная желчь) соответствовали двум стихиям - огню и земле - и вместе с кровью и флегмой определяли медико-биологические свойства и состояние здоровья человека: **чърнага крѣчина прилагаша сѧ къ землѣ суѣха во кѣтъ и стоѣдена** [БИЭ: 179б], **жълтага крѣчина подобаша сѧ къ гнѣю теплотна во кѣтъ и суѣха** [БИЭ: 180а]. В переводе Курбского эти словосочетания передаются двумя способами: «черной кручине» соответствуют **чърнага влажностъ** и **меланколїа**, а желтой - **жълтага влажностъ** и **колера**: **стоѣдена во 1 суѣха естъ и чърноѣю влажностъ (bilis) оумножае(т)** [Курбский 1995: 35а 7-8]; **меланколїа (arta bilis) прировниваетсѧ ко землѣ стоѣдена во естъ 1 суѣха** [Курбский 1995: 45а 11-12]; **понеже тепло естъ 1 суѣхо оумножае(т) же(л)тоѣю влажностъ (bilem)** [Курбский 1995: 34b 22-23]; **колера (flava bilis) оуподобляетсѧ огню 1 во тепла е(ст) 1 суѣха** [Курбский 1995: 45а 14-15]. Кроме того, в переводе Курбского употребляется и слово **желчь (biliosa)**: **колера а(л)во же(л)чь** [Курбский 1995: 47а 25]⁸. Избыток желтой или черной желчи в организме по мысли средневековых врачей приводил к заболеваниям разного рода, поэтому слово **крѣчина** могло употребляться для названия ряда заболеваний, ср. в Шестодневе Иоанна экзарха: **или крѣчина чърнага востекѣши яко громъ** [Шестоднев 1998: 96б 3-4]. Однако уже в XIV-XV вв. (в южнославянском переводе Богословия и в списках апокрифа Галенова на Гипократа) вместо слова **крѣчина** последовательно употребляется слово **желчь**: **чърна жълчь по(д)вещи се землѣ... жълта жълчь по(д)вещи се гнѣю** [Weiher 1987: 198а 10...18]; **миръ сирѣ(ч) члѣкъ. ѿ четыреъ стихїа. сирѣ(ч) ѿ крови. ѿ мокроты. ѿ черныа желчи и ѿ черныа** [Мильков 1999: 467]. Судя по данным исторических словарей, в XVI-XVII вв. преобладающим становится употребление слова **крѣчина** не в терминологических сочетаниях, используемых в медико-биологических текстах, а в значении 'печаль, горе', т. е. близком его современному значению, что и привело к его замене в переводе Курбского.

Наблюдаются расхождения в передаче переводчиками пяти известных чувств. Если у болгарского автора это **видѣ, слоухѣ, обонанне, въкоушѣ, осазанне**, в южнославянском переводе XIV в. - **видѣние, зрѣние, слоухѣ, обонанне, въкоушение, осазанне**, то у Курбского это **видѣние, зрѣние, слоухѣ (слышанне), обонанне, вкоушение, осазанне**. Интересно, что в передаче этих названий Курбский близок терминологии Послания митрополита Никифора Владимиру Мономаху о посте и воздержании чувств,

древнерусскому памятнику XII в., сохранившемуся в списках XVI в.: **вѣдѣніе оубо є(с) чювьственное вѣрно... и почтѣ нѣ(с) кнже мон. гак(ж) и вѣдѣніе, так(ж) и слѣ(х)...** **вонанїи (ж), иже гони(т) блгооуханїе, что подобае(т) глати... и вкѣшенїи так(ж) иже въ брашнѣ и питїи бывае(т)...** **сззанїи (ж), еже є(с) рѣкама** [Послания Никифора 2000: 65-67]. К XVII в. происходит закрепление за названием первого из пяти чувств слова **зрѣніе**: **зрѣніе ѿ пяти чѣвствъ иже сѣть в телеси** (ЛМ-94 178а).

Слово **поносъ** употребляется в Богословии Иоанна экзарха в значении 'движение', в греческом ему соответствует **φορά** (быстрое движение, течение): **аще бо ѿ поносъ звѣздныхъ все творимъ. еже и творимъ то по нужди творимъ** [БИЭ: 140а-140б]. Слово **поносъ** известно в словарях не только в этом значении, но также и в других: 'течение (в реке)', 'подношение' и 'расстройство деятельности кишечника, понос' [СлРЯ XI-XVII вв. 17: 60]. Очевидно, что последние два значения, отмечаемые в этом словаре по памятникам XVII в., вытеснили употребление этого слова в значениях 'движение', 'течение', что нашло отражение в переводе Курбского, где слово **поносъ** вообще не употребляется, а в соответствующем фрагменте читается слово **течение** (*latio*): **аще бы по течению звѣз(д)номуу і все творилсмы, по ноу(ж)де бысмо все творил** [Курбский: 36а 12-13]. В переводе Курбского движение небесных тел постоянно обозначается словом **течение**: **теку(т) же теченїе(м) непрестаннїи(м) которое теченїе соз(д)атель вещи оустрої(л) и(м)** [Курбский: 34а 22-24].

В паре **застоупъ - заслоненїе** составляющие ее члены синонимичны в значении 'то, что заслоняет, закрывает собой', при этом первое существительное употребляется в переводе Богословия Иоанна экзарха, второе - Курбского. Однако в русском языке существовало и омонимичное существительное **застоупъ** - 'род железной или окованной железом лопаты, заступ', сохранившееся в современном русском языке и отмеченное по памятникам с XVI в. По-видимому, в XVII в. это слово было широко распространено, так как служило для пояснения в Алфавите: *мотыка - лопата или заступъ окованная* [СлРЯ XI-XVII вв. 5: 308].

Существительное **садъ**, употребляемое в переводе Иоанна экзарха в значении 'растение, дерево', в двух случаях заменено Курбским словом **лѣторасль** (*planta*): **бжїи(м) повеленїе(м) сво(н)ствен(н)ые оукрашенїа зе(м)лѣ прилаа всакїи ра(з)личїи тра(в) і лѣторасле(н) оукрашен(н)а** [Курбский 1995: 40а 12-14]: **і лѣтораслеи и тра(в)** [Курбский 1995: 40а 25]. К обоим текстам имеются разночтения: в первом случае это **древе(с)**, во втором - **былеи** [Курбский 1995: 158]. В ранний период слово **садъ** преимущественно выступало в значении 'растение, дерево', 'посаженное растение', собир. 'деревья, насаждения'. Однако в древнерусских памятниках с раннего периода у этого слова отмечается значение 'сад'. В XVI-XVII вв. преобладающим его значением становится 'огороженный участок для выращивания овощей, съедобных трав, ягодных кустарников' [СлРЯ XI-XVII вв. 23: 12]. В то же время Курбский переводит лат. *planta* словами **древе** (*plantae* - **древїе**), **лѣторасльное** и **садъ**.

Замена слова **жатва**, традиционно употребляемого в церковнославянском и древнерусском языках в значении ‘жатва’, ‘время жатвы’ и перен. ‘лето’ (по времени жатвы), словом **лѣѣто** в переводе Курбского связана, по-видимому, с изменением семантики слова *жатва* в XVI-XVII вв. (закреплением у него значения ‘жатва’ и постепенным переходом его значения ‘лето’ к слову **лѣто**). То же изменение произошло и с прилагательным **жатвенныи**, ср.: **жатвѣньшмѹ възвратоѹ - лѣтнѣ(м) обращенїе(м)**.

Прилагательное **драхлыи** и объединяемые с ним семантически однокоренные существительные **драхлость, драхльство, драхлование** в древности имели основное значение ‘печальный’, ‘печаль, скорбь’, **драхловати, драхльствовати** - ‘печалиться, скорбеть’. Новые значения этих слов зафиксированы в исторических словарях с XVI в.: **драхлыи** - ‘слабый, немощный’, ‘ослабевший от старости’, ‘вялый, ленивый’, **драхловати** - ‘слабеть’ [СлРЯ XI-XVII вв. 4: 367-368]. Эти изменения значения слова **драхлыи** привели к замене его в переводе Курбского синонимом **скорбныи**.

Слово **оутварь** имело в церковнославянском и русском языке ряд значений: **оутварь** - ‘творение, мир, вселенная’, ‘тварь, люди’, ‘украшение’, ‘принадлежности, утварь’ [Срезневский III: 1303-1304]. Очевидно, к XVI в. это слово постепенно утратило свою космологическую семантику и за ним закрепилось бытовое значение, ср. в Азбуковнике XVI в.: **оутварь. оукрашена вещь златомъ и сребро(м) и висеромъ** [Ковтун 1975: 306], то же толкование содержится в Азбуковнике XVII в. - ЛМ-94: **оутва(р) уукрашение вещьми злато(м) и сребро(м) и висеромъ** (ЛМ-94: 247б). В связи с этим в переводе Курбского произошла замена этого слова на **миръ** (*mundus*), **уукрашение** (*ornatus*). Значения же, связанные с лат. *mundus, creatio, structura* и особенно *creatura*, отражены в переводе Курбского церковнославянским словом **тварь**.

Еще одну причину, повлекшую за собой замену одних славянских слов другими в переводе Курбского, можно видеть в богатых синонимических возможностях церковнославянского языка, в котором с древнейших времен наблюдается развитая вариативность в передаче тех или иных понятий. Это было связано с особенностями книжных школ, средой бытования памятника, воздействием живого языка на книжно-письменный и другими факторами. Результатом таких замен в переводах Богословия можно считать варианты **вездодїе** - **ведро**, **повелѣнье** - **заповедь**, **похотѣние** - **вожделение**, **навлѣть** - **показуѣть**, **плѣтъныи** - **телесныи**, **добровѣрныи** - **благочестивыи**, **добровонныи** - **блгоуханныи**, **кнѣзь** - **властель**, **крѣмла** - **пища**, **видьць** - **зритель**, **лѣпота** - **красота**, **мокръ** - **влаженъ**, **часть** - **година**, **лѣто** - **годъ**, **парити-лѣтати**, **творьць** - **создатель**, **тварь** - **сотворение**, **теплота** - **горѣчь**, **цѣльба** - **врачевание**,

шипъкъ - кринъ. Широко представлена в переводах словообразовательная вариативность: алчь - альчва, въслѣдовати - послѣдовати, стоуденьство - стоудень, творитель - сотворитель, соуществоиє (соущие Сн-442, Егр-619) - существо, долгость - долгота, глѣбость - глѣбокость, тѣлѣстина - толстота и многие другие примеры.

Стремлением улучшить перевод объясняются многочисленные поправки и уточнения, встречающиеся в произведении Курбского, которые демонстрируют значительную разницу в передаче ряда слов и словосочетаний в двух анализируемых текстах: тѣснащиса - часто кра(т) стѣснаема, възгоритъса - горяча бывае(т), омрачитъса - бываетъ помраченіе, на красоу - ко потешенію, и красьными са привѣщавалъ хожд(д)енни - і ласкате(л)ны(м) двизаніе(м) к немуу пристоупающе, ращение ксть - оумножае(т), сънемлетъ - соединатса і згожаютса и т.п.

На основании проведенного анализа можно говорить о существенном редактировании языка Богословия Иоанна Дамаскина, выполненном в разные периоды развития церковнославянского языка. Наиболее значительные изменения были внесены в перевод этого памятника в результате переводческой и редакторской деятельности А.Курбского и М. Оболенского. Работа, сделанная ими, с одной стороны, приблизила перевод к той редакции церковнославянского языка, которая была ориентирована на русский язык вследствие устранения ряда архаизмов и южнославянизмов, а с другой, позволяла этому произведению оставаться в рамках традиционной высокой книжности.

Работа А. Курбского по обновлению и исправлению перевода Богословия Иоанна Дамаскина, сделанного в X в. Иоанном экзархом, может быть соотнесена с проведенным московскими книжниками в XVII в. редактированием Шестоднева того же автора. В ходе этой работы в текст памятника были внесены дополнения и изменения текстологического характера, а также существенно подновлен его язык.

По своему характеру лексические замены, сделанные в списках поздней русской редакции Шестоднева, напоминают исправления, осуществленные Курбским. В них также отчетливо проявляется тенденция к устранению архаизмов, южнославянизмов и слов, постоянно употребляемых в переводах Иоанна экзарха: безблзньство - твердь, вещи - стихии, въдъшеніе - вдѣновеніе, вреды - страсти, дроузии - нѣции, дѣльма - ради, драхль - печаленъ, оунылъ, козньникъ - хитрецъ, создатель, етери - нѣции, застѣпите - сокрыетса, кити - лежаси, рачили - хотѣли, сетьныи - послѣднии, сетное - конечное, свѣне - кромѣ [Шестоднев 1998: 23]. При проведении языковой редакции Шестоднева также учитывались материалы Азбуковников XVII в., о чем свидетельствуют многочисленные случаи совпадения предложенных в Азбуковниках толкований ряда устаревших слов и

соответствующих им замен в списках поздней русской редакции Шестоднева. Кроме того большое значение для лексической правки списков Шестоднева имели семантические изменения лексики в указанный период: развитие новых значений или утрата отдельных значений того или иного слова [Баранкова 1982: 33-38].

Таким образом, правка и редактирование переводных произведений Иоанна экзарха Болгарского осуществлялись в соответствии с принятой языковой и литературной практикой Московской Руси XVI-XVII вв.

Источники

Егр-619 - Богословие в переводе Иоанна экзарха Болгарского в составе сборника XVI в. РГБ, собр. Егорова, № 619.

ЛМ-94 - Алфавит XVII в. РГБ, собр. Лукашевича и Маркевича, № 94.

МДА-145 - Богословие в переводе Иоанна экзарха и Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского в составе сборника XV в. РГБ, собр. Московской Духовной академии (фунд.), № 145.

Син-35 - Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского в составе сборника XV в. ГИМ, собр. Синодальное, № 35.

Сн-442 - Богословие в переводе Иоанна экзарха Болгарского, XVI в. ГИМ, собр. Синодальное, № 442.

Рм-193 - Список Богословия Иоанна Дамаскина в переводе А.М. Курбского, положенный в основу издания Ю. Бестерс- Дилгер. XVI в. (к. XVI-нач. XVII в.). РГБ, собр. Румянцева, № 194.

Чуд-171 - Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского, 1492 г. ГИМ, собр. Чудовское, № 171.

Литература

Баранкова 1982 - Г. С. Баранкова. Глоссирование как прием редактирования в списках поздней русской редакции «Шестоднева» // История русского языка. М., 1982. С.30-56.

БИЭ - Des Hl. Johannes von Damaskus Ἐκτίεσις ἀκριβῆς τῆς ὀρθοδοξου πιστεως in der Uebersetzung des Exarchen Johannes. Herausg. von L. Sadnik. B. 2. Freiburg, 1981 (MLS . Т. XIV (5, 2)).

Калугин 1998 - В.В. Калугин. Андрей Курбский и Иван Грозный. (Теоретические взгляды и литературная техника древнерусских писателей). М., 1998.

Ковтун 1975 - Л.С. Ковтун. Лексикография в Московской Руси XI- начала XVII в. Л., 1975.

Курбский 1995 - Die Dogmatik des Johannes von Damaskus in der Übersetzung des Fürsten Andrej M. Kurbskij (1528-1683) / Hrsg. von J. Besters-Dilger unter Mitarbeit von E. Weiher, H. Miklas. Freiburg, 1995 (MLS. T. 35).

Мильков 1999 - В. В. Мильков. Древнерусские апокрифы / В сер.: Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып. 1. СПб., 1999.

Послания Никифора - Послания митрополита Никифора. М., 2000.

СДРЯ - Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.). Т. I-IV, VI. М., 1988-2000.

СлРЯ XI-XVII вв. - Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 1-25. М., 1975-2000.

Срезневский I-III - И.И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1-III. СПб., 1893-1912.

ЧОИДР 1878 - Богословие святого Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна экзарха Болгарского по харатейному списку Московской Синодальной библиотеки // ЧОИДР (1877). Кн. 4. М., 1878.

Шестоднев 1998 - Шестоднев Иоанна экзарха. Ранняя русская редакция / Изд. подгот. Г.С. Баранкова. М., 1998.

Besters-Dilger 1992 - J. Besters-Dilger. Andrej M. Kurbskij als Übersetzer: Zur kirchenslavischen Übersetzungstechnik im 16. Jahrhundert. Freiburg, 1992 (MLS. T. 31).

Weiher 1987 - Die Dogmatik des Johannes von Damaskus in der kirchenslavischen Übersetzung des 14. Jahrhunderts. Herausg. von E. Weiher unter Mitarbeit von F. Keller und H. Miklas. Freiburg, 1987.

¹ Примеры выбраны нами по изданиям Садник и Бестерс-Дилгер из следующих глав Богословия: **о огнѣ и свѣтилахъ, о земан, о водахъ, о члѣцѣ, чювьствѣ**. В нашей статье также частично использованы данные А. Н. Попова из издания ЧОИДР. Следует, однако, отметить неполноту приведенных Поповым вариантов из переводов Иоанна экзарха и Андрея Курбского. Здесь и далее на первом месте стоят варианты из Богословия в переводе Иоанна экзарха, на втором - из перевода А. Курбского.

² Сохранившиеся списки датируются XV в.

³ Известен отрывок антропологического содержания южнославянской редакции, в котором слова **глѣнь** и **флегма** также выступают как синонимы: **глѣнь и флѣгмѣ раздѣленѣи** [Мильков 1999: 474].

⁴ Ср. в Шестодневе Иоанна экзарха: **бл(с)вте морѣ и рѣкы. бл(с)вте лежаси и все ходѣщее в водахъ** [Шестоднев 1998: 262а8-10]; **еще же и китѣстѣи животи. еже см рекоутѣ лежаси** [там же 163б 18-19].

⁵ Ср. в Шестодневе Иоанна экзарха: **в немъ же соутѣ рѣстѣпи тѣи, то мѣтѣ тѣло есть** [Шестоднев 1998: 107б 7-8].

⁶ Этот фрагмент текста отсутствует в списке Богословия XII в. и в связи с этим приводится нами по Сн-442.

⁷ Оценивая взгляды Курбского на переводческую деятельность, В.В. Калугин отмечал, что она «преследовала цель грамматической кодификации церковнославянского языка, создания его ученой разновидности, доступной для образованной элиты книжников, которые могли оценить достоинства и недостатки переводов через обращение к иноязычным оригиналам и «свободным искусствам» [Калугин 1998: 119].

⁸ Пример взят из главы **о гнѣвѣ**, отсутствующей в переводе Иоанна экзарха.

К.А. Максимович

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ И ЯЗЫКОВЫЕ КРИТЕРИИ ЛОКАЛИЗАЦИИ
ДРЕВНЕСЛАВЯНСКИХ ПЕРЕВОДОВ

(в связи с новым изданием "Пандектов" Никона Черногорца)¹

Редкий памятник средневековой книжности имеет столь сложную историю, как «Пандекты» греческого монаха XI в. Никона Черногорца (далее ПНЧ). Гигантский по объему и церковно-энциклопедический по характеру текст до сих пор не имеет научного издания: это касается как греческого оригинала, так и иноязычных переводов (два славянских – древнерусский XII в. и среднеболгарский XIV в., арабский, эфиопский (с арабского)). Памятник является объектом ученого интереса с конца XVII в., но до сих пор полностью не освоен исторической и филологической наукой. Греческая рукописная традиция памятника настолько обширна (известно порядка 70 списков, включая фрагменты и переработки), что ожидать в ближайшее время полного издания оригинала ПНЧ не приходится. Следует поэтому всячески приветствовать любые усилия, направленные на изучение и издание по крайней мере переводов этого в высшей степени интересного сборника. Первые ценные наблюдения над языком и текстом первого славянского перевода ПНЧ были сделаны в работах [Срезневский 1871], [Срезневский 1872], [Срезневский 1875]. Дальнейшим шагом в этом направлении стало «тематическое» издание всех юридических текстов ПНЧ по древнейшему славянскому переводу, подготовленное автором этих строк в рамках российско-германского проекта по изучению рецепции византийского права на Руси [Максимович 1998а]. Наконец, профессор университета им. Климента Охридского (София) Румяна Павлова и ее коллега, доцент Собка Богданова, также взяли на себя труд по подготовке недавно вышедшего издания ПНЧ: **Die Pandekten des Nikon vom Schwarzen Berge (Nikon Černogorec) in der ältesten slavischen Übersetzung. Edition von Rumjana Pavlova und Săbka Bogdanova. Mit einem Aufsatz von Rumjana Pavlova, aus dem Bulgarischen von Renate Belentschikow. Teil 1-2. Peter Lang, Frankfurt am Main, 2000. 427 + 411 S. (= Vergleichende Studien zu den Slavischen Sprachen und Literaturen. Hrsg. von Renate Belentschikow und Reinhard Ibler, Bd. 6).**

В дальнейшем все ссылки без специального указания на источник относятся к данному изданию (римская цифра обозначает том, арабская – страницу).

* Кирилл Александрович Максимович – кандидат филологических наук, научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН.

¹ Благодарю за консультации моих коллег по Институту русского языка им. В.В. Виноградова РАН И.В. Андрианову, С.И. Иорданиди, А.А. Пичхадзе, Г.Я. Романову, О.И. Смирнову.

Книга вышла в Германии, в издательстве Peter Lang, и весь ее научный аппарат составлен на немецком языке. Издание состоит из двух томов. Том I (Teil I) содержит «Предисловие издателя» Ренаты Беленчиков (Renate Belentschikow), «Введение» (Einführung), написанное Р. Павловой, «Принципы издания текста и колляция» (Prinzipien der Textedition und Lesarten) (автор - С. Богданова), список сокращений, список цитированных славянских рукописей, оглавление основной рукописи и, наконец, текст основного списка [Хил. 175] с разночтениями и дополнениями по трем русским спискам XII/XIII-XIV вв.: [Яр. 15583], [Син. 217(836)] и [Чуд. 16]. Том II состоит из «Предварительных замечаний» (Einführende Bemerkungen), списка дополнений к [Хил. 175], самих дополнений, изданных по тем же трем русским спискам, примечаний текстологического характера, списка словоформ [Хил. 175] и фотографий его отдельных страниц и образцов почерка. К сожалению, издание не сопровождается сводным списком использованной литературы – это, однако, не помешало нам установить целый ряд важных библиографических пробелов (см. ниже).

Работы Р. Павловой о ПНЧ хорошо известны в кругах специалистов. Ее особенный интерес к сербской рукописной традиции памятника находит свое естественное объяснение в том, что профессор Павлова давно пытается опровергнуть выводы русских лингвистов второй половины XIX - начала XX вв. И.И. Срезневского и А.И. Соболевского о русском (восточнославянском) происхождении перевода. Данный вывод, опирающийся на анализ лексических особенностей памятника, был принят (хоть и с некоторыми оговорками) теми специалистами-языковедами, компетентность которых в древнерусском языке не подлежит сомнению – например, такими, как Н.Н. Дурново, В.М. Истрин, В.В. Колесов, А.А. Алексеев и ряд других. Однако Р. Павлова, по сложившейся в Болгарии традиции, стремится обосновать южнославянское происхождение перевода.² Само по себе намерение доказать свою, отличную от общепринятой точку зрения можно только приветствовать – но лишь при условии, что при этом соблюдаются правила исследования и профессиональной полемики, принятые в научном сообществе.

Рассмотрим с этой точки зрения новое издание ПНЧ. Аннотация к книге утверждает, что древнейший славянский перевод «впервые издан полностью» (erstmalig vollständig ediert). Между тем во «Введении» неоднократно подчеркивается, что ПНЧ состоит в оригинале из 63

² В отсутствие серьезных лингвистических обоснований эта точка зрения – вероятно, по «экстралингвистическим» соображениям – была сочувственно воспринята среди славистов только Фр. Томсоном и А. Поппэ.

глав [I: 11, 24, 31 и др.], тогда как сербский список содержит лишь гл. 2-32 [I: 18, 31], да и те, как выяснилось, сильно сокращены. Иными словами, в издание вошло меньше половины текста ПНЧ. Считать такое издание «полным», оставаясь в рамках научного здравомыслия, едва ли возможно.

Отдельного рассмотрения заслуживают принципы издания. В русской и европейской славистике, начиная с XIX в., укоренилось очевидное даже для неспециалистов правило – древние переводные тексты нельзя изучать (тем более издавать) в отрыве от их оригиналов. Забвение этого золотого правила в советский период имело для науки самые печальные последствия. В настоящее время в славянских странах, и прежде всего в России, происходит возврат к «альфа и омега» палеославистики – поискам максимально близких к переводу версий оригиналов с их последующим использованием для исследования переводных памятников. Эта работа немыслима без участия византиноведов – специалистов по греческому языку. Особенно необходимо привлечение их к идентификации источников любого переводного текста – тем более такого сложного, как ПНЧ. Конечно, мы не вправе требовать от Р. Павловой и С. Богдановой, специалистов по истории славянских языков, чтобы они владели византийским материалом так же хорошо, как славянским. Но в ученом сообществе является правилом в случае недостатка квалификации консультироваться по отдельным проблемам с соответствующими специалистами. Между тем Р. Павлова во «Введении» ограничивается поверхностным замечанием, что «ввиду отсутствия критического издания ПНЧ, на основании которого можно было бы судить о версии оригинала, наиболее близкой к переводу, сравнение с греческим текстом затруднительно» [I: 41]. Напомним Р. Павловой, что при подготовке своего издания она использовала микрофильмы славянских рукописей ПНЧ – точно так же существуют микрофильмы и фотокопии рукописей греческих. Они имеются в Национальной библиотеке Франции (Париж), в Макс-Планк-Институте истории европейского права (Франкфурт-на-Майне), наконец, в личной собственности некоторых византинистов (в том числе автора этих строк). Однако в Болгарии, вероятно, еще не все осознали, что без привлечения греческого оригинала аналитическая работа с языком переводных славянских памятников опускается на уровень, мягко говоря, не соответствующий современным научным стандартам.

Аналогичные претензии можно предъявить к библиографическому аппарату издания. Мы оставляем без комментариев стремление Р. Павловой оспорить восточнославянское происхождение древнейшего перевода ПНЧ – однако вызывает недоумение отказ от использования новейших исторических и этимологических словарей, издаваемых в России, прежде всего [ЭССЯ], [СДЯ XI-XIV вв.], [СлРЯ XI-XVII вв.]. Не используется даже фундаментальный для палеославистики словарь [SJS]. «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера использован буквально 2-3 раза (и то, вероятно, по недосмотру).

Ограничиваясь «Материалами» Срезневского, [ССС], да еще рядом болгарских словарей и индексов, Р. Павлова сильно обедняет свое исследование лексики ПНЧ.

Замечательная, во многом уникальная книга греческого теолога Ф. Янгу [Γιάγκου 1991], посвященная биографии Никона Черногорца и греческой рукописной традиции его сочинений, хоть и упоминается во «Введении» [I: 11, прим. 1], однако осталась практически неиспользованной в работе (вероятно, по той причине, что написана на новогреческом языке). Между тем знакомство с этой книгой уберегло бы авторов от дезинформации читателей, будто бы Никон написал лишь «Пандекты» и «Тактикон». На славянский язык, действительно, были переведены только эти два сочинения, но еще была так наз. «Малая книга» (Μικρὸν Βιβλίον), сохранившаяся вместе с «Тактиконом» в единственном греческом списке монастыря св. Екатерины на Синае [Sin.gr. 441]³. Был у Никона и ряд других сочинений, в настоящее время утраченных.

Слабое знакомство Р. Павловой с творчеством Никона Черногорца лучше всего проявляется в главе «Известия о бытовании текста у славян» (Auskünfte über die Entwicklung des Textes bei den Slaven) [I: 31]. Здесь высказывается в корне неверное предположение, что сокращенный текст первого славянского перевода восходит к краткой греческой версии ПНЧ. Эту версию Р. Павлова бездоказательно отождествляет с «Малой книгой», упомянутой в никоновском «Тактиконе». Между тем «Малая книга» Никона, как уже было отмечено, не имеет с ПНЧ ничего общего, а представляет собой самостоятельное сочинение.

На фоне полного пренебрежения греческой рукописной традицией ПНЧ отрядным исключением выглядит археографическая ссылка (единственная в книге) на греческий оригинал Никона Черногорца - а именно, в [I: 12, прим. 6] Р. Павлова указывает, что, «насколько ей известно» (nach meiner Kenntnis), греческий текст для сравнения со славянским необходимо привлекать по рукописи [Athon. Lavra 108]. Нетрудно установить, откуда проф. Павловой стало об этом «известно» – ведь данная информация содержится только в опубликованном тексте нашего доклада на XII съезде славистов в Кракове [Максимович 1998б: 400], и больше нигде. В другом месте проф. Павлова упрекает этот наш доклад в «гипотетичности» [I: 38, прим. 93], что не мешает ей, как видим, пользоваться приведенными в нем сведениями, да еще без ссылки на источник.

Необходимо сказать несколько слов и о работе Ренаты Беленчиков – одного из издателей книги и переводчика «Введения» на немецкий язык. Безусловно высокой оценки заслуживает стремление перевести болгарский оригинал Р. Павловой на один из авторитетных европейских языков. Однако уже при беглом просмотре первых страниц бросается в глаза удивительная для немецкоязычных изданий неряшливость в

³ О «Малой книге» см. [Γιάγκου 1991: 132-135], [Graf 1947: 67, Doens 1954: 137, Nasrallah 1983: 118-119, Kohlbacher 1994: 149]. Наиболее подробное описание этого источника содержится в работе [Максимович: в печати-а].

формулировках: так, согласно «Предисловию» издателя Никон Черногорец жил в монастыре под названием «Черная Гора» в Малой Азии (Kloster «Schwarzer Berg» in Kleinasien) [I:7]. Откуда издатель почерпнула столь приблизительную информацию, становится ясным при чтении «Введения» Р. Павловой, где на с. 11 также утверждается, что Никон «отправился в северную (!?) Антиохию» (nach Nordantiochia ging) и стал монахом в монастыре «Черная Гора» (im Kloster «Schwarzer Berg»). Между тем любому мало-мальски осведомленному историку известно, что в знаменитом на Востоке монашеском центре в районе Черной Горы (mons Amanus, Ἀμανός) к северу от Антиохии (северо-западная Сирия, а не «Малая Азия») было множество разных монастырей: греческих, грузинских, армянских, а также смешанных, и Никон жил поочередно в нескольких из них (см. литературу в прим. 3). Рукопись [Хил. 175] издатель называет Chilendarski 175, хотя в немецкой традиции принято именовать собрание сербского монастыря Хиландарь на Афоне либо сокращенно: Chil., либо в транслитерации с греческого: Chelandariu (+ номер рукописи). Закрадывающееся подозрение, что издатель столь сложного текста, как ПНЧ, (а по совместительству и переводчик «Введения») Р. Беленчиков слабо разбирается в византийской церковной книжности, перерастает в уверенность при чтении «Введения». Переводчик явно не владеет византийским материалом и не знает принципов передачи греческих имен и названий на немецкий язык. Само по себе это было бы небольшой бедой, если бы перевод прошел научную экспертизу и был отредактирован специалистом-византиноведом. Этого, однако, не произошло, хотя книга издана в Германии – «святой земле» византинистов. В результате один из основоположников византистики, француз Бернар де Монфокон (Bernard de Montfaucon) превратился в «Монфакона» (Monfacon - повторено трижды!) [I: 12], Basileios der Große (а еще точнее - Basileios von Kaisareia) получил в немецком написании сильный русский акцент и стал называться Vasilij der Große, с добавлением в скобках (Vasilij Velikij); Gregor von Nazianz также обрусел и получил имя Grigorij Nazianzin (на с. 44, 48 также – Grigorij Bogoslov); безжалостную русификацию претерпели также Gennadij von Konstantinopel – в скобках зачем-то (Gennadij Konstantinopolski) (правильно: Gennadios von Konstantinopel), Grigorij Dvoeslov (правильно: Gregor der Große или Papst Gregor I.), Simeon Ćudotvorec (правильно: Symeon Thaumaturgos). Наоборот, сильный болгарский акцент получили: Grigorij Niski (правильно: Gregor von Nyssa), Teodor Studit (правильно: Theodoros Studites), Ioan Lestvičnik (правильно: Joannes Klimakos), Ioan Milostivi [I: 13,57] (правильно: Joannes der Barmherzige, Joannes Eleemosynarios), Pachomij (правильно: Pachomios), Sava (правильно: Sabas). Ефрем Сирий назван верно - Ephraim der Syrer, а вот Isaak der Syrer почему-то стал Isaak von Syrien с пояснением в скобках (Isak Sirin) [I:12-13].

Зографский монастырь на Афоне (нем. Zographu-Kloster) был переименован в «Zographos-Kloster» [I: 15].

Двойственное (а точнее, однозначно негативное) впечатление производит новомодное использование немецкого соответствия Rußländisch для перевода прилагательного «Российский»: Rußländische Staatsbibliothek (Российская Государственная Библиотека - РГБ) [I: 14,16], Rußländischer Staatsarchiv alter Akten (Российский Государственный Архив древних актов - РГАДА) [I: 21] и др. Традиционным в немецкой научной речи является использование прилагательного russisch (в названиях – с заглавной буквы: Russisch) для передачи семантики как слова «русский», так и слова «российский» (в названиях – «Российский»)⁴.

Переходим к проблеме происхождения древнейшего перевода ПНЧ и к тесно связанному с ней вопросу о лексических и семантических восточнославянизмах (русизмах)⁵, обильно представленных в древнейших списках памятника. Р. Павлова в целом достоверно описывает историю изучения этих русизмов, установленных трудами И.И. Срезневского и А.И. Соболевского еще в конце XIX в. Полный список этих лексем в ПНЧ можно найти в работе [Срезневский 1875: 291-296], впоследствии он был (с некоторыми изменениями) воспринят А.И. Соболевским [Соболевский 1980: 138] и Н.Н. Дурново [Дурново 1969: 103-111]. У названных ученых из-за отсутствия в то время научных разработок по данной теме не было полной уверенности в восточнославянском происхождении указываемых ими лексем – отсюда понятна осторожность их выводов, по достоинству оцененная Р. Павловой. В результате разысканий новейшего времени выяснилось, что многие слова из списка Срезневского встречаются не только у восточных, но и у южных славян. Так, пользуясь Старославянским словарем [ССС], Р. Павлова показывает, что слово **брады** (род.п. **брадѣвѣ**) ‘топор’, имеющееся в 43 гл. ПНЧ, есть также в болгарской Супрасльской рукописи и поэтому не может считаться русизмом. В болгарских диалектах, а также южнославянских текстах X-XI вв. обнаружилось также такие мнимые «русизмы» ПНЧ, как: **близница** (дв.ч.) в

⁴ Чтобы ощутить разницу между Russisch и Rußländisch, прошу Ренату Беленчиков оценить, например, такие языковые эксперименты: die Deutschländische Bank, die Deutschländische Mark, или даже die deutschländische Wiedervereinigung.

⁵ Термины «русизм» и «восточнославянизм» мы употребляем традиционно как полные синонимы: первый более характерен для классической русской школы, второй стал употребительным в последние годы. Под лексическими (семантическими) *русизмами* подразумеваются отдельные слова или значения общеславянских слов, известные только в восточнославянском языковом ареале, т.е. на территории Руси (некоторые из них имеют отражения также в западнославянских языках). Этногеографической приуроченностью языковых явлений к Руси, Русской земле и мотивирован старый термин *русизм* (ср. *галлицизм*, *полонизм*, *болгаризм*).

значении ‘мужские яички’ – калька с греч. αἱ δίδυμοι⁶ (гл. 48 ПНЧ), **бридъкъ** ‘острый (на вкус); горький; язвительный; нестерпимый’ (гл. 3, 10, 30, 48), **врѣднъ** ‘калека’ (гл. 20), **врѣскати** (рус. **верескати**) ‘издавать пронзительный звук: верещать, визжать’ (гл. 30, у Срезневского ошибочно 36)⁷, **въслонитиса** ‘опереться’ (гл. 30 ПНЧ; в [ССС: 152] – **въсланятиса**), **гостити** ‘принимать как гостей, угощать’ (гл. 20), **гроустокъ** ‘тягостный, печальный’ (гл. 18), **дроужина** ‘спутники, свита’ (гл. 29), **исто** (встречается в форме дв. и мн. ч. **истесѣ** и **истеса**, в ПНЧ только мн.ч.) ‘утроба, внутренности’ (гл. 48), **истрошити** ‘истратить’ (гл. 36), **квасъ** в значении греч. σίκερα ‘хмельной напиток’ (гл. 50)⁸, **кльцати** ‘сосредоточенно думать; прилагать мысленные усилия’ (гл. 29), **коудерма** ‘палач’ (гл. 2)⁹, **лагодити (похотъмъ)** ‘страстно предаваться (чему-л.)’ (гл. 51), **лапати** ‘строить козни’ (гл. 16), **ладина** ‘сорная трава’ (гл. 4), **мощи** ‘останки’ (гл. 43), **окрънити** ‘кастрировать’ (гл. 51), **осъпнъ** ‘оспennyй’ (гл. 43), **папрътъ** ‘притвор’ (гл. 29), **платище** ‘льняной лоскут, повязка’ в соответствии с греч. τελαμῶν ‘перевязь’ (гл. 2), **пѣназь** ‘монета’ (гл. 41, 46, 54), **щръвъ** ‘ущербный, несовершенный’ (гл. 29).

К этому перечню Р. Павловой добавим от себя и ряд других лексем, характеризующих Срезневским как «русизмы», восточнославянский характер которых, однако, сомнителен: **врътъль** в значении ‘спираль, винт’ – гапакс ПНЧ (гл. 45)¹⁰; **въсорошитиса** (гл. 15) в соответствии с греч. θροέομαι ‘приходить в ужас, пугаться’ [Coisl.gr. 122: 98v]¹¹;

⁶Здесь и далее мы привлекаем греческий оригинал по списку ПНЧ [Coisl. gr. 122].

⁷ Греческое соответствие отсутствует – видимо, здесь вставка переводчика. В [СДЯ XI-XIV вв. I: 393] значение определено как ‘громко, пронзительно кричать’.

⁸В древнерусском языке (без учета церковнославянских памятников) слово **квасъ** означало ‘напиток, полученный в результате брожения’ [СДЯ XI-XIV вв. IV: 208]; в древнеболгарском языке оно означало ‘закваска, дрожжи’, а напиток из дрожжей назывался у южных славян **творкнъ квасъ**, ср. [ССС: 283]. Однако есть основания думать, что слово **квасъ** в значении ‘напиток’ было известно и южным славянам, ср. цитаты из Синайского евхология и двух древнейших паримейников в [SJS II: 19].

⁹Срезневский позднее сам опроверг свое мнение о восточнославянском характере этой лексемы, включив в свои «Материалы» под сходной формой **коудрьма (коудрема)** цитату из Слов Афанасия Александрийского против ариан – болгаро-преславского переводного памятника X в., ср. [Срезн. I: 1358].

¹⁰Греч. κοχλίας [СДЯ XI-XIV вв. II: 267]; есть южнославянские соответствия, ср. [Фасмер I: 300]; [Бернштейн 1966: 83].

¹¹В [СДЯ XI-XIV вв. II: 222] слово отсутствует, в [СлРЯ XI-XVII вв. 3: 142] значение определено как ‘прекословить, горячиться’. Ср. в [Син. 217(836): 26об.-27]: **Ѧще оуслышиши, тако створилъ еси вещь каже нѣси створилъ, не въсорошиса отиноудъ ни раждъжися, нъ авне поклони са до земля рекшему ти съ смѣренимъ гла кмоу: прости ма и моли о мнѣ**. Южнославянский аналог **въсрашити (въстрашити)** ‘взъерошить, поднять дыбом (о волосах)’ с производным **въсрашеник** (в греч. ἀνωμαλία ‘расстройство, недомогание’) также зафиксирован в древнеболгарских переводах 13 слов Григория Богослова и Слова Ипполита об антихристе [СлРЯ XI-XVII вв. 3: 148-149], ср. **въсерхлын** ‘жестокий, мучительный’ [там же: 130], **срхъкын** ‘шершавый, шероховатый; трудный’ [СлРЯ XI-XVII вв. 24: 92-93] (в [SJS] отсутствует). Об этимологии (слав. *сыгх-/*зогх-) см. [Фасмер III: 432]. В [Хил. 175] слово отсутствует из-за лакуны (восполнено по [Чуд. 16] в приложении, ср. [II: 144]).

въстраплати ‘обличать’ (гл. 48) [Чуд. 16: 154a]¹², **грохотатель**, *nomen agentis* от **грохотати(сѧ)** (гл. 50) в значении ‘хохотать, развязно болтать’ (греческий эквивалент не найден)¹³, **желаньникъ** (гл. 50, без греческого соответствия)¹⁴, **замьдлѧти** (гл. 58, греч. ἀπαξιόω)¹⁵; **капоуста** (гл. 57) – греч. ἀλμαία ‘рассол’ [Максимович 1998а: 413], [СДЯ XI-XIV вв. IV: 204]¹⁶; **напоръзнити (воду)** (гл. 53, греч. θολόω ‘мутить’)¹⁷. Особый случай представляет слово **сѣмѧ** (гл. 4), которое Срезневский (вероятно, с учетом оригинала) истолковал как ‘образ жизни’ [Срезневский 1875: 292]. Согласно [Фасмер III: 600], слово отмечено только в древнерусском языке; однако в значении ‘рабы; семья’ оно есть и в южнославянских памятниках [Срезн. III: 893], [SJS III: 384]. Только в [Яр. 15583] имеется фраза **даровати имъ дома и семню**, тогда как в [Чуд. 16: 16б] стоит вариант **землю**. Греческий оригинал дает в этом месте δίαιτα в значении ‘режим’ [Liddell/Scott 1966: 396], здесь ‘монашеское правило, дисциплина’ [Максимович 1998а: 47.2]. Напомним, что в тексте речь идет о принятии в монастырь юных послушников с назначением им соответствующего места проживания (**дома**, в оригинале οἶκος) и режима – разумеется, слово **сѣмѧ** в данном контексте совершенно неуместно, и, скорее всего, исконным чтением является **земля** (с необходимостью признать здесь некоторую переводческую вольность). Таким образом, слово **сѣмѧ** не является русизмом и, кроме того, едва ли находилось в архетипе перевода ПНЧ, а потому также должно быть исключено из списка Срезневского.

¹² Греч. ἀναστέλλω в том же значении [Coisl. gr. 122: 278v]. В [СДЯ XI-XIV вв. II: 222] и [СлРЯ XI-XVII вв. 3: 62] слово отсутствует. Тот факт, что данный термин представляет собой во всей славянской книжности гапакс ПНЧ [Срезн. I: 423], а также его далеко идущее формальное и семантическое сходство с южнославянским **въстраплати** ‘устранять; опровергать’ [Срезн. I: 422] заставляет предполагать здесь либо фонетическую диссимилиацию двух [л] в соседних слогах, либо опisku в [Чуд. 16]. В любом случае слово **въстраплати** не может претендовать на статус самостоятельной лексемы.

¹³ Ср. [СДЯ XI-XIV вв., II: 395]. По [Срезн. I: 598] слово **грохотатисѧ** и его производное **грохотание** [Чуд. 16: 165в] (греч. ἡ διάχυσις [Coisl.gr. 122: 299v]) встречаются в южнославянских памятниках – Златоуструе XII в. и Изборнике 1073 г., что препятствует отнесению их к русизмам. Вероятно, не стоит считать русизмом и агентив **грохотатель**, тем более, что он не встречается нигде, кроме ПНЧ, и является, скорее всего, окказионализмом.

¹⁴ Ср. [СДЯ XI-XIV вв. III: 239]. Это гапакс ПНЧ, представляющий собой, как и предыдущий случай, книжный неологизм окказионального характера.

¹⁵ Это слово, приведенное Срезневым среди русизмов в значении ‘медлить, откладывать на время’, встретилось также в южнославянских по происхождению Изборнике 1076 г. и Рязанской кормчей 1284 г. [СДЯ XI-XIV вв. III: 327]. Однако в обоих памятниках имеются многочисленные русизмы, поэтому восточнославянский характер данного слова если пока и не доказан, то и не опровергнут. Все же, как кажется, у южных славян скорее ожидалось бы термины **замьдѧти**, **закъснѣти** и т.п. Тем не менее, ввиду сомнительности этого случая, мы исключаем его из числа достоверных русизмов.

¹⁶ Слово отсутствует в [ЭССЯ], хотя отмечено как в западных, так и в южных славянских языках (например, в древнеболгарских Изборнике 1073 г. (греч. κράμβη) и Пандектах Антиоха [Срезн. I: 1195]). Если оно не общеславянское, то, возможно, перешло в южнославянские земли от западных славян, ср. этимологию в работе [Фасмер II: 188].

¹⁷ Ср. [СлРЯ XI-XVII вв. 10: 187]. Слово происходит от праславянского *ръгzniti, рефлексы которого отмечены в западнославянских и южнославянских языках: серб. *przniti* ‘портить (настроение)’, чеш. *przniti* ‘осквернять’, ср. [Фасмер III: 329], [Machek 1957: 398]; в болгарском переводе ПНЧ – **кальноу сътворити**.

Между тем, внимательное рассмотрение аргументов Р. Павловой против отнесения некоторых слов к русизмам убеждает в вопиющей небрежности болгарской исследовательницы при решении сложных лексикологических проблем. Прежде всего, сами понятия «лексический критерий» локализации перевода и «лексический русизм» в свете новейших работ российских ученых можно считать в значительной мере устаревшими. Термин «лексический» ограничивает проблему отдельными лексемами, в то время как многие русизмы носят семантический характер, т.е. представляют собой не отдельные слова, а лексико-семантические варианты (специфические восточнославянские значения у общеславянских слов). Данная мысль, присутствовавшая уже у Срезневского, недавно была отчетливо сформулирована в работе [Пичхадзе 1998: 475]. А. Пичхадзе вводит также понятие «словообразовательного русизма», обнаружив ряд словообразовательных формантов, продуктивных только в восточнославянском языковом ареале [там же: 479-484], а также указывает на ряд синтаксических русизмов [там же: 484-486]. В нашем докладе на XII съезде славистов в Кракове предлагается еще один критерий локализации переводных текстов – учет рукописной традиции греческого оригинала (именно данный критерий в совокупности с другими данными позволил нам сделать вывод о переводе ПНЧ русскими монахами на Афоне) [Максимович 1998б: 399-400]. Однако Р. Павлова, полностью игнорируя новейшие работы по данной проблеме, пускается в полемику с учеными давно минувших веков, прежде всего с И.И. Срезневским. Иначе как провинциальным такой подход трудно назвать – но даже здесь обнаруживается неспособность автора вести спор хотя бы на уровне науки XIX в.

Так, странное впечатление оставляет отождествление Р. Павловой слова **ДЕРАЗИВЫН** ‘дерзкий’¹⁸ (гл. 28), которое Срезневский считал русизмом, с древнеболгарским словом **ДРЪЗЫН** [I: 42]. Следовало бы иметь в виду, что эти слова различны как по морфологическому составу, так и по этимологии – т.е. представляют собой разные лексемы.

¹⁸ Греч. προσεκροικώς, ср. [СДЯ XI-XIV вв. II: 455] - [Син. 217(836): 108], то же в [Яр. 15583: 140в].

Слово **ДЕРАЖИВЫИ** (вар. **ДЕРАЖИВЫИ**) восходит к и.-е. основе *der- ‘драть(ся)’ и непосредственно связано с рус. диал. *деряга* ‘плаксивый ребенок; сварливый человек; драчун’, ср. [Фасмер II: 505], [ЭССЯ 4: 206-207] – тогда как **ДРЬЗЪ** имеет совершенно иную этимологию [ЭССЯ 5: 228]. Уточнения требует одна из ссылок на данное слово в [СлРЯ XI-XVII вв. 4: 231] – согласно этому словарю, слово **ДЕРАЖИВЫИ** якобы встречается в древнеболгарском переводе Огласительных поучений св. Кирилла Иерусалимского по списку XVI в. (со ссылкой на «Материалы» Срезневского). Однако у Срезневского этой цитаты нет; после долгих поисков она обнаружилась в "Словаре церковно-славянского языка" А.Х. Востокова, также со ссылкой на "Огласительные поучения". Сплошная проверка текста "Поучений" по изданию [Weiher et al. 1998] показала, что этой цитаты там нет, а значит мы имеем дело с досадной лексикографической ошибкой. В [СДЯ XI-XIV вв. II: 455] эта же цитата дается со ссылкой на Златую Цепь конца XIV в. – правда, в ней употреблен вариант **ДЕРАЖИВЫИ**. Автор цитируемого текста неизвестен – судя по контексту, это одно из древнерусских поучений против пьянства. Наличие **ж** в чтении ПНЧ можно объяснить либо вторичным сближением с рус. диал. *дереза*, либо (нередким в ПНЧ) влиянием новгородско-псковского говора (ср. форму **ЗЕРЕВЕ** вместо **ЖЕРЕВЕ** в берестяной грамоте № 99, XIV в. [Арциховский/Борковский 1958: 26]). Существенно во всяком случае то, что в южнославянских языках нет ни рефлексов, ни производных прасл. *derega в значении ‘крикливый, сварливый человек’. В [Хил. 175: 137a] вместо **ДЕРАЖИВЫИ** стоит **ДРЪЗИВЫИ** [I: 357] – слово, невозможное в словообразовательном отношении (адъективный суф. **-ив-** продуктивен только в отсубстантивных и отглагольных образованиях), не отмеченное в южнославянских памятниках (отсутствует в [SJS]) и потому, несомненно, представляющее собой окказиональную переделку исконного и неоднократно зафиксированного в восточнославянских текстах слова **ДЕРАЖИВЫИ** (обратное невозможно)¹⁹. Таким образом, слово **ДЕРАЖИВЫИ** должно не только остаться в списке русизмов, но и рассматриваться как исконный элемент архетипа ПНЧ.

Далее, слово **КОМАРЬНИКЪ**, которое в 45 гл. ПНЧ означает ‘сетка против москитов’ и соответствует греч. *κωνωπίων*²⁰ [СДЯ XI-XIV вв. IV: 248], Р. Павлова обнаруживает и в современном болгарском языке – правда, в значении ‘хижина рыбака (пастуха)’ [I: 50]. Данный термин отсутствует в [ЭССЯ], а также в других исторических словарях, представляя собой, таким образом, гапакс ПНЧ. В [ЭССЯ 10: 171] отмечено производное от слав. *komagъ прилагательное *komagъль, рефлекс которого имеются только в древнерусском и

¹⁹ О «возможных» и «невозможных» направлениях региональной правки древнейших церковнославянских текстов см. [Молдован 1994б: 73-75], [Молдован 1997: 64-66].

²⁰ В болгарском переводе ПНЧ в этом месте стоит окказиональное заимствование **НОКОНОПИОНЪ** [Срезневский 1875: 294].

древнесербском языке. Поскольку слово *комагъль (производным от которого является термин **комарьникъ**) не отмечено ни в болгарской книжности, ни в современном болгарском языке, перевод ПНЧ в Болгарии или болгаринном следует полностью исключить. Для решения вопроса о том, был перевод русским или сербским, данное слово не дает никакой информации – важно, однако, что его наличие, да еще в столь специфическом значении, не противоречит возможности восточнославянского перевода.

Выражение **връбнага недѣла** ‘праздник Входа Господня в Иерусалим’ (гл. 57) Р. Павлова не считает «специфическим русизмом» (kein spezifischer Russismus) [I: 43] и в доказательство приводит древнеболгарские аналоги **връбница** и **цвѣтънага недѣла**. Если для болгарской исследовательницы слова **връбнага недѣла** и **връбница** – одно и то же, то комментарии здесь, как говорится, излишни.

Упомянутое Срезневским среди русизмов ПНЧ слово **грамота** (**грамата**) ‘буквы, начертание букв; послание; книги, писание’²¹ Р. Павлова считает общим для восточных и южных славян [I: 47]. Кажется, болгарской коллеге неизвестна работа А.С. Львова об этом слове, в которой доказывается его восточнославянский характер и раннее проникновение в русскую речь из греческого устным путем [Львов 1966]. Не удостаивая работу Львова даже беглого упоминания, Р. Павлова утверждает, что «это слово и его дериваты встречаются в южнославянской книжности». В подтверждение она ссылается на второй, болгарский перевод ПНЧ (списки Егор. 1 и Егор. 18)²², а также на Догматику Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна Экзарха, где, якобы, обнаружились «дериваты» данного слова. Мы проверили это утверждение по словоуказателю к Догматике в издании Э. Вайера [Weiher et al. 1987: 666]²³. Как и ожидалось, слово **грамота** в данном памятнике отсутствует, а обнаруженные нами слова **граматикниа**, **граматниа** (греч. γραμματικὴ ‘грамматика’) и **граматикъ** (греч. γραμματικός ‘грамматик’) не являются, как утверждает Р. Павлова, «дериватами» слова **грамота** (поскольку имеют совершенно иную семантику), а представляют собой самостоятельные книжные заимствования – кстати, весьма древние, представленные уже у черноризца Храбра и в Житии Константина, ср. [SJS I: 433]. Во всей древнейшей книжности данное слово зафиксировано лишь в моравском по происхождению Номоканоне Мефодия (5 употреблений) для передачи греч.

²¹ Ср. гл. 2 (то же - гл. 29, [Яр. 15583: 1506]: **доброю грамотою** – греч. καλλιγράφοι ‘каллиграфы’, [Хил. 175: 127а] **грамотою** [I: 372]; **грамоты оукрашеникъмь** - греч. τῶν γραμμάτων κάλλος; гл. 15: **послахъ брата нашего съ грамотою** - без греч. [СДЯ XI-XIV вв. II: 382-383].

²² Характерно, что ни цитат с данным словом, ни листов рукописей Р. Павлова не приводит – немецкоязычному читателю любезно предоставляется право самому приехать в Москву, записаться в РГБ и внимательно прочесть эти источники, чтобы убедиться в наличии там данного слова.

²³ Укажем на досадную опечатку в [I: 46], где местом издания книги Э.Вайера назван Freiburg J.BR [sic!] – в действительности книга издана в самом южном городе немецкой земли Баден-Вюртемберг, который носит название Freiburg im Breisgau, сокращенно – Freiburg i.Br.

γράμματα, κέλευσις, γράμμα ‘письменное предписание’, ‘грамота, официальный документ’ [SJS I: 433]. Данное слово, по Львову (со ссылкой на словари Я.Гебауэра и А.Брюкнера), было в старочешском и старопольском языках - оно отмечено в памятниках XIV-XVI вв. [Львов 1966: 90]. В значении ‘письмо, грамота’ слово **грамота** известно южнославянским памятникам (дошедшим, правда, в русских списках и с совершенно непроясненной историей текста) – оно есть в Златоусте XII в. (где попадаются русизмы) и сборнике епитимий "Об останцехъ", приписываемом Феодору Студиту [Срезн. I: 579]. В значении ‘письмена, азбука’ отмечено в южнославянском Толковом евангелии Феофилакта Болгарского и в Толковой палее XIV в. (в обоих текстах отмечено немало русизмов). Тем не менее в значениях ‘начертание букв, почерк’ (как в ПНЧ) и ‘грамота, искусство чтения и письма’ данное слово отмечено только в восточнославянских памятниках (в том числе переводных) [там же: 578]. Только в восточнославянском ареале это слово дало целый ряд дериватов: **грамотен**, **грамотица**, **грамотьныи**, **грамотьникъ**, что свидетельствует о его широком распространении. Русизмом считает слово **грамота** (в значении ‘буква’) и А.М. Молдован [Молдован 2000: 92]. Наличие данного слова в списках позднейшего, болгарского перевода ПНЧ Егор. 1 и Егор. 18 требует дополнительной проверки.

Слово **кЛОУБЪ**, встретившееся в гл. 23 ПНЧ в соответствии с греч. κοβάρη²⁴ ‘узелок, клубок’, действительно, «праславянского происхождения» [I: 48]. В [Хил. 175: 103а] на этом месте стоит южнославянское **кЛОУБО** [I: 292], которое Р. Павлова считает исконным. Нам, однако, кажется, что доказать это едва ли возможно, как невозможно и опровергнуть. Южнославянское **кЛЖБО** – слово ср.р., тогда как **кЛОУБЪ** в ПНЧ – муж. р. Согласно [ЭССЯ 10: 74-75], слово **кЛОУБЪ** (муж. р.) встречается только в западнославянских языках, а также в древнерусском. Несмотря на то, что слово **кЛОУБЪ** в ПНЧ должно интерпретироваться как русизм, пара вариантов **кЛОУБЪ/кЛОУБО**, ввиду их большого внешнего сходства и неясности, какой вариант первичен, нерелевантна для локализации перевода ПНЧ.

Форму **своробомь** во фразе **на совкупленье своробомь ключаетсяъ** (гл. 48) [Чуд. 16: 154v] Р. Павлова вслед за [Срезн. III: 287] принимает за твор. п. от сущ. **своробъ** ‘свербение, зуд’, аналогом которого является южнославянское **сврабъ** [I: 45], ср. [Срезн. III: 287-288] –

²⁴ Так в [Coisl.gr. 122: 137v], правильная форма - κοβάρη.

однако греческое соответствие $\sigma\tau\rho\iota\sigma\theta\alpha\iota$ ‘быть понуждаемым зудом’ в составе конструкции асс. *cum inf.* [Coisl.gr. 122: 278v] заставляет видеть здесь форму страд. прич. м.р. **своробомъ** от незафиксированного гл. ***свороти, своробоу** (из *svorb-ti; с чередованием *o/e* – **сверебоу**). Таким образом, цитату из ПНЧ следует понимать как ‘бывает свербим (зудом, похотью) на совокупление’. Гл. ***свороти** отсутствует как в [Срезн.], так и в [СлРЯ XI-XVII вв.: 23]), хотя корень имеет рефлексы, помимо древнерусского, в южнославянских и западнославянских языках [Фасмер III: 573, 583-584], [SJS III: 32]; в полногласной форме это безусловный восточнославянизм, однако для суждения о его исконности в ПНЧ не достаёт сравнительного материала, поскольку в [Хил. 175] данная глава отсутствует.

Слово **съгроувити** (к кому-л.) в значении ‘оскорбить, обидеть’ (гл. 9)²⁵ восходит к прил. **гроувъ**, одним из значений которого на восточнославянской почве было ‘злой, грубый’.²⁶ В южнославянских памятниках у слова **гржвъ** отмечены только значения ‘шероховатый’ и ‘невежественный, необразованный’ [SJS I: 446]. Р. Павлова справедливо указывает, что слово **съгржбляти** имеется в Шестодневе Иоанна Экзарха [I: 50] – однако там оно означает отнюдь не ‘оскорблять’, а ‘заблуждаться’ (в немецком переводе *fehlgehen*), ср. [Шестоднев Ио.екз. III: 39]²⁷.

Слово **харотья** в сочетании **кожаната (кожьната) харотниа (харатья)**, встретившееся в ПНЧ в значении ‘пергамен’ (греч. $\mu\epsilon\mu\beta\rho\alpha\nu\alpha$ – гл. 2, то же в гл. 29)²⁸ и ‘бумага; документ’ (греч. $\chi\acute{\alpha}\rho\tau\eta\varsigma$ – гл. 52)²⁹, Р. Павлова безосновательно отождествляет с древнеболг. **харътиа (харътни)** ‘папирус, бумага’ [SJS III: 761]. Разумеется, оба заимствования семантически близки и восходят к одному и тому же греческому термину $\chi\alpha\rho\tau\acute{\iota}(\sigma\upsilon)$ (или $\chi\acute{\alpha}\rho\tau\eta\varsigma$) в аналогичном значении – более того, термин **харътиа** используется в ПНЧ как вариант к **харотья** (но только в значении ‘бумага!’)³⁰. Несомненно, однако, что И.И. Срезневский обращал внимание именно на своеобразный фонетический облик слова **харотья** (вар. **харатья, хоратья**), который характерен только для русских памятников [Срезн. III: 1361-1362], [Львов 1975: 328]. Значение ‘пергамен’ также следует считать типично

²⁵ [Срезн. III: 691]. Греческий оригинал для [Чуд. 16: 22г] в [Coisl.gr. 122] отсутствует из-за выпавших листов, в славянском: **въ ннхъже ли съгроувиномъ покаямы са плачемъ и рыданьемъ**; [Чуд. 16: 28а]: **аще ли ты съгроувиши къ комоу** - [Coisl.gr. 122: 52]: $\epsilon\acute{\alpha}\nu\ \delta\epsilon\ \sigma\upsilon\ \sigma\phi\acute{\alpha}\lambda\eta\varsigma\ \epsilon\iota\varsigma\ \tau\iota\nu\alpha$. В [Хил. 175] слово отсутствует из-за лакуны, ср. [I: 105, 148].

²⁶ [ЭССЯ 7: 145], [СДЯ XI-XIV вв. II: 395-396], [СлРЯ XI-XVII вв. 4:144].

²⁷ Ср. [там же, II: 63] слово **гржвыни** в значении ‘невежество’ (греч. $\iota\delta\iota\omega\tau\epsilon\acute{\iota}\alpha$).

²⁸ Ср. [Син.217(836): 125], [Чуд. 16: 73б], [Яр. 15583: 150б]. В [Хил. 175: 127а] **на кожьныхъ харътиахъ** [I: 372].

²⁹ [Чуд. 16: 175а, 175б, 176в] – [Coisl.gr. 122: 318v, 319r, 321v].

³⁰ [Чуд. 16: 176г].

восточнославянской чертой. Далее, только на восточнославянской почве зафиксировано производное от **харатьяга** (имеющее рефлекс в русской антропонимии и хорошо известное любителям кино) – **харатьянъ**, **-ыи** (вар. **харатеинныи**), которому соответствует среднеболгарское **хартианъ** [Срезн. III: 1362].

Рассмотрим далее любопытный случай лексического варьирования в списках ПНЧ. На с. 43-44 Р. Павлова утверждает, что русизм **посадыникъ**³¹ в русских списках [Чуд. 16] и [Яр. 15583] (гл. 12) «однозначно» (eindeutig) представляет собой замену «исконного грецизма» **прахторъ**, сохранившегося в изданном ею сербском списке [Хил. 175: 52а4] [I: 181]. (Слово «однозначно» по отношению к проблеме грецизмов особенно замечательно в устах исследователя, который принципиально игнорирует греческий оригинал памятника). К несчастью для Р. Павловой, оригинал к данному месту издан³², и ссылки на «отсутствие критического издания» здесь будут едва ли уместны. Сопоставление оригинала с переводом полностью разрушает утверждение об «однозначной» исконности грецизма по отношению к термину **посадыникъ**. Дело в том, что исконность того или иного грецизма очевидна лишь в том случае, когда этот грецизм формально соответствует оригиналу. Термин **прахторъ** можно было бы считать исконным, если бы в оригинале ПНЧ стояло греч. *πράκτωρ*. Однако в оригинале стоит слово *ἑκδικος* ‘судебный чиновник по делам церкви’, не имеющее с заимствованием **прахторъ** ничего общего. Поэтому исконность термина **прахторъ** совсем неочевидна – он мог попасть в текст при переписке сербским писцом на Афоне (откуда, по

³¹ Между прочим, это слово, широко представленное в древнерусских памятниках и отсутствующее в [SJS], встречается в 35 слове древнеболгарского Златоструя краткой редакции (по древнейшему русскому списку XII в., л. 136г), см. [СлРЯ XI-XVII вв. 17:152]. Сложность рукописной традиции Златоструя, обилие в нем явно вторичных вставок и переделок заставляют отнести к нашему случаю с особым вниманием. Так, согласно реперторию Фр. Томсона [Thomson 1982: 33], греческий оригинал к данному слову Златоструя следует искать в [PG 59: 515-522]. Между тем при сверке рукописи с греческим текстом оригинал обнаруживается лишь для начала 35 слова (л. 134г-135г) – после этого вплоть до л. 136 г (где стоит слово **посадыникъ**) и далее следует текст, не находящий себе греческого соответствия (за исключением маленького отрывка об "огненной реке" на л. 136б, взятого из [PG 62: 615]). Данное обстоятельство может свидетельствовать об оригинальном, славянском характере этого места Златоструя, а наличие здесь яркого лексического русизма позволяет с уверенностью приписать авторство текста древнерусскому книжнику. О невозможности слова **посадыникъ** в древнеболгарском свидетельствует и полное отсутствие его производных в текстах, написанных у южных славян, в то время как в древнерусских памятниках такие дериваты многократно отмечены – ср. слова **посадыничати**, **посадыничити**, **посадынични**, **посадыничество**, отсутствующие в южнославянских текстах [Срезн. II: 1230].

³² См. [Максимович 1998а: 141].

нашему мнению, происходит древнерусский перевод ПНЧ, перешедший затем к сербам)³³. Именно потому, что сербский писец был незнаком с русизмом **посадникъ**, он мог заменить его на более привычный на грекоязычном Афоне грецизм³⁴. Как бы то ни было, употребление в сербском списке слова **прахторъ** в соответствии с греческим ἔκδικος представляет безусловный интерес для истории юридической терминологии у славян.

Загадочным представляется употребленное однажды в ПНЧ слово **БАВОУНЫ** (вар. **ПАВОУНЫ**) (гл. 16), который Срезневский поначалу также принял за русизм. Контекст этого слова настолько испорчен в разных списках, что без привлечения греч. оригинала в нем едва ли можно разобраться. Р. Павлова, правда, не использует в лексикологических разысканиях неизданные греческие оригиналы – отрадно, однако, что не все в наши дни следуют этому примеру. Так, известный австрийский славист Й. Райнхарт не только специально остановился на этом слове в своем докладе на IX съезде славистов в Киеве [Райнхарт 1983: 32-33], но и привел к цитате из ПНЧ греческий оригинал из венского кодекса theol.gr. 84 [там же: 62]³⁵. Фразе оригинала καλὴ πανουργία τῶν Ἑβραίων κατασοφισαμένων τοὺς Αἰγυπτίους [Coisl.gr. 122: 104v] соответствует в [Хил. 175: 72a-b] фраза: **ДОБРО КОВАРСТВО КВРЕИНСКОК ПРѢМОУДРИВШЕ КГЫПТѢНЫ**, т.е. «оправдана была хитрость евреев, перехитривших египтян»³⁶. Пренебрежение греческим оригиналом сослужило Р. Павловой плохую службу, поскольку приводимый ею для иллюстрации слова **БАВОУНЫ** текст [Син. 217(836): 35]: **ДОБРО КОВАРСТВО БАВОУ ПОЩАДѢВШЮ МОУЖЬСКА ПОЛОУ КВРѢКМЪ ВЪ КГОУПТѢ** [I: 44] относится совсем к другому месту, следующему ниже по тексту, ср. греч.: ἐπαίετῳς ἐπανουργέυσαντο αἱ μαῖαι περιποιούμεναι τὰ ἄρρενα τῶν Ἑβραίων «похвально схитрили (повивальные) бабки, пощадив еврейских (младенцев) мужского пола». В [Хил. 175] этому греческому соответствует славянский текст, близкий к [Син. 217(836)]: **ДОБРО КОВАРСТВО БАВЪ ПОЩ(Є)ДѢВШНИХЪ МОУЖЬСКАГО ПОЛОУ КВРЕШМЪ ВЪ КГЫПТѢ**. Нетрудно видеть, что слово **БАВЫ**, из которого издатель выводит слово **БАВОУНЫ**, имеет греческую

³³ См. [Максимович 1998б: 403-407].

³⁴ Кстати, в неиспользованной Р. Павловой рукописи ПНЧ [Яр. 15606] в этом месте стоит нейтральный церковнославянизм **властель**, свидетельствующий о замене ярких русизмов книжными церковнославянскими лексемами при переписке ПНЧ – ср. полемику вокруг лексической замены **вѣверица/мѣдница** и связанным с этим вопросам в работах [Павлова 1988: 105-108], [Турилов 1993: 36], [Молдован 1994б: 73-74], [Молдован 1997: 64-66], [Максимович 1998б: 402].

³⁵ Работу Райнхарта, как и другие новейшие работы, не соответствующие ее установкам, Р.Павлова игнорирует.

³⁶ Ср. в русской версии [Син. 217(836): 35]: **ДОБРО КОВАРСТВО НЕВРѢНСКО ПРЕМОУДРИВШЕ КГОУПТЯНЫ**. Только в [Яр. 15583] и [Чуд. 16] вместо **КГОУПТЯНЫ** стоит **КГЮПТА ПАВОУНЫ** (Яр.) и **ЕГЮПТАН БАВУНЫ** (Чуд.) [I: 224]. Напомним, что речь в этом фрагменте из Василия Великого шла о тонком различии между «хитростью во благо» и «злостным коварством».

параллель *aí maíai* ‘повивальные бабки’, тогда как загадочные **БАБОУНЫ** не имеют греческого соответствия. Итак, на небольшом отрезке славянского текста встретились слова **КГОУПТИАНЫ** и (несколько ниже) **БАВЪ** (в род.п. мн.ч.). Напрашивается предположение, что в общем архетипе [Чуд. 16] и [Яр. 15583] произошла либо описка, либо иная порча текста, в результате которой слово **БАВЪ** попало в середину слова **КГОУПТИАНЫ**. Из контаминации указанных двух слов возникло **КГОУПТИА-БАВЪ-НЫ**, исправленное позже писцами на **КГУПТИА** (**КГОУПТИАНЪ**) **БАБОУНЫ**. Таким образом, **БАБОУНЫ** ПНЧ, не имеющие опоры в греческом оригинале, представляют собой текстологический фантом и, несомненно, отсутствовали в архетипе – следовательно, вопрос о его восточнославянском или южнославянском характере в связи с ПНЧ отпадает сам собой³⁷.

Слово **ПАВОЛОКА** (а не **ПОВАЛКА**, как пытается представить его Р. Павлова [I: 49]) употреблено в гл. 36 ПНЧ в значении ‘дорогая (царская) одежда’ в соответствии с греческим *πέπλος (βασιλικός)*³⁸. В данном значении оно известно только древнерусским памятникам, ср. [Срезн. II: 855], [СлРЯ XI-XVII вв. 14: 114]³⁹. Его замена на **ПОВАЛКА** в позднейшем, болгарском переводе ПНЧ очень похожа на болгаризацию лексемы, взятой из первоначального, русского перевода, поскольку более ни в одном южнославянском тексте это слово не встречается (отсутствует в [SJS]).

Предполагаемый русизм **МИТОУШАТИ (НОГАМИ)** ‘ритмично переступать, притопывать’ в соответствии с греч. *μεταβαίνωσι πόδας*⁴⁰ (гл. 29, в болгарском переводе **прѣходати**) Р. Павлова вслед за Ст. Младеновым связывает с болг. диал. *митам*, которому в литературном болгарском соответствует *мятам* [I: 48]. Этой информации недостаточно – хотелось бы увидеть указание на связь данного слова с нареч. **МИТОУСЬ** [СДЯ XI-XIV вв. IV: 549] (юж.-слав. **МИТЖСЬ** [Срезн. II: 155], [SJS II: 217]) и вообще объяснение всей морфологической структуры этого слова, как это принято в этимологической науке. Но за научными

³⁷ Специально подчеркнем, что это слово встретилось также в Салтыковском сборнике в значении ‘чары, колдовство’ [Срезн. I: 38], а также в Сербской кормчей. Можно считать, что оно надежно зафиксировано в славянском книжном языке. Лишь для вопроса о происхождении перевода ПНЧ оно нерелевантно, поскольку текстология списков дает право считать, что его не было в архетипе перевода. Й. Райнхарт выводит этимологию этого слова из топонима Бабуна в Македонии [Райнхарт 1983: 32], считая его на этом основании сербизмом. Между прочим, примерно то же самое почти за 100 лет до него утверждал [Срезневский 1899: 84], который, таким образом, косвенно признал ошибочность своего мнения 1875 г., будто **БАБОУНЫ** в ПНЧ – это русизм.

³⁸ [Чуд. 16: 102a], [Coisl.gr. 122: 211r].

³⁹ Есть данные, что и в западнославянских языках это слово в его неполногласном варианте также означало ‘дорогая одежда’, ср. ст.-чеш. *rawlaka*, ст.-пол. *rawłoka* [Срезн. II: 856].

⁴⁰ [Coisl.gr. 122: 160v].

объяснениями нужно, видимо, обращаться по другому адресу – например, к [ЭССЯ 19: 60-61], согласно которому **митоушати** и его варианты отмечены только в западнославянских и особенно русских диалектах. Если бы Р. Павлова проконсультировалась с этим словарем, то она узнала бы много нового о происхождении слова **митоушати** - в частности, о его полной независимости от болг. *мятам, митам*. Между прочим, это слово есть и в [Хил. 175: 126б], ср. [I: 370]. Отсюда вопрос к Р.Павловой: если восточнославянские списки ПНЧ вторичны по отношению к сербским, то каким образом русизм **митоушати** оказался в Хиландарской рукописи?

По поводу яркого русизма **хорошаник (хорошеник)** ‘горделивость, заносчивость’ (гл. 4) в соответствии с греч. *θάραρος* ‘дерзость’ Р. Павлова со ссылкой на собственное «текстологическое исследование» (*die textologische Untersuchung*) утверждает, что это слово стоит на месте исконного южнославянского **величаник** [I: 49]. В [Хил. 175] данный отрывок отсутствует, поэтому неясно, изучение каких «текстов» привело издателя к подобному выводу. В виде осторожного допущения отметим, что это вполне мог быть текст И.И. Срезневского, где лишь бегло (и, на наш взгляд, опрометчиво) сказано: «слово *хорошание* взято вместо слова *величание*» [Срезневский 1875: 291]. Мы же сошлемся на собственное текстологическое исследование, результаты которого опубликованы и гласят, что в шести древнейших рукописях, содержащих данный текст, везде стоит либо **хорошаник**, либо **хорошеник (хорошѣник)**.⁴¹

Такое же «текстологическое исследование» побуждает Р. Павлову считать русизм **ровниа** ‘сверстник’ (гл. 4)⁴² вторичным – а вот что она считает первичным, неясно, поскольку в [Хил. 175] здесь огромная лакуна [I: 90-91]. По общему смыслу рассуждений Р. Павловой, первично слово **сѣврѣстѣникъ**, употребленное в позднейшем, болгарском переводе на месте **ровниа** восточнославянских списков [I: 50]. Таким образом, позднейший термин без малейшей попытки обоснования объявляется первичным, а более ранний – вторичным, причем для автора неважно, что оба термина относятся к разным переводам, а значит, к разным текстам. Чем не новое слово в формальной логике, а заодно и в текстологии?

Слово **доспѣнъ** (гл. 45) в применении к книгам Нового Завета (**кѣнигы доспѣны**) в соответствии с греч. *ἐν σὺμασι* должно означать ‘готовые, полностью собранные’ (в контексте речь идет о заказе на книгу – полную версию Нового Завета). Именно это значение глагола **доспѣти** ‘окончить, завершить; подготовить’, не отмеченное в южнославянских текстах, И.И. Срезневский считал восточнославянской чертой,

⁴¹ Ср. [Максимович 1998а: 47].

⁴² Греч. *ὁμήλιξ*, ср. [СлРЯ XI-XVII вв. 22: 174]. Термин встретился также в Хронографе 1512 г. (в цитате из "Александрии", где отмечен еще один восточнославянский вариант – **ровнина** [там же: 172]).

ср. [Срезн. I: 710], [СДЯ XI-XIV вв. III: 63]. Однако Р. Павлова, вновь демонстрируя полное непонимание сути семантических русизмов и впадая в обычную для нее ошибку *qui pro quo*, сыплет примерами слова **доспѣти** в болгарской книжности в совершенно иных значениях: ‘успеть’, ‘прибыть’ [Ефр.Сир. III: 250, 258] и т.п. [I: 47].

Иногда Р. Павлова банально приписывает И.И. Срезневскому (а затем пытается опровергнуть) то, чего он никогда не утверждал. Так, она находит в болгарских текстах слово **оукропъ**, которое Срезневский якобы считал русизмом [I: 42, 51]. Между тем, в списке Срезневского стоит выражение **оукропъ вѣзижьныи** (гл. 57) с выделенным словом **вѣзижьныи** [Срезневский 1875: 294]. Таким образом, следовало бы опровергать восточнославянский характер лексемы **вѣзижьныи** (и, соответственно, **вѣзига** ‘вязига, спинные сухожилия осетровых рыб’), чего Р. Павлова, однако, не делает (да и не может сделать – ведь терминология осетрового промысла по понятным причинам развита только у восточных славян). Далее, Р. Павлова обнаруживает в болгарских памятниках слово **къто** в значении ‘некто’ - данное значение Срезневский якобы считал восточнославянской чертой. Однако достаточно лишь беглого взгляда на приводимые русским ученым примеры из ПНЧ, чтобы убедиться, что русизмом он считал употребление слова **къто** не в значении ‘некто’, а в значении ‘некий’, т.е. в атрибутивной синтаксической конструкции с субстантивом в качестве определяемого слова: **пророкъ кто** ‘некий пророк’ (гл. 2), **христолюбьць кто** (гл. 15)⁴³, **ошьльникъ кто** (гл. 9, 12) и мн.др. Сходное (не тождественное!) употребление отмечено в южнославянских текстах лишь дважды: только в Супрасльской рукописи, и только с именами собственными в качестве определяемых [SJS II: 96] – между тем оно присутствует в [Хил. 175: 138b] и полностью идентично восточнославянским спискам ПНЧ: **хѣстолюбь(ць)... кто** [I: 360]⁴⁴. Между прочим, данное синтаксическое явление зафиксировано, как будто, только в ПНЧ – ср. данные [Срезн. I: 1415], [СДЯ XI-XIV вв. IV: 377], где употребление **къто** с именами нарицательными в значении ‘некий’ подтверждено только материалом нашего памятника. Считать его надежным русизмом на этом основании, конечно, нельзя; но по формальному признаку – отсутствие в южнославянских текстах – данное явление тяготеет к восточнославянскому ареалу.

Слово **цѣлыи** Срезневский специально дает в составе словосочетания **за цѣлъ мѣсяць** (гл. 23)⁴⁵, чтобы показать специфически восточнославянское значение ‘весь, целый’

⁴³ [Син. 217(836): 13, 20об., 21 и др.].

⁴⁴ Для [Хил. 175] это нетипичное употребление - обычно **къто** в указанной функции заменяется на нейтральное книжное **нѣкъто**, ср., например, [I: 174.15].

⁴⁵ В греч. $\delta\lambda\omega\nu\ \tau\acute{o}\nu\ \mu\eta\nu\alpha$ [Coisl.gr. 122: 137v]. В [Хил. 175: 103a] слова **за цѣлъ** выпущены, оставлено только **мѣсьць**, ср. [I: 293].

– но Р. Павлова не видит этого значения, зато сообщает, что слово **цѣлыи**, оказывается, встречается в древнеболгарских текстах целых 39 раз! Она "забывает" сказать лишь о том, что, по данным [ССС], все 39 раз это слово употреблено на болгарской почве в совершенно иных значениях: а именно, 'нетронутый, невредимый', 'непорочный', 'здоровый', и никогда – в значении 'весь', в котором оно употреблено в ПНЧ⁴⁶.

Рассмотренные примеры ярко демонстрируют научный стиль профессора Софийского университета Р. Павловой, более уместный, как нам кажется, в ангажированной журналистике, чем в науке: уклоняясь от обсуждения новейших исследовательских результатов, оспаривать старые теории и доказывать свою правоту любой ценой, не останавливаясь перед замалчиванием иных точек зрения, искажением и подтасовкой фактов.

Как бы то ни было, после титанических усилий Р. Павловой сократить список лексических и семантических русизмов ПНЧ, указанных И.И. Срезневским, можно констатировать, что для целого ряда предполагаемых русизмов (о которых Р. Павлова умалчивает) доказать их южнославянский или общеславянский характер не удастся. Таким образом, можно говорить о новом, исправленном списке русизмов⁴⁷ ПНЧ, который на сегодняшний день нам видится в следующем составе (спорные случаи отмечены знаком вопроса; там, где это возможно, проводится сопоставление с [Хил. 175]):

возгръ 'мокрота, слизь' (гл. 58) – греческое соответствие не найдено, т.к. в [Coisl.gr. 122] в данном месте текст короче, чем в переводе [СДЯ XI-XIV вв. I: 460]. Слово отмечено только в восточнославянских текстах; в болгарском переводе ПНЧ заменено на **сополе** [Срезн. I: 282];

вьръбнага недѣла (см. выше);

вьрста в значении 'мера длины' (гл. 45) – греч. μίλιον 'миля' [СДЯ XI-XIV вв. II: 267]; семантический русизм, ср. [Молдован 2000: 63-64]⁴⁸;

⁴⁶ Существует, впрочем, один контекст в Изборнике 1073 г., в котором данное слово употреблено именно в восточнославянском значении 'весь', ср.: **Погравиши имѣннѣя цѣла, мало же да даси** [Изборник 1073 г.: 87г], (в [Срезн. III: 1457] ошибочно указан л. 37) - греч. οὐσίας ὀλοκλήρους. Об исконности данного употребления в Изборнике ничего определенного сказать невозможно (напомним, что список древнерусский) - однако пример, безусловно, достоин внимания.

⁴⁷ Некоторые из них, как например **капоуста**, **клоуць** и др., не могут считаться чистыми русизмами, поскольку отмечены и в западнославянских языках – однако в контексте ПНЧ (на западнославянском происхождении которых, к счастью, никто из польских и чешских славистов не настаивает) эти лексемы должны интерпретироваться как восточнославянизмы.

⁴⁸ См. также [Райнхарт 1983: 36], где косвенно признается восточнославянский характер лексико-семантического варианта **вьрста** 'мера длины', который встречается в Прологе, созданном, как известно, на Руси. В рамках восточнославянского влияния слово **вьрста** в этом значении усваивается в начале XIII в. южными славянами и используется сербами при переводе кормчей св. Саввы (Закон градский, XXVII,17), ср. [СДЯ XI-XIV вв. II: 267].

вѣверица в значении ‘денежная единица’ (гл. 23, 45, 46) – греч. φόλλις, νομίου, ср. [Coisl.gr. 122: 138; 269v]); в [Хил. 175: 104b, 105a] заменено на нейтральное церковнославянское **мѣдъница** [I: 296, 297];

вѣзига (вѣзижьны) (см. выше);

вѣкъша в значении ‘денежная единица’ (гл. 36, 45, 46) [СДЯ XI-XIV вв. II: 294] – греч. νομίου, ср. [Coisl. gr. 122: 269v]);

грамота в значении ‘буквы’, ‘написание букв’ (возможно, и в других значениях); как характерный русизм предстает только в древнейших памятниках, в начале XIII в. в рамках восточнославянского влияния переходит к южным славянам и попадает в Сербскую кормчую св. Саввы (см. выше);

гривьна в значении ‘денежная единица’ (гл. 36)⁴⁹ – греч. δηνάριος ‘динарий’; в данном значении употребляется только в древнерусских и западнославянских памятниках, ср. [Срезневский 1875: 292], [Срезн. I: 589-591], [SJS I: 434], [Львов 1975: 265], [СДЯ XI-XIV вв. II: 388], [Молдован 1994б: 70]; ср. также (**полоу**)**гривьна** ‘мера веса’ (λίτρα) [Максимович 1998а: 414];

гроувыи в значении ‘злой, грубый’ и производное **сѣгроувити** ‘оскорбить, обидеть’ (см. выше);

гълькъ (гълекъ, голькъ) ‘сосуд: кувшин, кружка’ (гл. 12) - греч. βαυκάλιον [СДЯ XI-XIV вв. II: 329], ср. [там же: 406]; гл. 43 [Чуд. 16: 138б] – греч. ξέστης). В [Хил. 175] отсутствует из-за пропуска текста. Несмотря на темную этимологию, термин отмечен только в восточнославянских диалектах, ср. [Фасмер I: 412], [ЭССЯ 7: 192], [Молдован 1994а: 60-61], [Молдован 2000: 92]; в южнославянских текстах надежно не зафиксирован⁵⁰. В позднейшем, болгарском переводе ПНЧ употреблено заимствование **ксестти, ксестъ** [Срезневский 1875: 294];

дєрѣзивиы (см. выше);

дешевыи (гл. 46) – греч. ἡ σπάνις ‘недостаток, убыток’, ср. [Liddell/Scott 1966: 1623], [СДЯ XI-XIV вв. II: 462]; согласно [ЭССЯ 4: 219], слово отмечено только в древнерусских текстах и в русском языке;

доспѣти в значении ‘подготовить, закончить’ (см. выше);

⁴⁹ [Яр. 15583: 195в]: **нє хотан бо кто ѿ кдиноа рѣзаны мѣстѣна створити ни ѿ тысяща гривьнѣ имать створити** (δηνάριον).

⁵⁰Особого изучения требует употребление данного слова в двух русских полных апракосах – Мстиславовом и Галицком евангелии 1266-1301 гг., а также в евангелиях 1307 и 1409 г. (Марк. VII, 4 и 8 в соответствии с греч. ξέστης) [Срезн. I: 546-547, 612]. В эти евангелия слово попало, скорее всего, уже на Руси, поскольку в древнейших евангелиях употреблены иные слова: **чъванъ** (Mar, Ass) и **кръчагъ** (Zogr), ср. [Люсен 1995: 162].

? **жагало** ‘жало, острие’ (гл. 36) – греч. τὸ κέντρον [СДЯ XI-XIV вв. III: 226]; изучения требует один случай употребления в новгородской служебной минее XII в. [Срезн. I: 838];

женьчюгъ ‘жемчуг’ (гл. 55): **от книги [так!] рѣкомыхъ женьчюгъ** (вероятно, в соответствии с греч. μαργαρίτης)⁵¹. Слово приведено как русизм в работе [Соболевский 1980: 138], в списке Срезневского отсутствует. Представляет собой древнерусское заимствование из китайского через тюркское посредство, ср. [Добродомов 1966], [Фасмер II: 46], [Молдован 2000: 64];

нзоувиръ (нзоувѣръ) ‘грозный, страшный’ (гл. 40) – греч. Αἰθίοψ [СДЯ XI-XIV вв. IV: 116], [Coisl.gr. 122: 222]. Слово встречается только в древнерусском и западнославянских языках – подробнее см. [Молдован 2000: 87];

клоубъ (см. выше);

колоколъ (гл. 57) – греч. κωδών(ο)ν ‘било (в монастыре)’, ср. [Максимович 1998а: 408,409], [СДЯ XI-XIV вв. IV: 243]. Достоверно только в восточнославянском ареале, есть также в полабском [ЭССЯ 10: 138];

крити ‘купить’ (гл. 4, 15, 34, 40, 43, 45) – греч. ἀγοράζω, ἐξωνέομαι [Coisl.gr. 122: 93r, 190v, 221v, 266v], ср. [Срезн. I: 1341], [СлРЯ XI-XVII вв. 8: 29], [СДЯ XI-XIV вв. IV: 298], [ЭССЯ 13: 74-75]. В гл. 4 соответствует греч. φωράομαι ‘быть избличенным’ [Максимович 1998а: 13.2]. В [Хил. 175] отсутствует из-за лагун в гл. 4 и 15. Об этом слове специально см. [Зализняк 1986: 184], [Страхов 1994: 205-211], недавно [Молдован 2000: 94];

?**къто** в значении ‘некий’ (только с именами нарицательными и только в ПНЧ – см. выше);

ларь (гл. 22) [СДЯ XI-XIV вв. IV: 389] – греч. ἀποθήκη ‘склад’ [Coisl. gr. 122: 135v]; в [Хил. 175] отсутствует из-за лагуны. Раннее восточнославянское заимствование из древнешведского lāgg, ср. [Фасмер II: 460], в [ЭССЯ] отсутствует;

медоуша (гл. 23) [СДЯ XI-XIV вв. IV:517] – греч. τὸ κελλάριον ‘кладовая’ [Coisl.gr. 122: 137v]. В южнославянских памятниках отсутствует, в [SJS] не отмечено; в [Хил. 175: 103а] заменено ц.-слав. **винница** [I: 292];

митоушати (ногами) в значении ‘ритмично топать, приплясывать’ (см. выше);

новикъ⁵² (гл. 23, 33) – в гл. 23, вероятно, по переводческому недоразумению, соответствует греч. νεαρά ‘новелла, императорский указ’ [Максимович 1998а: 220.2] (в [Хил. 175] пропущено из-за лагуны); в гл. 33 более традиционное значение ‘новичок, новенький’ [Син. 217(836): 179]⁵³, в [Яр. 15583: 178в] текст испорчен: **сде и ловьци** – греч. ἀδελφοὶ ἀρχάριοι ‘новопришедшая братия’ [Coisl.gr. 122: 187v]; в позднейшем, болгарском переводе **братига новоначалнага**. Словообразовательный тип отадъективных существительных на **-икъ** (за единственным исключением: **златикъ**) в древнеболгарском

⁵¹ [Чуд. 16: 188в]. В [Coisl.gr. 122] стоит τοῦ αὐτοῦ – греческий оригинал иной редакции!

⁵² См. [СлРЯ XI-XVII вв. 11: 395], в [Срезн.] и [Фасмер] отсутствует!

⁵³ В рукописи описка: **ноници**, повторена в [Срезневский 1875: 295].

языке не зафиксирован [Вайян 1952: 233] – неудивительно, что слово **новикъ** неизвестно южнославянским текстам (отсутствует в [SJS]). Правда, оно обнаружилось в Великих Минеях Четых митрополита Макария (по Успенскому списку XVI в.) в безусловно болгаро-преславском по происхождению переводе «Огласительных поучений» св. Кирилла Иерусалимского, ср. [Weiher et al. 1998: 472d25] – однако лишь на этом основании его нельзя исключать из числа русизмов, поскольку в более древнем списке «Огласительных поучений» XI-XII в. стоит южнославянский вариант **новакъ** [Срезн. II: 457], который и нужно считать исконным. На этом примере видно, во-первых, что внесение русизмов в древнеболгарские тексты продолжалось на Руси и в XVI в., и, во-вторых, что лексический критерий локализации переводов неэффективен без тщательных текстологических разысканий, позволяющих установить исконность или вторичность тех или иных лексем;

обитѣканик (гл. 35) [Чуд. 16: 93б] – греч. περιδρομή ‘хождение, ходатайство’; собственно, ‘круговое движение’ [Coisl. 122: 198]. Слово **обитѣканик**, как и его производящее **обитѣкати**, зафиксирован только в восточнославянских памятниках, ср. [СлРЯ XI-XVII вв. 12: 57, 173], в южнославянских текстах аналогом его является **об(и)тицати**, ср. [там же: 173], в [SJS] отсутствует;

одѣвало (гл. 23) – греч. γυνάχιον ‘широкая одежда, плащ, служивший также одеялом’ [Coisl.gr. 122: 137v], ср. [Lampe 1969: 321]; слово встретилось дважды в [Яр. 15583] и [Син. 217(836)], в [Чуд. 16] три раза **одѣвало**, один раз **одѣвало**; в [Хил. 175: 102b, 103a, 103b] заменено нейтральными (не дающими оснований для локализации) церковнославянскими **одѣваник** [I: 291], **одежда** [I: 292, 294] и **одѣвник** [I: 294]; в [SJS] слово **одѣвало** отсутствует;

опльщевати (гл. 43) – греч. ὀχλαγωγέω ‘делать местом всеобщего посещения’ [Максимович 1998а: 326.8]; гапакс ПНЧ [СлРЯ XI-XVII вв. 13: 23], [СДЯ XI-XIV вв. VI: 140]; в болгарском переводе ПНЧ **посѣщати** [Срезневский 1875: 295]; в [SJS] отсутствует;

отарица ‘имущество’ (гл. 4) [Чуд. 16: 13г] – греч. πεκοῦλιον ‘имущество, предоставленное зависимому лицу для самостоятельного пользования’, ср. [СлРЯ XI-XVII вв. 13: 180]. Весьма вероятно, что этот термин представляет собой адаптированное заимствование из тюркских языков, поскольку один контекст из Русской Правды актуализирует у данного слова значение ‘стадо’: **аже господинъ приовидитъ закоупа а въведеть копоу** [вар. **кovoу** – вероятно, описка вм. **коровоу**] **его или отарицю** [Русская Правда 1935: 32]. Ср. заимствованное из тюркского слово *отара* [Фасмер III: 169]⁵⁴. В ПНЧ, однако, слово **отарица** имеет значение ‘имущество’, которое легко выводится из

⁵⁴ Блестящее толкование данного места Русской Правды, в котором безнадежно увязли исследователи-историки, дано лингвистом А.И. Соболевским, ср. [Правда Русская II: 513]. См. также мини-исследование об этом слове в работе [Ларин 1975: 82-83].

первоначальной семантики ‘стадо’, ср. семантическую эволюцию слова **скотъ** [СлРЯ XI-XVII вв. 25: 6-7]. В южнославянских памятниках термин **отарица** отсутствует; в [Хил. 175] здесь лакуна [I: 90-91];

паволока в значении ‘дорогая одежда’ (см. выше);

посадыникъ (см. прим. 31);

похоронити в значении ‘прибрать (помещение)’ (гл. 6) – в [Чуд. 16: 22г] в соответствии с греч. καθίστημι, φιλοκαλέω ‘прибирать’ [Coisl.gr. 122: 35г], ср. [СлРЯ XI-XVII вв. 18: 58]. В [Хил. 175: 14b] первоначальный русизм исправлен писцом на **похранити**. Примечательно, что неполногласный вариант **похранити** отсутствует в южнославянских памятниках (его нет в [SJS]), а потому именно форму **похоронити** следует считать исконной, лишь слегка адаптированной к южнославянскому стандарту сербским писцом (ср. выше пару **дерзивыи/дръзивыи**). Несколько ниже, в сочетании **келню его чѣстоу и похороненоу** тот же писец заменил русизм **похороненоу** на нормативное ц.-слав. **пометеноу** [I: 106];

?**похоронати** в значении ‘приготовлять (св. Дары)’ (гл. 40 - дважды) [Чуд. 16: 111a] – греч. καταστέλλω [Coisl.gr. 122: 222г];

ровна (см. выше);

рѣзана ‘мелкая древнерус. монета, 1/50 гривны’ (гл. 23, 36)⁵⁵ – греч. τριμίσιον ‘монета достоинством в 1/3 золотого динария’, кодράντης ‘1/4 асса’, ср. [Liddell/Scott 1966: 966], [Lampe 1969: 1408]. Только в русских памятниках, ср. [Срезн. III: 217], [Срезневский 1875: 292]; [Хил. 175: 105a] *в вопиющем противоречии с греческим оригиналом* (где стоит τριμίσια) демонстрирует здесь явно вторичную замену **ѣста** [I: 297] – совершенно ясно, что именно близкое к оригиналу чтение восточнославянских списков и является исконным⁵⁶;

рѣзь ‘ростовщический процент’ (гл. 20, 38) – греч. τόκος [Максимович 1998а: 198, 317]: только в восточнославянских памятниках [Срезн. III: 220], [Соболевский 1980: 138], [Молдован 1994а: 67], в [SJS] отсутствует; в [Хил. 175: 91a] пропуск текста [I: 266];

сканьк (скань) ‘тонкая проволочная работа из золота или серебра’ (гл. 49) [Чуд. 16: 158a] – греч. κλώσμα ‘нить, тесьма’ [Coisl.gr. 122: 285v]; только в восточнославянских текстах, ср. [Срезн. III: 365], [СлРЯ XI-XVII вв. 24: 177];

съгроувити – см. **гроувыи**;

харатья (харотья), особенно в значении ‘пергамен’ (см. выше);

хорошавыи ‘щегольской, изнеженный’ (гл. 36) [Срезневский 1875: 291], в [Чуд. 16: 95г] **хорошивыи** – греч. σπαστρέυομαι(?) [Coisl.gr. 122: 201г]; в болгарском переводе ПНЧ **оукрашатисѧ** [Срезн. III: 1388];

⁵⁵ [Яр. 15583: 195 об.]: **не хотѧи бо кто ѿ единого рѣзаны млѣстына створити ни ѿ тысаща гривньѣ имать створити** (ἀπὸ кодράντου).

⁵⁶ Текстологический комментарий к данному месту см. в работе [Алексеев 1996: 289], которую Р. Павлова игнорирует.

хорошаник (хорошеник) (см. выше),

хорошин – яркий восточнославянизм [Срезн. III: 1388], [Фасмер IV: 267]; в ПНЧ производное **нехорошь** (гл. 6) [Чуд. 16: 22г] – греч. ἀσύστροφος ‘неприбранный’ [Coisl.gr. 122: 35г]. Слово **нехорошин**, при всем его бесспорно восточнославянском характере, едва ли находилось в архетипе перевода – оно употреблено лишь однажды и только в [Чуд. 16], тогда как в остальных списках стоит **непохоронень**, производное от употребительного в ПНЧ **похоронити** в значении ‘прибрать’; в [Хил. 175: 14b] слово подверглось адаптации по южнославянскому стандарту – **непохранень** [I: 106];

цѣлыи в значении ‘весь’ (см. выше – пример из Изборника 1073 г. требует дополнительных текстологических разысканий);

шелкъ (гл. 23) – греч. στήκὰ ὑφάσματα ‘китайские ткани’ [Максимович 1998а: 217.7]; яркий восточнославянизм [Фасмер IV: 423]. В [Хил. 175: 102b] слово **шелкъмь** (как и последующее **оустрокну**) опущено, в результате чего текст существенно отклонился от греческого оригинала [I: 291] – таким образом, полностью соответствующее оригиналу восточнославянское **шелкъ** и является исконным (ср. выше аналогичный случай с термином **рѣзана**); встретилось также в гл. 49 [Чуд. 16: 158а] в соответствии с греч. κρόκη ‘нить’ [Coisl.gr. 122: 285v];

щюпати (гл. 47), для сочетания **щюпати и прикасатиса** [Чуд. 16: 152г] одно греческое соответствие – περιάψαι ‘ощупать’ [Coisl.gr. 122: 276v]. Слово фиксируется только в восточнославянских языках, через посредство **щюпль** связано также с западнославянскими языками, ср. [Фасмер IV: 510];

К этому списку И.И. Срезневского мы можем добавить из ПНЧ ряд новых лексем (лексико-семантических вариантов), восточнославянский характер которых весьма вероятен (случаи, требующие дополнительных разысканий, отмечены знаком вопроса):

вариво в значении ‘вареная пища’ – в гл. 23 передает греч. ἔλαιον ‘оливковое масло, елей’ (в [Хил. 175: 103а] здесь стоит точнее передающее оригинал - и, возможно, исконное - сочетание **масло дрѣвѣно** [I: 293]); в гл. 59 соответствует греч. ἔψημα ‘нечто вареное’ [СДЯ XI-XIV вв. I: 373]; о восточнославянском характере слова см. [Молдован 1994а: 21]; в [SJS] отсутствует, зато имеется в современном болгарском языке в специфическом значении ‘бобы’ и ‘блюдо из бобов’ [Бернштейн 1966: 54];

днѣчьць ‘младший причетник’ (гл. 13) – греч. παπαδίτζης [Максимович 1998а: 171.6]; согласно [Истрин 1922: 283,300] – восточнославянизм: в самом деле, встречается только в Хронике Георгия Амартола и ПНЧ [СДЯ XI-XIV вв. III: 147]; полностью отсутствует в южнославянской книжности (не отмечен в [SJS]), зато любопытным образом наличествует в [Хил. 175: 56а24], ср. [I: 191];

манатьѣ ‘монашеская мантия’ (гл. 34) – греч. πάλλιον ‘плащ’ [Coisl. 122: 190v]; слово **манатьѣ** находится только в [Чуд. 16: 89а], в [Яр. 15583] имеем его церковнославянский вариант **мантиѣ** [Срезневский 1875: 240], [Страхов 1994: 208]. Судить об исконности того или иного варианта в ПНЧ затруднительно. Слово **манатьѣ** встречается только в восточнославянских памятниках [СДЯ XI-XIV вв. IV: 503], в [SJS II: 188] только **маньтиѣ** (с русским толкованием ‘манатьѣ’!). К паре **манатьѣ** (рус.) / **маньтиѣ** (ц.-слав.) ср. выше пару **харатьѣ** (рус.) / **харътиѣ** (ц.-слав.);

?**мангерниа** (гл. 57) – в греч. μαγειρία ‘приготовленная пища’ [Срезн. II:110], [СДЯ XI-XIV вв. IV: 503], [Максимович 1998а: 413.1; 413.5; 413.10; 414.7]. Слово употреблено в переводе неизвестного типика Святой Горы (Афон); возможно, это афонское восточнославянское заимствование. Более «книжный» (фонетически корректный) дублет **магерниа** представлен в древнерусском переводе Студийского устава по сп. XII в. [СДЯ XI-XIV вв. IV: 490]; в южнославянских текстах не отмечен (отсутствует в [SJS]);

медъ в соответствии с греч. οἶνος ‘вино’ (гл. 23) [Син. 217(836): 77об.]. В южнославянских памятниках это слово обозначает ‘мед’; согласно [ЭССЯ 18: 68], значение ‘хмельной напиток из меда’ свойственно только древнерусскому и старопольскому языкам. В [SJS II: 200] данное значение у слова **медъ** отмечено лишь в западнославянском житии св. Вячеслава. В [Хил. 175: 103а], ввиду чуждости южнославянской книжной нормы, заменено на ц.-слав. **вино** [I: 292];

мечьникъ в значении ‘стражник, помощник судьи’ в сочетании **соудникю и мечьники** (гл. 12) – в ПНЧ этому сочетанию соответствует греч. ἑπαρχος τῶν πραιτόριον ‘префект преторианской гвардии’ [Максимович 1998а: 141.4]⁵⁷. Термин **мечьникъ** зафиксирован в этом значении уже в Русской правде [СлРЯ XI-XVII вв. 9: 134], ср. [Мрочек-Дроздовский 1917: 126-127]. В [SJS II: 204] термин отмечен только в значении ‘палач, исполнитель приговора’. Об этом слове см. также работу [Львов 1972]. Показательно, что в [Хил. 175: 52а] этот текст полностью воспроизведен – **соудникю и мьчьники** [I: 181];

наимитъ ‘наемный работник’ (гл. 57) – греч. μισθαρύος ‘наемный работник’ и ναύτης ‘матрос’ [Максимович 1998а: 418.3, 418.7, 418.8]. Термин надежно зафиксирован только в восточнославянских памятниках [СлРЯ XI-XVII вв. 10: 103]. В [Срезн. II: 287] приведены примеры также из русского списка Пятикнижия – но в этой рукописи имеются русизмы;

?**печьць** ‘пекарь’ [СДЯ XI-XIV вв. VI: 389], один раз в соответствии с греч. ἐμαυκιπατίων ‘эманципация (детей) из-под родительской опеки’ [Максимович 1998а: 427.6]. В старославянских памятниках термин не отмечен, отсутствует в [SJS];

пристравати (гл. 15) – греч. παρασκευάζω в значении ‘побуждать, заставлять’ [Coisl.gr. 122: 98v], ср. [Яр. 15583: 90б,г], [Син. 217(836): 26об.]. Слово отмечено только в предполагаемых восточнославянских переводах, ср. [СлРЯ XI-XVII вв. 20: 37], в [SJS] отсутствует. В [Хил. 175] пропущено из-за лакуны, восполненной по [Чуд. 16] в Приложении, ср. [II: 143]. Данное слово с тем же греческим соответствием имеется и в гл. 17:

⁵⁷ Налицо, таким образом, феномен «адаптирующего перевода», при котором чуждые (в данном случае позднеримские) реалии заменяются более привычными для переводчика. Подробнее об этом переводческом феномене см. в работе: Максимович К.А. Древнейший памятник славянского права «Закон судный людем»: композиция, переводческая техника, проблема авторства (в печати).

в [Хил. 175: 79a1] здесь стоит **пристрагати**, однако русские списки дают **пристравати** и (вероятно, искаженное) **пристраивати** [I: 239]. В южнославянских текстах слово **пристрагати** означает только ‘присоединять’ [SJS II: 310] – таким образом, значение ‘побуждать’ можно считать восточнославянизмом, перешедшим в сербский список из восточнославянского протографа. В гл. 8 [Хил. 175: 24b7] содержит вставку по сравнению с восточнославянскими списками – в сербском списке во фрагменте из Златоуста вновь появляется русизм **пристравати: оученика вътъще пристравакътъ** [I: 126]. Формант **-ва-** на месте южнославянского **-га-** можно, вероятно, считать восточнославянизмом, ср. наряду с **пристравати** также рассмотренное выше слово **одѣвало**, а также случаи правки юж.-слав. **аниати** на **въливати** при переписке евангельских текстов на Руси [Жуковская 1977: 61].

пристрога ‘утварь, приспособления’ (гл. 22) – греч. τὰ ἀρκοῦντα πρὸς τὴν λυχνοκαΐαν ‘все необходимое для освещения’ [Максимович 1998а: 211.4]; в [Хил. 175: 101a4] стоит вариант **пристрои**, также употребительный в древнерусских памятниках. Слово **пристрога** встретилось также в гл. 30 ПНЧ в соответствии с греч. ἐργαλεῖα ‘инструменты’ [Максимович 1998а: 229.1], в [Хил. 175] здесь лакуна [I: 379]. Как **пристрои**, так и **пристрога** (за исключением значения ‘приданое’) отмечены только в восточнославянских памятниках (в том числе в предполагаемых восточнославянских переводах), ср. [СлРЯ XI-XVII вв. 20: 40-41]; в [SJS] отсутствуют;

ривифъ и **ривиньфик** (гл. 45) – греч. ἐρεβίνθια ‘семена растения *Cicer arietinum*, «турецкий горошек» [Пентковский 2000: 62-64,67];

радити (гл. 4), греч. διατάττομαι ‘распоряжаться’ [Максимович 1998а: 13.1] (в [Хил. 175] лакуна) и **нарадити** (гл. 4), греч. διατυπώω ‘(письменно) распорядиться, завещать’ [Максимович 1998а: 69.6]; слово **нарадити** имеется и в [Хил. 175: 7b] в форме **наредити**, ср. [I: 92.3]. В [SJS] эти термины отсутствуют, представлены только в русских памятниках, ср. [СлРЯ XI-XVII вв. 10: 230-232], [Молдован 1994а: 40]. Отметим также производное **оурадитиса** (гл. 15, 23) в значении ‘договориться о чем-л.; заказать что-л.’ – ср. в гл. 15 [Яр. 15583: 85а]: **оурадихся книги написаниа** (вар. [Син. 217(836): 17]: **написати**) – [Coisl.gr. 122: 93r]: ἐπέταξα γράψαι βιβλία τινὲ καλλιγράφῳ εὐφρεῖ. В гл. 23 **оурадитиса** соответствует греч. συμφωνέω ‘договориться’ [Син. 217(836): 80], [Coisl.gr.122: 138v] – в [Хил. 175] в этих местах лакуны. Вообще слово **радь** в значении ‘договор’ – а именно от него происходят термины ПНЧ **радити, нарадити, оурадитиса** – свойственно только

древнерусским памятникам, ср. [Срезн. III: 234-235]. В южнославянских текстах это слово означало ‘ряд, порядок; строй; категория, группа; звание, степень’ [SJS III: 665]⁵⁸;

скотъ, скотъскыи в значении ‘имущество; деньги’, ‘относящийся к имуществу’ (гл. 36) [Максимович 1998а: 298] – об этимологии см. [Фасмер III: 655], ср. слово **скотъ** в значении 3,4 в [СлРЯ XI-XVII вв. 25: 7] и слово **скотский** в значении 5 [там же: 13]. Слово **скотъ** в значении ‘деньги’ отмечено также в западнославянском житии св. Вячеслава, ср. [SJS III: 93];

трьпастъкъ ‘обезьяна’ (гл. 43) – [Чуд. 16: 138а]: **видѣ оубо старецъ два трьпастъка на рамоу его сѣдлаца**, греч. δύο πιθήκους [Coisl.gr. 122: 248r]. В значении ‘обезьяна’ слово встречается только в древнерусском языке, чеш. trpaslík и ст.-чеш. trpaslek, třpaslek имеют, помимо своеобразной морфологической структуры, значение ‘карлик’, ср. [Фасмер IV: 99], [Молдован 2000: 90].

Приведенный список лексем поднимает, разумеется, немало вопросов (для этого он, в общем-то, и был составлен). Можно ли, например, считать лексическими русизмами слова-гапаксы ПНЧ, такие как **опльщевати, похоронити** (в значении ‘прибрать’), **похоронити** (в значении ‘приготовлять’)? Нам представляется, что это возможно до тех пор, пока не будет доказано обратное – т.е. пока эти слова (в соответствующей огласовке корня) не будут обнаружены в южнославянских текстах. На сегодняшний день данные лексемы удовлетворяют формальному определению русизмов как *лексем (лексико-семантических вариантов), не зафиксированных в ранних⁵⁹ южнославянских памятниках, а также в современных южнославянских языках и диалектах и, наоборот, отмеченных в оригинальных и переводных восточнославянских текстах, а также в диалектах*. Это касается и употребления слова **къто** с именами нарицательными в значении ‘некий’. Слова **дигачьць, печьць** не имеют в себе ничего специфически восточнославянского – однако они не найдены в южнославянских памятниках, а потому со знаком вопроса отнесены нами к русизмам, как и заимствования типа **мангерниа**. Учитывая наличие русской диаспоры в грекоязычных регионах (Константинополь, Афон), нет ничего невозможного в существовании восточнославянских заимствований из греческого (книжных и некнижных) – тем более, что среди надежных русизмов встречаются заимствования из других языков, ср. **ларь, шелкъ**.

⁵⁸Примечательно, что в современном болгарском языке имеется гл. *уреждам* в значении ‘устраивать, организовывать’, но нет его возвратной формы *уреждам се* в значении ‘заключать договор, подражаться’, ср. [Бернштейн 1966: 681].

⁵⁹Уточнение *ранних* важно, поскольку, начиная с XIII в. русизмы переходят и в южнославянскую книжность (прежде всего, связанную с трудами св. Саввы Сербского) в рамках восточнославянского влияния, ср. работы М.Н. Сперанского, В.А. Мошина, А.А. Турилова, в последнее время – Л. Штавлинин-Джорджевич, а также прим. 48. Необходим тщательный текстологический анализ южнославянских рукописей, начиная с XIII в. – особенно списков Сербской кормчей, текстология которой до сих пор остается тайной за семью печатями.

Ярким представителем восточнославянских заимствований из греческого может служить, например, слово **ривифъ** (см. выше). Заимствования **манатыа**, **харатыа** отнесены нами к русизмам ввиду своеобразной, отмеченной только у восточных славян фонетической формы (**харатыа** еще и по наличию значения ‘пергамен’).

В целом можно заметить, что, с одной стороны, понятие "русизма" требует дальнейшей теоретической разработки, а с другой – оно отражает не столько древнейшее состояние общеславянского языка, сколько состояние наших знаний о нем, и неизбежно будет углубляться вместе с расширением круга исследованной славянской лексики.

На сегодняшний день порядка 60 рассмотренных нами лексико-семантических русизмов ПНЧ (не считая русизмов, обнаруженных в других памятниках) можно считать неплохой основой для локализации древних славянских переводов – разумеется, при тщательном учете рукописной традиции конкретных памятников. Со временем и в этот список можно и должно будет внести изменения. Особенно большую помощь в уточнении списка русизмов мог бы оказать большой исторический словарь болгарского языка, который включил бы в себя обширный лексический материал южнославянских памятников. Пока такой словарь не создан, можно рекомендовать коллегам из Болгарии смелее обращаться к академическим словарным изданиям российского производства.

Все сказанное нами о русизмах можно считать приглашением к серьезной лингвистической дискуссии по этой проблеме. Однако для окончательной локализации первого перевода ПНЧ принципиальное значение имеет не столько лингвистический, сколько текстологический вопрос – а именно, исконны ли наблюдаемые в ПНЧ русизмы, или же они вторичны? Р. Павлова выдвигает в качестве общего вывода из своего исследования следующий тезис: «лексические русизмы... являются феноменом рукописей памятника на восточнославянской почве, но не феноменом перевода» [I: 53]. Такой вывод можно было бы сделать лишь при безусловном подтверждении гипотезы о замене в списках исконных южнославянских или общеславянских лексем русизмами. Разобранные нами примеры такой «текстологической» работы показывают, что данная гипотеза не подтверждается ни материалом доступных Р. Павловой рукописей, ни самим исследованием – напротив, рассмотрение текстологической истории русизмов **рѣзана** и **шелкъ** (см. выше) однозначно свидетельствуют об их исконности, поскольку именно они, а не варианты чтения сербского списка лучше всего соответствуют греческому оригиналу ПНЧ. В работе [Алексеев 1996: 289-290] со ссылкой на указание А.А. Пичхадзе рассмотрен перевод греческого выражения *δέκα δέκα* ‘по десять’, которому в русских списках соответствует дословно переведенное **ДЕСАТЬ ДЕСАТЬ**, а в [Хил. 175] стоит буква $\bar{\kappa}$, т.е. числительное 20, не имеющее соответствия в оригинале и объясняемое только переосмыслением

восточнославянской традиции (обратное невозможно). Таким образом, известны уже, по крайней мере, три случая, в которых текст русских списков лучше соответствует греческому оригиналу, чем текст [Хил. 175] – причем в двух случаях мы имеем дело с яркими русизмами. Уже на этом основании тезис о вторичности *всех* русизмов следует отвергнуть – строго говоря, вторичность доказывается лишь для двух употреблений: **вариво** (только в гл. 23) и **нехорошь** (см. выше).

Между прочим, в подтверждение тезиса о вторичности русизмов Р. Павлова ссылается на индекс словоформ, в котором, действительно, русизмы представлены слабо. Причина этого, однако, кроется в очень своеобразных принципах подачи материала – во-первых, в индексе описаны словоформы только сербского Хиландарского списка, в который вошла, как отмечалось, первая половина ПНЧ, тогда как множество русизмов содержится именно во второй половине памятника; во-вторых, даже этот список сильно сокращен, и многие статьи с русизмами были из него выпущены при переписке сербских писцом (ср. выше наши постоянные ссылки на лакуны в тексте). Издатели хоть и восполнили пропуски по более полным русским спискам⁶⁰, но не включили их лексику в индекс словоформ. Неудивительно, что индекс, который содержит только материал сербского списка [Хил. 175], производит весьма одностороннее впечатление.

И все же, несмотря на принятые издателями меры, текст [Хил. 175] объективно демонстрирует ряд лексических и семантических восточнославянизмов: **дєрзивиѣ** (в несколько неуклюжей адаптации к южнославянской норме: **дрьзивиѣ**), **грамота** в значении ‘буквы’, **дѣячьѣ**, **къто** с именами нарицательными в неопределенном значении ‘некий’, **мєчьникъ** в значении ‘стражник, помощник судьи’, зафиксированном Русской Правдой, **митоушати**, **нарадѣти** в значении ‘письменно распорядиться’, **похоронити** (в адаптированном виде – **похранити**) в значении ‘прибрать’, **пристравати**, **пристрои**. Наличие таких лексем в сербском списке удовлетворительно объясняется только заимствованием из восточнославянского протографа. В этой связи нельзя не процитировать еще одно безапелляционное утверждение болгарской коллеги: «в южнославянских рукописях, содержащих первый славянский перевод (не только в Хил. 175), такие русизмы *не встречаются*» (выделено Р. Павловой) [I: 53]. Чему верить – словам Р. Павловой или собственным глазам – оставим на выбор читателя.

Итак, *der langen Rede kurzer Sinn*, или *резюме сказанного*:

1) Издание Р.Павловой/С. Богдановой частично восполняет недостаток сведений о сербской рукописной традиции древнейшего перевода ПНЧ и дает хорошее воспроизведение

⁶⁰ Эти дополнения (только по первой половине ПНЧ) составляют более 200 страниц убористого текста [II: 14-216] – уже из этого видно, сколь малую часть славянских ПНЧ (примерно четверть, если не меньше) охватывает сербский Хиландарский список, положенный в основу издания!

текста древнейшей сербской рукописи с дополнениями из наиболее древних и исправных русских списков.

2) Тем не менее, отказ от использования греческого оригинала, недоступность которого Р. Павлова сильно преувеличивает, делает это издание малопригодным для полноценных научных исследований.

3) Научный аппарат издания весьма неоднороден по качеству: описание рукописей во «Введении» и словоуказатели сделаны хоть и не без погрешностей, но в целом добротны. Те части «Введения», в которых говорится о жизни и сочинениях Никона Черногорца, наоборот, не выдерживают критики. Наконец, исследование лексики ПНЧ и попытки доказать южнославянское происхождение перевода представляют собой неудобоваримую смесь добросовестных заблуждений и откровенной дезинформации, рассчитанной, видимо, на несведущего читателя. Бросается в глаза полное незнание автора с новейшей специальной литературой и откровенное пренебрежение фундаментальными славистическими словарями. Неудивительно, что осведомленный читатель при знакомстве с подобными «научными» трудами только убеждается в бесперспективности любых попыток оспорить русское происхождение древнейшего перевода ПНЧ.

4) Поскольку южнославянское происхождение перевода осталось, мягко говоря, недоказанным – более того, опровергается самим текстом издания – лишается оправдания и выбор в качестве основной рукописи сербского списка [Хил. 175]. Вообще, в эдиционной практике принято использовать в качестве основы издания наиболее полные и исправные рукописи – однако Р. Павлова и С. Богданова, к сожалению, пошли другим путем, взяв за основу сильно сокращенный, изобилующий лакунами список, содержащий не более четверти текста памятника (ср. прим. 60). Все это придает данному издательскому предприятию сомнительный (если не сказать авантюрный) характер. Приносим авторам свои соболезнования вместе с пожеланием более серьезной текстологической подготовки будущих изданий. Не помешает также внимательнее следить за работами коллег – бывших и настоящих (даже если эти последние стоят на иных научных позициях).

5) Поскольку рассмотренное издание ПНЧ ни в коей мере не может считаться полным, данный памятник еще ждет своего издателя, который мог бы с полным правом сказать, что «впервые полностью» (ср. аннотацию) издал ПНЧ. Р. Павлова и С. Богданова явно поспешили, приписав эту честь себе и поставив в неловкое положение уважаемое немецкое издательство. Остается надеяться, что издательский дом Peter Lang впредь будет уделять большее внимание научной экспертизе предлагаемых к изданию трудов.

Источники

Син. 217(836) - ГИМ, Син. 217(836) (XIV в., восходит к 1296 г.). ПНЧ: лл. 11-180. главы XV-XXXIII (причем гл. XXXI без конца, а глава XXXII без начала).

Хил. 175 – ркп. Хиландарского монастыря, № 175, XIII в.: 1-й том ПНЧ (гл. 2-32);

Чуд. 16 - ГИМ, Чуд. 16 (кон. XIV в.). Лл. 1-208; ПНЧ, главы I-XVIII, XXIII-LX, LXIII (с пропуском из-за утраты листов большей части гл. LX, начала и конца гл. LXIII).

Яр. 15583 – Ярославский Гос. музей-заповедник 15583 (нач. XIII в.). Лл. 1-204; ПНЧ, главы I-XXXVI (без окончания).

Яр. 15606 – Ярославский Гос. музей-заповедник 15606 (XIV-XV вв.). Лл. 1-203 об. ПНЧ, главы I-XXXV.

Athon. Lavra 108 – б-ка Великой Лавры (Афон) 108, sXII: греч. оригинал ПНЧ, гл. 1-63.

Coisl. gr. 122 – Coislinianus graecus 122 (Bibliothèque Nationale, Paris), sXIV: греч. оригинал ПНЧ, гл. 1-63.

Sin.gr. 441 – Sinaiticus graecus 441 (монастырь св. Екатерины, Синай), sXII: «Тактикон» и «Малая книга» Никона Черногорца.

Литература

Алексеев 1996 – *А.А. Алексеев* Кое-что о переводах в Древней Руси (по поводу статьи Фр. Дж. Томсона "Made in Russia") // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 49. С. 278-296.

Арциховский/Борковский 1958 – *А.В. Арциховский, В.И. Борковский*. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1953-1954 года. М., 1958.

Бернштейн 1966 – *С.Б. Бернштейн* Болгарско-русский словарь. М., 1966.

Вайян 1952 – *А. Вайян* Руководство по старославянскому языку. М., 1952.

Добродомов 1966 – *И.Г. Добродомов* О методах исследования древнейших тюркизмов в составе русского словаря (К истории слова *жемчуг*) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. М., 1966. Т. XXV. Вып. 1. С. 57-64.

Дурново 1969 – *Н.Н. Дурново* Введение в историю русского языка. М., 1969.

Ефр. Сир. I-V – *G. Vojkovsky* [Hrsg.]. Paraenesis. Die altbulgarische Übersetzung von Werken Ephraim des Syrers. Bd. I-V. Freiburg i.Br., 1984-1988 (Monumenta linguae slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertationes / Ed. Aitzetmüller R., Sadnik L., Weiher E. Bd. XX).

Жуковская 1976 – *Л.П. Жуковская* Текстология и язык древнейших славянских памятников. М., 1976.

Зализняк 1986 – *А.А. Зализняк* Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1977-1983 годов. М., 1986. С. 89-219.

- Изборник 1073 г. – Симеонов сборник (по Светославовия препис от 1073 г.). Т. 1. Изследвания и текст. София, 1991.
- Истрин 1922 – *В.М. Истрин* Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Т. II. Пг., 1922.
- Ларин 1975 – *Л.А. Ларин* Лекции по истории русского литературного языка (X-сер. XVIII в.). М., 1975.
- Львов 1966 – *А.С. Львов* К истории слова *грамота* в древнерусской письменности // Исследования источников по истории русского языка и письменности. М., 1966. С. 88-103.
- Львов 1972 – *А.С. Львов* Старославянское ли слово **мечьникъ**? // Русское и славянское языкознание. М., 1972. С. 180-184.
- Львов 1975 – *А.С. Львов* Лексика «Повести временных лет». М., 1975.
- Люсен 1995 – *И. Люсен* Греческо-славянский конкорданс к древнейшим спискам славянского перевода евангелий (codices Marianus, Zographensis, Assemanianus, Ostromiri). Uppsala, 1995 [= Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Slavica Upsaliensia, 36].
- Максимович 1998а – *К.А. Максимович* Пандекты Никона Черногорца в древнерусском переводе XII века (Юридические тексты). Москва, 1998.
- Максимович 1998б – *К.А. Максимович* К проблеме происхождения древнейшего славянского перевода «Пандектов» Никона Черногорца // XII Международный конгресс славистов, Краков 1998. Доклады российской делегации. М., 1998. С. 398-412.
- Молдован 1994а – *А.М. Молдован* Лексика древнерусского перевода в региональном аспекте. М., 1994.
- Молдован 1994б – *А.М. Молдован* Критерии локализации древнеславянских переводов // Славяноведение. М., 1994, № 2. С. 69-80.
- Молдован 1997 – *А.М. Молдован* Лексический аспект в истории церковнославянского языка // ВЯ 1997, № 3. С. 63-75.
- Молдован 2000 – *А.М. Молдован* Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000.
- Мрочек-Дроздовский 1917 – *П. Мрочек-Дроздовский* Материалы для словаря правовых и бытовых древностей по Русской правде. М., 1917.
- Павлова 1988 – *Р. Павлова* Пандекты Никона Черногорца в славянской письменности // Славянска филология. Езикознание. Т. 19. София, 1988. С. 99-116.
- Пентковский 2000 – *А.М. Пентковский* **Ривифъ** и **сланоутъкъ** в памятниках славянской письменности XI-XIV вв. // Лингвистическое источниковедение и история русского языка <2000>. М., 2000. С. 59-70.

Пичхадзе 1998 – *А.А. Пичхадзе* Языковые особенности древнерусских переводов с греческого // XII международный конгресс славистов, Краков 1998. Доклады российской делегации. М., 1998. С. 475-488.

Правда Русская I-II – *Правда Русская*. Т. I. тексты. Т. II. Комментарии. М.-Л., 1940-1947.

Райнхарт 1983 – *Й. Райнхарт* Восточнославянское влияние в древнесербской кормчей // Венские доклады к IX Международному съезду славистов в Киеве. Отд. оттиск. Вена, 1983.

Русская Правда 1935 – *Русская Правда*. Тексты на основании 7 списков и 5 редакций сост. и подг. к печати проф. С. Юшков. Киев, 1935.

СДЯ XI-XIV вв. – Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.). Т. 1-. М., 1988-.

СлРЯ XI-XVII вв. – Словарь русского языка XI-XVII вв. Т. 1- . М., 1975-

Соболевский 1980 – *А.И. Соболевский* Особенности русских переводов домонгольского периода // Соболевский А.И. История русского литературного языка. Л., 1980. С. 134-147.

Срезн. I-III – *И.И. Срезневский* Материалы для Словаря древне-русского языка по письменным памятникам. Т. I-III. Спб., 1893-1912.

Срезневский 1871 – *И.И. Срезневский* Пандекты Никона Черногорца в русском списке XII в. // Срезневский И.И. Сведения и заметки..., XLIV: Записки Имп. Академии Наук. Спб., 1871. Т. 20, кн. 1. С. 149-156.

Срезневский 1872 – *И.И. Срезневский* Пандекты Никона Черногорца по древнему переводу // Записки Имп. Академии Наук. Спб., 1872. Т. 21, кн. 1. С. 194-198. [Переизд.: Сборник ОРЯС. Т. 10. Спб., 1873. С. IX-XIII].

Срезневский 1875 – *И.И. Срезневский* Пандекты Никона Черногорца // Сборник ОРЯС. Т. 12(1). Спб., 1875. С. 217- 296.

Срезневский 1899 – *И.И. Срезневский* Рязанская кормчая 1284 года Имп. Публичной библиотеки // Сб. ОРЯС Имп. Академии Наук. Т. 65. Спб., 1899. С. 47-84.

ССС – Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков). Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994.

Страхов 1994 – *А.Б. Страхов* Филологические наблюдения над берестяными грамотами: V. // *Palaeoslavica* II (1994). С. 205-233.

Турилов 1993 – *А.А. Турилов* Памятники древнерусской литературы и письменности у южных славян в XII-XIV вв. (Проблемы и перспективы изучения) // Славянские литературы. XI Международный съезд славистов. Братислава, сент. 1993. Доклады российской делегации. М., 1993. С. 27-42.

Фасмер I-IV - *М. Фасмер* Этимологический словарь русского языка. Т. I-IV. М., 1986-1987.

Шестоднев Ио.екз. I-VII – Aitzetmüller R.A. [Hrsg.]. Das Hexaemeron des Exarchen Johannes. Bd. I-VII. Graz, 1958-1975.

- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Под ред. акад. О.Н. Трубачева. Т. 1- . М., 1974-.
- Doens 1954 – *Doens I. Nicon de la Montagne Noire // Byzantion*, XXIV (1954) 131-140.
- Γιάγκου 1991 –
- Γιάγκου Θ.Ξ. Νίκων ο Μαυρορείτης. Βίος - Συγγραφικό έργο - Κανονική διδασκαλία. Θεσσαλονίκη*, 1991.
- Graf 1947 – *Graf G. Geschichte der christlichen arabischen Literatur*, Bd. 2. Citta del Vaticano, 1947. (= *Studi e testi*, 133).
- Kohlbacher 1994 – *Kohlbacher M. Unpublizierte Fragmente des Markianos von Bethlehem (nunc CPG 3898 a-d) // Horizonte der Christenheit. Festschrift für Friedrich Heyer zu seinem 85. Geburtstag. Hrsg. von Michael Kohlbacher und Markus Lesinski. Erlangen, 1994. S. 137-166 (= OIKONOMIA. Quellen und Studien zur orthodoxen Theologie, Bd. 34).*
- Lampe 1969 – *A Patristic Greek Lexicon. Ed. by G.W.H. Lampe, D.D. Oxford, 1961-1969.*
- Liddell/Scott 1966 – *Liddell H.G. / Scott R. A Greek-English Lexicon. Oxford, 1966.*
- Machek 1957 – *Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.*
- Nasrallah 1983 – *Nasrallah J. Nicon (vers 1025-début du XII siècle) // Nasrallah J. Histoire du mouvement littéraire dans l'église melchite du V au XX siècle. Contribution a l'étude de la littérature arabe chrétienne. T. III(1) (969-1250). Louvain-Paris, 1983. P. 110-122.*
- PG – Migne J.-P. *Patrologiae cursus completus. Series graeca. Paris.*
- Popovski et al. 1988 – *The Troickij Sbornik. Text in Transcription / Ed. Popovski Josif, Thomson Francis J., Veder William R. // ПОЛАТА КЪНИГОПИСЬНАТА. An Information Bulletin Devoted to the Study of Early Slavic Books. Texts and Literatures. Nijmegen, February 1988.*
- SJS – Kurz J. (ed.). *Slovník jazyka staroslověnského, d. 1-4. Praha, 1966-1997.*
- Thomson 1982 – *Thomson Francis J. Chrysostomica Palaeoslavica. A Preliminary Study of the Sources of the Chrysorrhoeas (Zlatostruj) Collection // Cyrillomethodianum. VI. Thessaloniki, 1982. P. 1-65.*
- Weiher et al. 1987 – *Die Dogmatik des Johannes von Damaskus in der kirchenslavischen Übersetzung des 14. Jahrhunderts. Hrsg. von E. Weiher unter Mitarbeit von F. Keller und H. Miklas. Freiburg i.Br., 1987. (= Monumenta linguae slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertationes. XXV).*
- Weiher et al. 1998 – *Die Grossen Lesemenäen des Metropoliten Makarij. Uspenskij spisok. Великие Минеи Четьи митрополита Макария. Успенский список. Hrsg. E. Weiher, S.O. Šmidt, A.I. Škurko. 12-25. März. 12-25 марта. Weiher – Freiburg i.Br., 1998. [= Monumenta linguae slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertationes. XLI,2].*

ПУБЛИКАЦИИ

М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова

Евгений Баранов – собиратель народной устной речи

Разбирая материалы Московского лингвистического кружка (МЛК), хранящиеся в фондах Рукописного отдела Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН (ф. 20)¹, мы обратили внимание на протоколы двух заседаний – от 17 мая 1919 г. и от 23 мая 1919 г.² Темой обоих заседаний явилось сообщение Ю.М. Соколова «о народных легендах, связанных с текущими событиями, записанными г. Барановым, любителем фольклора» [Баранкова 1999б: 67]. Во вступительном слове Ю.М. Соколов отмечает, что записи делались Барановым на улицах Москвы, в очередях, на площадях и т.п. и дает краткую характеристику представленного фольклорного материала: «Легенды эти распадаются на два разряда: 1) связанные с войной и царскими кругами, 2) связанные с современной властью; последние в громадном большинстве оппозиционны, что может быть объяснимо и тем, что записаны они не в рабочей среде, а среди мелких торгашей и мещанского люда. В легендах первого типа главными действующими лицами являются: царь Николай II, царица Александра, в<еликий> кн<язь> Николай Николаевич и Распутин» [Баранкова 1999б: 68]. В легендах второго типа, обращенных к современности, Ю.М. Соколов отмечает «помимо оппозиционного настроения также антисемитское» [там же].

Прочитанные Ю.М. Соколовым легенды вызвали бурную дискуссию. Особенно остро обсуждался вопрос о подлинности легенд и достоверности их как материала для научных исследований. В начале своего выступления Ю.М. Соколов, характеризуя материалы подобного рода, записанные другими собирателями, отмечает, что «легенды, записанные Барановым, внушают гораздо больше доверия, так как они снабжены соответствующими указаниями, помимо того, Баранов уже давно интересуется фольклором, бывал на Кавказе, где занимался записями» [Там же]. И далее докладчик добавляет: «Что касается, однако, стилистической стороны этих легенд, то им едва ли можно вполне доверять, ибо Баранов не мог иметь возможности записывать непосредственно за рассказчиком, а принужден был записывать по памяти дома. Сюжеты же им, по-видимому, не сочинены» [там же].

В процессе заседания, анализируя сюжетные, жанровые, композиционные и стилистические особенности прочитанных легенд, источники их возникновения и пути распространения, участники неоднократно обращаются к личности собирателя, обсуждая методы и приемы записи собранных им фольклорных материалов. Приведем выдержки из некоторых выступлений, зафиксированных в протоколах:

«Петерсон <...> Что же касается подлинности записанных Барановым легенд, то они, очевидно, им не выдуманы: фабула оригинальна, стиль разнообразен.

Богатырев указывает, что Баранов, записывая по памяти, легко мог допускать видоизменения в стиле. Можно ли его инструктировать в том смысле, чтобы он, записывая не со слов, не старался бы уже подражать стилю рассказчика, а особо запечатлевшиеся стилистические особенности – отмечал бы особо.

¹ Подробное описание фонда см. в [Баранкова 1999а].

² Протоколы опубликованы в [Баранкова 1999б].

Такая запись была бы научна. Стиль в легенд<ах>, действительно, разный – то видна их подделка, правда, произвольная. Сюжеты, конечно, им не выдуманы и переданы беспристрастно» [там же: 70].

«Соколов останавливается еще раз на роли Баранова и подчеркивает, что записывал Б<аранов> по памяти, но сюжеты им вряд ли выдуманы» [там же: 71].

«Брик полагает, что Баранов старался записывать достоверно, даже и в стилистике» [там же: 73].

В рассматриваемых протоколах обращает на себя внимание неподдельный и глубокий интерес членов МЛК к материалам «любителя фольклора» Баранова, которые читает и комментирует Ю.М. Соколов, в те годы уже известный и авторитетный ученый, автор серьезных исследований по фольклористике. К сожалению, текст самих легенд, прочитанных и обсужденных на заседаниях, в материалах МЛК не сохранился. В протоколах упоминаются лишь их названия: «Кровь плачет», «Белая женщина», «Документ семи сионских мудрецов», «Чудо св. Сергия», «Солдатик и св. Гермоген», «Антижрица». Имеются указания на время записи некоторых легенд: «Цветочки Николая II» – сентябрь 1917 г., «Николай Николаевич, царица и Распутин» – август 1917 г., «Смерть Николая II» – декабрь 1918 г., «Смерть Распутина и революция» – ноябрь 1918 г. О содержании отдельных легенд можно судить по их обсуждению в выступлениях. Кроме того, привлекает внимание и фигура самого собирателя. Кто такой Баранов? Чем он занимался и почему стал интересоваться фольклором? Можно ли найти собранные им материалы?

Сведения о Евгении Захаровиче Баранове, представленные в словаре «Русские писатели», достаточно скупы: родился в г. Нальчике 28.12.1869 (9.01.1870); год смерти точно не установлен – после 1932 г. О занятиях и интересах Баранова автор статьи С.В. Сучков пишет: «писатель-самоучка, фольклорист, публицист». Даже краткое перечисление изданий, в которых публиковал Баранов свои корреспонденции, впечатляет. Это различные газеты Северного Кавказа и Москвы. С 1911 г. (год переезда в Москву) в течение нескольких лет он работал в книгоиздательстве И.Д. Сытина и выпустил там несколько книг. На протяжении всей своей жизни Е.З. Баранов собирает этнографический и фольклорный материал во многих регионах Северного Кавказа. Его внимание привлекают самые разные жанры устного народного творчества: сказки, былички, легенды, народные анекдоты, частушки и т.п.

Перебравшись в Москву, Баранов много времени уделяет записи народной речи городских низов. Часть этих материалов была опубликована в книге «Московские легенды» (М., в. 1, 1923 г.). После Октябрьской революции он приобретает известность среди этнографов и фольклористов как собиратель городского фольклора, выступает на заседаниях общества «Старая Москва». Однако большая часть собранных Е.З. Барановым материалов так и не была опубликована при его жизни и в настоящее время хранится в РГАЛИ (Фонд 1418) [Сучков 1989: 154-155].

В 1991 году была издана книга «Московские легенды, записанные Евгением Барановым». Она представляет собой публикацию некоторых материалов из барановского архива, хранящегося в РГАЛИ. Автор публикации – В. Бокова. Ею же написано небольшое предисловие, включающее изложение биографии собирателя и описание публикуемых материалов (см. [Московские легенды 1993]).

Безусловно, сам факт публикации уникальных архивных материалов можно оценивать как положительный. Однако трудно согласиться с мнением автора аннотации, рассматривающего книгу как «строго научное издание целого пласта городского фольклора». К сожалению, публикатор достаточно вольно обращается с архивными материалами: публикация содержит текстологические неточности, не снабжена указаниями на соответствующие архивные источники (в тексте предисловия, правда, имеется общая отсылка к материалам Фонда – сообщаются номера фонда, описи и единиц хранения). Легенды снабжены примечаниями самого собирателя и представляют собой бесценный материал для исследователей народной устной речи. Однако барановские комментарии к текстам легенд публикатор подвергает некоторым сокращениям. Возможно, это и оправдано задачами составителя, но опущенные фрагменты никак не обозначены в тексте. Адекватность публикуемых материалов первоисточнику может быть установлена лишь путем непосредственного обращения к архивным материалам.

Основным содержанием предисловия книги является рассказ о жизни Евгения Баранова. Как показывает обращение к архивным материалам, В. Бокова по сути дела лишь пересказывает один из архивных документов – автобиографию Баранова (см.: РГАЛИ, Ф. 1418, Оп. 1, Ед. хр. 17, лл. 1–8). При этом автор предисловия даже не упоминает о присутствии в архиве столь важного документа. Таким образом, данная книга не может служить вполне надежным источником для научных исследований. Хотя свою задачу стать, как написано в аннотации, «забавным и занимательным чтением для взрослых и детей» она, безусловно, выполняет.

Выше уже отмечалось, что основная часть архива Е.З. Баранова хранится в РГАЛИ – фонд № 1418, оп. 1³. Фонд включает 30 единиц хранения, представляющих собой папки с рукописными и авторизованными машинописными материалами. При просмотре архива можно обнаружить, что материалы систематизированы самим Барановым. Тексты распределены по рубрикам: легенды, запретные сказки, волшебные сказки, устные сказы, народные анекдоты, городской фольклор (песни, «стишки», пословицы, поговорки, прибаутки) и др. В многочисленных примечаниях Баранов обращает внимание на особенности жанровых различий.

Интерес к собиранию живой народной речи проявился у него довольно рано. В 1887 г., проучившись год в Строгановском училище в Москве, Баранов был арестован полицией за хранение нелегальной литературы. По ходатайству старшего брата он был освобожден из тюрьмы и отправлен домой, в Нальчик, под гласный надзор полиции. Описывая этот период жизни в автобиографии, он замечает: «В это время я начал записывать слободские песни, часть которых (минимальная) была впоследствии напечатана в Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа» (Ед. 17, л.4).

Как свидетельствуют материалы архива, Баранова интересовало всё: различные художественные фольклорные жанры, поверья, бытовые рассказы, слухи, отдельные слова и выражения, т.е. весь речевой мир, окружавший его. При этом особенностью Евг. Баранова как собирателя народной речи был его живой, неподдельный интерес к «человеку говорящему», кем бы в социальной иерархии этот человек ни оказывался.

³ Далее при цитировании материалов РГАЛИ называется номер единицы хранения без указания номера фонда и описи (цитируются только материалы первой описи).

Привлекшие его внимание речевые факты существуют не сами по себе, а в неразрывной связи с их носителями. Это обстоятельство придает особую ценность барановским материалам, поскольку все записи точно паспортизованы и сопровождаются интереснейшими комментариями самого Баранова, которые по сути являются речевыми и портретами героев⁴. Каждый текст предваряется краткой «историей жизни» рассказчика, содержащей речевые меты, характерные для данного персонажа, наблюдения над особенностями речевого поведения и психологического склада.

В качестве примера приведем отрывки из очерка об одном из информантов – Александре Александровиче Солнцева. Баранов познакомился с ним в 1911 г. в Москве; сообщает о нем следующие данные: более 50 лет, портной, происходит из крестьян Владимирской губ., 12-ти лет был привезен в Москву в учение. В кратком очерке собиратель описывает его жизнь, годы работы и учения, заключая в кавычки собственные слова рассказчика. Ср. следующие фрагменты:

«От Белоусова он поступил к известному в свое время в Москве Александрову, о котором он отзывался как об «артисте своего дела: мало того, что он (Александров) шил на совесть, но еще скажет, какой костюм тебе под лицо. Иной хочет франтить, а ему франтовский костюм как корове седло, а иной франтить не думает, а по его наружности и комплекции только и подай костюм франта. Вот он и потрафлял, чтобы обоим было хорошо. <...>

До женитьбы А.А. «начал было [маленько] баловаться – стал насчет блондинки (водки) прохаживаться да и по бильярдам похаживать и уже угодно разсобачился было, да вовремя за ум взялся и оставил эту глупость. <...>

Был любитель побеседовать, знал хорошо старую (до-революционную) Москву, знал много анекдотов из жизни купцов, мастеровых и между прочим о Баркове, эротическом поэте времен Екатерины Великой, весьма популярных в народной массе столиц и крупных торгово-промышленных центров провинции в до-революционное время. Рассказывал он их просто, называя вещи их собственными именами. Они были записаны мной в два вечера наших [обычных] бесед за чаем в трактире, где мы обыкновенно встречались». (Ед. 9, лл. 41 – 42 об.).

Подобного рода комментарии говорят об особенностях работы Баранова как фольклориста и исследователя народной устной речи. В своих комментариях он всегда указывает место записи и обстоятельства общения (т.е. ситуативные условия разговора). Чаще всего это трактир, чайная, пароход, постоялый двор, ночлежный дом и т.п., т.е., говоря современным языком, это ситуации, располагающие к фатическому общению незнакомых или малознакомых людей друг с другом.

⁴ В последние десятилетия исследователи проявляют заметный интерес к проблеме описания языковой личности [Караулов 1987] и создания речевых портретов [Панов 1990; Китайгородская, Розанова 1995; Крысин 2001] и мн. др.. Можно утверждать, что барановские материалы предваряют эти исследования. Описания особенностей языковой личности в предисловии к собственно фольклорным записям, отражают неповторимость индивидуальной манеры рассказчика и в то же время фиксируют некоторые типологические черты его речи, характеризующие говорящего как представителя определенной социальной группы.

Информантами Баранова чаще всего были представители городских низов: ремесленники, мастера, «странные люди» и т.п. Для них Баранов был «своим среди своих». Это и объясняет особую ценность, достоверность, аутентичность материалов, полученных методом «включенного наблюдателя».

Поскольку в те годы портативной звукозаписывающей техники еще не было, собиратель мог рассчитывать только на собственные слух и память. Анализ собранных Барановым материалов дает основание утверждать, что он обладал этими качествами в полной мере. Сам собиратель прекрасно владел разными стилями литературного языка (о чем свидетельствуют архивные документы разной жанровой принадлежности: автобиография, записки, письма, официальные бумаги и др.), что, естественно, помогало ему хорошо слышать и фиксировать особенности «чужой речи». Речевые портреты его информантов индивидуальны. Кроме того, как свидетельствуют примечания к текстам, его отличала научная добросовестность. Обычно Баранов делал запись услышанного рассказа «по горячим следам». Ср. характерную приписку, имеющуюся в конце многих его очерков: «Однажды он рассказал сказку про «развратную царевну», которую я в тот же вечер записал» (Ед. 9, л. 20 об.). Если у него возникали сомнения в возможности точной передачи речевой манеры информанта, он это специально оговаривал и ограничивался пересказом сюжета своими словами.

Столь пристальное внимание собирателя к методике записи объясняется тем, что Баранов рассматривал свои материалы не просто как «занимательное чтение», а как основу для научных исследований. Ср. характерное авторское предисловие к подборке «Запретных сказок»:

«Вместо предисловия

Занимаясь в течение 40 лет собиранием произведений устного народного творчества, я не мог пройти мимо, так называемых, похабных сказок, видя в них народные сатиры, заслуживающие серьезного изучения; что же касается их грубого языка и непристойного содержания, то они, как я думаю, не намеренны и находя<тся> в прямой зависимости от исконной привычки народа называть вещи их собственными именами, не прибегая к иносказаниям и не стесняясь в выражениях. Как сатира на общественные нравы времен дооктябрьской революции, они не щадят своего едкой насмешкой, переходящей иногда в глумление, ни один класс тогдашнего общества, начиная от царя и кончая мужиком.

Само собой разумеется, что, записывая их, имел в виду не широкий круг читателей, интересующихся похабщиной, а ученых, для которых важна, конечно, не порнографическая сторона их, а нечто другое, о чем они скажут в своих исследованиях.

Евгений Баранов
Москва, декабрь, 1927 г.» (Ед. 8, л.9).

Серьезным, глубоко научным отношением к записываемым материалам объясняются также его тесные контакты с известными фольклористами и этнографами – прежде всего с Ю.М. и Б.М. Соколовыми и председателем фонда «Старая Москва» П.И. Миллером. В архиве сохранилась папка с подборкой «Легенды о революции 1917 года, записанные Евгением Барановым». В ней содержатся в основном материалы, записанные Барановым во второй половине 20-х гг., т.е. более позднего времени, чем те, которые читал Ю.М. Соколов на заседаниях Московского лингвистического кружка. К подборке Е. Баранов сделал такое предуведомление:

«От собирателя легенд

Все эти легенды были читаны в публичных заседаниях обществ «Старая Москва» (секция общества изучения Московской области), «Институт Детского чтения» и «Работник просвещения». В трудном деле записывания их я пользовался советами и материальной поддержкой известного ученого этнографа профессора Юрия Матвеевича Соколова и председателя общества «Старая Москва» Петра Николаевича Миллера, за что выражаю им глубокую признательность.

*Евг. Баранов
Москва, 14 февраля 1934 г.» (Ед. 7, л. 1).*

Особую роль в судьбе Е.З. Баранова сыграл Юрий Матвеевич Соколов. Как свидетельствуют архивные документы, их связывали не только научные, но и чисто человеческие, доверительные отношения. Показательно, что многие фольклорные записи содержат в конце приписку рукой Баранова: «Предоставляется рукопись в полное распоряжение профессора Юрия Матвеевича Соколова. Москва, декабрь, 1929 г.». Об этом же свидетельствует и следующая приписка к публикуемой ниже автобиографии (кстати, возможно, проливающая свет на причину отсутствия Баранова на заседании Московского лингвистического кружка): «Вот Вам, Юрий Матвеевич, в самых кратких чертах, «биография моей жизни». А на заседание я не приду: хотя теперь все ходят оборванцами, но все же в моем одеянии неловко присутствовать на заседании. К тому же за это время, в течение которого я живу на положении нищего, я уже успел в достаточной мере одичать. Вы уже сами сделайте все что нужно. Из биографии сообщите самое необходимое, что касается записей. Некоторые подробности я сообщаю только для Вас» (Ед. 17, л.7).

Состояние здоровья, замкнутый образ жизни, который вел Баранов, по-видимому, отчасти объясняют тот факт, что дата его смерти неизвестна; в разных изданиях указываются разные даты: *после 1932 г* [Сучков 1989]; *после 1934* [Московские легенды 1993].

Работа над архивом позволяет нам высказать свое предположение о дате смерти Е.З. Баранова. В примечании к одному из устных сказов («Солодовников, Карташов и Кокорев») находим следующую запись, сделанную рукой Баранова:

«О скупости купца-миллионера ходило в Москве много рассказов, которые люди старого поколения помнят до сих пор. Мою первую запись такого рассказа читал в обществе «Старая Москва» <слова ныне покойный – надстрочная вставка> профессор Ю.М.Соколов»

(Ед. 2, л. 28).

Известно, что Ю.М. Соколов умер 15 января 1941 г. [см. Померанцева 1972: 48-49]. Таким образом, дата смерти самого Баранова отодвигается по крайней мере еще на семь лет – до 1941 года.

Автобиография Баранова тоже появилась благодаря Ю.М. Соколову, поскольку была написана по его просьбе для ходатайства о назначении пенсии Баранову. И поскольку она писалась непосредственно для Ю.М. Соколова (ср. замечание из вышеприведенного фрагмента автобиографии: «Некоторые подробности я сообщаю только для Вас»), то она представляет собой живой рассказ, а не сухой деловой документ, включает в себя яркие эпизоды из жизни Баранова и дает полное представление о психологическом складе, характере и личности Евгения Захаровича Баранова.

Публикуемые ниже материалы из архива Баранова представляют собой два рукописных варианта его автобиографии (Ед. 17, лл.1 – 3; 4 – 7).

Первый текст (лл. 1 – 3) написан рукой Е.З. Баранова фиолетовыми чернилами на больших листах в клетку размером А-3. На первом листе внизу имеется приписка красными чернилами, сделанная рукой Ю.М. Соколова: «Ввиду расхождения с отцом во взглядах Е<вгений> З<ахарович> не пользовался мат<ериальной> помощью и все <два слова нрзбр.> трудом». Рукопись не датирована, но, поскольку автобиографическое описание заканчивается 1923-м годом, можно предположить, что текст написан после 1923 г. К автобиографии приложена библиография книг и перечень изданий, в которых были опубликованы статьи Е.З. Баранова.

Второй рукописный вариант автобиографии (лл. 4–7 об.) также не имеет даты, написан на больших листах размером А-3 – на обеих сторонах – черными чернилами. Текст представляет собой более полное жизнеописание Баранова; написанное более «свободным» (по сравнению с первым текстом) стилем, оно содержит много личных подробностей и адресовано непосредственно Ю.М. Соколову (см. приписку в конце текста).

О времени написания текстов можно судить и по другим материалам, содержащимся в папке. Это, во-первых, небольшой листок размером А-5, исписанный с обеих сторон карандашом рукой Ю.М. Соколова [Л. 8]. Обращают на себя внимание первые три строчки: Легенды об уходящей/ Е.З. Баранов/ Род<ился> 28 дек<абря> 1869 – 55 лет. Содержание листка – это выписки, сделанные Ю.М. Соколовым из автобиографии Е.З. Баранова. Возможно, Ю.М. пользовался этим листком как «шпаргалкой» во время выступления с чтением легенд, записанных Барановым, на каком-либо научном заседании. В отличие от барановских автобиографий этот документ датирован – 20/XI 1924 г.

Во-вторых, папка 17 содержит черновик и машинописный экземпляр ходатайства Ю.М. Соколова о материальной поддержке Е.З. Баранова (Л. 9 – 11). Анализ содержания документа показывает, что, составляя его, Ю.М. Соколов пользовался обоими вариантами автобиографии Баранова. Весьма примечателен заключительный фрагмент ходатайства, свидетельствующий о серьезном интересе ученого к работе талантливого фольклориста-самоучки и неподдельном, искреннем участии в его судьбе:

«В годы революции Е.З. Баранов, под влиянием голода и холода, тяжело болел, с трудом перебивался, с подорванным здоровьем, не мог поступить куда-либо на службу. Пока позволяли силы, перебивался продажей книг на улице, но затем впал в полное нищенство. Живет он лишь пользуясь небольшой поддержкой некоторых из своих знакомых и литераторов. Несмотря на все эти тяжелые обстоятельства, Е.З. не бросил своего любимого занятия по собиранию фольклорного материала и в течение 10 лет сумел собрать в Москве большое количество легенд и рассказов, открывая любопытную и до сих пор не изученную область городского фольклора.

Некоторые из этих легенд были им, а также мною читаны в ряде заседаний научных московских обществ и организаций: в «Старой Москве», ГАХН, Обществе Любителей Российской Словесности.

Все изложенное, на мой взгляд, доказывает, что было бы совершенно справедливо вознаградить Е.З. Баранова за его многолетние труды, поэтому я обращаюсь с просьбой о назначении ему постоянной пенсии». (Л. 11).

Ходатайство адресовано в Центральную Секцию Научных Работников и имеет дату: 10. XI. 1927. Подпись: *Председатель Фольклорной подсекции Государственной Академии Художественных наук.*

Редактор журнала «Художественный фольклор» профессор Юрий Соколов.

Таким образом, обе автобиографии были написаны Барановым по инициативе и при участии Ю.М. Соколова в период между 1923 – 1927 гг.

Литература

Баранкова 1999а – Г.С. Баранкова. К истории Московского лингвистического кружка: Материалы из Рукописного отдела Института русского языка // Язык. Культура. Гуманитарное знание. Научное наследие Г.О. Винокура и современность. М., 1999. С. 359 – 382.

Баранкова 1999б – Г.С. Баранкова. Московский лингвистический кружок. По материалам его архива, хранящегося в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН // Русская речь. 1999. № 6. С. 62 – 75.

Караулов 1987 – Ю.Н. Караулов. Русский язык и языковая личность. М., 1987.

Китайгородская, Розанова 1995 – М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова. Русский речевой портрет: Фонохрестоматия. М., 1995.

Крысин 2001 – Л.П. Крысин. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // РЯ. 2001. №1. С.90 – 106.

Московские легенды 1993 – Московские легенды, записанные Евгением Барановым. Составление, вступительная статья и примечания Веры Боковой. М., 1993.

Панов 1990 – М.В. Панов. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. М., 1990.

Померанцева 1972 – Э.В. Померанцева. Соколовы Б.М. и Ю.М. // Краткая литературная энциклопедия. Т. 7. М., 1972.

Сучков 1989 – С.В. Сучков. Баранов Евгений Захарович // Русские писатели. 1800 – 1917: Библиографический словарь. Т. 1. М., 1989.

Е.З. Баранов

I.

<Автобиографическая справка>⁵

Звать меня Евгением Захаровичем Барановым.

Отец мой был крепостной крестьянин помещика Новикова, владевшего селом Непецино, Коломенского уезда, Московской губернии Будучи отпущен на оброк, отец работал в Москве на табачной фабрике, потом в Таганроге на свечном заводе; был чумаком, офеней, приказчиком в бакалейной лавке. Откупившись на волю вместе с своей женой, он поселился в слободе (ныне город) Нальчик Терской области (ныне Балкаро-Кабардинская обл<ась>), занялся торговлей и с течением времени разбогател⁶.

⁵ Публикуемые тексты приведены в соответствие с современными нормами орфографии и пунктуации за исключением случаев, отражающих особенности авторского языка. Все прямые подчеркивания в текстах передаются соответственно прямым подчеркиванием, волнистые – переданы курсивом. Примечания принадлежат публикаторам.

⁶ <Сноска на рукописи сделана рукой Ю.М. Соколова красными чернилами> «Ввиду расхождения с отцом во взглядах Е<вгений> З<ахарович> не пользовался мат<ериальной> помощью и все <два слова нрзбр.> трудом».

Я родился в 1869 г.; учился в нальчикском городском училище, по окончании которого, 17-ти лет, уехал в Москву, поступил в Строгановское техническое рисования училище; через год был арестован по обвинению в политической неблагонадежности; после 5-ти месячного заключения, был выписан в Нальчик под гласный надзор полиции. Через некоторое время, по распоряжению департамент полиции, был снова арестован и выдержан в тюрьме 4 месяца. По выходе из тюрьмы путешествую по Кабарде, впервые делаю записи кабардинских сказок и легенд. На короткое время делаюсь писарем в аульном правлении. С 1890 г. начинаю помещать в «Терских Областных Ведомостях» корреспонденции, статьи, очерки из быта кабардинцев и тюрко-татар. В 1892 г., получив разрешение переехать на жительство в Владикавказ, становлюсь секретарем редакции газ<еты> «Терск<ие> Обл<астные> Вед<омости>», но через 3 месяца по распоряжению областного начальства был выслан в Нальчик. В 1893 г. уезжаю в Ставрополь Кавказский, работаю в качестве секретаря газ<еты> «Северный Кавказ». В 1894 г. возвращаюсь в Нальчик, начинаю работать в колонии «толстовцев», затем занимаюсь собиранием этнографического материала, который впоследствии печатался в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа». С 1896 г. навсегда покидаю отцовский дом, скитаюсь по Кавказу и югу России. За это время мне пришлось быть писарем в аульных правлениях Северной Осетии, Чечни, Ингушии, дворником постоянного двора, помощником повара в харчевне торговцем на базаре (продавал лубочные картинки и книги, ходатаем по судебным делам, приходилось ходить на пилку дров, наниматься на сельскохозяйственные работы, но на такие, которые не требуют специальных знаний, как, напр<имер>, уборка картофеля, подсолнухов, кукурузы, винограда. За это время мною было сделано много записей кабардинских, татарских, осетинских, чеченских, ингушских, казачьих и великорусских сказок, легенд, поверий, песен, часть которых была напечатана в «Сборн<ике> для⁷ мат<ериалов> для оп<исания> м<естностей> и п<лемен> Кавказа» и других кавказских изданиях, часть остается до сих пор в рукописях, но самая значительная и, по-моему, ценная часть их безвозвратно утрачена. Кроме этих записей я поместил много корр<еспонденций> и статей о переселенческом движении на Сев<ерном> Кавказе, о земельном положении местных горцев, о быте пришлых сельскохозяйственных рабочих.

В течение этого времени со мной произошел случай, едва не стоивший мне жизни: в станице Павлодарской, во время религиозного спора с старообрядцами, я был жестоко избит ими, так что отлеживаться мне пришлось довольно долго.

В 1901 г. я становлюсь постоянным сотрудником только что основанной большой газеты «Донская Речь» (Ростов н/Д.); затем поселяюсь на Кавказском побережье Черного моря, где собираю материалы о положении местных новоселов и толстовских колониях. В 1903 г. работаю в качестве фельетониста и редактора областного отдела га<зеты> «Бакинские Известия». В 1904 г. живу в Владикавказе, работаю во многих кавказских, южно-русских и столичных изданиях. В 1905 г. во время октябрьского черносотенного погрома пришлось спасаться бегством в Пятигорск. Там был секретарем «Пятигорск<ого> Листка», редактором «Пятигорья», закрытого по распоряжению военного генерал-губернатора Терск<ой> области.

⁷ Очевидно, описка.

В Москве живу с 1911 г.; работал в «Русских Ведомостях», многих местных изданиях и в книгоиздательстве т<оварищест>ва Сытина, которое выпустило ряд моих книжек для народного чтения и историко-этнографического содержания, как, напр<имер>, о курдах, армянах, казаках и др.

В 1914 г. при падении сломал ногу; болезнь затянулась, и хотя перелом сросся, но ходить мне приходится при помощи костыля.

С 1913 по 1923 г. я торговал на улице и рынке старыми книгами, которые брал на комиссию от разных лиц. В 1923 г. в следствие болезни принужден был прекратить торговлю, потом на возобновление ее требовались денежные средства, которых у меня не было, и торговать пришлось прекратить навсегда.

Чтобы не умереть от голода, принимаю предложение знакомого народного певца петь с ним по трактирам, столовым; но по независящим от нас причинам пришлось оставить и это занятие.

Теперь существую благодаря материальной поддержке профессора Ю.М. Соколова и некоторых знакомых.

В Москве мною сделаны записи легенд о «волшебнике» Брюсе (Я.В. Брюс, сподвижник Петра В<еликого>), деятелях ушедшей Москвы, революции 1917 г.

Легенды о Брюсе и ушедшей Москве были читаны в заседаниях о<бщест>ва «Любителей Старой Москвы».

Адрес: Арбат, д. 4, кв. 30.

Список изданий, в которых я помещал свои работы

1) «Терские Областные Ведомости», 2) «Казбек», «Терек» (Владикавказ); 4) «Северный Кавказ», 5) «Голос Кавказа» (Ставрополь Кавказский); 6) «Каспий», 7) «Бакинские Известия», 8) «Баку» (Баку); 9) «Сборник мат[ериалов] для опис<ания> местн<остей> и племен Кавказа», 10) «Новое обозрение», 11) «Тифлисский Листок», 12) «Кавказ»; 13) «Пятигорский листок», 14) «Пятигорье», 15) «Голос Курортов» (Пятигорск); 16) «Приазовский Край», 17) «Донская Речь», 18) «Юг» (Ростов н/Д.); 19) «Южное обозрение» (Екатеринослав); 20) «Русские Ведомости», 21) «Утро России», 22) «Столичная Москва», 23) «Правда» (журн<альное> изд<ание> В.А. Кожевникова), 24) «Юная Россия», 25) «Женское Дело», 26) «Для народного учителя», 27) «Крестьянское Дело», 28) «Вокруг Света», 29) «Мирок», 30) «Мир Приключений», 31) «Проталинка», 32) «Курьер», 33) «Русское Слово» (Москва); 34) «Новости», 35) «Северный Курьер», 36) «Весть», 37) «Речь», 38) «Слово», 39) «Биржевые Известия», 40) «Неделя», 41) «Образование» (Ленинград); 42) «Южные Записки» (Одесса); 43) «Весь Кавказ» (Тифлис); 44) «Заря» (Москва).

Отдельные издания: 1) «Женская верность». Легенд<a> – Владикавказ; 2) «Легенды» - Баку; 3) «Кабардинские легенды» - Пятигорск; 4) «Легенда о Кавказе» - Москва; 5) «Лесная сказка», сборник рассказов – Москва; 6) «Жив Толстой» - сборник рассказов о «толстовцах» - Москва; 7) «Хлысты и скопцы» - Москва; 11) «Певец гор» - Москва; 12) «Иналук», сказка – Москва; 13) «Песни терских казаков» - Москва; 14) «Курды» - Москва; 15) «Армяне» - Москва; 16) «Рассказы о Бельгии, Франции Англии» - Москва; 17) «В горах Кавказа» - Москва.

II.

< «Биография моей жизни» >

Родился я в конце декабря, кажется, 28-го числа 1869 года в слободе Нальчик Терской области (Северный Кавказ). Родители мои были сначала крепостными крестьянами помещика Новикова, бывшего владельца села Непецына Коломенского уезда.

Прежде чем откупиться на волю, отец работал на табачной фабрике Мусатова в Москве, потом долго странствовал по южной России, нанимался в батраки, ездил из Черноморья с чумаками в Крым за солью, в Таганроге работал на свечном заводе. В этом городе во время одного большого пожара он спас от гибели женщину и ее ребенка – вынес их из объятаго пламенем дома, причем сам пострадал довольно серьезно, получил ожоги рук и плеч; следы этих ожогов, в виде заросших шрамов, остались у него на всю жизнь. За этот подвиг он был награжден серебряной медалью с надписью «За спасение погибавших»; но медали он никогда не носил: вообще он был скромный человек и к подобным «отличиям» и «почестям» относился с благодушною насмешливостью. После таганрогской жизни он сделался коробейником; в 50-м году попал в Нальчик и открыл здесь железно<?>-бакалейную торговлю, которая пошла очень хорошо, так что через 10 лет он купил дом, в котором я и родился. Отец был довольно способный человек: самоучкой научился читать и писать, довольно хорошо рисовал карандашом, резал по дереву, слесарничал. Мать была религиозна, но умела лишь читать, да и то плохо. Откупился отец с матерью в середине 50-х годов.

Познакомился я с книгой 5 – 6 лет, когда научился читать; первые уроки чтения преподали мне старшие брат и сестра и наш сосед, еврей, часовых дел мастер, Захария Фрахтман. Он был высокий, немного сгорбившийся старик, получивший прозвище *оглобли*. Был он человек хороший – мягкий, добрый, но слободские евреи недолюбливали его и называли сумасшедшим. Они обвиняли его, во-первых, в том, что он читает запрещенную книгу, во-вторых, говорит очень хорошо, вообще, о религии. Эта «запрещенная книга», как позже я узнал от одного из старших сыновей Захарии, было старинное заграничное издание на еврейском языке, заключавшее в себе религиозно-философский трактат какого-то религиозного раввина. На Захарии я остановлюсь несколько долже потому, что в раннем моем детстве он был очень хорошим моим приятелем и немного – учителем, т.к. я от него кое-что перенял.

Он был большим мечтателем. Своим ремеслом он не занимался (им занимались трое взрослых его сына), а «выдумывал» разные «составы», «порошки», что-то по ночам «искал на небе», направляя в него старинную подзорную трубу, собирал на берегу реки какие-то камни, дробил их, прожигал и промывал. Я часто присутствовал при его опытах. Раз весной, уединившись в старую кухню, мы принялись кипятить в колбе какой-то «состав». Вдруг произошел страшный взрыв; одну из стен кухни вынесло на двор, мы же остались каким-то чудом живы и невредимы. В доме Ф<рахтма>на было довольно много книг; среди них были переводные романы, были и описания путешествий. Вот с этих-то путешествий и началось мое чтение. У старшего моего брата было много собрано сочинений Эмара, М<айн> Рида,

Мариотта<?>, Купера, Ферри, В<альтера> Скотта. Но с ними я познакомился позже. Семи лет я начал ходить в Нальчикскую горскую школу⁸. В начальном отделении, куда я попал, учителем был невежественный и грубый человек Стригуненко. Учить он не умел, зато был большой мастер давать щелчки сразу тремя пальцами. У него я ничему не научился, притом же и убегал часто из класса. После Стригуненко моим<и> учителями были Ипполит Александрович Керу, человек с университетским образованием, талантливый учитель и благородный человек, потом А.Ф. Фролков, в свое время известный педагог, автор лучшей биографии Ушинского. Но я вообще учился плохо. Когда я подросток, прочитал Эмара и ему подобных писателей, учение пошло еще хуже: началось «путешествие в Америку», охота на бизонов, столкновение с индейцами. «Америка» же была под боком – на север пошла степь, на юго-запад лесистые горы, доходящие до подножия снегового хребта. За путешествие в Америку дома меня часто пороли, потому что я нередко пропадал на сутки – на двое, ночуя где-нибудь на пчельнике или вместе с охотниками у костра. С 12-ти лет я стал ходить на охоту с ружьем и вначале стрелял исключительно диких голубей, которых в окрестностях Нальчика было много. Потом стал страстным охотником и оставался таковым до 25-лет. За охоту тоже частенько влетало, особенно после одного несчастного случая с одним из моих школьных товарищей, который, неосторожно обращаясь с ружьем, застрелил насмерть свою сестру. С 15 лет начал брать уроки живописи у одного иконописца. 17-ти лет (в 1885 г.) кончил учение, а в 1886 году уехал в Москву и поступил в Московское Строгановское технического рисования училище. Впрочем, училище посещал изредка, а почти каждый <день> ходил в Румянцевскую библиотеку. В январе 1887 года был арестован по распоряжению московского охранного отделения. При обыске, кроме рукописи и двух нелегальных брошюр, ничего не нашли. В одиночке просидел 6 месяцев. В Москву приехал старший брат; у него была «сильная рука» в м<инистерст>ве внутренних дел; с помощью этой «руки», брат добился того, что меня выслали на родину в Нальчик под гласный надзор полиции. С отцом встретились мы не особенно дружелюбно, он не мог простить мне того, что я поехал учиться, а попал в острожники. Живя дома, я занялся исключительно охотой; в магазин не заглядывал и отцу в торговле не помогал. В это время я начал записывать слободские песни, часть которых (минимальная) была впоследствии напечатана в Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа. В 1888 году в связи с московским делом я по распоряжению д<епартамен>та полиции был арестован, просидел в нальчикской тюрьме три месяца и был выпущен. Выезд из Нальчика без разрешения д<епартамен>та полиции был запрещен на три года. Отношения с отцом обострились до крайности (мать умерла еще в 1885 г.). Тут благодаря знакомству с слободской «аристократией» мне удалось получить место писца у начальника участка (нечто вроде станового пристава) на жалование – 15 р. в месяц. Я ушел от отца, нанял комнату у сестры своего товарища. У начальника прослужил год, потом поехал писарем в горный аул. Здесь тоже занялся <?> записыванием терско-татарских сказок, легенд, которые потом помещал в газете «Терские ведомости».

⁸ В более кратком варианте автобиографии (см. выше) Е.З. Баранов называет это учебное заведение иначе: «нальчикское горское училище» (л.1).

Приехав из аула, помирился с отцом. Ходил на охоту, пил водку с слобожанами, писал им жалобы на местное начальство и, по насмешливому выражению отца, сделался «защитником сирых, обездоленных и горьких пьяниц». Принялся писать обличительные корреспонденции в «Терских ведомостях» и «Северн<ом> Кавказ<е>» Начальство обозлилось против меня страшно. Был даже проект «переломать мне ребра», но я постоянно ходил с револьвером, да и защитники, эти «сирые» и «горькие пьяницы» были у меня основательны. Начальство, характеризуя меня как человека социально опасного, ставило мне в вину участие «в разбойном похищении девушки-кабардинки». Конечно, никакого разбоя не было. Дело у нас самое обыкновенное. Мой школьный товарищ, кабардинец, задумал жениться. Нашел невесту. Невесте он полюбился. Но отец её потребовал за неё большой <?> обычный калым (выкуп). У товарища таких денег не было. Оставалось одно – украсть невесту. Как-то встретился он со мной, поделился своим горем. Потом предложил, – не приму ли я участия в похищении невесты. Я согласился, поехал к нему в аул. Выбрали ночь потемнее, и шестеро вооруженных револьверами и ружьями молодых сорванцов отправились в путь-дорогу. Невеста была заранее предупреждена. В назначенный час она ждала в условленном месте. Товарищ взял её к себе, накрыл буркой. Мы поскакали. Согласно обычаю, невеста должна была кричать о помощи. Она и подняла крик, визг. Всполошился её папаша, братья, схватились за ружья, сели на коней, поскакали за нами. К ним присоединились соседи. Началась стрельба. Они, а не мы начали её. Когда пули засвистали около нас, и мы начали отстреливаться. Стрелял и я. Но мы всё же успели ускакать. На утро явился папаша скандалить и требовал дочь. Дочь заявила, что она уже не девица, к нему не пойдет, останется у мужа. Папаша метнулся к начальству. Рассказал, конечно, иначе. И про меня тоже было сказано. Но тут вмешались кое-какие представители влиятельных фамилий в Кабарде, уговорили папашу помириться. Он помирился. Сыграли свадьбу, тем и дело закончилось. Но начальство все же аттестовало меня разбойником. Потом поставлено было мне в вину мое близкое знакомство с толстовцами: сначала в самом Нальчике, а потом в его окрестностях была колония толстовцев. Я сам никогда не был толстовцем, но к некоторым из них, как, напр<имер>, братья Воробьевы, Алехин и Скороходов, относился с большим уважением, как к людям очень чутким и вполне порядочным. Но все же приезжал жандармский полковник обыскивать и толстовцев и меня. У толстовцев отобрал гектографированную «Исповедь» Толстого, еще что-то; у меня ничего не нашел, п<отому> ч<то> ничего и не было. Редакция «Терских Вед<омостей>» предложила мне должность секретаря-корректора. Я согласился. Но выехать из Нальчика было трудно. Тут начальство все припомнило мне. Все же выехал. Но прослужил только 6 месяцев. Не понравилось: работы по горло, а жалования 25 р., на которые трудно жить. А тут и царица (М<ария> Ф<едоровна>) проезжала через Владикавказ к своему сыну Георгию в Боржом. Вот жандармский полковник заранее приказал всем политическим поднадзорным покинуть В<ладикавказ>, в том числе и мне. Я уехал в Нальчик опять: охота, поездки в аулы, к снеговому хребту записи, «защита сирых», водка, корреспонденции в «Сев<ерный> Кавк<аз>», столкновения с начальством,

летняя полевая работа, романы с русскими, немками (под Нальчиком есть немецкая колония). Одного из начальников в клубе по пьяному делу пушил на чем свет стоит. Был арестован, но через сутки отпущен без всяких последствий. (Вот что пропустил: когда мне было 14 лет, одно время нашел на меня стих такой – уйти в монастырь, сделаться схимником. Но предварительно я подготавливался к монашескому житию: ел только два раза в день черный хлеб с водой, слил из свинца в три фунта крест, носил на груди, пел псалмы, стоя на коленях, истязал себя ударами толстой веревки. Все это проделывалось тайно в предбаннике. Подглядели и накрыли, когда я бичевал себя. Бог мой! Как хохотал<?> весь наш двор, что за здорovenный смех был! Только одна мать горько плакала. Я убежал из дома, двое суток пропадал у знакомого сапожника. Но с тех пор ни разу и в голову не приходило уйти «спасаться»). Уезжаю в Ставрополь Кавказский, делаюсь секретарем «Сев<ерного> Кавк<аза>». Почти два года пробыл. Начал писать в «Русские Вед<омости>» и Тиф<лиссские> газеты. Возвращаюсь домой. Записи, корреспонденции и примерное поведение, за которое был наказан жестоким тифом. Сотрудничество в журнале «Общее чтение». Ужасная тоска. Уезжаю во В<ладикавказ>, начинаю скитаться по станицам, аулам, [сотрудничество во владикавказской газете], записи. Шесть месяцев бродяжничества по Терской области. (Забыл сказать, надзор полиции был снят в 1893 г.). Не раз бывал брат под арест, как подозрительная личность. Раз за караулом двух казаков гнали около 20-ти верст. В Моздоке, в управлении отдела, выяснилось, что я совсем не опасный человек, а тетради и клочки бумаги, содержавшие записи казачьих сказок, легенд и песен – «одна лишь чепуха». Порой приходилось жутко... Раз заспорил со старообрядцем-казакom о вере. Машинально закурил папиросу и пустил ему дым в лицо. Он принял это за оскорбление, выхватил кинжал и пырнул было им меня в живот, но другой казак успел схватить его за руку. Но все же меня тогда поколотили здорово. Было в станице Павлодольской. Но были и утешения в виде «романов» с казачками, не девками, а бабами. Вернулся домой гол как сокол. Но замечательно, что на этот раз как-то бережно отнеслись ко мне: ни насмешек, ни упреков, ни расспросов, и одет, обут был с иголки. Поехал было опять в «Сев<ерный> Кавказ», да пробыл не более двух месяцев – скучно. Уехал к товарищу, артиллерийскому офицеру, в лагерь под Владикавказом. Офицерами был принят хорошо. Но после недельного пребывания в лагери <так! – М.К, Н.Р.>, по приказанию бригадного командира должен был оставить лагери. В<о> Владикавказе был арестован жандармами. Обыскан. Ничего не нашли. Допытывались, что мне нужно было в лагерьях. Объяснил: товарища проводывал. После допроса был освобожден. Побурлил немного в<о> Владикавказе, приехал домой. Мирное житие. Чтение как отдых, роман с купчихой. Маленький скандал. О моих похождениях <была> корреспонденция в «Терск<их> Вед<омостях>». «Расщелкал» меня аптекарь, но все была правда. С весны 1895 г. живу во Владикавказе. Сотрудничаю в газете «Казбек», потом начинаю босячить вплоть до января 1901 г. За это время был корреспондентом почти всех кавказских газет, многих столичных, был дворником на постоялом дворе, прислугой в харчевне, с одним чеченцем, бывшим учителем, неофициально открыли «кабинет для написания прошений», работа шла хорошо; раза два выступал в мировом суде по уголовному

делу. Дело выиграл, но сам судья наедине сказал мне, что адвокат я плохой – выдержки нет; работал поденщиком на огородах молочан, персиян, работал на бахчах, собирал виноград, был аульным писарем в Осетии, Ингушии, Чечне, мыл и посуду в трактире. За эти пять лет исходил весь Северный Кавказ, бывал в Дагестане, в Закавказье, из Карской области пробирался в Турецкую Армению, был на границе Персии, жил у товарища (школьного) казачьего офицера, начальника пограничной стражи, видел, как пробовали дальноточность наших винтовок на персах. «Смотри в бинокль: вон на персидской стороне чернеет что-то...» Смотрю... «Это люди работают...» «Нестеров винтовку! Как думаешь донесет?» «Донесет в-д-д-д. Только извольте с упора – так способнее... или с колена...» Я смотрю в бинокль. Раздался выстрел. На той стороне среди работающих смятение... Бегут... «Мимо» говорю. Раздается еще выстрел... Мимо... «Нет, говорит офицер, руки дрожат с перепою, на мушку никак не возьмешь...». О том, что персияне люди и не заикается... «Что за люди? Сволочь вонючая».

Жизнь стражников ужасная – скучища отчаянная, комаров тучи, лихорадки дьявольские. Пьянство отчаянное. Развлекаются игрой в «кукушку». Вероятно, знаете. За время того скитания не раз бывал на краю гибели. Ночлеги в степи, в горах – обыкновенное дело. Приходилось просить Христа ради. В Екатеринодаре (областной город в Кубанск<ой> области, ныне Краснодар), чтобы утолить голод, мой спутник, бывший офицер, спер штаны: продали на базаре, купили хлеба. Про аресты по подозрению говорить нечего – они многочисленны. Во Владикавказе я покушался на самоубийство. Записей сделано масса, но большая часть их пропала.

Встречи и знакомства многочисленные: бывшие монахи, попы-расстриги, странники-шатуны, рабочие, купцы, проститутки, воры, грабители, жулики, бывшие каторжники, князья, графы, учителя, нищие. Народ все интересный, обстрелянный.

В 1901 г. в Ростове через знакомого наборщика познакомился с редактором «Донской Речи» Мих. С. Балабановым и секретарем М.И. Эйшиби. Они дали работу. Стал фельетонистом. Отношения прекрасные. Заболел. На счет газеты уехал лечиться в Сочи. Прожил два года. Объехал все побережье. В 1903 г. умер отец (79 лет). Уехал в Нальчик на похороны. Потом поселился во Владикавказе. Корреспондировал в ростовские, кавказские, столичные газеты, писал в журналах «Правда» и «Образование». Некоторое время жил в Баку, работал в газете того же названия. Накануне революции 1905 г. уехал в Пятигорск, редактировал «Пятигорский листок». После революции жил 4 года в Кисловодске. Потом уехал в Москву, работал во многих газетах, издал у Сытина и других издателей 8 книг своих рассказов, сказок, легенд. После 1918 года в течение 5 лет торговал книгами. За это время сделал много записей народных легенд о войне, революции и др.

Вот Вам, Юрий Матвеевич, в самых кратких чертах, «биография моей жизни». А на заседание я не приду: хотя теперь все ходят оборванцами, но все же в моем одеянии неловко присутствовать на заседании. К тому же за это время, в течение которого я живу на положении нищего, я уже успел в достаточной мере одичать. Вы уже сами сделайте все что нужно. Из биографии сообщите самое необходимое, что касается записей. Некоторые подробности я сообщаю только для Вас.

Жму Вашу руку

Евг.Баранов

О Новом объяснительном словаре синонимов русского языка»

«Новый объяснительный словарь синонимов русского языка» (НОСС), первые два выпуска которого опубликованы в 1997 и 2000 годах, составлен группой московских лингвистов под руководством Ю. Д. Апресяна. Первый выпуск содержит 132 словарные статьи, второй – 118; большая часть описываемой лексики связана с миром человека (душа и тело человека, чувства, ментальные состояния, акты речи и т. д.). Каждая словарная статья посвящена одному синонимическому ряду и имеет следующую структуру: 1) входная зона, где представлены все синонимы данного ряда, их общий смысл (пересекающаяся часть их значений), лексикографические речения (искусственно построенные фразы, иллюстрирующие типичные условия употребления рассматриваемых синонимов) и (часто, но не всегда) преамбула, в которой указываются родственные ряды; 2) зона значения, включающая синопсис – список признаков, по которым различаются смыслы синонимов этого ряда, и развернутое сравнение этих смыслов; 3) зона формы, где дается морфологическая информация; 4) зона конструкций – с синтаксической информацией (в частности, об управлении и позиции в предложении); 5) зона сочетаемости – лексико-семантической, морфологической и других видов сочетаемости; 6) зона иллюстраций; 7) «справочные зоны», где указываются фразеологические синонимы, аналоги – лексемы, близкие по смыслу, конверсивы (точные и приблизительные), антонимы (точные и приблизительные), дериваты и, наконец, (иногда) библиография.

НОСС – это уникальный лексикографический продукт, являющийся результатом многолетней теоретической и практической работы Ю. Д. Апресяна в области семантики, лексикологии и лексикографии (см. [Апресян 1995a,b]). Каждая словарная статья этого словаря есть результат тщательной исследовательской работы и по объему, глубине и тонкости описания имеет статус отдельной научной статьи. Чтобы получить исчерпывающее представление о рецензируемом словаре и о его отличии от существующих русских синонимических словарей, следует прочитать блестящую вводную статью Апресяна к проспекту «Новый объяснительный словарь синонимов русского языка» ([Апресян и др. 1995]). Характеризуя словарь, мы не можем не повторить (иногда немного упрощая) основные мысли этого предисловия. Кроме того, мы изложим свои читательские впечатления и соображения.

1. НОСС – новаторский лексикографический продукт, опирающийся на серьезную теоретическую базу.

1.1. В основе словаря лежит концепция **системной лексикографии** и **интегрального описания языка**, выдвинутая в работах Апресяна (см. [Апресян 1995b]). Главный принцип системной лексикографии – описание лексики данного языка как системы. Ключевым понятием, помогающим выполнить такое описание, является понятие **лексикографического типа** – группы лексем, обладающих общими свойствами и, следовательно, требующих единообразного словарного описания.

Кроме того, НОСС воплощает принцип интегрального описания языка, т.е. согласованного описания грамматики (в широком смысле – как системы общих правил) и лексики. Это отражается, в частности, в богатой всесторонней характеристике описываемых лексем; для каждой лексемы дается ее полный **лексикографический портрет**. По богатству и полноте информации о лексеме НОСС не имеет себе равных. Так, ни один из известных нам словарей не дает ни коммуникативной, ни просодической характеристики лексемы, ни указаний о референциальном статусе лексемы или ее актантов. Как правило, лексикографическая практика отстает от достижений теоретической лингвистики. НОСС же не имеет этого недостатка: он является непосредственным практическим результатом теоретических работ Ю. Д. Апресяна, а также учитывает результаты других представителей современной русской лингвистики (И. М. Богуславского, М. Я. Гловинской, Е. В. Падучевой и др.). Все использованные лингвистические понятия определены в представленном в вводной части словаре лингвистических терминов, который имеет и самостоятельную ценность, характеризуя лингвистическую концепцию автора (и московской семантической школы); так, в нем содержатся такие введенные Ю. Д. Апресяном понятия, как личная сфера говорящего, рамка наблюдения, интерпретационные глаголы и т. д. (Заметим, что во втором выпуске дана новая, усовершенствованная версия терминологического словарика.)

Уточнено и традиционное представление о **синонимах**. Во-первых, значения синонимов должны иметь много общих элементов в ассертивной части толкования, причем главный компонент ассерций (обычно – родовое понятие) должен быть одинаковым (так, глаголы *гордиться*, *хвастаться*, *рисоваться* не считаются синонимами из-за разности их родовых понятий: гордиться – это эмоция, хвастаться – акт речи, а рисоваться – поведение). Во-вторых, различия между синонимами могут быть не только семантическими или стилистическими, но и относиться к таким аспектам, как прагматика, коннотации, сочетаемость, коммуникативные или просодические особенности, морфологические или синтаксические свойства и т. д. В соответствии с этими уточнениями синонимические ряды словаря часто совсем нетривиальны.

Введено новое понятие – **доминанта синонимического ряда**, важное и теоретически (это синоним, имеющий наименее специализированное значение, наиболее употребительный и стилистически наиболее нейтральный), и практически – для организации словаря: доминанта дает название всему ряду (и, следовательно, название соответствующей словарной статье) и определяет место данного ряда в словаре (ряды представлены в алфавитном порядке их доминант).

1.2. В соответствии с принципом **системного описания лексики** первая зона большинства словарных статей содержит преамбулу, где даны родственные синонимические ряды и указаны семантические отличия этих рядов от исходного ряда. При этом, как правило, выделен объединяющий все эти ряды общий смысл. В следующей зоне рассматриваются семантические различия между членами исходного ряда. Таким образом, описание смыслов лексем иерархично: от более общих различий к более специфическим. Так, в преамбуле ряда НАДОЕСТЬ (вып. 2) указаны другие ряды, сходные с рядом НАДОЕСТЬ по компоненту 'реакция на повторяющуюся ситуацию', и представлены главные семантические различия между рядами: для ряда

НАДОЕСТЬ (*наскучить, осточертеть, опостылеть, приестся*) характерно то, что субъект хочет прекратить контакт с тем, что повторяется; в ряду *досаждать, донимать, докучать, преследовать* в фокусе внимания стоит воздействие неприятной ситуации на человека; в ряду *опротиветь* и *омерзеть* главный компонент – это отвращение; в конверсном ряду *привыкнуть, приспособиться, притерпеться, свыкнуться* повторяющаяся ситуация воспринимается как норма. В следующей за преамбулой зоне представлены оппозиции, различающие синонимы исходного ряда: *наскучить, осточертеть, опостылеть, приестся*. По замыслу авторов, все семантические оппозиции (между разными рядами и внутри одного ряда) должны быть сформулированы максимально единообразно, так чтобы системность в организации лексики была очевидна. Так, в преамбуле статьи ТОЛСТЫЙ (вып. 2) выделены два класса рядов, обозначающих объем тела, отличный от среднего: ряды, соответствующие слишком большому объему, и ряды, соответствующие слишком маленькому объему. Показано, что лексические единицы внутри каждого класса противопоставлены по одним и тем же признакам: степень отклонения от нормы, оценка говорящего, тип характеризуемого данным прилагательным субъекта (включая возраст), причина отклонения (кроме того, имеются и другие, менее общие различия). Естественным теоретическим результатом работы над НОСС-ом могут быть наборы релевантных семантических оппозиций для разных лексикографических типов.

Наряду с ориентацией на системность описания лексики каждая лексема рассматривается как отдельная специфическая единица со своими индивидуальными свойствами. Ставится задача представить эти свойства в максимально полной форме, так чтобы каждая лексема получила свой полный лексикографический портрет.

1.3. В соответствии с принципом **интегрального описания языка** каждая лексическая единица должна быть описана всесторонне, с ориентацией на все типы общих правил данного языка. Поэтому описание синонимов включает **новую** по сравнению с традиционными словарями **информацию**. Мы уже отмечали, что словарь указывает коммуникативные и просодические свойства лексем (если лексема имеет соответствующую специфику), в то время как традиционные словари оставляют эти аспекты без внимания. Приведем примеры этих и других представленных в словаре лингвистически нетривиальных свойств, по которым могут различаться синонимы (естественно, что релевантность тех или иных свойств зависит от лексикографического типа лексем).

а) Референциальный статус лексемы или ее актанта. Так, в ряду АВТОРИТЕТ (вып. 2) субъект лексемы *престиж* имеет родовой статус, в отличие от лексемы *авторитет* (*авторитет Иванова*, но **престиж Иванова*; ср. *престиж врача*).

б) Коммуникативный статус лексемы. Прилагательное *близкий* (ряд БЛИЗКИЙ 1.1, вып. 2) может быть ремой, а *ближний* – нет (*Берег кажется близким* vs. **Берег кажется ближним*). Наречие *поблизости* (ряд БЛИЗКО 1.1, вып. 2) может выступать в функции детерминанта предложения, а *близко* не может (*Поблизости был поселок золотоискателей* vs. **Близко был поселок золотоискателей*). Наречие *вдруг* (ряд НЕОЖИДАННО, вып. 2) тяготеет к позиции темы, а его синоним *врасплох* – к позиции ремы.

в) Семантический акцент, или фокус внимания. В ряду УБЕЖДАТЬ (вып. 2) *убеждать* и *уверить* ставят в фокус внимания адресата, а *доказывать* – доказываемый тезис

(что отражается в синтаксисе: при первых двух глаголах прямое дополнение соответствует адресату, а косвенное – тезису (*убеждать/верить кого-то в чем-то*), а у *доказывать* – наоборот (*доказывать кому-то что-то*)).

г) Тип речевого акта (для глаголов речи). Так, в ряду ГРУБИТЬ (вып. 2) глагол *дерзить* обязательно предполагает «ответность» этого действия; такая обязательность нехарактерна для других синонимичных глаголов: *грубить* и *хамить*.

д) Сфера (или область) действия. Например, наречие *неожиданно* (ряд НЕОЖИДАННО, вып. 2) имеет как широкую сферу действия, характеризуя ситуацию в целом (*Неожиданно он вернулся*), так и узкую, характеризуя лишь отдельные аспекты ситуации (*Неожиданно он вернулся не один <очень быстро / повеселевшим>*). Синонимы *вдруг* или *внезапно* узкую сферу действия иметь не могут (ср. *Вдруг он вернулся* и **Вдруг он вернулся не один*).

е) Введены следующие важные параметры описания дискурсивных слов и выражений:

Способность образовывать самостоятельное высказывание, которая может различать синонимичные дискурсивные выражения. Ср. в ряду ВОВСЕ НЕ (вып. 2) возможность самостоятельной реплики *Вовсе нет!*, *Отнюдь нет!* и невозможность **Далеко нет!*. Другой пример: в ряду КОНЕЧНО (вып. 2) выражения *Конечно* и *Разумеется* с равной легкостью употребляются и внутри высказывания, и как самостоятельная реплика (т.е. и в нарративном, и в диалогическом режимах), а *бесспорно* употребляется главным образом внутри высказывания.

Фактивность vs. путативность. В ряду КОНЕЧНО синонимы *безусловно*, *несомненно*, *бесспорно* и *конечно* (в меньшей степени) могут входить в сферу действий путативных глаголов, а фактивные синонимы *разумеется* и *естественно* не могут: *я считаю, что он, несомненно <бесспорно, безусловно, конечно> выпутается из этой истории*, но **я считаю, что он, разумеется <естественно> выпутается из этой истории*.

ж) Семантика морфологических форм. В статье УБЕЖДАТЬ (вып. 2) отмечено, что формы прош. вр. несов. вида имеют разные значения у разных синонимов: в этих формах *убеждать* и *доказывать*, в отличие от *верить*, имеют кратное результативное значение (субъект неоднократно добивался того, что его тезис был принят). Более того, видовая характеристика оказывается существенной и в других разделах словарной статьи. Так, семантические различия между синонимами ряда УБЕЖДАТЬ могут ослабляться и частично нейтрализоваться в форме несов. вида.

з) Различия по метафорическим употреблением. В ряду НЕЖНЫЙ (вып. 1) невозможно заменить прилагательное *нежный* его синонимом *ласковый*, если оно употреблено в переносном смысле: *нежный (*ласковый) запах/тон/вкус*. В ряду РИСОВАТЬ (вып. 1) только *рисовать* (но не *зарисовывать*, *писать*, *малевать*) допускает переносные употребления: *Его повесть рисует (*зарисовывает/*пишет/*малюет) картину нравов языческой Руси*, *Мороз рисовал (*зарисовывал/*писал/*малевал) затейливые узоры на стекле*.

и) Хотя НОСС – словарь синонимов, он содержит много сведений о полисемии, главным образом о таких значениях слова, входящего в исходный ряд, которые близки к значению этого слова в исходном ряду. См., например, детальный анализ полисемии глагола ВЫБРАТЬ в преамбуле статьи ВЫБРАТЬ (вып. 2) или глагола ЛЮБИТЬ в преамбуле статьи ЛЮБИТЬ (вып. 2).

к) Во многих словарных статьях сформулированы условия нейтрализации

семантических различий между синонимами, что не принято делать в традиционных словарях синонимов. Например, в статье **ИЗБАВИТЬ** (вып. 2) отмечено, что в контексте существительных, обозначающих нежелательные внутренние состояния человека, возможна частичная нейтрализация семантических различий между *избавить* и *спасти*: *Он спас <избавил> ее от головных болей точечным массажем* (ср. невозможность такой подстановки, например, в *Тонкие стены барака не спасали <*не избавляли> от выстрелов*).

л) Система стилистических помет в НОСС-е гораздо тоньше, чем в других словарях (введены, например, пометы «уходящее» и «необходимое»).

2. НОСС – «человечный» словарь

Уникальность словаря – в комбинации полноты и тонкости сообщаемой информации с «человечностью» формы представления этой информации. Словарные статьи включают неизмеримо больше информации, чем известные нам традиционные, рассчитанные на человека словари; в этом смысле этот словарь близок к формальным словарям, используемым, например, для автоматического синтеза текста. Однако, в отличие от формальных словарей (в духе «Толково-комбинаторного словаря русского языка», см. [Мельчук, Жолковский 1984]; далее ТКС), НОСС ориентирован не на компьютер, а на человека – как массового пользователя, так и лингвиста. Авторы сознательно минимизируют использование специфического метаязыка и символов, прибегают к развернутым объяснениям различий между синонимами, приводят многочисленные языковые примеры.

а) Словарная статья НОСС-а открывается заданием синонимического ряда с указанием его доминанты и относительно формальным описанием общего для данных синонимов смысла. Затем, после нескольких простых примеров («лексикографических речений») и прамбулы, в синопсисе указываются главные оппозиции, релевантные для данного ряда. Далее следует развернутое описание сходств и различий в свободной, но обязательно ясной форме. Таким образом, отсутствуют полные толкования синонимов, которые с информативной точки зрения были бы достаточны для того, чтобы выявить сходства и различия между синонимами. Однако тогда сопоставительная работа была бы оставлена пользователю, что было бы «недружелюбно» (unfriendly) со стороны авторов. Авторы НОСС-а хотят, чтобы словарь был доступен широкому читателю. Более того, в упомянутом выше Проспекте обосновывается теоретическая правомерность описания смыслов синонимов посредством указаний сходств и различий между ними: такое описание, как и строгие толкования типа ТКС-овских, служит метаязыковому объяснению значений лексем, моделируя метаязыковую практику носителей языка ([Апресян и др. 1995: 111]).

б) Главная цель формального словаря – покрыть **все** употребления рассматриваемой лексемы, игнорируя различия по частоте и стандартности; толкование часто включает дизъюнкцию, члены которой неравноценны по числу и стандартности охватываемых случаев. Другими словами, толкования не отражают интуицию говорящих по поводу типичных употреблений лексемы. Единственное, что ставит себе целью формальный словарь, – это обеспечить переход от смысла к лексеме и наоборот, т.е. покрыть все имеющиеся соответствия. Для задач автоматического анализа и синтеза текста требуется именно такой словарь. Однако для человека информация о наиболее стандартных

употреблениях крайне полезна. Формальный словарь не делает различий между главными и редкими употреблениями лексемы и поэтому поневоле упрощает реальную картину. НОСС стремится отразить реальную картину, широко используя характеристики типа «обычно», «чаще всего», «иногда», «имеет тенденцию» и описывая типичные ситуации употребления лексемы.

в) Кроме того, НОСС человечен по форме представления информации. Во-первых, число специальных символов минимизировано. Во-вторых, избегаются искусственные метаслова типа «каузировать». В-третьих, словарь не ограничивается краткими формулировками, которые с точки зрения информативности были бы достаточны. «Дружелюбие» словаря по отношению к пользователю – в его «**объяснительности**». После того, что сходства и различия между синонимами представлены в ясной компактной форме в синопсисе, каждый пункт синопсиса получает развернутое описание в свободной форме, обоснование и объяснение, сопровождаемое яркими доказательными иллюстрациями.

г) «Объяснительность» словаря проявляется и в попытке объяснить – там, где это возможно – несвободные выражения, характерные для данной лексемы, посредством типичной для этой лексемы метафоры. Так, различия в лексической сочетаемости синонимов *талант* и *способности* (см. статью ТАЛАНТ, вып. 1) связаны в частности с тем, что *талант*, в отличие от *способностей*, воспринимается носителями русского языка как капитал: *талант растрачивают, он иссякает, его берегут. Закат* (статья ЗАКАТ, вып. 2) уподобляется в русском языке пожару, огню, что отражено в сочетаемости: *закат всыхивает, горит, поыхает, догорает*. Опять-таки, поскольку такая информация не нужна для автоматического синтеза или анализа несвободных выражений (ведь все равно все выражения должны быть заданы в словарной статье), она не должна содержаться в формальном словаре. Для человека же она является интересной (именно в силу своей «объяснительности») и полезной (например, иностранцу так легче запомнить несвободные выражения).

Иногда сочетаемость объясняется посредством энциклопедической информации (гостеприимство рассматривается как национальная черта; отсюда *русское/грузинское гостеприимство* при менее стандартном *русское/грузинское радушие*; см. статью ГОСТЕПРИИМСТВО, вып. 2) или семантической: поскольку *радушие* обозначает поведение, в котором проявляется радость от общения с гостем, эта лексема образует клишированные сочетания с прилагательными, характеризующими поведение: *искреннее/фальшивое/показное радушие*.

д) К несомненным достоинствам словаря относится необычное изобилие примеров, цитируемых в щедром контексте. Примеры, имеющие и доказательную функцию, оживляют слово. Читатель словаря (слово «читатель» – не оговорка, этот словарь можно читать как книгу) получает эстетическое удовольствие не только от тонкости семантического анализа, но и от примеров.

е) И, наконец, словарь воспринимается как объяснение в любви русскому языку. Тонкий, любовный анализ данных, любовно подобранные примеры; авторы равнодушны к своему материалу. Тут уместно вспомнить Хаджа Росса, который, проповедуя «человечную лингвистику» ([Ross 1983]), призывает, среди прочего, любить описываемый материал: Love your data! НОСС – это образец любовной лексикографии.

Отметим попутно, что необыкновенное владение языковым материалом характеризует все работы редактора словаря.

Мы не знаем ни одного лингвиста-теоретика, работы которого были бы так насыщены конкретным материалом, который бы так свободно владел им и так тонко чувствовал слово.

3. Возможное использование НОСС-а.

Словарь может быть полезен пользователям, имеющим самые разные интересы и цели.

а) Любой русскоговорящий, интересующийся языком, может совершать увлекательные путешествия по словарю, путешествия, которые принесут ему много открытий, в частности касающихся «неявных и трудно уловимых различий между синонимами» (Апресян и др. 1995: 82).

б) Преподаватель русского языка найдет массу полезных для задач преподавания сведений (например, прототипические ситуации употребления разных синонимов).

в) Иностранец, изучающий русский язык, найдет соответствующую его уровню информацию – от самой существенной до очень тонкой.

г) Лексикограф многое извлечет в смысле эвристических методов установления семантических различий. Так, очень полезно обращать внимание на внутреннюю форму слова. Например, *метель* и *вьюга* различаются характером движения снега: *метель метет*, т.е. снег движется вдоль поверхности земли, а *вьюга кружит*, т.е. создает вихри; *остолбенеть*, в отличие от *оцепенеть*, *замереть*, *окаменеть*, предполагает обычно неподвижность в стоячем положении ('превратиться в столб'); смысл лексемы *радушие* включает радость от общения, а *гостеприимство* – акцент на готовности принимать гостей.

Лексикограф, составляющий словарь сочетаемости, найдет обширный материал и на эту тему. В зоне сочетаемости для каждого синонима указываются типичные словосочетания, среди которых много сочетаний типа лексических функций ТКС-а. Многие парадигматические лексические функции тоже представлены в НОСС-е: в справочных зонах даны конверсивы, антонимы и дериваты.

Наконец, словарь содержит ценнейшую информацию для лексикографа или лингвиста, разрабатывающего толкования лексем. Ведь один из самых эффективных приемов поиска релевантных компонентов толкования лексемы – это ее сравнение с близкими по смыслу лексемами. А НОСС как раз и занимается таким сравнением.

д) НОСС может быть использован и специалистом по автоматической обработке текста, а именно при построении систем автоматического синтеза и анализа или систем автоматического порождения текста (text generation).

1. Благодаря тому, что словарная информация в НОСС-е согласована с грамматикой (в соответствии с принципом интегральности описания языка), НОСС может служить базой для построения формального словаря, предназначенного для задач автоматической обработки текста.

2. Как уже было сказано, НОСС дает материал для построения иерархии концептов – задачи, важной в рамках работ по автоматическому порождению текстов: как для логических выводов, так и для перифразирования (замена видового слова соответствующим родовым с целью избежать назойливого повторения: *В Подмоскowie растет много берез. Это дерево ...*)

3. Описываемые в словаре условия нейтрализации семантических различий между синонимами необходимы для правил перифразирования с помощью квазисинонимов, а любая гибкая система автоматического синтеза нуждается в правилах перифразирования.

Для перифразирования полезны также имеющиеся в НОСС-е сведения о парадигматических коррелятах синонимов данного ряда: аналогах, антонимах, конверсивах, дериватах.

е) Лингвист найдет ценный материал по разным лингвистическим проблемам, связанным с разными аспектами описания лексики – морфологическим, синтаксическим, семантическим, прагматическим, коммуникативным и пр. При этом, как и следовало ожидать, разные лексикографические типы ставят разные лингвистические проблемы.

1. Например, словарь дает богатый материал для изучения проблемы «смысл vs. действительность», т. е. проблемы критериев, позволяющих отличать – при описании смысла лексемы – семантическую информацию от энциклопедической. При чтении словаря иногда возникает впечатление, что речь идет о действительности, а не о смысле лексем. Так, в синопсисе статьи УБЕЖДАТЬ (вып. 2) имеется указание о том, что *убеждать* и *уверять* отличаются от *доказывать* тоном и интонацией. На первый взгляд кажется, что это указание не является семантически релевантным, а относится скорее к описанию фактов действительности: поскольку ситуации 'убеждать' или 'уверять' предполагают эмоциональное сопротивление адресата (соответствующий признак имеется в синопсисе), говорящий эмоционально «выкладывается», чтобы преодолеть сопротивление, и отсюда особая интонация. Однако информация, содержащаяся в зоне дериватов, заставляет нас изменить мнение: существует прилагательное *убедительный*, одно из значений которого – 'выражающий желание убедить'; имеется даже готовое выражение *убедительный тон*. Таким образом, указание о специфической манере речи является лингвистически оправданным, по крайней мере для *убеждать*.

2. Словарь может быть полезен для ответа на следующий вопрос: можно ли объяснить семантическими различиями синонимов их разные метафорические употребления? Так, в словарной статье НЕЖНЫЙ (вып. 1) отмечается, в частности, что, в отличие от ЛАСКОВЫЙ, действия лица, проявляющего нежность, обычно носят утонченный характер: они предполагают мягкость, бережность, заботу, внимание к мелочам повседневной жизни, т.е. способность воспринимать неочевидное, трудно уловимое. Учитывая эту специфику прилагательного *нежный*, можно объяснить возникновение у этого прилагательного метафорического значения 'тонкий' (такой, восприятие которого требует повышенной различительной способности; антонимичное значение – 'грубый') и отсутствие такого значения у *ласковый*: *нежный* (**ласковый*) *запах* [обоняние], *нежные* (**ласковые*) *тона* [зрение], *нежное* (**ласковое*) *мясо* [вкус].

3. Словарь содержит множество тонких наблюдений, многие из которых формулируют по существу лингвистические загадки, заслуживающие отдельного исследования. Приведем один пример. В статье, посвященной синонимическому ряду БЛИЗКО 1.1 (выпуск 2), отмечено, что наречие *поблизости* может характеризовать отсутствие каких-либо объектов вокруг пространственного ориентира, тогда как, например, наречие *неподалеку* в такой ситуации не употребляется: *Машин поблизости не было* vs. **Машин неподалеку не было*. Возникает желание объяснить указанное различие. Обращает на себя внимание, что невозможность употребления в отрицательном высказывании характерна и для других наречий этого ряда, причем все они содержат приставку НЕ-: *недалеко* и *невдалеке* (**Машин недалеко/невдалеке не было*; ср. *близко* и *вблизи*: *Машин близко/вблизи не было*).

Можно предположить, что приставка НЕ- придает наречию такой смысл, который не может входить в сферу действия отрицания. Известно, что во многих прилагательных и наречиях приставка НЕ- имеет значение противоположного качества, но с оттенком умеренности: так, говорят *некрасивый, недобрый, невысокий* вместо *уродливый, злой, низкий*, когда хотят смягчить отрицательную оценку или уклониться от определенности. По-видимому, описание смысла лексем с приставкой НЕ- в значении умеренной противоположности должно включать отношение говорящего к высказываемой им оценке (что-то вроде «говорящий не хочет давать слишком определенную оценку»); см. о необходимости подобного компонента в [Апресян 1995а: 312]. Возможно, что этот компонент намеренной неопределенности и делает невозможным употребление данных наречий в отрицательных высказываниях. Ср. правильность фраз *Он может сделать это хорошо/неплохо*, *Он не может сделать это хорошо* и неправильность **Он не может сделать это неплохо*. Или: *Хотя его просили говорить тихо/негромко, он не говорил тихо* и *Хотя его просили говорить тихо/негромко, он не говорил *негромко*. Здесь уместно вспомнить аналогичную особенность слабоопределенных местоимений, отмеченную в [Падучева 1985: 212-214]: «Слабоопределенные местоимения не могут находиться в сфере действия отрицания» (ср. *я тебе принес кое-что* vs. **я тебе не принес кое-чего*). Слабая определенность, по Падучевой, имеет место тогда, когда объект известен говорящему, но предполагается неизвестным слушателю. Частный случай – это ситуация, когда говорящий намеренно избегает определенности. Таким образом, можно назвать наречия типа *неподалеку, недалеко, невдалеке* слабоопределенными.

4. Недостатки?

Жанр рецензии предполагает поиск недостатков в рецензируемой работе. Признаюсь, что в данном случае это очень сложная задача: я не нахожу в НОСС-е никаких принципиальных недостатков, а вижу только объективные трудности, неизбежные в подобного рода работе. Конечно, в работе такой сложности и объема не может не быть каких-то погрешностей или просто недосмотров, и хотя заниматься ловлей блох в труде такого уникального качества неблагоприятно, поскольку жанр обязывает, отметим несколько таких «блох».

В статье ТАЙНО (вып. 2) пропущен в синопсисе важный признак, о котором идет речь позже в этой же зоне, а именно признак присутствия наблюдателя, который делит данный синонимический ряд на две группы (присутствие наблюдателя релевантно для *незаметно, потихоньку* и *украдкой* и нерелевантно для *тайно, тайком, исподтишка, втихомолку*).

В статье УЛЫБКА общий для синонимов *улыбка, усмешка, ухмылка* смысл описан как 'растянутые в стороны губы человека, что обычно является выражением того, что субъекту нечто приятно или смешно'. Получается, что родовое понятие для этих лексем – 'губы'. Очевидно, что это не так; улыбка относится к мимике, выражению лица.

В статье УЛОВКА (вып. 2) сказано, что синонимы *хитрость* и *маневр* могут употребляться в форме твор. п. в значении способа действия, но имеют при этом разный референциальный статус: родовой для *хитрость* и конкретно-референтный для *маневр*. Это утверждение подкреплено следующими примерами: *Он хитростью <*этой хитростью> отвлек ее внимание; Этим ловким маневром он устранил своего соперника*. Однако фраза *Он этой хитростью отвлек ее внимание* нам кажется абсолютно нормальной.

Точнее было бы сказать, что в указанной форме *хитрость* может употребляться в двух статусах – родовом и конкретно-референтном, а *маневр* – только в конкретно-референтном.

Иногда возникает ощущение излишней дробности в выделении рядов. Так, имеются отдельные словарные статьи для рядов ХУДОЩАВЫЙ (вып. 2) (*худощавый, поджарый, сухой*) и ХУДОЙ (вып. 2) (*худой, тощий, костлявый*) со следующим описанием смыслов этих рядов: ХУДОЩАВЫЙ 'такой, объем тела которого меньше среднего, потому что в нем совсем нет жира и нет лишнего мяса'; ХУДОЙ 'такой, объем тела которого намного меньше среднего, потому что в нем совсем нет жира и мало мяса'. Кажется более естественным объединить эти два ряда в один: их смыслы совпадают почти полностью, а имеющиеся различия (очевидным образом не относящиеся к родовому понятию) слишком тонкие для разделения.

Очевидно, что серьезной проблемой при составлении словаря была полисемия. Авторы вынуждены были на ходу вычленять относящееся к данному ряду значение, а для этого принимать какие-то решения касающиеся системы значений соответствующей вокабулы. Описание системы значений, в свою очередь, ставит проблему «отдельное значение vs. употребление лексемы» (под употреблением в НОСС-е понимается незначительное изменение словарного значения лексемы в определенных условиях). Авторы часто указывают на разные «употребления» описываемых лексем, не желая придавать соответствующим случаям статус отдельного значения. Вполне вероятно, что некоторые из решений, связанных с реальной или потенциальной полисемией, могут измениться в ходе дальнейшей работы. Было бы чрезвычайно удобно для пользователя, если бы словарь был снабжен отдельным указателем уже выделенной полисемии, так как в общем указателе всех упомянутых лексем часто неясно, о каком значении лексемы идет речь.

В заключение повторим то, с чего мы начали рецензию: НОСС представляет собой огромный шаг вперед в области теоретической и практической лексикографии. И не только лексикографии. Это огромный вклад и в русистику, и в теоретическую лингвистику.

Литература

Апресян 1995а — Ю. Д. Апресян. Избранные труды, Том I: Лексическая семантика. М., 1995.

Апресян 1995б — Ю. Д. Апресян. Избранные труды, Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.

Апресян и др. 1995 — Ю. Д. Апресян, О. Ю. Богуславская, И. Б. Левонтина, Е. В. Урысон. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Проспект. М., 1995.

Мельчук, Жолковский 1984 — И. А. Мельчук, А. К. Жолковский. Толково-комбинаторный словарь русского языка. 1983. Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 14. 1984.

Падучева 1985 — Е. В. Падучева. Высказывание и его соотношенность с действительностью. М., 1985.

Ross 1983 — H. Ross. Human linguistics. In: Forum Linguisticum. 1983. 7: 3. P. 211—230.

А. Е. Аникин. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Новосибирск, 1997. 774 с.; То же. 2-е изд., испр. и доп. М.; Новосибирск, 2000. 768 с.

За сорок с лишним лет, прошедших со времени завершения и публикации — оригинальным текстом — превосходного русского этимологического словаря Макса Фасмера, в котором богато представлена диалектная лексика, этимологическая наука — и особенно славянская этимология — ушла далеко. Осознана и плодотворно реализуется идея создания этимологического словаря праславянского лексического фонда, решительно изменилась насыщенность этимологическими лексиконами и справочниками других славянских языков, существенно расширены индоевропейские горизонты, неизмеримо более тонкими и изощренными стали методы изучения этой материи, в особенности лексической семантики, несопоставима с фасмеровскими временами источник база современных этимологических разысканий по русскому языку, наконец, сильно продвинулось вперед изучение славянской традиционной культуры и специально проблема взаимоотношений культуры и языка. В этих обстоятельствах назрела потребность в новом русском этимологическом словаре, где нашла бы попечение и богатая диалектная лексика, нуждающаяся в истолковании. Прежние, фасмеровские, как сейчас принято выражаться, «форматы» для русского языка уже становятся тесными. Как быть?

А. Е. Аникин видит реалистический путь в создании, кроме относительно компактного обновленного общерусского этимологического словаря, ряда региональных словарей, что, без сомнений, требует расширения самого типологического спектра этимологических лексиконов.

Вышедший двумя изданиями «Этимологический словарь русских диалектов Сибири» (далее: ЭСЗ) отличается сущностной (а не только «поверхностно-жанровой») новизной.

Это первый в восточнославянской лексикографии завершённый в своих параметрах этимологический словарь диалектной лексики. За пределами восточнославянского круга некоторую аналогию этой работе составляет продолжающийся кашубский этимологический словарь В. Борыся и Х. Поповской-Таборской [Boгуś, Popowska-Taborska], однако если рассматривать кашубский идиом в более высоком статусе отдельного славянского языка (как это делается, например, в московском «Этимологическом словаре славянских языков» и других изданиях и чему есть достаточно весомые основания), а не числить его за диалектами польского, то приоритеты создания этимологического словаря диалектов одного языка в славянской лексикографии можно отдать А. Е. Аникину, хотя, как хорошо известно, замыслы подобного рода реализуются и другими специалистами (у нас, например, — школой А. К. Матвеева в Екатеринбурге, А. С. Гердом и др. в Питере). Рецензируемый лексикон представляет несомненно новое и остроактуальное научное направление.

Другое отличие ЭСЗ — преимущественная ориентированность на анализ только одного пути расширения словарного состава — заимствований, в чем также содержится глубокий смысл и необходимость: этим достигается сосредоточенность на тесном круге

соотносительных научных проблем и языкового материала, нераспыляемость исследовательского сознания (тем более нужная, что автор у словаря один), возможность более четких и направленных обобщений исторического и теоретического характера. Лексикон Аникина — не только «относительно большое» (свыше 48 листов) дополнение к русскому изданию «Этимологического словаря...» М. Фасмера, как с подчеркнутой сдержанностью аттестует свою работу сам автор [ЭСЗ: 3], но значительный труд с собственными, вполне автономными научными задачами. К ним относится, прежде всего, сама этимологизация большого числа заимствований в русские сибирские диалекты из языков нескольких семей Северной Евразии, проверка (с опорой на значительный опыт праславянской лексикографии и изучения балто-славянских лексических схождений, см. другой фундаментальный труд А. Е. Аникина, посвященный этим проблемам [Аникин 1998]) возможностей усмотрения исконнославянских явлений в части диалектного словаря, ранее идентифицированной в качестве заимствованной лексики. Далее — более глубокая, чем предпринималось ранее, разработка принципов анализа заимствований (включая калькирование), уточнение многих аспектов методологии такого анализа. В эти задачи включаются, наконец, наблюдения над характером заимствования, направлениями лексической диффузии, извлечение из лингвистических данных сведений о межэтнических контактах, колонизационных и миграционных процессах на территории Сибири. Выявление тенденций и устойчивых векторов движения лексики в этом огромном пространстве чрезвычайно важно для установления этимологий конкретных слов, для верификации полевой лингвистической информации (могущей быть, как это показано [ЭСЗ: 16—26/17—26] на примере забайкальского словаря Л. Е. Элиасова, и фальсифицированной).

Следует отметить, что А. Е. Аникин не ограничивается только лишь лингвистическими наблюдениями и могущими быть извлеченными из них соображениями, касающимися этнического контактирования. Пусть в меньшей (объяснимо меньшей) мере, но его занимает и проблема межкультурных контактов (данная, относящаяся к области традиционной материальной и духовной культуры, в диалектологических и этимологических исследованиях А. Е. Аникина отводится подобающее место); это, кроме самодостаточного интереса, немаловажно как для той же этимологии, так и для реконструкции этнической истории.

Оценивая работу А. Е. Аникина в целом, нужно отметить, что ей свойственны строгость лингвистического анализа, тщательное внимание к семантике диалектного слова и фразеологии, корректность в использовании лингвогеографической информации, стремление к полноте привлекаемого материала, солидная библиографическая оснащенность (более 600 названий монографий и периодических изданий, число же отдельных статей, ссылки на которые имеются в тексте словаря, скорому установлению не поддается). Для освещения и решения проблем, которые поставил перед собою А. Е. Аникин, следует не только быть профессионалом-русистом (славистом и, шире, индоевропеистом), но и обладать надежной компетентностью в вопросах неиндоевропейской «старосветской» лингвистики — фонетики, грамматики, но особенно исторической лексикологии и семантики, словообразования и фразеологии тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, финно-угорских, самодийских,

палеоазиатских языков и их многочисленных диалектов. А. Е. Аникин счастливо соединяет познания столь широкого спектра (а к названному нужно добавить и добротную осведомленность в социолингвистике, этнолингвистике и культурологии) и прекрасно подготовлен к решению упомянутых задач. Рецензируемый словарь свидетельствует об этом со всей очевидностью.

ЭСЗ формируется более чем 3700 словарными статьями, значительная часть которых содержит оригинальные этимологии, не говоря уже о том наперед понятном обстоятельстве, что многие статьи включают диалектный материал, раньше вообще не попадавший в поле внимания этимологов. Большинство этимологий А. Е. Аникина характеризуется обоснованностью и убедительностью. Особенно следует отметить острое внимание автора к лексической семантике. Семантико-типологическое фундирование решений составляет вообще важную черту этимологической школы О. Н. Трубачева, под воздействием которой формировался А. Е. Аникин как исследователь, и в его словаре это благотворное влияние сказывается весьма заметным образом.

Будучи исключительно высокого мнения о труде А. Е. Аникина, я полагаю все же нелишним сделать замечания критического характера (не слишком заботясь о сбалансированности «позитива» и «негатива»). В таких трудах, как ЭСЗ, имеющих дело с огромным и сложнейшим материалом, присутствуют решения, которые непременно будут оспорены тем или иным рецензентом. Свои расхождения с автором по некоторым моментам, непринципиальным, подчеркну, для общей оценки словаря, я попытаюсь показать в нижеследующих ремарках.

В некоторых случаях допустима иная этимологизация. Скажем, для колымских слов *ачили́нка* ‘любовница’, *очели́нка* (любовное обращение к женщине в песнях) вовсе не очевидной кажется связь с праслав. **čilěti* ‘исчезать, приходить в упадок’, томск. *чильенький* ‘бедный’ (с допускаемым семантическим влиянием со стороны якут. *baraxsan* ‘бедный, бедняжка’ ~ ‘милый’). Мне более вероятной кажется связь с **čelo*, ср. *очелье* ‘лучшее, отборное зерно’, укр. *чоло* ‘самое лучшее’ и под.

В ряде случаев можно заметить, что выбор версии заимствования не опирается на исчерпанность ресурсов этимологического истолкования из собственного — русского или общеславянского — материала. Кемеров. *зыркнуть* ‘сказать что-либо невнятное’ в первом издании словаря было объяснено, вместе с *зуркать(ся)* ‘стучать(ся)’, связью с коми-зырян. *зыркӧдны* ‘стучать, бежать, производя сильный шум’. Однако в утверждении финно-угорских истоков русского диалектного глагола, конечно же, нет никакой нужды: это сибилантный вариант (типа *зык-/гик-* : *зык-*) к исконному идеофону *гыркать*, *гырчать*, однокр. *гыр(к)нуть* ‘рычать, ворчать (о собаке)’, ‘браниться, ворчать’, ‘грубо отвечать старшим’ и проч.

Относительно *сávка* ‘ангич, род утки’, предположительно связываемого в ЭСЗ с финск. *sotka* ‘нырок’, коми *śuvka* ‘гоголь’ и др., следовало подумать и о возможности привлечения к этимологизации русского орнитонима личного имени *Савка* (модель использования антропонимов для именованья животных или контаминативной подгонки названий неотантропонимического происхождения под антропонимы хорошо известна: ср. *авдотка* ‘кулик’, *мартын* ‘чайка’, *алёнка*, *антипка*, *катеринка* ‘майский жук’, *ванечка* ‘жучок из *Coccinellae*’, *васюха* ‘форель’, «неноменклатурные» *мишка* ‘медведь’, укр. *єва*, *ядвіга*, польск. *zofija*, луж. *łucija* ‘иволга’ и мн. под.).

Нижнеиндигирское слово *мотылёк* ‘гусиные почки’ А. Е. Аникин объединяет с *мучилёк* ‘птичий желудок’ и сопоставляет с юкагир. *mošil* ‘желудок (птиц)’, в котором и видит его источник (с подгонкой под исконное слово). Не задаваясь целью оспорить предложенное объяснение, я все же обращаю внимание на известные случаи совмещения значений ‘(такая-то) болезнь внутренних органов животного’ и ‘(такое-то) насекомое’ у продолжений праслав. **metyl’ь* и **motyl’ь* (см.: [ЭССЯ 18: 135—136; 20: 84—85; СРНГ 18: 307; Гринченко II: 420]) а также — отличное по корню — хвостович. калуж. *бабочка* ‘болезнь печени у овец’: *У афцыһ большы бабачки у пёчини бывають. Зарезали мы рас афцу, а у ней пёчинь так ы шывилица, бабачки, гаварили. Ну пряма бабачки* (собственная запись, 1984). Нельзя ли при этих обстоятельствах в нижнеиндигирском слове видеть семантическую эволюцию метонимического типа: от значения ‘болезнь внутреннего органа животного’ (*мотыль*, *бабочка*) к значению ‘сам орган, зараженный „мотылем»’ и далее ‘такой-то внутренний орган’ (*мотылёк*)? И, кроме того, случайна ли близость слова *гусеница* ‘личинка бабочки’ и обозначений ‘внутренностей животного, ливера’ — ряз., яросл. *гусак*, тамб., пенз., куйбыш., сарат., урал. *гусёк*, вятск. *гусь*, вероятно, *гусяк* (в СРНГ слово без толкования, с нечеткой отсылкой, но с иллюстрацией: *Из гусяка будем печенку валить*) и даже владим. *гусятник* ‘внутренности гуся’ [Деулинский словарь: 133; Мельниченко: 56; СРНГ 7: 242, 248]?

С другой стороны, некоторые этимологические объяснения, исходящие из идеи своеязычия разбираемых слов и предпочтенные А. Е. Аникиным в ущерб соображению об их заемном характере, продолжают оставаться весьма уязвимыми. Например, относительно тобол. *мага-птица* ‘фантастическая птица в сказках’ автор высказывается в пользу «автохтонной» трактовки, возводящей это и сходные имена (колым. *нога-птица*, фолькл. *Ног-птица*, *Ноготь-птица*, др.-рус. *ногуй*, *нагуй* [СлРЯ XI—XVII вв., 11: 417]: «А из горь Аравинских летает *нагуи* пьтица, а емлет по лошаде с человека на всяк день» — «Слово о некоем старце», 1640, и др.) к праслав. **jьnogъ* ‘одинокий зверь’. Суффиксальное оформление последних упомянутых мною вариантов напоминает праслав. **korgujь* ‘сокол, ястреб, коршун, кобчик’ — культурное заимствование через тюркское посредство из иранских языков, известное в южно- и западнославянских языках. Приведенные варианты значительно колеблют надежность реферированного этимологического толкования, и в данном случае, вероятно, более прозорлив А. Н. Афанасьев, писавший о том, что название *Ног-птица* в уста русского народа перешло из переводных рукописей [Афанасьев 1994, I: 505]. На мысль о заимствовании должен наталкивать характер памятников, в которых фиксируется слово, и его контексты (ср.: «Ног — грифон есть птица; не единым бо именем в писании обрѣтохом сия птицу именуема, но трема: *нигрипс*, *грифонес*, *ног*» — «Книга глаголемая алфавит. Сказание о всяких вещех и иностранных речей, яже не преложены на русский язык», XVII в. [СлРЯ XI—XVII вв., 11: 414]). В балтийских языках есть слова, фонетически пересекающиеся со славянскими *ног*, *ног*, *нон*: латыш. *vanags*, литов. *vānagas* ‘ястреб’. В. Махек трактовал последнее как заимствование из иранского: *vāragna-* ‘сокол’. Любопытно, что иранское слово соотносится с именем бога войны и победы *Веретрагны*, одной из инкарнаций которого была как раз фигура сокола [Machek 1941; Machek 1971, 508—509], ср. [Топоров 1995: 168]. Можно предположить (как это, в сущности, и сделано И. И. Срезневским [Срезневский, II: стлб. 462]),

что балтийские названия ястреба и славянские обозначения мифического грифа каким-то образом связаны друг с другом. Если это так, то суждения О. Н. Трубачева о том, что литов. *vānagas* принадлежит к результатам балто-иранских контактов без участия славянских языков [Трубачев 1967: 65—66], должны быть скорректированы, подробнее см.: [Журавлев 1997: 33].

Иной раз неудачность этимологии, прибегающей к идее о заимствовании, может быть вызвана невниманием к семантическим параллелям. Говоря о томск. *лисá* ‘жердь, соединяющая тележные оси’, А. Е. Аникин в первом издании словаря сообщает, что помету Бурнашева (из словаря которого извлечено составителями СРНГ это слово) «сельск.» при нем следует понимать как «сельк.», то есть «селькупское», и, с некоторым сомнением, как указание на связь с заимствованием из селькупского языка *липсáн* ‘жердь или столб для установки *чердака* (рыболовного снаряда)’. Эти подозрения совершенно напрасны. Во-первых, В. Бурнашев, будь у него в том нужда, селькупов скорее именовал бы «остяками» или «остяко-самоедами» (самоназвание *селькуп* закрепилось в литературе лишь в нашем веке [Хайду 1985: 133]), а помета «сельск.» находит оправдание в названии его лексикона («Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного»). Во-вторых, *лиса* (*лисица*) в приведенных выше значениях — это результат собственно русских метафорических процессов, распространенный, как можно видеть, очень широко и по большей части на территориях, весьма удаленных от каких бы то ни было селькупских влияний: *лисица* талицк. свердл. ‘тяж из толстой проволоки, скрепляющий рассоху, ральник и оглобли (сохи)’, далее морш. тамб., орл., новг., терск. ‘нижняя (иногда изогнутая) перекладина (жердь, брус), соединяющая переднюю и заднюю ось или подушки повозки, телеги’, смол. ‘при перевозке бревен — брус, положенный поперек кузова, к которому привязывается бревно’, (мн.) пск. ‘поперечные бревна, скрепляющие при помощи виц бревна или дрова в плотях’ и др., бессуфиксальное *лисá* свердл. ‘деревянная палка в сабане (плуге)’ [СРНГ, 17: 60—61]. Сходная метафорика просматривается в рус. *собáчки*, *вéкошки* ‘(в ткацком стане) палочки или кости овцы, с помощью которых ниченки соединяются между собой и подвешиваются к веревкам, спускающимся с потолка’ [Зеленин 1991: 195; Трубачев 1966: 57] (ср. *векша* ‘белка’), смол. *волчки* ‘часть ткацкого стана («коротенькие палочки, которыми соединяют веревочки, идущие от нита к поножам и от поножей к ниту в кроснах»)» [СРНГ, 5: 81]. Во втором издании автор принимает эти аргументы.

В ЭСЗ могут встретиться нераспознанные случаи из разряда *lapsus legendi*. К таковым, видимо, нужно отнести хабар., русск. на территории Бурятии *шинá* ‘стебли и листья огородных растений’, толкуемое Аникиным из бурят. *эшэ*, монг. *иш* ‘ручка, рукоятка’, ‘стебель’. Русская диалектная лексема, несмотря на ее двукратную регистрацию, скорее всего фантомна и является следствием ошибочного чтения записи *тина* ‘ботва, стебли’ — к праслав. **tęti* ‘тянуть’ [Меркулова 1977: 59; ЭССЯ 23: 187] (рукописное трехштриховое *t* понято как *ш*).

В ЭСЗ содержатся многочисленные наблюдения над семантическими заимствованиями — кальками. В большинстве случаев факты, лежащие за пределами русского языка, привлекаются автором в качестве возможного структурного источника

русского слова или фразеологизма, сконструированного из формально исконного морфемного или лексического материала, вполне обоснованно и представляют значительный интерес (ср. *водяной обуй* ‘непромокаемая обувь’, *Камень* ‘Урал’, *камень* ‘запад’, *каменный ветер* ‘западный ветер, дующий со стороны Уральского хребта’, *Лось* ‘созвездие Большая Медведица’, *лучно́ дёрво* ‘деревянная часть лука (оружия)’, *огонь* ‘северное сияние’, *ребёнок* ‘детеныш животного’, *старик* — эвфемистическое обозначение медведя, *уснуть* ‘онеметь (о части тела)’, *Утичыё гнездо* ‘звездное скопление Плеяды’ и др.). Однако некоторые из подобных соображений, на мой взгляд, являются излишними, если не ошибочными, и объясняются несколько ослепляющей увлеченностью автора своим предметом. Так, в зап.-рус. и сибир. *лесовать*, *полесовать* ‘охотиться’ А. Е. Аникин видит значительное влияние балтийских, с одной стороны, и прибалтийско-финских, коми и обско-угорских, с другой, языков. Однако неупоминаемые им др.-рус. *польничати*, рус. *полевать*, укр. *полювати*, польск. *polować* ‘охотиться’ говорят о вполне оригинальной в славянских языках мотивированности обозначений для ‘охота, охотиться’ словами, называющими типы ландшафта, о словесном различии древними славянами разновидностей охоты (в частности, приведенный украинский глагол применяется и в более узком значении ‘травить собаками’, что характерно именно для охоты в полях).

В каких-то случаях могут вызывать несогласие соображения о конкретных путях заимствования. Например, не являются неопровержимыми соображения И. Г. Добродомова, которые в первом издании принимаются и А. Е. Аникиным, о возможности эвенкийского происхождения в русском языке слова *балаган*. В этом случае останавливающим моментом для меня является очень широкое распространение слова (правда, с заметным семантическим варьированием): трудно представить себе именно эвенкийское посредство в продвижении монголизма вплоть до донских, смоленских и псковских земель. Другого подобного примера как будто не обнаруживается. Во втором издании словаря медиация эвенкийского хотя и упоминается, но уже не как необходимость при восстановлении траекторий этого заимствования.

Не всегда точен А. Е. Аникин в выборе форм, под влиянием которых могли осуществиться те или иные формальные преобразования. Так, для объяснения трансформации *бусурманский* в фолькл. *мурзамецкий*, *марзовецкий* он ссылается на созвучное прилагательное *мазовецкий*, однако это невероятно хотя бы потому, что последнее известно у русских только специалистам — географам, этнографам, лингвистам. Здесь все же скорее напрашиваются повсеместно известные образцы вроде *немецкий* или *грецкий*.

Ряд статей ЭСЗ, вопреки назначению словаря, трактует отнюдь не заимствования или кальки, а просто исконную лексику, естественно попавшую с миграционными волнами русского населения за Урал. Обычно в таких статьях имеется либо опровержение высказанных другими авторами сомнительных догадок о заимствованном характере слова (*бал* ‘приспособление для сгибания санных полозьев’, *гоголь*, *дор* ‘жировая прослойка в мясе’, *каракули*, *шивера* и под.), либо — также, впрочем, с ощутимым выходом за рамки задач данного лексикона — наблюдения над донорской функцией русского языка (*лейка* ‘форма для литья свечей’, *сушедко* ‘домовой’, *толкута* (*толкуша*?) ‘кушанье из вареной рыбы’ и под.). Но можно указать статьи, где вообще отсутствует какое-либо упоминание

нерусского (сибирского) лексического материала, который оправдал бы включение статьи в словарь: *говейник* (*говенник*) ‘крепление концов санных полозьев’, *кочёвка* (о смерти), *манерка* ‘рыба тугун’, *темной* ‘богач’, *чертак* ‘болотистая местность(?)’, *ягушка* ‘вид меховой одежды’ и др. (в статье *манерка* можно было бы ожидать упоминания ихтиологического термина *нерка* ‘рыбка из лососевых’, как и тугун, но отсутствие такового подталкивает к мысли, о том что автор принципиально разводит эти названия; и все же при вызывающей уважение обстоятельности словаря значительное сходство терминов могло быть прокомментировано особо).

Из мелочей, затрагивающих построение и оформление ЭСЗ, упомяну желательность отсылочных словарных позиций для некоторых вариантных рядов, например, для форм *желѣнка*, *жѣльник* и др. (наряду с *жал*), *зыбня* (наряду с *зобня*), *какáлда*, *когóвты* и др. (наряду с *кокóлды*), *кошерѣк* (наряду с *кашарык*), *надья*, *нотьѣ* (наряду с *нóдья*) и т. п.: соотнесение этих форм с теми, которые помещены в заголовки словарных статей, далеко не всегда напрашивается само собою.

Высказанные здесь замечания по тексту ЭСЗ никоим образом не имеют целью принизить заслуги его составителя. Вовсе не эти названные и неназванные, реальные или воображенные рецензентом просчеты определяют лицо и качество словаря. Я вижу в труде А. Е. Аникина замечательное явление в нашей науке, при каковой общей оценке все приведенные критические соображения, по совести говоря, целиком утрачивают свою весомость. «Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования...» свидетельствует о том, что русская этимологическая мысль сделала очередной и очень серьезный шаг вперед.

Литература

Аникин 1998 — А. Е. Аникин. Этимология и балто-славянское лексическое сравнение в праславянской лексикографии. Материалы для балто-славянского словаря. Вып. 1— Новосибирск, 1998—.

Афанасьев 1994 — А. Н. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу. Т. I—III. М., 1994.

Гринченко — Б. Д. Гринченко. Словарь украинского языка. Т. I—IV. Киев, 1907—1909.

Деулинский словарь — Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области). М., 1969.

Журавлев 1997 — А. Ф. Журавлев. О птицах небесных и не только о них... Из комментария лингвиста к «Поэтическим воззрениям славян на природу» А. Н. Афанасьева // Живая старина. 1997. № 26. С. 32—35.

Зеленин 1991 — Д. К. Зеленин. Восточнославянская этнография. М., 1991.

Мельниченко — Г. Г. Мельниченко. Краткий ярославский областной словарь. Т. I. Ярославль, 1961.

Меркулова 1977 — В. А. Меркулова. И.-е. **ten-* ‘тянуть, натягивать’, ‘плести’ в славянских языках // Этимология 1975. М., 1977. С. 52—63.

СлРЯ XI—XVII вв. — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1— М., 1975—.

Срезневский — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I—III. СПб., 1893—1903.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1— Л., 1965—.

Топоров 1995 — В. Н. Топоров. Из «русско-персидского» дивана. Русская сказка *301A,B и «Повесть о Еруслане Лазаревиче» — «Шах-наме» и авестийский «Зам-язат-яшт» (Этнокультурная и историческая перспективы) // Этноязыковая и этнокультурная история Восточной Европы. М., 1995. С. 142—200.

Трубачев 1966 — О. Н. Трубачев. Ремесленная терминология в славянских языках (этимология и опыт групповой реконструкции). М., 1966.

Трубачев 1967 — О. Н. Трубачев. Из славяно-иранских лексических отношений // *Этимология*. 1965. М., 1967. С. 3—81.

Хайду 1985 — П. Хайду. Уральские языки и народы. М., 1985.

ЭССЯ — *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*. Вып. 1— М., 1974—.

Boryś, Popowska-Taborska — W. Boryś, H. Popowska-Taborska. *Słownik etymologiczny kaszubszczyzny*. T. I— Warszawa, 1994—.

Machek 1941 — V. Machek. *Slav. rarogъ ‘Wьrgfalke’ und sein mythologischer Zusammenhang* // *Linguistica Slovaca*. T. III. Bratislava, 1941.

Machek 1971 — V. Machek. *Etymologickэ slovník jazyka českého*. Praha, 1971.

А.Ф. Журавлев

Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья / Под ред.

Т. Б. Юмсуновой. Новосибирск, 1999. 560 с.

Выходом в свет этой книги подводится итог существенному этапу в исследовании языковых черт и особенностей традиционной культуры одной из интереснейших групп русского населения Сибири — забайкальских старообрядцев, так называемых семейских, проживающих в нескольких районах Бурятии и Читинской области.

Семейские и их говор уже неоднократно были предметом внимания со стороны этнографов и языковедов. Однако если их традиционной материальной и духовной культуре посвящено уже немало количество исследований (особенно следует отметить работы этнографа и историка Ф. Ф. Болонева), то создание словаря семейских до последней поры оставалось дежидератой региональной лексикографии.

Впрочем, лексикографические работы, имеющие дело со словарным составом диалекта семейских, известны. Но признать их удовлетворительными нельзя никоим образом. Речь идет о забайкальском лексиконе Л. Е. Элиасова [Элиасов 1980] (изданном посмертно при радении и под редакцией Ф. П. Филина), где около трети лексического материала, по оценке самого автора, записано от семейских. Элиасов был пылко любившим свои родные места (он уроженец Баргузинской долины) краеведом и собирателем сибирского фольклора, увлеченным также записью местной лексики. Однако сколько-нибудь систематического филологического образования у него не было, о точности в полевой диалектологической работе он имел самые смутные представления, а многие страницы его словаря являются плодом вымысла, несмотря на клятвенные заверения в следовании завещанному ему фольклористами А. В. Гуревичем и М. К. Азадовским правилу «записывать надо точно» [Элиасов 1980] и вопреки высокой оценке этих сторон лексикона поверившим

Элиасову Ф. П. Филиным (ср. в редакторском предисловии Ф. П. Филина: «научный подвиг», «надежность словаря», «услышано и записано все самим» и проч. [Элиасов 1980: 3]). Фальсифицированными или искаженными нужно признать многие десятки, а то и сотни, слов и их значений (подробные указания на сомнительные находки Элиасова сделаны А. Е. Аникиным [Аникин 1997: 16—26]); в особенности бросается в глаза недобросовестность элиасовских иллюстраций: почти все они, если это только не частушечные и иные клишированные тексты, отмечены не осознававшимися составителем, который был напрочь лишен стилистического чутья, признаками сугубо кабинетных конструкторов, далеких от пунктуального воспроизведения реальной, действительно звучавшей диалектной речи¹.

В этих обстоятельствах вполне понятен интерес, который вызывает словарь, составленный по материалам более чем двадцатилетнего обследования говора семейских сотрудниками Бурятского государственного университета, Института филологии Сибирского отделения РАН и Бурятского научного центра СО РАН².

«Словарь семейских» представляет собою диалектный лексикон дифференциального типа, сравнительно небольшой по величине — объемом около 8 тысяч лексических и фразеологических единиц. Материал собран в 54 населенных пунктах Бурятии (включая два города — Улан-Удэ и Кяхта) и 10 селах Читинской области. Как считают сами составители словаря, обследованы практически все места компактного проживания семейских в Забайкалье. То же утверждает Элиасов относительно своих данных («Мы побывали во всех селах Забайкалья, где живут семейские» [Элиасов 1980: 23]), однако в его пространном списке обследованных мест 20 из населенных пунктов, включенных в сетку «Словаря семейских», отсутствует.

¹ Трудно удержаться от цитирования.

Текстуальный «пример» к вокабуле *облизáнец* ‘доносчик’: «Перед самым расстрелом на Лене мы в артели облизанца обнаружили. Облизанцем оказался один водолей, его к нам из котельни перевели. Когда мы узнали, что он облизанец, стали за ним следить. Дошло до нас, что облизанец все управляющему доносит. Когда облизанца в том уличили, то свой суд устроили».

К вокабуле *раскóчить* ‘уничтожить кочки, сделать сенокосное угодье без кочек’: «Пытался я и раньше свой сенокос раскочить, да сил не хватало. Только недавно колхозом весь сенокос раскочили. Так раскочили, будто кочек и не было».

К вокабуле *урлáп* ‘человек, обладающий большой физической силой’: «Офицер подошел к урлапу — и по морде его хлесть. Урлап не выдержал, схватил винтовку, всадил штык в офицера и перебросил его через шеренгу».

Кроме речевой фальши (нарочитое нагнетание форм одного и того же слова, корябщее помещение оценочной и экспрессивной лексики в повествовательный синтаксис, искусственное сообщение извлеченному из Даля словечку *облизанец* ‘лакала, застольный прислужник’ смещенного значения ‘доносчик’, чему вопиющим образом противоречит прозрачность и яркая хлесткость его внутренней формы, и проч.), в этих примерах, как последовательно и во всем словаре, плохо прикрыт социальный заказ — обличение гнусного царского режима, угнетателей и белогвардейцев и осанна колхозному строю.

² Авторы словаря (в порядке следования фамилий на титульном листе): Т. Б. Юмсунова, А. П. Майоров, Н. А. Дарбанова, М. Б. Матанцева, И. Ж. Степанова, Е. И. Тынтуева, О. М. Козина.

Словарь назначен дать достаточное представление о своеобразии диалекта семейских — прежде всего о лексике и фразеологии, связанных с различными сторонами действительности (ландшафт, растительный и животный мир, метеорологические явления, небесные светила; крестьянское жилище и хозяйственные сооружения, приемы строительства; домашняя утварь, одежда, обувь, головные уборы и украшения; блюда, напитки и способы их приготовления; занятия — полеводство, огородничество, домашнее животноводство, птицеводство, плотницкое и столярное дело, санно-тележное производство, охота, рыбная ловля, кедровый, ягодный и грибной промысел; народный календарь; обрядность — свадебная, родильно-крестильная, погребально-поминальная; развлечения; народная анатомия; социальные отношения...). Однако тем самым словарь, как и полагается всякому диалектному лексикону, является не только источником сведений о говоре, то есть изданием, преследующим собственно лингвистические цели, но и серьезным этнографическим источником (эта назначенность диалектной лексикографии этнографами обычно недооценивается). К тексту словаря приложены рисунки и фотографии, показывающие архитектурные детали жилищ, одежду, утварь, домашний инструментарий, транспорт, предметы культового обихода, наконец, физиономические типы семейских. Можно лишь сожалеть, что объемы издания не позволили этим иллюстративным материалам быть обширнее.

Составители «Словаря семейских» не выдвигали перед собою задачи дать имеющиеся в их распоряжении сведения о географии отдельных слов в данном регионе исчерпывающим образом (как это сделано и делается в ряде известных диалектных лексиконов). Они ограничиваются указаниями лишь на те места, записи из которых в силу яркой семантической диагностичности выбраны текстуальными иллюстрациями для эдиционного варианта словаря (так, даже при статье *семейские* дан лишь один пример, записанный в с. Бичура Бичурского р-на, но насколько информативной и полезной оказывается подобная — точечная — локализация слова, если этот «субэтноним» заведомо распространен в обследованном регионе повсеместно?). Между тем упомянутая лингвогеографическая обстоятельность желательна не только для лингвистических проектов, имеющих дело с пространствами исконного или раннего расселения, то есть применительно к русскому языку с территориями европейской части России. Выявление ареалов русской диалектной лексики за Уралом, наблюдения над характером географического распределения отдельных слов необходимы для восстановления путей миграции и смешения населения не только в больших пространственных единицах, но и в сравнительно малых зонах. Такие задачи ставятся прежде всего перед диалектологическими атласами, но поскольку создание сибирского русского атласа в представимые времена крайне проблематично, диалектные словари в какой-то мере могли бы компенсировать эти жанровые и информационные лакуны.

Основа говора семейских, несомненно, южнорусская (аканье, фрикативное *г*; А. М. Селищев подробно говорит о диссимилятивном яканье в сочетании с иканьем и др. [Селищев 1968: 230—232]³; если точны записи, глагольная флексия [-т'] совмещается с [-т]

³ На деле ситуация несколько сложнее; неоднородность якающего говора (говоров!) семейских послужила причиной возникновения насмешливого прозвища *десятницкий* [д'а-] *пятак* [п'а-], которое присвоено жителям с. Десятниково Тарбагатайского района за ассимилятивное яканье их соседями — жителями с. Большой Куналей, у которых предударный вокализм иного пошиба.

даже в пределах идиолектов...), но в материальной культуре ощутимы яркие севернорусские черты (высокая срубная изба, сарафан и др.). Наблюдения над лексикой говора показывают, что в нем присутствуют различные по своему происхождению лексические пласты — южнорусский (ср. известную, но не доказанную этимологию самогбо субэтнического обозначения *семе́йские*, которая связывает его с гидронимом *Сейм* [Агеева 2000: 279—280]), западнорусский [Селищев 1920], северо-восточный... Составители словаря, разумеется, не ставят своей целью «немедленное» выяснение генетической природы всего состава семейской лексики, однако справедливо полагают, что их труд «послужит источником для проведения дальнейших историко-культурологических, этнографических, сравнительно-исторических лингвистических исследований» (с. 8). Можно надеяться, что подробный анализ межтерриториальных лексических связей говора с опорой на данные имеющихся диалектных словарей будет осуществлен, например, в ряде диссертационных предприятий.

В словник лексикона вошло немало слов и фразеологизмов, не представленных в других диалектных словарях, как в сводном «Словаре русских народных говоров», так и в региональных сибирских словарях. Я не стану приводить их сколько-нибудь представительными списками, поскольку они могут быть выявлены заинтересованным и опытным читателем без особых затруднений.

Применяемая в словаре лексикографическая техника в целом характеризуется продуманностью и добротностью.

Заглавное слово сопровождается его фонетической транскрипцией (с приведением вариантов, если слово характеризуется неустойчивой фонетикой: *щербá* [шарбá/ шшарбá/ шшырбá/ шырбá/ щербá/ щирбá]), необходимой грамматической характеристикой (указанием грамматического разряда, приведением окончаний показательных парадигматических форм и т. д.). Текстовые иллюстрации даются в упрощенной фонетической транскрипции.

Русские названия растений и животных, болезней и т. д. в словарных толкованиях последовательно сопровождаются научными латинскими номенами. Это делает сведения словаря значительно более ценными по сравнению с многими (большинством) диалектными лексическими сводами, где нередко описания вроде «лесная птица», «небольшая рыба с серебристой чешуей», а то и вовсе «какое-то растение»: сличение народной номенклатуры и биологического вида оказывается крайне затруднительным. Отступления от принятого порядка в «Словаре семейских» немногочисленны; если для названий *венки́*₁ ‘купальница азиатская’, *порéзная трава́* ‘травянистое растение подорожник большой’ идентификация видов *Trollius asiaticus* и *Plantago major* легко осуществима, то фитоним *пердúн*₁ ‘травянистое растение (какое?)’ и название заболевания *горла́нка* так и останутся истолкованными без необходимой точности. В ряде случаев определение содержит важное указание на обобщающий характер слова. Для диалектной лексикографии, к сожалению, до сих пор обычны толкования типа ‘звезда’, ‘бабочка’, когда остается неясным, называется ли данным словом вполне определенная, но не идентифицированная лексикографом единица звездного

каталога или какой-то конкретный вид чешуекрылого либо же мы имеем дело с общим («родовым») наименованием; в «Словаре семейских» для последнего случая применяется более удачная формула типа ‘бабочка (любая)’.

Разумным решением следует признать выделение неопределенного адъективного местоимения *новóй* ‘иной, некоторый’ (могущего также субстантивироваться): «Навáя карова усё выпить, и ат чúшык, и шалухú фсяку съест, а навáя — нет», «Навóй дóлга ни жэницца, вот и хóдит па дирéўни... за дéўками ахóтицца». СРНГ [21: 260], как и другие («новы́е») диалектные словари, при квалификации подобных фактов демонстрирует уклончивость, неготовность включить это слово в прономинальный ряд.

В «Словаре семейских» встречаются любопытные фиксации редких форм и значений. Вот некоторые из них.

Интересно прилагательное *локовой* ‘локтевой’ («Лакавóй сустáф — вот он, в лактé у тибя»), производное от уникальной для русского языка бессуффиксальной основы *лок-* (**olk-*). Похоже, что это вообще очень редкий случай: ср. кашубско-словин. *lokome, lokoma, lokami* ‘jeden obok drugiego, sąsiad wedle sąsiada, przyjaciel wedle przyjaciela, obok siebie’⁴ (ср. русск. *локтем к локтю*) и привлекаемое Ф. Славским сюда же серб.-хорв. диал. *лѣаком/лѣаком* ‘почти’, которое П. Скок [Skok II: 263], не зная кашубского соответствия, отождествил с *лѣак* ‘легкий’ (праслав. **lǣgъkъ*) (болг. диал. *лаако* ‘локоть’ является результатом декомпозиции *лакът*, где сегмент *-ът* осмыслен как определенный артикль) [БЕР III: 291].

Примечательно не фиксируемое, кажется, другими лексикографическими источниками прозвище-«микроэтноним» *манзя́* (собирает.), которое демонстрирует, что сами семейские не воспринимают себя монолитным субэтносом: «Симéйский жа ишшó м и ж д у с а б ó й д é л я ц а. Бичúрский назывáют нас, чикóйских, „манзя́». Поиск объяснений этого прозвища возможен в нескольких направлениях. Связь с ламаистскими культовыми терминами *мандза* ‘простой жрец у калмыков’ и *манжи* ‘титул ламаистского священнослужителя’ [Панин 1991: 73; Аникин 1997: 390], видимо, можно сразу отклонить по той причине, что в русской речи нам они известны лишь по сибирским летописным источникам XVII века. В словаре Элиасова регистрируются слова *манзá₁* ‘угощение, гостинцы’ и *манзá₂* ‘родинка, родимое пятно’ — и то и другое из бурятского языка, однако с разной этимологией: первое — к бурят. устар. *мэнзэ* ‘мзда, плата ламе за отправление ритуала’, в свою очередь из тибет. *таη-за*; второе — к бурят. *мэнзэ* ‘родимое пятно’ из др.-тюрк. *теη* ‘родинка’ [Аникин 1997: 391]. Вероятность трансформации этих слов в ироническое прозвище этно-территориальной группы, видимо, низка. С несколько большей надежностью можно предполагать связь с гидронимом *Менза* — названием левого притока р. Чикой (юго-западный угол Читинской обл. или китайским этнонимом *маньцзы*). Но, с другой стороны, прозвища, присваиваемые группам населения, часто строятся на уничижительных мотивах [Журавлев 1984; 1995]. Поэтому стóит, может быть, присмотреться и к забайк. *манзúр* (мнж. *манзурь*: «Из-за горы едут манзурь») в семейской песне) ‘воры, проходимцы, жулики’⁵ [Элиасов 1980: 196]

⁴ Свод диалектных форм см.: [Sławski V: 160], там же дальнейшие словообразовательные и этимологические соображения.

⁵ Sic: в словаре толкование во множественном числе для формы единственного числа.

(при том, конечно, условии, что значение передано Элиасовым без aberrаций), ср. *маньчжур*, *манджур* (сблизившееся с *мазурик?*). Замечу, что последняя версия, если она обладает вероятием, предполагает изменение этнонима в негативную характеристику человека и отсюда вновь в этноним («микрoэтноним»), — путь известный.

В свое время я обратил внимание на принципиальную возможность констатации словоизменения в аграмматичной по определению системе наречия, имея в виду морфолого-синтаксическую противопоставленность по числу адвербиальных форм *верхом*, *босиком*, *пешком* (об одном либо немаркированно — об одном или многих) : *верхами*, *босиками*, *пешками* (маркированно — только о многих) [Журавлев 1980]. Диалект семейских, как и многие другие сибирские (алтайские, кузбасские, среднеобские) говоры [Там же: 228-230, 235], до сих пор сохраняет формы множественного числа *босиками* и *пешками*, однако дифференциальный характер словаря не позволяет выявить указанную грамматико-семантическую оппозицию с опорой на полновесные данные (впрочем, если рассуждать корректно, то при употребительности упомянутых наречий в единственном числе только применительно к ситуации с одним отправителем действия их следует включать и в дифференциальный словарь, поскольку такая употребительность отлична от картины, наблюдаемой в литературном варианте русского языка).

Составление всякого диалектного словаря сопряжено с огромными трудностями, поэтому неудивительно, что безупречных сочинений этого жанра, по-видимому, просто не бывает. Не обошлось без недостатков и в рецензируемом издании.

В словаре применяется разветвленная система помет, отражающих экспрессивно-эмоциональную характеристику слова: «неодобр.», «пренебр.», «презр.», «осудит.», «груб.», «бран.», «одобр.», «ласк.», «шутл.», «ирон.», «уничиж.»... Но не избыточен ли этот набор? Велика ли разница между «презр.» и «пренебр.», между «осудит.» и «неодобр.»? Почему *бáлмошный* 'шаловливый, озорной' — «неодобр.», а *бáлмошь* 'отсутствие дисциплины, порядка' — «осудит.»?

В некоторых случаях можно подозревать недостаточность или ошибочность прагматических квалификаций слова или фразеологизма. Так, выражение *пирог с молитвой* сопровождается пометами «устар.» и «обряд.», но составителем, по-видимому, не уловлен иронический характер идиомы, обозначающей 'пирог без начинки'; в словаре отнесение его к обрядовым номинациям опирается на упоминаемую иллюстрацией этнографическую подробность: «Он на памíнках абизáтильна», но эта оговорка как раз подразумевает не исключительно ритуальное употребление такого печенья.

В употреблении пометы «обряд.» вообще трудно усмотреть строгую последовательность: при слове *Здвiженье* помета стоит, хотя никаких обрядов в объяснении и иллюстрациях не упоминается (приводятся лишь суждения о природных явлениях сезонного характера), но при словах *ивордань* 'крещенская прорубь', *корогод* («на Трoицу карагóт вадили»), *родины* 'праздник в честь рождения ребенка', *саламатить* 'угощать работников саламатой по завершении работ', фразеологизме *гулять свадьбу* и др. такой пометы нет, хотя они явно относятся к ритуалам. Зачем нужно помечать как «обряд.» слово *колдовка*, когда *бабка* 'знахарка' обходится без пометы?

«Словарь семейских», как и многие другие диалектные лексиконы, дает повод упрекнуть составителей в нередкой избыточности предлагаемых толкований, особенно для

глагольной лексики. Например, глаголы *рядить* и *цапать* толкуются как 'украшать в Троицу молодую стройную березку, лиственницу (*кумушку*) лентами, бусами, венками и т. п.' и 'доставать бадьей (*цепнёй*) воду из колодца', тогда как части толкований после слов «украшать» и «доставать» не принадлежат значениям толкуемых глаголов, а являются их актантными распространителями («что — чем — когда», «чем — что — откуда»), которые в предложении получают выражение (обязательно или факультативно, с допущением эллипсиса⁶) отдельными лексическими элементами, ср. текстуальные иллюстрации: «Кумушку принаси́ли у дом, ряди́ли яё лёнтами, антаря́ми и пе́ли пёсни-га», «Пачиму́ цапня́? Ну ей жа ваду́ с кало́цца цапа́ють».

Излишне ограничительной является оговорка «(о животных)» при толковании глагола *чухать* 'распознавать чутьем; чують': в примере к статье *справлять* этот глагол применен к человеку («Дапу́стим, я чу́хаю, што...»).

Как нередко бывает, иллюстративный материал словаря включает в себя большее число диалектных лексических единиц, чем список заголовочных форм. В словник «Словаря семейских» по недосмотру не включены, например, слова *беспутый* 'бестолковый' (см. иллюстрацию к статье *беспрокий*), *ворожить* (кого/что) 'предсказывать, предвещать' (см. *обопурить*: «...рябёнка тябе варо́жить»), *глушино* 'глухо, не звонко' (см. *шаркунец*), *голяшка* 'голенщик' (см. *кукожиться*), *дубок* 'лепесток старообрядческих кожаных четок' (см. *лестовка*), *забитый* (об озере: 'глухой, заболоченный'?) (см. *гольяна*), *коряжина* 'бревно' (?) (см. *защепина*), **лювь* 'любовь; обоюдное согласие' — в предложно-именном сочетании *по любии* (см. *глянутья*), *мунту́лить* 'работать не покладая рук' (?) (см. *хлётко*), *наврёд* 'назло; намеренно плохо, небрежно' (см. *насгал*), *нахмы́риться* 'прийти в плаксивое, капризное состояние' (см. *гугнивый*), *опозорина* 'осрамившая себя женщина, девка' (см. *найда*), *под вид* 'вроде, наподобие' (во множестве статей), *поповка* 'женщина, принадлежащая старообрядческому толку поповцев' (см. *завершать*), *притон* 'прибежище, приют; пригодное? постоянное? место' (см. *моленна*), *решётка*₍₂₎/*решёточка* 'гименофор' и, более узко, 'трубчатый гименофор' (см. *глухой*, *красноголовка*, *обабок*, *собачьи грибы*), *сидёнка* 'сиденье' (см. *постёбывать*), *сла́дость* 'вкуснятина' (см. *скварки*), *стволинка* 'стебель, побег травянистого растения' (см. *плодливый*, *щавень*), *стоять* 'отправлять поминальную службу (об уставщике, главе старообрядческой общины)' (см. *поминки*), *Троеручница* 'тип иконы Богоматери' (см. *бога́*), *усестья* 'сесть, быть посаженным (в тюрьму)' (см. *лихостник*), *худённый* 'негодный, захудалый' (см. *родова*), *ху́лий* 'дурной, предосудительный' (см. *белковый*)... Продолжать, к сожалению, можно и далее. К упущениям нужно отнести и случаи невыявленности устойчивых сочетаний (включая терминологические), например, *в один ряд не стать* 'уступить в качестве' (см. иллюстрацию к статье *мякушка*), *лонишный раз* 'в прошлом году' (см. *порозовать*), номенклатурное *шёлковый мак* — разновидность мака (см. *разноцветка*). В статье *мороз* из шести текстуальных иллюстраций пять включают глаголы *падать*, *упасть*, *выпадать*, но фразеологизм (*у-, вы-)пасть морозу* эксплицитно не дается.

Несмотря на эти и иные недостатки, «Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья» значительно расширяет имеющиеся представления о составе и распространении диалектной лексики русского языка на территории Сибири. В этом его неоспоримая ценность.

⁶ Но последнее не должно рассматриваться как результат семантической конденсации («включения»), будучи явлением лишь данного текста.

Составители словаря его создание определили как завершающий этап исследовательской деятельности обозначенных выше научных учреждений в области русской диалектной лексикологии и лексикографии на территории за Байкалом (с. 8). Однако нет сомнений в том, что изучение забайкальской лексики и фразеологии на этом не остановится. Словарь будет опорой в дальнейшем изучении языка и традиционной культуры семейских.

Литература

Агеева 2000 — Р. А. Агеева. Какого мы роду-племени. Народы России: имена и судьбы. Словарь-справочник. М., 2000.

Аникин 1997 — А. Е. Аникин. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Новосибирск, 1997.

БЕР — Български етимологичен речник. Т. I— . София, 1971—.

Журавлев 1980 — А. Ф. Журавлев. Об одном периферийном явлении в русской морфологии: категория числа у наречия // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1978. М., 1980. С. 226—235.

Журавлев 1984 — А. Ф. Журавлев. Этнография в прозвищах // Русская речь. 1984. № 3. С. 116—123.

Журавлев 1995 — А. Ф. Журавлев. Русская «микроэтнонимия» и этническое самосознание // Этническое и языковое самосознание. Материалы конференции (Москва, 13—15 декабря 1995 г.). М., 1995. С. 49—51.

Панин 1991 — Л. Г. Панин. Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII — первой половины XVIII в. Новосибирск, 1991.

Селищев 1920 — А. М. Селищев. Забайкальские старообрядцы. Семейские. Иркутск, 1920.

Селищев 1968 — А. М. Селищев. Диалектологический очерк Сибири // А. М. Селищев. Избранные труды. М., 1968. С. 223—389.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1— . Л., 1965—.

Элиасов 1980 — Л. Е. Элиасов. Словаре русских говоров Забайкалья. М., 1980.

Skok — P. Skok. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. I—III. Zagreb, 1971—1973.

Sławski — F. Sławski. Słownik etymologiczny języka polskiego. T. I— . Kraków, 1952—1956—.

С.И. Иорданиди

В.Г. Демьянов. Иноязычная лексика в истории русского языка XI–XVII вв. Проблемы морфологической адаптации. М.: Наука, 2001 г. 409 с.

Увидевшие свет при активном участии В.Г. Демьянова Вести-Куранты (далее – В-К)¹ в силу известных причин заслуживают самого пристального и подробного лингвистического исследования. Уникальный материал В-К уже неоднократно привлекал к себе внимание

¹ Издание I-IV выпусков Вестей-Курантов – результат коллективной работы; издание последнего, V выпуска подготовлено В.Г. Демьяновым.

отечественных и зарубежных ученых и послужил исследовательской базой для лингвистических наблюдений разнообразного характера (см. работы Р. Шибли, Ст. Шпека, Г. Остергаард и мн. др.). Несмотря на очевидную неравноценность этих работ, связанную, в частности, с различным объемом материала и кругом анализируемых явлений, они в той или иной степени обогащают наши представления о путях проникновения иноязычной лексики в словарный состав русского языка и о механизмах ее адаптации. В.Г. Демьянов в ряду исследователей этой проблемы занимает особое место. И не только потому, что он совмещает эдиционную деятельность с последующими исследовательскими разработками текстов. Вышедшая более десяти лет назад работа В.Г. Демьянова [Демьянов 1990] явилась, по существу, первой обобщающей монографией в области описания (если прибегнуть к словам В.В. Виноградова) «приемов и принципов русификации заимствований». Ее логическое продолжение – рецензируемая монография – представляет собой фундаментальное исследование, построенное на обширном материале разного рода источников XI-XVII вв. (но – прежде всего – В-К).

Сложность и разнородность материала и стремление автора всесторонне исследовать процессы освоения заимствованных слов в русском языке, открыть «закономерности повторяющихся соответствий» (как говорил В.В. Виноградов по другому поводу) неизбежно приводит к беспрецедентно широкому кругу исследовательских задач, решить которые и ставит своей целью В.Г. Демьянов. Хорошо продуманный подход к материалу позволяет автору уложить его в четко очерченные контуры и выделить критерии его разграничения.

Монография состоит из введения и 5 больших разделов, каждый из которых имеет свою проблематику и свой инструментарий, позволяющий находить соответствующие решения.

В подробном Введении постулируется необходимость генетического принципа описания лексики, в первую очередь, иноязычной. Автор справедливо указывает на необходимость дифференцированного описания исконной и заимствованной лексики по ряду обстоятельств (с. 5-8), главное из которых состоит в том, что заимствованная лексика (полностью или частично адаптированная) помогает находить объяснения исторической эволюции многих фактов.

Раздел I – «Морфонология иноязычных слов» (с. 11 – 64) состоит из трех глав, объектом исследования которых являются оттопонимические и отантропонимические прилагательные с суффиксом -ск(ий), иноязычные названия городов в форме на -ский, а также топонимы и антропонимы, составляющие онимическую модель на -ь. Этот раздел построен на обширном, в массе своей не исследованном ранее материале. Заслуга автора видится в том, что он при анализе атрибутивных форм вырабатывает свою методику определения исходной производящей основы субстантива, которая позволяет учитывать ее фонетические и морфонологические преобразования в историческом развитии.

Так, на с. 11–34 подробно и тщательно описано функционирование различных вариантов прилагательных на -ск(ий) от разных производящих основ (на *в, г, д, ж, з, к, м, н, п, р, с, т*) и т. д. Анализируя почти не изученный ранее круг лексики, В.Г. Демьянов приходит к интересным выводам о том, что преобразование на морфемном стыке

прилагательных обусловлены только в части случаев фонемными принципами. В качестве ведущего выступает фонетический принцип. Наблюдения над способами оформления морфемных стыков в основах с различными исходами автор представляет в таблице (с. 31 – 33).

Следует заметить, кстати, что В.Г. Демьянов в своем стремлении поставить тот или иной факт в закономерный ряд не должен исключать возможности описок и ошибок переписчиков В-К. Так, например, написание архангельский вместо архангельский может, конечно, служить примером гиперкоррекции, но может быть и просто ошибочным написанием.

В монографии детально описана онимическая модель на -ь: *Вень, Висмарь, Грець* и т.п. Представляется, что вряд ли целесообразно, анализируя падежные формы этих и любых других субстантивов по материалам XVII в., соотносить их, как это делает автор, с древними *a-, *jo-, *i- и др. основами, а не с типами парадигм (типа *жена*, типа *конь*, типа *гость* и т.п.).

Раздел второй – «Модели поведения иноязычных слов в отношении категории рода» (с. 65-158), состоящий из трех глав, построен на исследовании большого корпуса заимствованных слов – апеллятивов и онимов. Подробно описаны механизмы их родовой адаптации. Внимание к работам предшественников (М. Фасмера, С. Гардинер, Г. Хюттль-Ворт, Е.Ф. Теплова и мн. др.) позволяет автору, оперируя извлеченным из этих работ материалом, добиваться оригинальных решений в исследовании путей морфологической адаптации иноязычных лексем.

Так, материалы М. Фасмера [Фасмер 1909] служат основой для построения четырех типов корреляций, наглядно демонстрирующих механизм освоения греческих заимствований: 1) соотношения – субституции; 2) соотношения – наращенные; 3) соотношения – усеченные; 4) адекватные соотношения – при учете одно-, двух-, трех- и четырехфонемных греческих соответствий (с. 66). Весьма значимыми представляются выводы В.Г. Демьянова о том, что на родовое оформление слова в русском языке оказывали влияние разные факторы: лексико-семантические (синонимичный ряд как один из элементов лексической системы), морфологический ряд родового слова, род существительного в языке-источнике и т.д.

Во второй главе раздела, построенной на материале зафиксированных в В-К I-V личных имен, автор выделяет шесть моделей (с пятью подтипами) адаптации, каждому из которых свойственна своя схема корреляций. Так, например, франц. *Lamotte*, представленное в русском рядом номинативных образований – *Ламота, Ламонта, Ламмота, Ламмот, Ламмоте, Ламмотя*, соответственно располагает следующей схемой корреляций: -е немое/ -е,-а, -я, -Ю; англ. *Montegue* или *Montagu*, в русском *Мунтага, Мунтагий, Монтагу, Моунтайгу* — с корреляцией е немое /-а, -ий, -у. Значительный «разброс» вариантов, отмеченных В.Г. Демьяновым, все же позволяет ему выявить определенные тенденции в оформлении иноязычных имен: устранение вокала, наращение йота или латинской финали -ус, преобразование финали в некое подобие суффикса прилагательных с консонантным исходом и т.п. (с. 145). Столь же насыщена материалом и тонкими наблюдениями III глава рассматриваемого раздела, посвященная исследованию следующего круга вопросов: орфографическое варьирование названий западноевропейских столиц; степень употребительности вариантов в их отношении к норме; поведение орфографических вариантов по отношению к роду. Представляется весьма существенным вывод о

необходимости поиска фонетических стимулов, часто выступающих в роли первопричины всякого рода сближений и лексических аналогий. Эскурсы в фонетико-фонологические тонкости языка-источника весьма подробны и любопытны. Они вносят определенную ясность в мотивацию трактовок, предлагаемых автором (см. с.153 ... — в Тересю – zu Teresiöö, в Енгесю – zu Engstöö, в Ланмансю – zu Laghmansöe, где ю вместо шведского ц после мягких согласных используется для передачи смягченного характера согласного перед гласным заднего ряда. Известно, что в русском языке XVII в. еще не было буквы ё).

Небольшой список мелких замечаний к корпусу фактов, представленных во II разделе, сводится к следующему: номинативные формы ср. рода типа блюды, вины появляются не как следствие непродуктивности ср. рода в русском, но как результат «деморфологизации» рода во множественном числе в связи с развитием категории числа; рассуждения о том, что русская флексия служит показателем трех категорий одновременно: рода, числа и падежа справедливы, но нуждаются в корректировке. В исследованиях последнего десятилетия (см., например, [Шульга 1988]) показано, что сферы этих категорий могут быть четко разграничены: для рода – парадигма, для числа – флексия и для падежа – падежные противопоставления. Следовало бы учесть тот факт, что слово евангелие как в греческом, так и в русском относящееся к среднему роду, в древнерусских текстах выступает и как существительное женского рода, т.е. обнаруживает родовариантность. Так, форма местного падежа множественного числа евангели^{ТМ}хъ, зафиксированная в Изб 1073, в ПсЧуд XI, в СБУ XII/XIII вв., является не инновационной формой локатива, а закономерным образованием в соответствии с парадигматической схемой существительных типа земля (см., например, [Иорданиди 1990]).

Раздел III «Категория числа и способы ее выражения в иноязычных словах» (с. 159-190) представляет значительный интерес с той точки зрения, что в качестве объекта исследования выступают топонимы и производные от них антропонимы и ойконимы. Во главу угла поставлен вопрос о соотношении онимического плюраля с денотатом. Категория числа в этом круге слов, как показано в рецензируемой работе, является лишь формальным средством. Плюральные формы собственных имен предстают в исследовании В.Г. Демьянова как денотативно немотивированные. Данные наблюдения получают надежную фактологическую базу и теоретическую аргументацию.

В разделе IV «Категория падежа и способы выражения словоизменительных отношений в иноязычных словах» (с. 292-268) исследуются вопросы, до последнего времени не получившие сколько-нибудь подробного освещения в специальной литературе. В этой части монографии введен большой фактический материал из В-К, распределенный в соответствии со схемами «приложение–апеллятив—определяемое–оним». Это позволило существенно расширить и скорректировать представления о поведении заимствованных топонимов и антропонимов в плане их словоизменительной корреляции с приложениями, в роли которых выступают существительные – названия титулов (при определяемых антропонимах) и существительные – родовые географические термины (при определяемых топонимах): *к графу Витераусень, в городе Вигенгимпъ, через Рейн реку, у Рабрища города* и т.д. Этот раздел, как и предыдущие, содержит интересные выводы и наблюдения.

Так, например, В.Г. Демьянов констатирует, что топонимы чаще входят в круг обособленных предикативных конструкций и чаще, чем личные имена, не согласуются с приложением.

Особый интерес представляет последний, V раздел, посвященный словообразовательной адаптации иноязычной лексики (с. 269-376). Автор справедливо указывает на тот факт, что источниковая база для разысканий в этой области еще не создана — нет исторического словаря морфем, нет обратных словарей к периодически появляющимся очередным томам исторических словарей², нет обобщающих исследований по историческому словообразованию. Тем более ценны наблюдения В.Г. Демьянова, хотя они и носят фрагментарный характер, поскольку материалом исследования служат лишь 22 выпуска «Словаря русского языка XI-XVII веков». Однокоренные образования выстраиваются в словообразовательные ряды, а не цепочки. Такой подход к материалу представляется удачным, т.к. построение словообразовательных цепочек при наличии ограниченного материала и необходимости обязательного эксплицирования производящих основ и учета всех производных в их поступательном движении является, без сомнения, задачей достаточно сложной. Материал, которым оперирует В.Г. Демьянов в этом разделе, сгруппирован по принципу его частеречной принадлежности: выделяются отсубстантивные, отадективные и отглагольные словообразовательные ряды. Результаты разысканий в этой части работы впечатляющи: В.Г. Демьянов выясняет длину каждого словообразовательного ряда, намечает словообразовательные узлы, обнаруживает участки напряжений, создающихся конкуренцией синонимичных суффиксов — исконных и заимствованных, выясняет пути формирования определенных словообразовательных структур и участие в этих процессах языка -источника.

Полагаю необходимым, однако, обратить внимание на некоторые частности, которые требуют оговорок или корректировок. Так, суффикс -j- в собирательных типа князия, братия вряд ли правомерно связывать с формой именительного множественного существительных типа пути~; происхождение флексии -я на месте исконной флексии -е у существительных бояря, волочаня и под. определяются, скорее всего, теми же обстоятельствами, что и развитие образований на -а в кругу слов мужского рода леса, города и не без влияния собирательных этнонимов корела, литва, меря и под. (с. 350). Одна из причин сближения этих существительных лежит в сфере лексической семантики — как те, так и другие имеют значение лица. Флексию -ы в примере берберяны (1581 г.) можно не относить к числу «дискуссионных» (по нашим наблюдениям, не только в XVI в., но и в более ранний период в старорусских источниках отмечаются формы типа горожаны).

Следует с сожалением констатировать, что в рецензируемой работе не устранены некоторые положения, изложенные в рецензии на первую монографию В.Г. Демьянова [Демьянов 1990]. Речь идет об отмеченной В.Б. Крысько [1993] нерелевантности

² Справедливости ради следует заметить, что в Волгоградском гос. университете в 1997 г. усилиями С.П. Лопушанской и О.А. Горбань издан «Прямой и обратный словник к старославянскому словарю (по рукописям X–XI веков)» под. ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М.: Русский язык, 1994. Здесь же издан в 2000 г. «Обратный словник к словарю древнерусского языка XI-XIV вв.», составленный С.П. Лопушанской и Е.М. Шептухиной.

праславянских звуковых законов для XVII в. – например, закона восходящей звучности, на который неоднократно ссылается В.Г. Демьянов в своих построениях и в обсуждаемой монографии. Впрочем, при той сложности, многоаспектности и многоярусности, которую демонстрирует книга В.Г. Демьянова, наличие небесспорных выводов и положений представляется вполне правомерным.

Позволю себе остановиться на одной проблеме, уже вскользь затронутой выше. Думается, что передача на русский язык внесистемных для него заимствований в определенной степени представляла собой продукт творчества переводчиков и переписчиков, в меру своего понимания и выучки избиравших те или иные формы. В некоторых случаях, как кажется, четко прослеживается стремление привести ту или иную лексему к прозрачности внутренней формы (ср. варианты передачи названия города Стокгольм с ориентацией на существительные стекло, стекольня; для сравнения — в рассказе Лескова «Левша» Аполлон Бельведерский выступает в варианте Аблон Полведерский) или же к удобству произношения в соответствии со свойственной русскому языку синтагматикой фонем.

Итак, монография В.Г. Демьянова содержит пласт лексики, не подвергавшийся ранее анализу во всей полноте. В научный обиход внесен большой фактический материал, который позволил существенно расширить и скорректировать, а в части случаев впервые проанализировать пути и механизмы освоения иноязычной лексики в русском языке на разных уровнях – морфонологическом, морфологическом, словообразовательном. Эта многоаспектность или, если можно так выразиться, полифоничность – отличительная особенность рецензируемого труда.

В обсуждаемой монографии, к сожалению, отсутствует словник заимствований. Тем более насущной представляется задача составления подробного словаря иноязычных слов из рукописных источников XVII в. (об этом писал В.Г. Демьянов еще в 1990 г.), содержащего полные сведения о лексемах—семантику, этимологические данные, орфографические варианты, отсылки к языку-источнику, перечень синхронных синонимичных образований.

В заключение считаю необходимым подчеркнуть, что, несмотря на некоторые спорные решения, монография В.Г. Демьянова является уникальным исследованием, сводящим воедино бесчисленные языковые факты и представляющим целостную картину адаптации заимствованных слов в русской языковой истории. Здесь явно присутствует феноменологическое начало: есть открытия, есть тонкие наблюдения, есть нетривиальные решения. Рецензируемая работа предоставляет новые данные о возможностях языковой системы реагировать на «чужое» и определенным образом приспособлять его к «своему», она не может не вызывать сочувствия и интереса у тех, кому близки традиции русской лингвистической школы: учет языкового материала во всей его полноте.

Литература

Демьянов 1990 – В.Г. Демьянов. Фонетико-морфологическая адаптация иноязычной лексики в русском языке XVII в. М., 1990.

Изб 1073 – Симеонов сборник (по Святославова препис от 1073 г.) / Под ред. на П. Динеков. Т. 1. София, 1991.

Иорданиди 1990 – С.И. Иорданиди. Из истории форм местного падежа множественного числа в русском языке // Исследования по исторической грамматике и лексикологии. М., 1990. С. 132-153.

Крысько 1993 – В.Б. Крысько. Рецензия на монографию В.Г. Демьянова «Фонетико-морфологическая адаптация иноязычной лексики в русском языке XVII в.» // ВЯ. 1993. № 1. С. 151-153.

ПсЧуд XI – В. Погорелов. Чудовская Псалтырь XI века, отрывок Толкования Феодорита Киррского на Псалтырь в древнеболгарском переводе. СПб., 1910.

СБУ XII/XIII вв. – Успенский сборник XII-XIII вв. М., 1971.

Фасмер – М.Р. Фасмер. Греко-славянские этюды. 3. Греческие заимствования в русском языке // СОЛЯС. Т. 86. № 1. Спб., 1909.

Шульга М.В. – М.В. Шульга. Развитие морфологической системы имени в русском языке. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1988.

Р.Ф. Касаткина, М.Л. Каленчук

С.В. Кодзасов, О.Ф. Кривнова. **Общая фонетика.** М., 2001.

Фундаментального учебника по общей фонетике российская фонетическая общественность ждала уже давно. И вот наконец вышла в свет книга «Общая фонетика» С.В. Кодзасова и О.Ф. Кривновой, которая во многих отношениях заполнила разнообразные пробелы в российском общefonетическом пространстве. Несомненно, что создание нового учебника по общей фонетике необходимо и актуально и для высшей школы, и для фонетической науки в целом. Рецензируемая книга отличается от многих аналогичных целым рядом привлекательных черт. Во-первых, это современный учебник – и по содержанию, и по понятийному аппарату, и по форме подачи материала. Во-вторых, это монографическое описание проблем общей фонетики, впечатляющее широтой охвата тем и проблем и удивляющее всеобъемлющей эрудицией авторов. В-третьих, это учебное пособие, направленное не только на то, чтобы вооружить студентов суммой теоретических знаний, но и на то, чтобы дать им представление о современных речевых технологиях. Авторы подчеркивают, что учебник их – необычный, отличающийся и от «других отечественных руководств», и от современных западных учебников, общей чертой которых авторы считают «недостаточное освещение фонологической проблематики». Таким образом, они поставили перед собой сложную задачу совместить под одной обложкой естественно-научную и прикладную проблематику с собственно лингвистическими проблемами. В соответствии с этой второй частью общей задачи в учебник включены главы, посвященные разным фонологическим концепциям, универсальным фонологическим классификациям, фонологической типологии, интонации.

В качестве «рабочего материала» используются звуковые системы русского, английского и арчинского языков. Выбор последнего языка, который может показаться странным, определяется кавказоведческой специальностью одного из авторов. Но иногда появляются и примеры из других языков, например, африканских эве, теке, луо, кача, темиин, а также немецкого, кхмерского, польского, а кое-где даже и из диалектов русского языка (например, с. 435 - 436; 477 - 478).

Оценивая книгу в целом, можно сказать, что авторы немало потрудились, сделав глубокие и добротные обзоры современного состояния знаний в области артикуляционной, перцептивной и акустической фонетики, а также в таких прикладных областях, как автоматический анализ и синтез речи. Совершенно очевидно, что первая часть задачи, сформулированная в Предисловии как «естественно-научная и технологическая ориентация» учебника, выполнена вполне успешно.

Многое в книге становится доступным российской фонетической общественности впервые, так что следует высоко оценить просветительскую роль С.В.Кодзасова и О.Ф.Кривновой. К бесспорным удачам авторов можно отнести главы 2 «Артикуляционные механизмы речи» (за исключением несколько нечеткого фрагмента на с. 45, о чем см. ниже) и 3 «Акустика речи». Из главы 2 читатель узнает о строении гортани и ее речевых функциях, в том числе о способах порождения различных *фонаций*, о понятии *целевой артикуляции* и целом комплексе фонетических явлений, связанных с этим понятием, а также о современном состоянии артикуляционных знаний, свидетельствующих о том, «что для реальной речи типичны глубокое переслаивание артикуляционных жестов соседних звуков и почти непрерывное изменение положения произносительных органов в пространстве речевого тракта» (с. 64).

Глава 3 знакомит читателя с современным состоянием знаний о спектре речевого сигнала и с другими акустическими характеристиками звуков речи, с различиями между узко- и широкополосными спектрограммами, с формантными картинками гласных и локусными картинками согласных, с квантальной теорией К.Стивенса. В обеих этих главах следует особенно отметить четкость изложения сложного для гуманитариев материала, чему немало способствует удачно подобранный корпус иллюстраций.

Но в то же время целый ряд положений в рецензируемой книге кажется нам спорным, дискуссионным, а некоторые разделы вызывают резкое неприятие.

Скажем сразу, что некоторые наши замечания можно было бы смягчить, если бы речь шла не об учебнике, а о монографии. Жанр учебника требует от авторов соблюдения определенных правил подачи материала, причем правила эти диктуются и традициями вузовской науки, и этическими соображениями. В первую очередь это беспристрастный характер изложения, требующий нейтральной позиции авторов. К сожалению, в рецензируемом учебнике этот принцип часто не выдерживается. Авторы в некоторых случаях позволяют себе не просто излагать содержание тех или иных теорий, но и оценивать их. Разумеется, выражение авторской позиции вполне уместно и просто необходимо в любом научном труде, но при написании учебника перед его авторами в первую очередь стоит задача познакомить читателей с научными теориями и концепциями в их оригинальном виде. В обсуждаемой книге авторы позволяют себе в отдельных случаях «додумывать» те или иные вопросы, вторгаясь в ткань чужих теорий и исправляя ошибочные, по их мнению, решения. Так, петербургским фонологам О.Ф.Кривнова и С.В.Кодзасов рекомендуют ввести в фонемную запись фонему <ə> (стр. 347), представителям московской фонологической школы авторы советуют показывать морфемные границы при фонемной интерпретации звуковой записи (стр. 346) (что, кстати, реализовано Л.Л.Касаткиным в разных учебниках по русскому языку - см., например, [Касаткин 2001: 723]). Такой подход нам представляется некорректным именно в силу специфики данной книги как учебного пособия.

Тенденциозность подхода авторов особенно ощущается в главах, посвященных проблемам фонологии. Само структурирование материала в главе «Традиционные фонологические модели» «подсказывает» читателю (напомним, что главный адресат книги - студент) положительные и отрицательные оценки разных фонологических теорий. Глава распадается на две части. Одна из них посвящена «классической фонологии», под которой понимается пражская теория фонем. Как варианты «классической фонологии» в этой же части рассматриваются петербургская и дескриптивная модели фонологии. Вторая же часть главы посвящена Московской фонологической школе (МФШ), которая таким образом оказывается не имеющей отношения к «классической фонологии» и даже противопоставленной ей. А между тем москвичи гораздо ближе к пражцам, чем петербуржцы, что неоднократно подчеркивали лингвисты разных направлений.

Итак, в учебнике рассматриваются четыре традиционные фонологические школы. Концепции трёх из них - пражской, петербургской и дескриптивной - излагаются нейтрально, в констатирующем ключе, без обсуждения каких-либо спорных моментов. И только концепция МФШ подается остро дискуссионно и критично. Значит ли это, что теории других фонологических школ при объективном подходе к ним абсолютно не вызывают сомнений и споров? Конечно, нет. Достаточно вспомнить проблему определения фонемной отнесённости звука [ъ], по-разному решаемую различными представителями Петербургской фонологической школы, и многое другое. Нам представляется, что все научные школы в учебном пособии заслуживают одинаковой участи: либо констатирующего описания их теорий, либо подробного, беспристрастного и справедливого критического разбора.

Тенденциозным в отдельных случаях выглядит список ученых, чьи научные взгляды излагаются в книге. Вполне естественно, что одни лингвисты по своим научным взглядам ближе авторам, другие далеки от них. В предисловии прямо сказано, труды каких ученых сыграли наибольшую роль в становлении научного мировоззрения авторов, - и это вполне уместно. Но в самом тексте учебной книги не должно расставлять оценки учёным - ни явно, ни имплицитно. Имена одних лингвистов сопровождаются постоянными эпитетами «замечательный», «выдающийся», «великий», другие (кстати, не менее замечательные и выдающиеся) называются без всяких оценок, имена третьих вообще замалчиваются, несмотря на их несомненный вклад в изучение звучащей речи.

Переходя к конкретным вопросам, по которым нам хотелось бы поспорить с авторами «Общей фонетики», заметим сразу, что в этой рецензии мы не берёмся обсудить все темы, затронутые в учебнике и сосредоточим основное внимание только на его фонологической проблематике, а также на проблематике собственно русистской, а именно на том, каким предстаёт образ русской звуковой системы в зеркале обсуждаемой книги.

Остановимся сначала на вопросах терминологии, тем более что авторы вводят в научный оборот множество терминов, принятых в зарубежной лингвистике, но мало знакомых отечественной аудитории. Так, например, давно известное в зарубежной фонетике понятие *целевой артикуляции* впервые так подробно раскрывается для российского читателя. В связи с этим рассматриваются такие необходимые понятия, как *артикуляционная поза*,

артикуляционный жест, артикуляционные динамические навыки. И только понятие *фонема* в этом разделе, в целом весьма удачном, представляется излишним. Здесь уместно говорить только о *звукотипе*.

И вообще в тех областях фонетики, которые связаны с так называемыми речевыми технологиями (с автоматическим распознаванием и синтезом речи, а также и со всеми другими «инженерными» задачами) понятие «фонема» избыточно - самый высокий уровень абстракции здесь - *звукотип* (чему соответствует предложенное А.В.Венцовым и В.Б.Касевичем понятие *слуховой образ* (или *перцептивный эталон*) [Венцов, Касевич 1994]. Для нас несомненно, что авторы, употребляя термин «фонема» в нефонологических разделах учебника, используют его не в том значении, каким они наполняют его в других - фонологических - главах учебника.

Неразличение таких единиц, как *фонема* и *звукотип*, относящихся к разным уровням абстракции, применительно к материалу русского языка приводит к неразрешимым противоречиям. Так, например, пришлось бы фонемой считать гласный [э], который в русском языке возможен под дополнительным ударением в таких случаях, как *к[э]ноплеубóрочный*, *с[э]баковóдство* и т. п. (см. об этом [Каленчук, Касаткина 1996: 62; Касаткина 1996: 407]). Ведь здесь никак нельзя говорить о «недостреле» (англ. *undershooting*), о котором авторы пишут вслед за Б.Линдбломом, характеризуя произношение безударных гласных (с. 66)¹, поскольку в приведенных примерах артикуляционной *целью* (*target*) является как раз гласный [э].

Но проблемой в рецензируемой книге является не только разведение понятий *фонема* и *звукотип*, но и разграничение понятий *фонемы* и *звука*. Если посмотреть на этот вопрос даже не содержательно, а формально, то становится очевидным, что читатель во многих случаях не сможет понять, о какой именно единице идет речь. Мы полагаем, что нечеткое разграничение фонемного и звукового уровней идет в книге от общей установки авторов не на анализ системных отношений в языке, а на изучение по преимуществу речевых явлений. Такая установка нигде не сформулирована, однако она выявляется при анализе конкретных примеров.

Отсюда, по-видимому, и смешение полного и «менее полного стиля» речи (с. 365), нейтральных и эмфатических реализаций (см., например, представление *многоударного* - эмфатического и *одноударного* - нейтрального русского *р* как равноправных вариантов на с. 182), образцы разных просодических оформлений слова *малина*, которые могут встретиться *в речи* (с. 193). В связи с последним примером напрашивается вопрос, почему из сотен возможных речевых реализаций выбраны именно приведенные четыре, и какой смысл приводить соответствующие интонаграммы, если каждому новому оттенку просодического значения будет соответствовать другая интонаграмма? Формулировки типа «непалатализованное *ц* и палатализованное *ч*», «*л* веляризовано в очень сильной степени», «специфическую аффрикатизацию имеют *т'* и *д'*» и многие другие подобные неясны. Из них совершенно непонятно, о чем идет речь - о звуках или о фонемах? Почему употребляется средний род? Названия таблиц и параграфов - «Инventарь шумных согласных» или «Общая характеристика системы шумных согласных» также «непрозрачны» для читателя, особенно читателя-студента.

¹ В тех же самых выражениях и снова со ссылкой на Б.Линдблома это повторено на с.367.

Авторы рецензируемой книги, как уже говорилось выше, вводят в научный оборот массу новых терминов, в том числе и таких, которые заменяют прежние, давно существующие в русской фонетической науке. Иногда введение нового термина сопровождается комментарием, как, например, это сделано в сноске на с. 281 по отношению к термину *аппроксимант*: «В русской фонетике термин «аппроксимант» не употребляется»². Это замечание выглядит странно, поскольку в тексте книги этот термин встречается многократно (например, без всяких оговорок гораздо раньше, на с. 61 и далее, во многих местах), а кроме него - огромное множество других (таких, например, как *альвеоларизация*, *желобчатый*, *ламинальный*, *субламинальный*, *флэповый*, *палатоальвеолярный*, *хлопо* жк и т.д.), вводимых без всяких комментариев.

Авторам вообще свойственно в некоторых случаях весьма вольно обращаться с терминами, что в учебнике совершенно недопустимо. Так, *ламина* на одной и той же странице называется то *лопаткой*, то *лопаточкой* (с. 45). Термин *морф*, традиционно относящийся к мужскому роду, иногда в учебнике употребляется в женском роде. На с. 438 читаем написанное слитно *лабиовелярный* и рядом дефисное написание *лабио-велярный*. О терминологии можно было бы написать ещё многое, но объём рецензии не позволяет это сделать.

Очевидно, что при таком обилии терминов и при объёме книги в 38 печатных листов совершенно необходим предметный указатель. Он в книге имеется, но включает далеко не всё (например, как можно найти такие термины, как *проприоцептивный*, *барорецепторный*, *гиперартикулированный* и *гипоартикулированный* и многие другие). К тому же указатель организован не по алфавитному принципу, а по тематически-гнездовому, что фактически обесценивает его.

Наименее удачно в книге, на наш взгляд, выглядят главы, посвященные проблемам фонологии. Выше уже было сказано о том, какие претензии рецензентов вызывает само описание разных фонологических теорий. Добавим, что «беглость», с которой излагаются некоторые из них, не даёт возможности читателю понять их суть. Возьмем для примера весьма краткое описание петербургской теории фонем и теории дескриптивной школы (стр. 336-337). Сможет ли студент на основе этого описания понять процедуру приведения звука к фонеме в рамках этих теорий? Полагаем, что нет.

На стр. 347 сказано, что запись текста с помощью «петербургских» фонем близка к записям дескриптивистов. А в чем же различие? Заслуживает всяческого одобрения введение отдельного параграфа, позволяющего сравнить фонематические транскрипции одного и того же текста в разных фонологических школах. Но почему из рассмотренных четырех «традиционных фонологических моделей» предложена транскрипция только в терминах пражской и московской школы? Естественно было бы сравнить четыре типа записи. Отдельно предлагается запись текста как бы «по-петербургски», но не в оригинальном варианте, а в подредактированном авторами книги виде, о чем мы уже упоминали выше.

Отдельно в «Общей фонетике» рассматриваются динамические модели в фонологии, которые, по мысли авторов, противопоставляются классификационной, традиционной фонологии.

² Что неверно, т.к. в работе [Касаткина 2000] этот термин употребляется по отношению к русскому палатализованному [p'] в интервокальной позиции.

Авторы декларируют, что в своих фонологических взглядах они ориентируются на теорию Н.С. Трубецкого (стр. 323), но при принятии ими конкретных решений видно, что это не так. По сути дела авторы считают, что должны быть разные фонологические подходы при решении теоретических и практических задач. В первом случае они - «пражцы», во втором - почти «петербуржцы». Как нам кажется, и эта проблема связана с нечетким разделением понятий *фонема* и *звукотип*.

Некоторые фонологические рассуждения авторов просто непонятны. Например, на стр. 360 читаем: «... непалатализованное *ц* и палатализованное *ч* как бы находятся в отношении дополнительной дистрибуции, однако по критериям фонетической близости и по системным соображениям объединить их в одну фонему невозможно». Попробуем разобраться в этом фрагменте. Как известно, дополнительно распределенными считаются звуки, которые никогда не встречаются в одной позиции (стр. 331). Можно ли сказать, что [ц] и [ч'] никогда не встречаются в одной позиции? А позиция конца слова, например – *оте*[ц], *до*[ч']? Позиция перед гласным – [ц]*арь*, [ч']*ай*? Какое же это дополнительное распределение? Правда, авторы добавляют лукавое *как бы* - «как бы дополнительное распределение». Что это за научная градация? И что это за «системные соображения», мешающие объединению звуков [ц] и [ч'] в одну фонему? Такого критерия авторы в предыдущем изложении не упоминали, а следовательно, должны были бы объяснить свою логику подробнее.

Сведения о русской звуковой системе можно найти в разных разделах учебника. В наиболее концентрированном виде – в разделе 7.3. «Примеры описания фонологических систем», где русскому языку посвящен подраздел 7.3.1.

Обсуждение всех звеньев русской звуковой системы, представленной в учебнике, заняло бы слишком много места. Заинтересованный читатель сможет сам оценить соответствующие разделы. Назовем лишь некоторые положения, расходящиеся с теми, которые традиционно приняты в русистике.

При представлении вокалической системы безударных гласных, столь прозрачно описанной в трудах Р.И.Аванесова и М.В.Панова [Аванесов 1956; 1984; Панов 1967; 1979], авторы на полутора страницах нагромождают сгустки противоречивой и сомнительной информации, изложенной весьма наукообразно. Так, они сообщают читателю, что после твердых согласных «признаковая спецификация архифонемы *α* задает нейтрализованную пару /а–о/ (представлена звуком [Λ] – *сама* – *сома*)» (с. 365).

После мягких согласных в 1-м предударном слоге «в менее полном стиле» в таких словах, как *места́*, *мясно́й*, *мелá* представлен «упереднённый редуцированный [ь]» (с. 365), слово *посети́л* транскрибируется как [пэс'эт'ил] уже без указания на определенный стиль (с. 320). Значит ли это, что в безударном вокализме в описанной системе произношения имеется лишь одна степень редукции?

В позиции начала фонетического слова, оказывается, «нейтрализуется только противопоставление /а–о/ (*аппарат*, *оппонент*)» (с. 365-366). (А противопоставление /е–и/ разве не нейтрализуется? – спросим мы).

Предоставив внимательному читателю разбираться в этих утверждениях, а студенту выучивать это (!), прокомментируем лишь первый из приведенных фрагментов. С.В.Кодзасов и О.Ф.Кривнова как будто не знают, что знак [Λ] Международной Фонетической Ассоциации (МФА), введенный для транскрипции реализации /а/ в 1-м

предударном слоге Л.В. Щербой, а затем последовательно употреблявшийся в трудах Л.Р. Зиндера и других ленинградских фонетистов³, а также в трудах Р.И. Аванесова, в работах других московских исследователей, имеющих дело с живой речью, давно уже не употребляется. М.В. Панов и его многочисленные последователи употребляют для гласного в этой позиции знак [a], мотивируя такой выбор тем, что произношение типа [вда~~а~~], [трлва~~а~~] и т. п. «свойственно не всем литературно говорящим <...>, большинство вместо [Λ] произносят безударный [a]» [Панов 1967: 45]. Л.Л. Касаткин ввел знак [a^b], подчеркивая тем самым некоторое повышение подъёма предударного гласного по сравнению с гласным под ударением [Касаткин 1982: 90].

К этому следует добавить, что коренное московское произношение никогда не характеризовалось «поджатым аканьем» (рабочий термин С.С. Высотского), т.е. употреблением звука [Λ] – широкое, открытое [a] в 1-м предударном слоге зафиксировано в старых записях радио- и театральных спектаклей, а также в записях бытовой речи москвичей старшего поколения, хранящихся в фонотеке Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН. В описании этого фрагмента фонотеки активное участие принимал С.В. Кодзасов при составлении базы данных русского литературного произношения.

По поводу употребления знака [Λ] в 1-м предударном слоге уместно процитировать следующее: «...при практическом транскрибировании может происходить смешение двух понятий (*звук и знак*), когда знаку, изначально присвоенному совершенно определенному звуковому типу, начинает приписываться совершенно иное фонетическое качество» [Кузнецов 1997: 33]. Именно это и произошло со знаком [Λ] в русской фонетике. В обсуждаемом учебнике бездумно употреблено клише, от которого давно отказались многие русисты.

Теперь обратимся к русскому консонантизму, как он отражен в учебнике. Переднеязычные смычные *t, d, n* определены как *апикальные*, противопоставленные *ламинальным* аффрикатам *ц, ч'*. Поскольку предложенная интерпретация – нечто новое в русистике, постараемся разобраться в этом.

Обратимся к некоторым разделам главы 2 «Артикуляционные механизмы речи». На с. 45 в разделе «Язык» читаем: «Средняя и задняя (подчёркнуто нами. - М.К., Р.К.) части образуют *спинку* языка (лат. *dorsum*)». Это представление находится в очевидном противоречии с принятым в русистике со времён А.И. Томсона и до наших дней другим представлением, по которому спинка языка (*dorsum*) включает и его переднюю часть, кроме кончика. Отсюда и термин *дорсальный*, обозначающий одну из разновидностей *переднеязычных* согласных (см., например, [Бондарко и др. 2000: 36]). Авторы рецензируемого учебника в этом смысле как будто бы следуют за П.Ладефогедом и И.Мэддисоном, которые именно для того же понятия ввели термин *ламинальный*. Но С.В.Кодзасову и О.Ф.Кривновой следовало бы обратить внимание читателей на это расхождение в терминологии, поскольку они всё же адресуются к российской аудитории, для большей части которой привычны термины *дорсальный* и *переднеязычный*.

³ Однако, по-видимому, в последнее время и они начали задумываться над несоответствием знака [Λ] звуку, произносимому в 1-м предударном слоге на месте *a* и *o*. Кажется, что с этим связаны колебания в употреблении знаков [Λ] и [a] в работах [Бондарко 1981: 81; 1998: 158; Зиндер 1979: 73; 1997: 53].

К тому же, в отличие от П.Ладефогед и И.Мэддисона, которые термином *ламينا* (лат. *lamina* - 'пластинка, лист') называют как раз переднюю часть тела языка без апекса (кончика языка), см. [Ladefoged, Maddieson 1996: 11-12], С.В.Кодзасов и О.Ф.Кривнова фактически отождествляют термин *ламинальный* с термином *переднеязычный*: «Если необходимо описать переднеязычную артикуляцию более детально, используют термины *апикальный* (в артикуляции используется кончик) и *ламинальный* (в артикуляции используется лопатка целиком (подчеркнуто нами. - М.К., Р.К.))» (с. 45).

И здесь имеется ещё один очень существенный момент: дорсальные *t, d, n* в русском языке образуются «при опущенном к нижним зубам кончике языка, в то время как передняя часть спинки языка смыкается с зубами и альвеолами» [Бондарко и др. 2000: 36], см. также ранее: «Артикуляторное напряжение при производстве дорсальных концентрируется в районе передней спинки языка, а для кончика языка характерно пассивно-мышечное состояние» [Кузнецова 1977: 63]. Так же, по данным Бондарко, Вербицкой и Гординой, произносятся *t, d* во французском языке [Там же, 37]. Такая артикуляция («артикуляционный жест» в терминологии Кодзасова и Кривновой) для русских *t, d, n*, в тексте обсуждаемого учебника вообще не предусмотрена. По-видимому, по этой причине эти переднеязычные и отнесены к *апикальным*⁴ (с. 360), якобы отличающимся от *ламинальных* - аффрикат *ч* и *ц* (там же). Отметим, что одна из аффрикат, а именно *ц*, в русском языке так же, как и *t, d, n*, образуется при *опущенном кончике языка* [Кузнецова 1977: 138-139]. Следовательно, в терминологии Ладефогед и Мэддисона, русские *t, d, n, ц* - *ламинальные*. Если следовать за ними неукоснительно, то принятый в русской фонетической традиции термин *дорсальный* должен быть заменён термином *ламинальный*, и тогда всё встанет на свои места.

В подсистеме русских сонорных (фонем? звуков?) обнаруживаем *глайд j* (с. 360). Если имеется в виду фонема, то термин *глайд* (или *полугласный* - англ. *semi-vowel*, или *аппроксимант* - англ. *approximant*) не подходит; если звук, то глайдом в русской фонетической системе можно назвать только такую реализацию /j/, как [i^лⓂ] (ср. например, случаи [моц], [тацга], [цивл'ён'ице])⁵. В тех же примерах, когда в русском языке в определенных позициях выступает среднеязычный палатальный щелевой согласный [j]: [ja], [juk], [joш], мы имеем дело не с глайдом (или полугласным), но с полноценным ффрикативным согласным. Здесь опять произошла подмена звука знаком, как это было выше в разделе о вокализме.

Приведенные в учебнике сведения об аллофонии согласных выглядят фрагментарными и случайными. Например, сообщается о существовании твердого [ч] (*лу[ч]ше*), но не упоминается о наличии мягкого [ч'] (*ня[ч']ся*); приводятся звонкие аффрикаты [д^ж'] и [д^з], но отсутствуют парные им по твердости/мягкости звуки [дж] и [д'з'] (*по[д^ж]жарить, по[д'^з']земный*) и мн. др.

В своё время для фонетистов было чрезвычайно важно разграничить *бифонемные* и *монофонемные* звуковые сегменты, см., например, [Трубецкой 1960].

⁴ А между тем в типологическом плане противопоставление русских *дорсально-зубных апико-альвеолярным* других языков, например, английского, немецкого, испанского и многих других весьма важно.

⁵ Иное дело в фонетике, например, французского [Ladefoged, Maddieson 1996: 322] или английского языков - там знаком *j* отмечается именно глайд [i^лⓂ], выступающий в разных позициях.

Похоже, что авторам «Общей фонетики» здесь никакой проблемы не видится: так, начальные сочетания согласных в таких словах, как *джаз*, *джинсы*, *дзынь*, *дзен*, объявляются аффрикатами, с той лишь оговоркой, что «полноценность их фонематического статуса сомнительна» (с. 360). Но ведь это бифонемные сочетания! Для принятия решения об однофонемности и бифонемности звуковых отрезков следовало бы применить критерии, сформулированные Н.С.Трубецким, на позициях которого стоят, по их утверждениям, авторы.

На с. 436 говорится о том, что в большинстве языков представлены 2 ряда сибилантов - *свистящий* и *шипящий*. Далее по тексту: «Гораздо реже к ним присоединятся еще один промежуточный ряд – свистяще-шипящий (подчеркнуто нами. – М.К., Р.К.). Такие фонемы обнаружены в некоторых северно-русских диалектах (откуда это известно? – М.К., Р.К.) и в абхазо-адыгских языках. В палатализованном варианте такой смешанный ряд известен в польском языке на месте исторических зубных t' - d' и свистящих s' - z'» (с.436).

Попробуем разобраться в этом. Наличие третьего, дополнительного («промежуточного», «смешанного» по Кодзасову и Кривновой) ряда сибилантов предполагает, что в какой-то фонологической системе существуют такие фонемные цепочки: /с - с^ш - ш/, /з - з^ж - ж/ и т.д. Возможно, что такие ряды существуют в абхазо-адыгских языках - этого материала мы не знаем. Но севернорусские говоры упомянуты в приведённом выше отрывке совершенно напрасно: там таких рядов не существует. В севернорусском наречии (как и в южнорусском наречии, впрочем) в некоторых говорах представлены *палатальные* свистящие согласные [с''], [з''] и т. п., которые по перцептивному эффекту действительно напоминают шипящие. Эти палатальные противопоставлены соответствующим *твёрдым* свистящим в рамках тембровой корреляции [Кузнецова 1977: 115-120]. Однако фонемная интерпретация этих согласных ни в какой фонологии - ни в «традиционной» (в терминологии авторов, т. е. пражской), ни в щербовской, ни тем более в московской не относит их к «промежуточному» (или все-таки «смешанному») ряду, поскольку они относятся не к категории *твёрдых*, а к категории *мягких* согласных. Н.С. Трубецкой, а вслед за ним и А.М. Кузнецова считает их относящимися к палатальному ряду [Трубецкой 1960; Кузнецова 1977: 120]; ленинградские диалектологи считают эти согласные «оттенками фонем /с'/, /з'/» [Русская диалектология 1972: 71].

Такая же ситуация и в польском языке: дентальные [t' - d'] и свистящие [s' - z'] [Wierzchowska 1965; Sawicka, Grzybowski 1999: 135] также не составляют особого фонологического ряда сибилантов, а противопоставлены по мягкости как палатальные соответствующим твёрдым. Жаль, что приходится повторять прописные истины.

Интерпретация других примеров из русских диалектов, приводимых в учебнике, также поражает своей легковесностью и неквалифицированностью. Так, с «легкостью необыкновенной» авторы рассуждают о южнорусском диссимилятивном яканье на с. 477 - 478. Они пишут, что «существует некая норма тяжести акцентного ядра как целого, и в случае цепочек [ь-и], [ь-ы], [ь-и] (*sic!* – Р.К., М.К.) возникает недопустимый уровень его «легкости». Это нарушение компенсируется за счет расширения предупредительного редуцированного». Предоставляем читателям, сведущим в русской диалектологии, оценить весь пассаж о механизме диссимилятивного яканья. Мы же ограничимся здесь только

ремаркой по поводу «недопустимого уровня легкости» акцентного ядра: ведь именно такой уровень (якобы недопустимый!) наблюдается во всех говорах с недиссимилятивными системами вокализма, в том числе и в литературном языке.

И кроме того, слова типа *неси́, веди́, пиши́* (а также *несу́ веду́, пишу́*) и т. п. во всех русских говорах включают «недопустимые» цепочки [и-и] (в странной необщепринятой транскрипции авторов - [ь-и]) и [и-у].

И здесь же - еще о терминах. *Легкие* (читай *узкие*) гласные и *тяжелые* (читай *широкие*) гласные - нечто новое, но неудачное в фонетической терминологии. А как же тогда быть с *о, а, е, ъ*⁶? Считать их *среднетяжелыми*? Или *среднелегкими*? Или какими-то еще? В зарубежной фонетике используются термины *легкие* и *тяжелые слоги*. Эти термины с большой обстоятельностью разъяснены (см., например, [Laver 1994]) и авторы в своем учебнике иногда пользуются этими терминами. Как же быть, если тяжелый слог включает легкий гласный, например, *быстр, куст, мирт* и т.п. и наоборот - *фа, ля, па* и т.п.?

В собственно лингвистической части книги раздел, посвященный интонации, вызывает у рецензентов наименьшее количество критических замечаний. Во многом это связано с тем, что авторы, в основном, опираются на интонационные концепции Е.А.Брызгуновой, а также Н.Д.Светозаровой и Т.М.Николаевой, детально разработанные и давно занявшие прочные позиции не только в отечественной, но и в мировой интонологии. Да и род занятий самих авторов учебника, в основном, связан с изучением интонации русского языка, и они, безусловно, накопили большой опыт в этой области. Поэтому раздел 8.1.1. «Общие сведения об интонации», представляющий, в основном, пересказ в других терминах концепции Е.А. Брызгуновой и дополненный некоторыми собственными наблюдениями авторов (например, об интегральных характеристиках, относящихся не к одному слову, а к группе слов, а также о возможности значимых движений тона не только на ударных, но и на соседних с ними слогах), не находится в противоречии с задачами учебника, представляя вполне позитивное изложение имеющихся данных.

Впрочем, этот раздел почти полностью ориентирован на описание интонации русского языка. В нем отсутствуют упоминания о современном состоянии зарубежных интонологических исследований. А между тем в рамках автосегментной фонологии начиная с 80-х годов XX века выработался новый подход к описанию фразовой интонации (см., например, работы [Pierrehumbert 1979 и др.; Gussenhoven 1984; Ladd 1996]). Существует обширная литература, посвященная описанию этой интонационной модели и новым разработкам в этом направлении. Созданы системы интонационной транскрипции для английского и нидерландского языков - соответственно ToBI (Transcription of the British Intonation) и ToDI (Transcription of the Dutch Intonation), руководства к которым можно найти на сайтах Интернета. Эти системы успешно используются при синтезе английской и голландской речи, что свидетельствует о высокой степени адекватности этих моделей описываемым объектам.

Авторы учебника упоминают интонационную модель Дж. Пьерхумберт на с. 501-504 скорее в критическом плане и не в разделе, посвященном интонации, а в главе 10 «Динамические модели в фонологии».

⁶ Ни одна система диссимилятивного вокализма не может быть описана без включения этих гласных. А авторы учебника это делают!

К числу мелких, но затемняющих смысл излагаемого погрешностей, относятся следующие: в таблице на с. 384 в нижней строке вместо «Интонация», очевидно, следует читать «Фонация». На с. 386, повидимому, вместо *фазовых* акцентов имелись в виду акценты *фразовые*.

Заключая рецензию на фундаментальный труд С.В. Кодзасова и О.Ф. Кривновой «Общая фонетика», хочется еще раз сказать о том, что он производит двойственное впечатление: с одной стороны, он поражает широтой охвата обсуждаемых проблем и многосторонней эрудицией авторов в тех разделах, которые посвящены физиологии речи и слуха, акустики речи, «инженерным» аспектам ее изучения. С другой стороны, он удивляет недостаточным научным уровнем некоторых собственно лингвистических разделов. Одни части книги написаны ярко, четко, непротиворечиво; другие – наукообразно и во многих отношениях спорно.

Литература

Аванесов 1956 – Р. И. А в а н е с о в. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.

Аванесов 1984 – Р. И. А в а н е с о в. Русское литературное произношение и ударение. М., 1984.

Бондарко 1981 – Л. В. Б о н д а р к о. Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи. Л., 1981.

Бондарко 1998 – Л. В. Б о н д а р к о. Фонетика современного русского языка. СПб., 1998.

Бондарко и др. 2000 – Л. В. Б о н д а р к о, Л. А. В е р б и ц к а я, М. В. Г о р д и н а. Основы общей фонетики. СПб., 2000.

Венцов, Касевич 1994 – А. В. В е н ц о в, В. Б. К а с е в и ч. Проблемы восприятия речи. СПб., 1994.

Зиндер 1979 – Л. Р. З и н д е р. Общая фонетика. М., 1979.

Зиндер 1997 – Л. Р. З и н д е р. Теоретический курс фонетики современного немецкого языка. СПб., 1997.

Каленчук, Касаткина 1996 – М. Л. К а л е н ч у к, Р. Ф. К а с а т к и н а. Просодия слова и побочное ударение // Просодический строй русской речи / Отв. ред. Т.М. Николаева. М., 1996. С. 22 - 39.

Касаткин 1982 – Л. Л. К а с а т к и н. Фонетика // Современный русский литературный язык / Под ред. П.А. Леканта. М., 1982 (и еще 4 изд.). С. 80 - 127.

Касаткин 2001 – Л. Л. К а с а т к и н. Фонетика и орфоэпия // Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц. В 2 ч. Ч. 1. / Под ред. Е.И. Дибровой. М., 2001. С. 16 - 150.

Касаткина 1996 – Р. Ф. К а с а т к и н а. Некоторые наблюдения над особенностями словесного ударения в современном русском языке. Новые энклиномены? // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сб. к 60-летию А.А. Зализняка / Под ред. Т.М. Николаевой. М., 1996. С. 400 - 408.

Касаткина 2000 – Р. Ф. К а с а т к и н а. Русские вибранты в свете данных современной фонетики // Vox humana. Bolla Kálmán professzor hetvenedik születésnapjára / Eva Földi. Budapest, 2000. P. 222-227.

Кузнецов 1997 – В. И. К у з н е ц о в. Вокализм связной речи: экспериментальное исследование на материале русского языка. СПб., 1997.

Кузнецова 1977 – А. М. К у з н е ц о в а. Разновидности способа образования согласных в русских говорах // Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии. М., 1977. С. 60 - 184.

Панов 1967 – М. В. П а н о в. Русская фонетика. М., 1967.

Панов 1979 – М. В. П а н о в. Фонетика // Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. М., 1979. С. 54 - 308.

- Русская диалектология 1972 – Русская диалектология / Под ред. Н.А.Мещерского. М., 1972.
- Трубецкой 1960 – Н. С. Т р у б е ц к о й. Основы фонологии. М., 1960.
- Gussenhoven 1984 – С. G u s s e n h o v e n. On the grammar and semantics of sentence accents. Dordrecht, 1984.
- Ladefoged, Maddieson 1996 – P. L a d e f o g e d, I. M a d d i e - s o n. The Sounds of the World's Languages. Oxford, 1996.
- Ladd 1996 – D. R. L a d d. Intonational Phonology. Cambridge University Press, 1996.
- Laver 1994 – J. L a v e r. Principles of phonetics. Cambridge, 1994.
- Pierrehumbert 1979 – J. P i e r r e h u m b e r t. The perception of fundamental frequency declination // Journal of the Acoustical Society of America. 66 1979. P. 363-369.
- Sawicka, Grzybowski 1999 – I. S a w i c k a, S. G r z y b o w s k i. Studia z palatalności w językach słowiańskich. I. Toruń. 1999.
- Wierzchowska 1965 – B. W i e r z c h o w s k a. Wymowa polska. Warszawa, 1965.

Л.Л.Касаткин

Бюллетень фонетического фонда русского языка. № 1-7. 1988-2000; **Бюллетень фонетического фонда русского языка. Приложения** 1991-2000 №1-11. Herausgeber: Christian Sappok (Bochum), Лия Васильевна Бондарко (Ленинград; Санкт-Петербург). В Интернете: <http://www.ruhr-uni-bohum.de/libab/www-bff>

12 декабря 1987 г. в Институте русского языка АН СССР состоялась встреча фонетистов – членов Комиссии по фонетике и фонологии при ОЛЯ АН СССР, сотрудников ряда институтов АН СССР, Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Ленинградского государственного университета и Рурского университета (г. Бохум, Германия). На этой встрече было принято решение о совместной разработке теоретических и практических проблем изучения фонетики русского языка для создания фонетического фонда русского языка (ФФРЯ) как составной части машинного фонда русского языка.

Основные задачи, выдвинутые на этом заседании, были определены как: 1) изучение артикуляционно-акустических характеристик звуковых единиц русского языка, 2) изучение восприятия этих единиц, 3) исследование просодических характеристик русской речи, 4) проблема транскрибирования сегментных и супraseгментных единиц, 5) программное обеспечение исследования перечисленных проблем. Важным решением этого совещания было постановление об издании Бюллетеня фонетического фонда русского языка (БФФ), отражающего текущее состояние работ. Протокол этого заседания подписали зав. кафедрой фонетики ЛГУ проф. Л.В. Бондарко, зав. Лабораторией экспериментальной фонетики Института русского языка АН СССР доктор филол. наук Р.Ф. Касаткина, профессор Семинара по славистике Рурского университета К.Саппок и директор Института русского языка АН СССР член-корр. АН СССР Ю.Н. Караулов. Первоначально предполагалось, что БФФ будет публиковаться Институтом русского языка АН СССР, однако АН СССР не

смогла в те годы оказать финансовую поддержку этому начинанию, и профессор К.Саппок организовал издание БФФ в Германии на средства, выделенные разными немецкими фондами. Издателями стали К.Саппок и Л.В. Бондарко.

Большим достоинством этих публикаций является то, что между формированием сборников и выходом их в свет проходило минимальное время, так что результаты исследований становились известны другим лингвистам практически сразу же после завершения, а это чрезвычайно важно для успешного развития науки.

В России БФФ и Приложения к нему недостаточно известны широкому кругу специалистов в связи с небольшим тиражом этих изданий и отсутствием их в большинстве библиотек, поэтому главная цель настоящего обзора – привлечь внимание исследователей к этой серии работ.

На совещании 12.12.1987 г. было определено содержание первого номера БФФ, который в июле 1988 г. уже вышел из печати. Статьи **БФФ-1** посвящены, главным образом, двум основным направлениям исследований. Важнейшей для одного из них является статья Л.В.Бондарко «Фонетический фонд современного русского языка», где определены четыре связанных между собой блока информации. 1. Акустические характеристики звуковых единиц – слогов типа CV, в которых представлены сочетания всех русских согласных со всеми гласными. 2. Машинная версия словаря морфем. 3. Фонетические структуры словоформ. 4. Автоматический транскриптор, позволяющий преобразовать орфографическую запись в последовательность фонетических символов – звуков и фонем. Ряд статей БФФ-1 посвящен более подробному описанию этих блоков информации.

Другая важная составляющая БФФ-1 – статьи К.Саппока, М.Книпшилда и В.В.Люблинской, посвященные компьютерным программам и компьютерному анализу речевых сигналов. В те годы, когда многие русские фонетисты только начинали осваивать компьютерное исследование звучащей речи, эти статьи послужили важным руководством в этой работе.

БФФ-2 вышел в феврале 1989 г., он содержит главным образом статьи московских исследователей, а также дальнейшие результаты работы над ФФРЯ ленинградских лингвистов. Здесь даны дальнейшие уточнения самого понятия ФФРЯ, указано на необходимость включения в него материалов спонтанной речи, изложены некоторые основные принципы построения фонетически представительных текстов и приведены образцы таких текстов, содержащих 27 различных типов слогов, выступающих в разных словесных и фразовых позициях.

С.В.Кодзасов предлагает проект просодической транскрипции для русского языка, учитывающий различные тональные, фонационные, количественно-динамические, артикуляционные средства и паузы. Р.Ф.Касаткина устанавливает закономерности реализации фонемы /j/ в глухом звуке [j̥] в зависимости от разных позиций в слове и фразе, в

нейтральной и экспрессивной речи. С.В.Князев приводит некоторые результаты экспериментально-фонетического исследования реализации противопоставления глухих/звонких согласных в литературном языке и в некоторых архангельских говорах, подтверждающие обнаруженное ранее Л.Л. Касаткиным и Р.Ф. Касаткиной противопоставление согласных в ряде севернорусских говоров по напряженности/ненапряженности.

Т.Н.Алексеева, Л.М.Джолдасбекова и О.Н.Кобилева приводят данные о функциональной нагруженности фонем в корневых морфах, Т.Ю. Жежель установила, что

заударный гласный, обозначаемый на письме буквой *я* (*a*) и выступающий в конце слова перед мягким или твердым согласным следующего слова, опознается аудиторами в 85% случаев как звук, обозначаемый буквами *и, ы, э*.

БФФ-3 вышел в феврале 1990 г. Большая его часть написана исследователями из г. Бохума. К.Саппок излагает свою концепцию о модулярной структуре материалов ФФРЯ, состоящей из детально рассмотренных пяти частей: ТЕКСТ, КОММЕНТАРИЙ, АНАЛИЗ, ОЦЕНКА и РЕЗУЛЬТАТ. Приводятся и различные текстовые модули. Р.Ф.Касаткина, С.В.Кодзасов, К.Саппок некоторые текстовые модули сопровождают интонационной транскрипцией. В.В.Люблинская и К.Саппок подробно описывают результаты проведенного ими эксперимента по восприятию аудиторами вопросительной фразы «Десять?», у которой искусственно понижалась или повышалась на 8 градаций частота основного тона на ударном гласном и на всем слове. М.Книпшильд продолжает начатое в БФФ-1 описание созданной им компьютерной программы SONA, служащей для записи, анализа, модификации и производства акустического сигнала, а также дает краткое руководство к программе VERSTEU, предназначенной для осуществления диалога между испытуемым и компьютером в процессе эксперимента. Б.Штреве рассказала о характере опроса 108 русских информантов, целью которого был анализ различий произношения мужчин и женщин. Указаны принципы выбора испытуемых, построение и темы интервью, способы и время опроса. Н.Д.Светозарова излагает свое понимание того, как должны быть представлены интонационные данные в ФФРЯ.

БФФ-4 вышел в сентябре 1992 г. В разделе «Теоретические предпосылки создания ФФРЯ» Л.В.Бондарко, Н.Д. Светозарова и П.А. Скрелин излагают пути и итоги работы над этой темой в Ленинградском университете; В.И. Кузнецов – возможности изучения слогов типа CV; К. Саппок показывает важность для звуковой базы данных качества записи, естественности речевого материала, представления процесса коммуникации в целом, описывает возможности интерпретации речевого материала.

В разделе «Программное обеспечение» М.Хадерсбек дает описание программы IBIN, позволяющей получить на основе двух высказываний с одинаковой сегментной структурой набор промежуточных версий, различающихся по спектру, F0, длительности сегментов и огибающей интенсивности; М.Книпшильд продолжает описание программы управления экспериментом VERSTEU.

В разделе «Экспериментальные исследования» В.В. Люблинская и К.Саппок показывают роль F0 и спектра при восприятии голосовой принадлежности речевого сообщения, В.В. Люблинская, К. Саппок и Н.Д. Светозарова – восприятие промежуточных модификаций мелодических контуров двух типов.

В разделе «Описание звукового материала ФФ» петербургские исследователи приводят текстовый модуль «Фонетически представительный текст», содержащий слова с наиболее частотными слогами и позициями, в которых выступают аллофоны гласных и согласных фонем русского языка, словоформы с типичными морфологическими структурами, а также составленный на его основе другой текстовый модуль «Диалог».

БФФ-5 вышел в ноябре 1994 г. В.В. Люблинская, К. Саппок и Н.Д. Светозарова устанавливают роль особенностей голоса и интонации дикторов при определении

слушателями принадлежности этим дикторам речевых высказываний. Проведенные эксперименты на восприятие различных текстов показали, что существуют сложные отношения между голосом говорящего, присутствием или отсутствием паузы между высказываниями, коммуникативным типом монологических и диалогических реплик.

Л.В. Бондарко, М.А. Губарев, В.И. Кузнецов и М.В. Парфенов описывают различия, иногда весьма значительные, между «идеальной» транскрипцией гласных «фонетически представительного текста», выполненной созданным петербургскими фонетистами Автоматическим Транскриптором, учитывающим разные комбинаторные и позиционные воздействия на гласные, и «реальной» транскрипцией, выполненной опытным фонетистом при слуховом анализе того же текста, прочитанного двумя дикторами.

И.В. Жарков, С.Л. Слободянюк и Н.Д. Светозарова описывают основные принципы программы, обеспечивающей автоматическую акцентно-интонационную транскрипцию русского печатного текста.

В.И. Кузнецов и П.А. Скрелин обсуждают проблему естественности синтезированной речи и представляют некоторые результаты эксперимента по синтезу и слуховой оценке на естественность звучания русских слогов, состоящих из твердых и мягких согласных разного места и способа образования в сочетании с пятью разными гласными.

С.Я. Жуков показывает, что русские согласные воспринимаются в шепотной речи по-разному: в начале слова глухие согласные в основном опознаются правильно, звонкие – чаще как глухие; в интервокальной позиции и глухие и звонкие согласные в основном опознаются правильно.

М.Д. Воейкова и И.А. Чистович приводят и анализируют собранный ими частотный словарь первых слов русских детей, а также оценку родителями величины словаря своих детей.

Е.В. Ягунова сообщает результаты двух своих экспериментов. При исследовании восприятия разных ДП согласных в составе открытых слогов, вырезанных из связного текста, установлено, что наиболее высокой опознаваемостью обладает признак глухость/звонкость, затем шумность/сонорность и твердость/мягкость. В другом эксперименте исследовалась роль голоса в восприятии одновременно звучащих сообщений.

Т.Ю. Шерстинова приводит «фонетически представительный текст» в виде базы данных, где выделены различные характеристики гласных в прочтении двух дикторов.

БФФ-6 вышел в мае 1997 г. К. Саппок устанавливает в звучащем диалектном тексте отображение ситуации, существовавшей при его производстве, на основании свойств голоса рассказчика. О.Б. Йокояма рассматривает прагматическое понятие импозиции, т.е. «принципиального нарушения говорящим кооперационных правил коммуникации, регулярно допускаемого при «своем» модусе», и проявление импозиции в интонации русской разговорной речи. М.Краузе на основе эксперимента обнаруживает проявление разных степеней уверенности говорящего в различных просодических параметрах.

Л.В. Бондарко, В.И. Кузнецов, П.А. Скрелин и К.Б. Шалонова в статье, подводящей некоторые итоги исследований петербургских фонетистов и определяющей дальнейшие пути изучения звуковой системы русского языка, рассматривают проблемы, которые встают при разработке звуковой базы, необходимой и достаточной для реализации системы компилятивного синтеза на основе аллофонов и дифонов.

Н.Б. Вольская, Н.Д. Светозарова и П.А. Скредин приводят различные синтезированные вопросительные контуры и описывают результаты эксперимента по их восприятию. Исследователи показывают, что в вопросительной интонационной модели имеют значение сегментный состав звукового комплекса, степень подъема тона, место частотного максимума и величина его протяженности.

Т.Ю. Шерстинова описывает поля записей фонетической базы данных: фонетически существенные параметры описания и пользовательский аспект, а также приводит обобщение реальной фонетической транскрипции «фонетически представительного текста» – реализации гласных фонем различными аллофонами, называемыми автором «однофонемными» (представляющими только одну фонему) и «многофонемными» (представляющими разные фонемы).

Л.В.Бондарко, К.С.Гор и Т.В.Кобельская показывают отклонения от эталона в произношении двумя американскими студентами безударных гласных на месте орфографического «о» и обращают внимание на особенности обучения фонетике русского языка иностранцев.

Ю.В.Рыжова обнаружила, что русские производные предлоги и омонимичные им знаменательные части речи имеют фонетические различия: у предлогов длительность ударных гласных и длительность всего слова на 7-9% меньше.

В.В.Люблинская и Е.В.Ягунова исследовали формантные переходы гласных на стыках с предшествующими [p, p', t, t', k, k'] и выявили, что присутствие согласного обнаруживается аудиторами по переходам в 23% случаев и при этом твердость/мягкость согласного опознается более устойчиво, чем место образования. Анализ этих примеров показал, что в переходном участке выделяется короткий сегмент (20-30 мс.), опознаваемый как согласный, и следующий за ним сегмент «мягкости» (70-100 мс.). Е.В.Ягунова определила некоторые перцептивно значимые признаки звонких взрывных согласных в последовательности ГСГ.

БФФ-7 под ред. Р.Ф. Касаткиной вышел в декабре 2000 г. Он содержит материалы симпозиума «Спонтанная речь», проходившего 17-19 сентября 1998 г. в Санкт-Петербурге в Норвежском университетском центре, благодаря гостеприимству его директора проф. Яна Ивара Бьёрнфлатена. Участниками симпозиума были специалисты из Германии, Норвегии, Литвы, Южной Кореи и нескольких российских городов: Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Курска, Перми. Доклады большинства участников симпозиума, посвященные преимущественно анализу диалектной речи, отражены в сборнике. Каждая статья включает расшифровку текстов звучащей речи, представленных на отдельном компакт-диске.

В статье В.В. Люблинской и К. Саппока обсуждается специфика интонации говора поселка Русское Устье, расположенного в устье р. Индигирки. М. Краузе, К. Саппок и Т.Ю. Шерстинова представляют результаты сопоставительного исследования фольклорного текста сказки, записанной в Архангельской обл., и монолога той же рассказчицы. Р.Ф. Касаткина привлекает внимание к неотмеченным ранее особенностям южнорусских говоров. Статья В.Е.Гольдина посвящена изобразительности диалектной речи. В.Чекмонас исследовал количественную редукцию безударных гласных в говорах северной части Псковщины. Д.М. Савинов описывает говоры Белёвского р-на Тульской обл. по материалам

фонотеки Тульского педуниверситета, обнаруженной и сохраненной автором статьи. Н.А.Волкова и С.П.Праведников в двух статьях характеризуют некоторые диалектные особенности речи двух информантов из разных районов Курской обл. и реализацию фонемы /т/ в апикальном [т] свойственном женской речи г. Курска.

Зависимость фонетической вариативности городской речи Перми от социолингвистических факторов – тема статьи Е.В.Ерофеевой. Паузам хезитации в спонтанной речи посвящены статьи А.Е.Яковлева и И.Г.Овчинниковой. Т.Н.Медведева выявила средства выражения цели при описании артефактов в устной речи. Е.Л.Кавардакова показала особенности восприятия устного профессионального текста специалистами и неспециалистами.

Приложения к БФФ представляют собой сборники устных текстов, приведенных в орфографической записи и/или транскрипции и сопровождаемых более или менее развернутыми комментариями. В некоторых Приложениях даны и статьи – исследования, посвященные таким текстам. При каждом Приложении имеются аудиокассеты и/или компакт-диски, позволяющие прослушивать и производить самостоятельный слуховой и инструментальный анализ этих звучащих текстов, что существенно облегчается наличием письменных расшифровок.

Впервые в русском языкознании вводится в научный оборот такое значительное количество разнообразных звучащих текстов, собранных в «звучащие хрестоматии».

Большая их часть – диалектные (в том числе и фольклорные) хрестоматии, а тексты представляют собой фрагменты записей, сделанных в диалектологических экспедициях разных лет. Эти хрестоматии могут служить учебными пособиями и использоваться на занятиях по диалектологии в вузах. Однако они имеют и более широкое значение: в них собраны рассказы сельских жителей о своей жизни, отражающие еще недостаточно известные события истории русской деревни XX века. В этих коротких рассказах многое могут почерпнуть для себя и этнографы, социологи, психологи и все, кто интересуется языком, бытом, верованиями, мировоззрением и мировосприятием русского народа.

Таких хрестоматий три, в них даются и комментарии к текстам, приводится словарь диалектных слов, встречающихся в этих текстах: *Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Ч. 1. Севернорусские говоры* / Ю.С.Азарх, Р.Ф.Касаткина, Е.В.Щигель; Отв. ред. Р.Ф.Касаткина (Приложение №1. 1991) – включает 45 текстов из Архангельской, Ленинградской, Вологодской, Костромской, Кировской областей и Карелии, извлеченных составителями хрестоматии из фонотеки отдела фонетики Института русского языка им. В.В.Виноградова РАН. Кроме образцов спонтанной речи, включены также эталоны отдельных звукотипов, характерных для говоров и отсутствующих в литературном языке, а также набор специфических для разных говоров интонационных контуров. *Е. Н. Мошкина. Вятские говоры* (Приложение №8. 1999) – включает 24 текста, представляющие почти все основные группы говоров Кировской обл. Многие тексты были собраны в последние годы специально для хрестоматии, наиболее давняя запись была сделана на пластинку в лагере для русских военнопленных г. Франкфурта в 1916 г. *Н. А. Волкова, С. П. Праведников. Курские говоры. Ч. 1.* (Приложение №9. 1999) включает 14 текстов, записанных в 1980-90-е гг. в 11 районах Курской области.

Три Приложения посвящены фольклорным текстам Севера России: Музыкально-поэтические жанры Севера России (Архангельская область) / Составители А.Ю.Кастров, Ю.И.Марченко, К.Саппок (Приложение №2. 1991) содержит былины, баллады, притчи-небылицы и духовные стихи, записанные в 1920-80-х гг.; Сказки Русского Севера / Составители С.Б.Адоньева, Н.М.Герасимова, А.Ю.Кастров, П.А.Скрелин, С.О.Тананайко; Отв. ред. П.А.Скрелин (Приложение №6, 1997), записи 1920-х и 1970-80-х гг.; Обрядовая поэзия Русского Севера: плачи / Составители А.Ю.Кастров, Ю.И.Марченко; Отв. ред. П.А.Скрелин (Приложение №7), записи 1970-90-х гг.

Пермские лингвисты составили хрестоматию: Т. И. Ерофеева, Е.В. Ерофеева, И. И. Грачева. Городские социо-лекты: пермская городская речь (Приложение №11. 2000), она отражает социальную вариативность городской речи, особенности регионального варианта литературного языка и разное количество просторечных и диалектных черт у 24 информантов, отличающихся по месту рождения (Пермь и Пермская область), полу, возрасту, образованию.

Два Приложения посвящены речи детей и чрезвычайно важны для теории коммуникации и моделей развития ребенка, а также для исследования вариативности и путей изменений в литературном языке: Т. В. Кузьмина, Э. И. Столярова, С. Н. Цейтлин. Речь русского ребенка (Приложение №4. 1994) содержит 17 текстов, записанных от детей от 1 года 3 месяцев до 6 лет 3 месяцев; И. Г. Овчинникова, Н. И. Берсенева, Л. А. Дубровская, Е. Б. Пенягина. Рассказы русских детей (по серии картинок «Frog where are you?») (Приложение №10. 1999), содержит 30 рассказов детей-дошкольников от 5 с половиной лет и первоклассников, различных по уровню развития вербального и невербального интеллекта и личностным характеристикам.

В хрестоматии Русская научная речь / автор-составитель Т.П.Скорикова (Приложение №5. 1997) приведено 12 текстов, включающих разные монологические и диалогические жанры устной научной речи, различных по форме речи, степени проявления факторов публичности, спонтанности или официальности речи, способов изложения мысли и отражающих сочетание признаков кодифицированного литературного языка и разговорного языка.

Приложение №3 Фонд звуковых единиц русской речи / Составители Л.В.Бондарко, В.И.Кузнецов, Н.Д.Светозарова, П.А.Скрелин (1993) содержит материалы, созданные петербургской группой фонетистов и послужившие основой ряда экспериментальных исследований, опубликованных в выпусках БФФ и в других изданиях. Приведены слоги типа CV, слова с орфоэпическими проблемами, учебный словарь-минимум, частотный словарь, включающий более 2700 слов, «Фонетически представительный текст» и составленный на его основе текст «Диалог».

В заключение следует еще раз подчеркнуть большую ценность для лингвистики изданий БФФ, отражающих последние достижения в области фонетики российских и зарубежных исследователей. Публикация звучащих материалов из фонограмм-архивов на современных носителях делает их доступными для современных ученых и сохраняет для будущих исследователей. Приложения к БФФ имеют и общекультурное значение. В издании этих сборников большая не только научная, но и организаторская роль принадлежит профессору Кристиану Саппоку.

ИНФОРМАЦИОННО-ХРОНИКАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Международная научная конференция «Текст. Интертекст. Культура»

Прошла 4-7 апреля 2001 года в Институте русского языка РАН им. В. В. Виноградова. Председатель Оргкомитета — В.П. Григорьев, ответственный секретарь — Н.А. Фатеева, члены оргкомитета - А.В. Гик, Н.А. Николина, Л.Л. Шестакова. Конференция проведена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 01-04-00158г.

4 апреля 2001 г.

Открыл конференцию Л.П. Крысин, заместитель директора ИРЯ РАН. Он обратил внимание на «метауровень» в названии конференции, подчеркнув, что морфема *интер-* не только соединяет тексты разных культур, но и становится символом связи между лингвистическими традициями разных стран.

Затем с приветственным словом к участникам обратился В. П. Григорьев, заведующий Отделом стилистики и языка художественной литературы. Он говорил о том, что предельно широкая проблематика настоящей конференции затронула многие аспекты описания различных типов текста и объединила ученых разных стран. Предвидя жаркие споры по ключевым вопросам исследования текста и интертекста, В.П. Григорьев призвал всех участников уважительно относиться к мнению Оппонента, и процитировал слова методолога С.В. Мейена: «Надо мысленно стать на место оппонента и изнутри с его помощью рассмотреть здание, которое он построил».

Утреннее пленарное заседание (председатели: Е. Фарыно, Н.А. Николина) открыл доклад польского профессора Е. Фарыно (Варшава) «Идентификация и концептуализация в литературном тексте». Е. Фарыно представил свою теорию литературной концептуализации мира. Литературная концептуализация мира проходит несколько этапов становления — сначала языковой, а затем культурный. И если языковой уровень перекодировки внешнего мира легко доступен для истолкования, то культурная составляющая требует специальной интерпретации и комментариев. В качестве примера Е. Фарыно рассмотрел перевод на польский язык текстов Ф. М. Достоевского и М. Булгакова.

Г.А. Золотова (Москва) в докладе «Языковая структура композиции текста» обратилась к рассмотрению основополагающих вопросов: что такое текст, а также что такое композиция текста и как ее интерпретировать. Программа анализа, предлагаемая Г.А. Золотовой, опирается на коммуникативные регистры (генеритивный, информативный, волюнтивный, реактивный) — особым образом устроенные речевые структуры. За теоретической частью доклада следовал разбор композиции ряда прозаических текстов.

В докладе А.М. Люксембурга (Ростов-на-Дону) «Набоковский интертекст в свете теории игровой поэтики» была дана новая интерпретация творчества В. Набокова. А. М. Люксембург выдвинул понятие «игровой поэтики» в рамках общепринятой теории интертекстуальности. По мнению докладчика, Набоков методично строит структурные соответствия между различными текстами-источниками, но умело камуфлирует скрытые, подразумеваемые пласты пародийной, обманчивой фабулой, обыгрывающей стереотипы популярных жанров массовой беллетристики.

В развитие своей теории докладчик реконструировал игровые структуры в английских и русских произведениях В.Набокова.

Н.А. Николина (Москва) в докладе «Категория времени в свете поэтического эксперимента» рассмотрела особенности функционирования грамматики в экспериментальных стихотворениях XX века от В. Хлебникова и Д. Хармса до А. Цветкова и О. Арефьевой. Неконвенциональное употребление временных форм в таких стихотворениях создает эффект атемпоральности, зыбкости временных пластов, размывания временной семантики.

В докладе Л.В. Зубовой (Санкт-Петербург) ««Поэтическая орфография» в конце XX века» рассматривались эксперименты иного рода – в области поэтической орфографии. Приводимый перечень отклонений от общепринятых норм включал в себя орфографические архаизмы, анахронизмы, фонетическое письмо, сознательное использование типичных ошибок, иконическую передачу длительности, неалфавитное обозначение букв. Л.В. Зубова подробно остановилась на поэтической семантизации неконвенциональной поэтической орфографии.

Завершил утреннее заседание доклад В.С. Баевского (Смоленск) «Лингвистическое, математическое, компьютерное моделирование в истории литературы и поэтике. К изучению тематики русской поэзии XIX-XX веков», в котором ученый осветил работу своего коллектива по компьютерной обработке текстов русской поэзии. В докладе обсуждались методы анализа большого корпуса поэтических текстов, а также конкретные результаты этой работы: общий для многих русских поэтов поэтический словарь, некоторые вопросы жанровой организации, новая периодизация творчества А.С. Пушкина и Б. Пастернака.

Вечернее пленарное заседание (председатели: В.С. Баевский, Р. Вроон) открыл доклад М.Л. Гаспарова (Москва) «Литературный интертекст и языковой интертекст», вызвавший оживленную дискуссию. М.Л. Гаспаров предложил отделить «языковой интертекст» от общепринятого «литературного интертекста». Языковым интертекстом докладчик предложил считать ритмико-синтаксическую формульность (и ритмико-синтаксические клише) в пределах одной стихотворной строки. Языковой интертекст иллюстрировался распределением глаголов, прилагательных, существительных в строке русского 4-стопного ямба.

Доклад Р. Вроона (Лос-Анджелес) «К проблеме становления лирического цикла в русской поэзии» был посвящен первым в русской традиции поэтическим циклам Симеона Полоцкого — панегирикам. Определив, что такое цикл, докладчик выдвинул идею о том, что оригинальные панегирические циклы С. Полоцкого имели в качестве образца церковные каноны и акафисты.

Л.Г. Панова (Москва) в докладе «Модели времени в поэтических текстах О. Мандельштама» рассмотрела 4 модели времени: 1) циклическую, 2) спиралевидную, 3) историческую и 4) линейную, сменявшие друг друга. Эти модели формируются при помощи грамматики времени, слов с временным значением, символики и т.д. Исследуя набор времен и процесс их смены, докладчица пришла к выводу, что Мандельштам в своем постижении идеи времени прошел тот же путь, каким шло все человечество с древнейших времен до наших дней и таким образом еще раз «процитировал» мировую культуру.

С.Е. Никитина (Москва) в докладе «Иносказание, сравнение, метафора как способы построения молоканского дискурса» рассказала о собранном ею в экспедиции корпусе

герменевтических толкованиях Библии молоканами (молокане – протестантская ветвь в старообрядческой среде). Специфика молоканских толкований Библии не только в том, что народная риторика и герменевтика включают в себя иносказание, сравнение, метафору, но и в том, что Библия объясняется через библейскую же образность.

Доклад Ю.К. Пироговой (Москва) «Стратегии коммуникативного воздействия и их отражение в рекламном тексте» был посвящен совсем другой проблеме изучения дискурса, а именно особенностям построения рекламного текста. Докладчица выделила коммуникативные стратегии двух типов в качестве основополагающих: направленные на формирование восприятия объекта рекламы и направленные на оптимизацию самого рекламного сообщения.

Завершил заседания первого дня совместный доклад А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского (Москва) «Политическая метафорика в немецком и русском политическом дискурсе (конец 80-х - начало 90-х гг.)». Доклад был посвящен рассказу о русско-немецком проекте и собранных в его рамках 9 тысячах русских метафор и 8,5-10 тысячах немецких. Анализ собранного материала велся по шести параметрам и позволил увидеть различие в ментальности носителей русского и немецкого языков.

Обсуждение было вызвано вопросами, поставленными в докладе М.Л. Гаспарова, и строилось преимущественно вокруг проблемы интертекстуальности. В.С. Баевский отметил языковую интертекстуальность у других поэтов пушкинской эпохи (а не только у А.С. Пушкина, о котором шла речь в докладе М.Л. Гаспарова) и призвал пересмотреть временные рамки интертекстуальности: традиционно исследования по интертекстуальности ограничиваются Серебряным веком и не включают Золотой век, не менее богатый интертекстуальными связями. А.Я. Шайкевич в связи с докладом М.Л. Гаспарова обратил внимание на то, что субъективность – одна из наиболее уязвимых областей в современных работах по интертекстуальности. Дискуссия вокруг понятия «интертекстуальность» была продолжена Л.Д. Бугаевой, Е.Фарыно и А.М. Люксембургом.

5 апреля 2001 г.

Утреннее заседание «Общие вопросы организации художественного текста и его изучение с помощью точных методов» (председатели: В.А. Лукин, Л.Л. Шестакова) открыл доклад В.А. Лукина (Орел) «Типологическое определение художественного текста», посвященный обобщению существующих теорий текста. Докладчиком было выдвинуто новое понимание текста, определяемое через сумму следующих параметров: 1) авторский замысел, 2) референтная область, 3) знаковая последовательность, 4) связность композиции, 5) цельность и семантическая структура, 6) код, 7) функция, 8) интерпретация произведения. Тот или иной тип текста – это специфически упорядоченная иерархия параметров (так, для художественного текста определяющими являются соотношения 2-6 vs 8; 2-3 vs 6; 2-6 vs 7).

Для доклада И.А. Гуловой (Москва) «О текстовой компрессии» центральными понятиями стали корпус текстов одного автора и идиостиль. Главный вопрос, поставленный докладчицей, звучал так: есть ли в текстовом массиве одного автора тексты-доминанты, наилучшим образом представляющие авторский стиль? Ответив положительно на этот вопрос, И.А. Гулова выдвинула понятия «идиостилевой репрезентативности отдельного текста» и внутренней интертекстуальности. Теоретические положения иллюстрировались на примере поэзии А.Н. Апухтина.

**Фотографии докладчиков: Н.А. Фатеевой,
Г. Денисова, Ст. Гардзонио, В.П. Григорьева,
О.И. Северской, А.М. Люксембург, М.И. Шапира,
О.В. Евтушенко, Л.Г. Пановой**

Н.К. Онипенко (Москва) в докладе «Идея субъектной перспективы и анализ художественного текста» кратко изложила три основных исследовательских инструмента коммуникативной грамматики: теорию коммуникативных регистров, таксис как технику синтагматических связей в тексте и модель субъектной перспективы. Каждая из трех идей представляет собой текстовую трансформацию определенных морфологических категорий (в частности, модель субъектной перспективы является текстовой трансформацией категории лица, с одной стороны, и грамматической трансформацией идеи «образа автора», с другой). В докладе были рассмотрены синтаксические средства обнаружения отношений между точкой зрения автора и точкой зрения героя, был сделан сравнительный анализ трех последних строф «Евгения Онегина» и онегинской строфы из «Дара» Набокова.

Доклад Л.Д. Бугаевой (Санкт-Петербург) «Психоделический vs. шизофренический дискурс в прозе XX века» был посвящен двум типам постмодернистского дискурса. Психоделический дискурс (от О. Хаксли до П. Пепперштейна) предполагает выход за пределы своего мира, особую пространственно-временную организацию текста, трансформацию феноменологического тела и др. Шизофренический дискурс (В. Сорокин, Ю. Кисина и др.) предполагает языковую деструкцию, присутствие другого, возвращение в прошлое, особым образом сочетающее тему детства с темой каннибализма.

В докладе «Поэтический язык и компьютерная лексикография» Л.Л. Шестакова (Москва) рассмотрела формы представления поэтического языка в словарях разных типов. В качестве примера были взяты «Толковый словарь русского языка» Ушакова (и отражение в нем поэзии Е.А. Баратынского) и сводный «Словарь языка русской поэзии XX века». Докладчица отдельно остановилась на специфике поэтических эпиграфов и цитат (И. Анненского, А. Ахматовой, А. Блока и др.) и способах их представления в сводном словаре.

Г.В. Иванченко (Москва) в докладе «Гендерная атрибуция поэтического текста «наивным читателем»» поделилась с аудиторией результатами психологического эксперимента. 30 малоизвестных стихотворений Серебряного века были предложены опрашиваемым для определения гендерной принадлежности автора; опрашиваемые опирались на пятибальную шкалу уверенности - неуверенности. Результаты этого психологического эксперимента оказались неожиданными: так, в восприятии мужчин часть стихотворений, написанных женщинами (С. Парнок, А. Радловой), оказались более мужскими, чем стихотворения авторов-мужчин.

Р. Бобрик (Варшава) в докладе «Из материалов к сравнительному словарю культуры XX века» обратил внимание на относительно новый для филологии тип словаря - словарь культуры. Докладчик подробно рассказал о словаре «Мотивика / Мифология XX века» (составители Е. Фарыно, Р. Бобрик) и принципах его составления. Эти принципы были продемонстрированы на примере статьи «Лампочка», с параллельными польско-русскими примерами.

В совместном докладе Н.Т. Тарумовой и И.В. Шумариной (Москва) «О словаре неологизмов А. Белого» прозвучал рассказ о создании авторского словаря неологизмов А. Белого (составители М.В. Воронцова, Н.Н. Перцова, Н.Т. Тарумова, И.В. Шумарина), второго словаря такого типа после «Словаря неологизмов В. Хлебникова» (составитель Н.Н. Перцова).

В докладе речь шла о модификации словарной статьи: по сравнению со словарем неологизмов В. Хлебникова словарь неологизмов А. Белого включает в себя дату «создания» слова и его словообразовательное гнездо. Доклад был богато проиллюстрирован примерами из прозы А. Белого.

В докладе Н.А. Кожевниковой (Москва) «Словообразовательные гнезда в романе А. Белого «Москва»» был показан сложный характер гнезд, в которые входят слова из словаря Даля, новообразования А. Белого и общеупотребительные слова. Как отметила Н.А. Кожевникова, новообразования А. Белого были результатом тщательной проработки словаря Даля (и, возможно, некоторых других лексикографических источников). В романе «Москва» Н.А. Кожевниковой были обнаружены не только лексические заимствования из словаря Даля, но еще и два композиционных принципа расположения неологизмов – гнездовой и алфавитный.

А. В. Рафаева (Москва) завершила утреннее заседание докладом «Исследование структуры волшебной сказки методами компьютерной лингвистики». Докладчица обозначила основные направления анализа сказочного текста в рамках новой компьютерной системы «Сказка» (автор С. А. Старостин) и рассказала о проделанной работе.

Вечернее заседание «Поэтическая система В. Набокова» (председатель: А.М. Люксембург) открыл доклад «Пародии и «пароиды»» Ю.И. Левина (Москва). Ю.И. Левин дал развернутое определение пародии, отделив ее от пародов (перепева, стилизации, портретной карикатуры и т.д.); докладчик остановился и на особенностях автопародии. Иллюстративным материалом для всех обсуждаемых в докладе пародийных явлений послужили произведения В. Набокова, пародийные по своему художественному заданию (главным образом благодаря наличию в них биспациальности).

Г.Ф. Рахимкулова (Ростов-на-Дону) в докладе «Игровые функции окказионализмов в прозе В. Набокова» рассмотрела набоковские лексические новообразования, которые, по мнению выступающей, определяют специфику идиостиля В.Набокова. В русскоязычных романах писателя «Отчаяние», «Приглашение на казнь», «Дар» и «Лолита» сосредоточено наибольшее число примеров, позволяющих прояснить различные функции окказионализмов: от маркировки скрытого авторского присутствия до конструирования реалий вымышленных миров.

В докладе Л.Н. Рягузовой (Краснодар) «О словаре эстетических и теоретико-литературных понятий В. Набокова», посвященном концептуальной терминологии Набокова, была отмечена близость используемых Набоковым терминов к аппарату русской формальной школы, с той только разницей, что для В. Набокова термины служили средством художественного переживания.

В докладе Н.А. Фатеевой (Москва) ««Оптический фокус счастья» как композиционный принцип организации русских текстов В. Набокова» были рассмотрены лексический, образный, синтаксический и фонетический уровни организации «русских романов» Набокова под углом отражения в них идеи достижения счастья. Так, Н.А. Фатеева разобрала сюжетные линии романа «Дар», еще раз представив доказательства неоднозначности «счастливого конца» этого произведения. Похоже, заключила она, что писатель сам боится «счастья» и не дает полного счастья своим героям — недаром позднее в романе «Пнин» авторское «Я» Набокова скажет: «Некоторые люди — и я в их числе — терпеть не могут счастливых концов».

Закрывает «набоковскую» серию выступлений доклад Ю.Л. Таратуты (Винница-Москва) «Семантическая вариативность художественного выражения при автопереводе («Отчаяние» В.Набокова)». В нем сравнение русского романа Набокова «Отчаяние» с его автопереводом на английский язык («Despair») переросло в определение набора ядерных и периферийных смыслов и основных мотивов, как общих для русского и английского вариантов романа, так и варьирующихся. Ю.Л. Таратута отметила, что набоковские вариации обусловлены фонетическими и семантическими различиями двух языков. Результатом сопоставительного анализа двух версий романа стало определение механизма соотношения локальных ситуаций в обоих романах с единым замыслом автора.

Следующую часть вечернего заседания «Пространство и время в художественном тексте» открыл доклад О.В. Евтушенко (Москва) «Архетип пространства: хранители и змеборцы». В нем проводилась мысль об изоморфности текстовых структур когнитивным моделям, сложившимся в языке. Было отмечено, что наметившаяся и отчетливо обозначившаяся в творчестве А.С. Пушкина тенденция создания многослойных текстов как альтернативы линейной и кольцевой организации текстового пространства закономерна и выводима на основе анализа этимологии слов с пространственной семантикой.

В докладе Т.В. Ряпиной (Москва) «Пространственное оформление мира (на примере стихотворений В. Ветровой «Последний раз ты выпадаешь на колени...» и И. Бродского «Потому что каблук оставляет следы — зима...»)» были разобраны два конкретных текста с точки зрения их пространственной организации.

В докладе Т.В. Свешниковой (Москва) «Время в художественной прозе М. Элиаде» был подробно проанализирован эксперимент с временем в повести М. Элиаде «У цыганок» (1959). Герой повести проживает одновременно два времени и два ряда параллельных событий: с одной стороны, все многообразие перемещений и мест, которое укладывается в один день, а с другой стороны — жизненные события, происходящие в течение 12 лет... Вслед за героем Автор перемещается из одного времени — в другое.

6 апреля 2001 г.

Утреннее заседание. «Индивидуальные поэтические системы и особенности их текстовой реализации» (председатель: Н.В. Злыднева) открыл доклад А. Хакер (Лос-Анджелес) «Об архитектурной структуре «Досок Судьбы» В. Хлебникова». Доклад был построен на анализе неопубликованных текстов из архивов поэта. А. Хакер показала, что языковая структура последнего произведения В. Хлебникова во многом зависит от нелинейного способа представления текстов в черновиках поэта.

Е.В. Красильникова (Москва) в докладе «Заглавия в поэзии Н. Заболоцкого» представила синтаксическую типологию заглавий: заглавия, имеющие форму предикации (с подтипами), и номинативные заглавия. Материалом исследования послужили стихотворения Н. Заболоцкого. Е.В. Красильникова убедительно показала, что Заболоцкий связывал заглавие с текстом не только тематически, метрически, но и фонетически (в этом последнем случае заглавие содержало ключевые звуки стихотворного текста).

В докладе «К проблеме гоголевского текста А. Платонова» Н.В. Злыднева (Москва) обратилась к анализу общего для двух писателей мотива 'вещь'.

В поэтике А. Платонова мотив вещи складывается из смыслов, как вещь – ‘память’, вещь – ‘человек’, вещь – ‘женщина’ и др. Гоголевское в такой концептуализации вещи – противопоставления-тождества ‘жизнь/смерть’, ‘душа/ тело’; гоголевской может считаться и каталогизация вещей в произведениях А. Платонова. Расхождения с Гоголем докладчица увидела в концептуализации вещей через ‘ветхость’, а также через женское начало.

В докладе «Самый типичный комикс (рассказ в картинках) в мировой литературе, или как сделана «Мышь» Шпигельмана?» П. Тамми (Тампере) остановился, главным образом, на методе исследования. С одной стороны, он предложил междисциплинарное исследование текста, принятое в современной европейской и американской филологии, с другой, – показал, насколько важны основы нарратологии, разработанные в русской формальной школе (В. Шкловский и др.). Перейдя к анализу «Мыши» Шпигельмана, П. Тамми отметил, что в этом комиксе обнаруживают себя так называемое «вложенное» повествование (в рассказ о создании книги Артом Шпигельманом вставлен рассказ его отца о пережитом в концентрационном лагере), а также вложенные картинки (в собственно комиксы вставлены фотографии). По законам жанра комиксов действующие персонажи изображаются в зверином обличье: евреи – мыши, гитлеровцы – коты и т.д. Доклад вызвал оживленную дискуссию, в ходе которой докладчику посоветовали уделять больше внимания изучению интермедийальных связей.

В докладе М.В. Акимовой (Москва) «Эпитеты богов в поэзии П.А. Катенина» были рассмотрены произведения античности, повлиявшие на выбор эпитетов для богов в поэзии П.А. Катенина. Источниками эпитетов оказались «Илиада» Гомера, «Филоктет» Софокла, «Прометей прикованный» Эсхила.

В докладе А. Г. Грек (Луганск) «Стилистика и структура текста «Послания Иоанна Пресвитера Владарю царю тайное» в «Повести о Светомире царевиче» Вяч. Иванова» была предпринята попытка интерпретации сложного текста Вяч. Иванова через текст древнерусской словесности. Выступающая отметила особенности архаического жанра произведения Вяч. Иванова, а также архаизированные стиль и язык.

Утреннее заседание завершил доклад А. В. Гик (Москва) «Звуковой аспект организации поэтического текста М. Кузмина». В нем был представлен каталог встречающихся у М. Кузмина художественных фонетических эффектов. А.В. Гик особо остановилась на семантической и метрической функции рифмы М. Кузмина, а также на различных типах звуковых повторов в начале и середине строки.

Вечернее заседание состояло из двух секций.

Секцию 1. «Интертекстуальность и проблемы перевода» (председатели: Г. Денисова, Н.А. Кузьмина) открыл доклад Ф.Х. Исраповой (Махачкала) «Ситуация «текста о тексте» в свете теории поэтической авторефлексивности (теории «поэзии поэзии» Ф. Шлегеля)». В нем была сделана попытка взглянуть на ситуацию «текста о тексте» с точки зрения учения Ф. Шлегеля о романтической поэзии. Примеры, подтверждающие основной тезис Ф. Шлегеля – «рефлексия между изображаемым и изображающим», – приводились из стихотворений Гете, Брентано и Эйхендорфа.

В докладе О.В. Шульской (Вильнюс) «Метатекстовые конструкции и автоцитаты в поэзии А. Межирова» творчество А. Межирова рассматривалось с точки зрения

авторрефлексии на тему собственного творчества. Авторефлексия А. Межирова складывается из таких явлений, как метатекст, метаязык, метапоэтика, автоцитации, из случаев авторских рассуждений по поводу названий своих сборников. Все эти явления интерпретировались еще и в автокоммуникативном ключе - как диалог с собой.

Совместный доклад М.Н. Михайлова (Москва) и Х.Т. Томмола (Тампере) «Оригинал или перевод?» затронул новый для конференции вопрос: чем отличается язык оригинальных русских текстов от языка переводов на русский язык. Статистические подсчеты по корпусу тех и других текстов (6,5 и 3,5 миллионов употреблений соответственно) выявили очень незначительное количество различий и позволили говорить о большей степени идиоматичности и большей экспрессивности, большем количестве синонимов и однокоренных слов в русских оригинальных произведениях, чем в их переводах.

Н.А. Кузьмина (Омск) в докладе «Художественный перевод как интертекстуальный феномен» представила новую теорию перевода в свете синергетики (т.е. сложных систем) и предложила в этой связи новое понимание интертекста и энергии. Доклад вызвал бурное обсуждение как со стороны профессиональных переводчиков, не принявших идею передачи энергии оригинального текста, так и со стороны лингвистов, не согласившихся с идеей уровня эквивалентности и идентичных кодов текста-оригинала и переведенного текста.

Доклад Г. Денисовой (Пиза) «Интертекстуальность и семиотика перевода: возможности и способы передачи интекста в другой культуре (на материале перевода современной русской прозы на итальянский язык)» позволил взглянуть на перевод с другой, технической, стороны. Теория перевода, развиваемая в этом докладе, включала в себя проблему перевода «интекста» – чужого слова, интертекста, клише в рамках одного текста. Докладчица настаивала на том, что «интексты» оригинального произведения должны переводиться аналогичными «интекстовыми» средствами принимающего языка.

Завершил секцию доклад «Творческая грамматика в разных типах дискурса» Е.Н. Ремчуковой (Москва). Исследовательница выдвинула в качестве основополагающего принципа идею структурирования и заданности грамматических норм; следуя этим нормам, «творческий говорящий» (термин, предложенный Е.М. Ремчуковой) тем не менее может позволить себе языковые игры или языковые вольности. Ряд грамматико-лексических явлений – формы родительного падежа множественного числа (**мечт, *человеков*), компаративы от относительных прилагательных (**стеклянное*), залоговые формы (**я был благодарен*), использование в текстах рекламы разных лексико-семантических вариантов (*кровать, на которую можно не только ложиться, но и положиться*) – продемонстрировали игровой потенциал русского языка.

Секция 2. «Специфика разнообразных жанровых форм текста и особенности конкретных дискурсов»(председатели: Д.М. Магомедова, П.Б. Паршин) состояла из целого ряда докладов, которые вызвали бурную дискуссию участников.

Теоретические доклады О. О. Рогинской (Москва) «Роман в письмах как тип художественного текста» и М. В. Кудриной (Москва) «Жанр рассказа как тип речевой структуры» содержали оригинальные, но, как показало последующее обсуждение, не универсальные концепции жанров.

Доклад Д. М. Магомедовой (Москва) «Язык классических жанров в лирике серебряного века» заключал в себе анализ одной из поэтических книг В. Я. Брюсова.

В выступлении О. В. Федунинной (Москва) «Сон персонажа как фрагмент художественного текста: инвариантная структура и ее разновидности» содержался типологический анализ текстов русских писателей, использующих сон как прием создания «другой» реальности.

П.Б. Паршин (Москва) в докладе «Модель мира современной рекламы» предложил отказаться от традиционной трактовки мира рекламы как «урезанного» мира. Так, в российской рекламе П.Б. Паршин выделяет свою, рекламную, социологию, психологию, физиологию, историю, физику и химию.

В докладе М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой (Москва) «Жанровое пространство рыночной коммуникации» были названы основные жанровые характеристики ситуации «рынок». Наиболее подробно был проанализирован один из специфических рыночных жанров - жанр «выкрика-зазыва».

Завершил заседание доклад Е. Я. Шмелевой и А. Д. Шмелева (Москва) «Анекдот как текст и речевой жанр». В нем были разграничены рассказывание анекдота (т.е. анекдот как устный речевой жанр) и анекдот как текст. Авторы доклада выделили различные функции языковых средств, используемые для изображения речи персонажей. Доклад вызвал бурную дискуссию, центром которой стал вопрос о том, насколько научны методы, предлагаемые для изучения анекдота, и насколько исследователи объективны в выдвинутых ими основных тезисах.

7 апреля 2001 г.

Утреннее пленарное заседание (председатели: М.Л. Гаспаров, С. Гардзонио) открыл доклад Ю.Б. Орлицкого (Москва) «Опыт универсальной ритмической типологии литературного текста». Поставленный в докладе вопрос – где проходит граница между стихом и прозой? – был рассмотрен с учетом всех возможных переходных форм. Дихотомия стих - проза (стих – текст, выстроенный и по горизонтали, и по вертикали; проза – текст, выстроенный по горизонтали), не учитывает однострочья (ундетероны), прозиметрию (текст с элементами стиха и прозы) и вакуумные (т.е. неписьменные) тексты. По мысли докладчика, различение стиха и прозы можно делать лишь на основании письменного текста, но никак не произносимого. В заключение Ю.Б. Орлицкий предложил пятичленную парадигму «стих - проза» вместо двучленной.

В докладе Т.В. Скулачевой (Москва) «Стих и проза: лингвистические различия» рассматривалась та же дихотомия «стих — проза», но только с позиций синтаксической и интонационной специфики стиха. На синтаксическом уровне стих отличается от прозы распределением тесных и слабых связей в строке (тесные связи тяготеют к началу строки, а слабые – к концу) и увеличением количества сочинительных связей между строками, а на интонационном — интонацией перечисления. Таким образом, к традиционному определению стиха как «тексту, делимому на строки», докладчица добавила три новых отличия.

В докладе С. Гардзонио (Пиза) «Особенности лексики и образности «итальянского текста» русской поэзии» речь шла о подражаниях, переделках итальянских текстов русскими поэтами и об оригинальных русских стихотворениях, посвященных Италии и итальянской тематике. Этот текстовый комплекс русской поэзии, тематически связанный с русским представлением об Италии и названный по аналогии с «петербургским текстом»

(термин В.Н. Топорова) «итальянским текстом», был рассмотрен хронологически — от М.В. Ломоносова до И.А. Бродского. В рамках итальянского текста также были выделены «венецианский», «флорентийский» и «дантовский» тексты.

В докладе С. Н. Бройтмана (Москва) «Лирический текст и историческая семантика образных «языков»» утверждалась необходимость учитывать достижения исторической поэтики. Помимо фигурально-тропеического и «простого» слова существует выявленный исторической поэтикой образный язык, который дает кумулятивный эффект. Одна из разновидностей образного языка, наиболее архаическая - параллелизм. Анализ лирического текста с точки зрения семантики образных «языков» был продемонстрирован на примере стихотворения К. Случевского.

Доклад М.И. Шапира (Москва) «Стих и проза: о пределах длины стихотворной строки» завершил стиховедческую серию докладов. Докладчик определил стих как «систему сквозных принудительных парадигматических членений». Коротко остановившись на способах уравнивания силлабической, тонической и силлабо-тонической строки, М.И. Шапир перешел к анализу сущности верлибра и уравниванию строк в нем, иллюстрируя свои рассуждения текстами Д. Хармса, М. Кузмина, С. Нельдихена. Возможность «безграничной» длины стихотворной строки в верлибре была продемонстрирована экспериментальным стихотворением Д. Пригова «Широка страна моя родная...», с количеством ударений в строке от 5 до 429.

Затем последовал доклад профессора А. Маймескулов (Быдгощ) «Мир как метаязык: автотематическое стихотворение Бродского «Похож на голос головной убор...». А. Маймескулов отметил, что иерархическое соотношение логоса (слово, речь) и нуса (ум, мозг, голова) в системе Бродского, мотивирующее крылатость «шапки-речи», моделирует стихотворение как речь о поэтической речи, как метаязык.

Завершил утреннее заседание доклад О. И. Северской (Москва) «Языки поэтических школ России как элемент социокультурного и языкового пространств современности (90-е гг. XX века)». О.И. Северская выбрала объектом своего исследования поэзию конца XX века – метареализм (А. Парщиков, А. Драгомощенко и др.), ироническую поэзию (В. Друк. Н. Искренко и др.), концептуализм (Л. Рубинштейн и др.). Большое место в докладе было уделено разным типам языковой игры у поэтов всех трех направлений.

Вечернее пленарное заседание (председатели: В.П. Григорьев, Н.А. Богомолов) открыл доклад Н. А. Богомолова (Москва) «К анализу футуристического текста». Выступление было построено на интерпретации прозаического текста члена футуристической группы «41⁰» И. Терентьева «Трактат о сплошном неприличии». Н. А. Богомолов выделил три начала текста: эротическое, эстетическое и эзотерическое, ставшие предметом его анализа. Докладчик обратил внимание на звуковое и графическое оформление текста, которое как раз и создает эффект «неприличности».

В. П. Григорьев в своем докладе «В защиту Будетлянина. Оппонирую О. Седаковой и «Миру» Хлебникова» дал краткую характеристику последних публикаций о В. Хлебникове. Доклад содержал подробный анализ статьи О. Седаковой «Контурсы мира Велимира Хлебникова» из сборника «Мир Велимира Хлебникова», с основным положением которой (в частности, о паранаучности работы поэта с языком) В. П. Григорьев полемизировал.

В конце выступления было предложено издать сборник, посвященный творчеству В. Хлебникова, который можно было бы назвать так же, как сборник о В. Набокове: «Pro и Contra».

Завершило вечернее заседание выступление Н. Н. Перцовой «О строении «сверхповестей» В. Хлебникова». Как считает Н.Н. Перцова, разные произведения Хлебникова (такие, как «Занегези», «Дети выдры», «Ка», наброски романа (1908 г.)) являются частями одной монументальной эпопеи, рабочее название которой — «Преломляющий Я». Свои положения докладчица подкрепила анализом тематического и образного строя опубликованных текстов и их черновиков.

Доклад В.П. Григорьева вызвал дискуссию. Выступавшие хлебниковеды говорили о своей солидарности с В.П. Григорьевым. При этом Ю.И. Левин отметил, что поэзия В. Хлебникова – это особый объект исследования, вызывающий и допускающий множественность и иногда полярность толкований, поэтому надо допускать и возможность понимания его текстов «на грани непонимания» (что и удалось сделать О. Седаковой).

В заключительном слове В.П. Григорьев, выражая общее мнение сотрудников отдела стилистики и языка художественной литературы ИРЯ РАН им. В.В. Виноградова, сообщил об открытии нового семинара – «Проблемы поэтического языка». Семинар будет посвящен всему спектру проблем, который был затронут на конференции «Текст. Интертекст. Культура». В.П. Григорьев пригласил всех присутствующих к участию в новом семинаре.

А.В. Гук, Л.Г. Панова

Круглый стол, посвященный проблемам изучения и преподавания церковнославянского языка

27 февраля в Институте Русского языка РАН состоялось заседание круглого стола, посвященное проблемам изучения церковнославянского языка. Его участниками стали исследователи-филологи, преподаватели духовных и светских учебных заведений, работники издательств, библиотек и архивов – те, кто по роду своей деятельности связан с изучением, преподаванием, описанием церковнославянского языка, хранением и систематизацией памятников церковнославянской письменности.

Заседание проходило под председательством директора ИРЯ РАН А.М. Молдована.

В своем вступительном слове председатель отметил, что одним из поводов к этой встрече послужило создание интернет-сайта ИРЯ, в рамках которого будет представлена информация об изучении церковнославянского языка: «Интернет дает нам уникальную возможность объединять наши усилия и, по меньшей мере, сводить воедино информацию о том, что делается в этой области». В то время как существуют целые институты по изучению древнего периода церковнославянской книжности, выходят специальные издания, церковнославянский язык нового времени практически не исследован. Отдельные исследователи в этой области разобщены: одни преподают, другие занимаются библиографией, третьи - редактированием богослужебных книг,

четвертые – разработкой шрифтов и т.д. Эта встреча и последующее создание странички, посвященной церковнославянскому языку, в рамках интернет-сайта ИРЯ РАН призвана помочь им познакомиться друг с другом и наладить обмен информацией.

Каждый из участников круглого стола сделал небольшое сообщение о своей деятельности.

А.Г. Кравецкий и А.А. Плетнева (ИРЯ РАН) рассказали об исследованиях церковнославянского языка нового времени, которые проводятся в Институте русского языка. Сверхзадачей является написание непрерывной истории этого языка с XVII по XX век (см. [Кравецкий, Плетнева 2001]), причем на первом этапе необходимо решить источниковедческие проблемы. Начать предполагается с составления «внешней» истории церковнославянской книжности, с того, чтобы проследить историю деятельности тех учреждений, которые занимались правкой и подготовкой церковнославянских изданий к печати. Параллельно с этим необходимо создать общий свод данных о службах, времени их написания, исправления, печатания, а также о людях, так или иначе причастных к этой работе. Лишь после выполнения этой предварительной работы будет возможно приступить к решению собственно лингвистических проблем.

Актуальную сейчас проблему реформы языка богослужения затронул в своем выступлении А.М. Камчатнов (кафедра языкознания филологического факультета МПГУ). По его мнению, с предложениями по этой реформе могут и должны выступить и лингвисты, филологи, хотя понятно, что окончательное решение этого вопроса должно быть принято священноначалием Русской Православной Церкви. А.М. Камчатнов высказал свою точку зрения на то, как можно осуществить подобную реформу, используя опыт истории создания корпуса текстов Славянской Библии и истории литургических текстов, которая, к сожалению, до сих пор плохо изучена. Именно в ней зачастую можно найти ответы на многие вопросы современности. В церковнославянских литургических текстах действительно есть моменты непонятные, смущающие прихожан, но после изучения более древних текстов это смущение вполне возможно снять. А.М. Камчатнов стремится выработать критерии оценки разного рода вариантов, которые можно найти в текстах Священного Писания, что получило отражение в его монографиях. В своем выступлении он отметил, что к работе по подготовке и изданию текстов Священного Писания и других богослужебных текстов можно и нужно привлекать учащихся, и высказал уверенность в том, что результаты такой работы будут затребованы самыми широкими кругами научной и церковной общественности.

О.А. Седакова (Институт истории и теории мировой культуры философского факультета МГУ) рассказала о своей работе над словарем церковнославянско-русских паронимов¹, «ложных друзей переводчика». Первоначально представлялось, что таких слов несколько сотен, но теперь словарь включает более 2 тысяч слов. О.А. Седакова отметила, что в такой работе необходимо участие многих людей, особенно тех, кто часто общается с богослужебными текстами: по ходу дела они видят новые и новые слова, значения которых в разной степени удалены от современного русского языка, что очень существенно для понимания.

¹ Первоначальная версия этого словаря публиковалась в журнале «Славяноведение». 1992. № 5 - 1995. № 2.

В процессе работы над подобным словарем возникают и определенные трудности, связанные, например, с необходимостью сопоставлять значения слов с греческим оригиналом для выяснения их значения, поскольку церковнославянские тексты по большей части переводные. Но история отношений славянского текста с греческим оригиналом мало изучена - при том, что греческий богослужебный текст, как известно, не оставался неизменным.

Е.Э. Бабаева (ИРЯ РАН) отметила необходимость создания словаря либо базы данных грамматических терминов. Эта терминология достаточно древняя, в ней нет единообразия, термины по-разному употребляются в разных грамматиках, поэтому для исследователей современного церковнославянского языка было бы полезно знать, что подразумевалось раньше под тем или иным термином и какие грамматические теории это порождало. Кроме того, существует сравнительно мало работ и по истории нормализации церковнославянского языка, а это достаточно важная тема.

Т.В. Хлыбова (Православный Свято-Тихоновский Богословский институт) обратила внимание участников круглого стола на проблемы преподавания церковнославянского языка в вузах. По ее мнению, имело бы смысл объединить усилия многих исследователей и преподавателей для создания учебных пособий, рассчитанных на разные категории учащихся и разные формы обучения. Для ПСТБИ особенно необходимы специальные пособия для студентов-заочников, грамматические справочники, разнообразные сборники упражнений. К сожалению, сил одного Богословского института для этого явно недостаточно, хотя многое делается. Т.В.Хлыбова отметила важную для преподающих церковнославянский язык проблему вариативности орфографических норм в текстах Синодального периода, изданных разными типографиями, и проблему правки иконописных подлинников на церковнославянском языке. В настоящее время подобных пособий для учащихся не существует, но при работе с текстами такие вещи необходимо знать и учитывать.

Ф.Б. Людоговский (МГУ, Московская Духовная семинария) рассказал о своей работе, посвященной функционированию и норме современного церковнославянского языка. Своей задачей он видит теоретическое системное описание церковнославянского языка по его подсистемам и в настоящее время занимается подсистемами графики и орфографии. По мнению Ф.Б.Людоговского, необходим более системный подход к описанию церковнославянской орфографии, с учетом наличия двух существенно различных норм правописания собственно славянских слов с одной стороны, и греческих заимствований - с другой. При раздельном описании этих орфографических подсистем можно значительно прояснить и упростить изложение церковнославянской орфографии, что Ф.Б.Людоговский планирует реализовать в учебном пособии по графике и орфографии церковнославянского языка. Как сотрудник Издательства Свято-Троицкой Сергиевой Лавры он отметил в своем сообщении и те трудности, которые возникают сейчас в области редактирования церковнославянских текстов. Одни и те же тексты, выпущенные разными издательствами, могут существенно не совпадать, поскольку проходили редактирование в разных местах, независимо друг от друга. По мнению Ф.Б. Людоговского, в каждом издании необходимо указывать и то, что оно было отредактировано, и авторство редакторов.

Г.Е. Казанцева (МГУ, ПСТБИ) рассказала о своей работе, посвященной лексическим и грамматическим особенностям позднейших церковнославянских текстов. Среди привлеченных ею служб - «Служба всем святым, в земле Русской просиявшим», составленная в середине XX в. еп. Афанасием (Сахаровым), и ряд позднейших текстов. Как известно, церковнославянский язык служб 2-ой половины XX в. существенно отличается от нормированного языка Синодального периода, наблюдается общая тенденция к русификации. До настоящего времени не появлялось специальных лингвистических исследований этих текстов. Но вопрос о том, как церковнославянский язык осознается нашими современниками, какие именно элементы его нормы сохраняются или не сохраняются в позднейших текстах, безусловно, представляет большой интерес, и их лингвистическое исследование необходимо.

Очень интересными были сообщения присутствовавших на заседании круглого стола работников православных издательств, библиографов, историков, для которых церковнославянский язык – скорее необходимая составляющая их профессиональной деятельности, нежели объект чисто филологического исследования.

Л.П. Медведева (Богослужбно-календарный отдел Издательства Московской Патриархии) рассказала о своем многолетнем опыте редактирования богослужбных текстов. В Издательском отделе постепенно осуществляется введение в компьютер богослужбных текстов, в том числе и с сохранением графико-орфографических особенностей. Планируется подготовка электронной версии Священного Писания. Уже набраны славянские Новый Завет и Псалтирь. Электронная версия Библии после небольшой дополнительной работы может использоваться в качестве симфонии, для поиска цитат и т.п. Издательство использует разработанную Г.А.Ивановым гарнитуру «Киприан».

Издательский Отдел Московской Патриархии представлял также Е.С.Полищук, который рассказал о разрабатываемых издательством базах данных и электронных версиях церковнославянских текстов. Планируется создание базы данных по изданиям богослужбных книг, и такая база данных по акафистам уже существует. Имеется электронная библиография работ по литургике. Безусловно, можно решать и проблему преобразования текстов, например, перевод из церковнославянской формы в «гражданскую» и наоборот. В Издательском отделе много занимались сканированием и распознаванием церковнославянских текстов, и здесь также имеется много проблем. Издательство Московской патриархии планирует создание эталонного корпуса всех богослужбных текстов. Это необходимо для того, чтобы упорядочить издание церковнославянских богослужбных текстов в нашей стране и за ее пределами, поскольку сейчас, к сожалению, этот процесс никем не контролируется. Было бы логично, если бы такой эталонный корпус текстов для всех, кто принадлежит к юрисдикции Московского Патриархата, был создан в его основном издательстве.

Разработчик церковнославянского шрифта «Киприан» Г.А.Иванов рассказал о деятельности центра «Святитель Киприан». Этот центр был основан в 1994 г. с целью содействовать изучению литургических рукописей, изданию научной, святоотеческой и богослужбной литературы. Первый вариант шрифта «Киприан» был разработан в 1997-98гг.

В течение нескольких лет он используется для издания книг центра «Киприан», предназначенных для совершения обычных в приходских храмах служб теми, кто не имеет для этого достаточной подготовки, или при отсутствии полного комплекта богослужебных книг. Это воскресные службы, службы на двенадесятые праздники и великим святым, некоторые богослужения периода Постной и Цветной Триоди.

Прот. Николай Балашов (Отдел Внешних Церковных Сношений Московского Патриархата) в течение многих лет занимается проблемой богослужебного языка не с филологической, а с исторической и церковно-практической точки зрения (см. [Балашов 2001]). По его мнению, существует серьезная проблема с пониманием богослужебных текстов, особенно у людей, недавно пришедших в храм, проблема миссионерская и пастырская, которой давно озабочено священноначалие Русской Православной Церкви. В своем сообщении о. Николай рассказал о деятельности Литургической Комиссии, созданной после Архиерейского Собора 1994 г. и реорганизованной на последнем Юбилейном Архиерейском Соборе 2000 г. По мысли Святейшего Патриарха Алексия II, в Русской Православной Церкви должно возобновиться живое развитие литургической культуры, преемственное по отношению к имеющемуся у нас наследию. Конечно, такое живое развитие литургической культуры существовало всегда, а в нашей стране было искусственно прервано политическими обстоятельствами. Новая комиссия могла бы внести конкретные предложения принципиального характера, например, каким образом может развиваться церковнославянский язык, как окончательно определить отношение к проблеме использования в богослужении других современных языков, в частности русского, изучить опыт других поместных Православных Церквей, например Болгарии и Сербии, где благополучно сосуществуют церковнославянский и современный язык, и т.п. По мнению о. Николая, обсуждение вопроса литургического языка в нашей Церкви необходимо вынести из плоскости навешивания ярлыков и обвинений в плоскость серьезной академической дискуссии. Для этого было бы интересно услышать мнение об этом и от «людей со стороны, не вовлеченных ни в какие сугубо филологические или сугубо внутрицерковные дискуссии».

Выступавшие на заседании работники архивов и библиотек рассказали о имеющихся в фондах книгохранилищ церковнославянских изданиях Синодального периода.

Хранитель книжного фонда Российского Государственного Архива Древних Актов Е.В. Лукьянова рассказала об истории формирования этого фонда. Здесь хранятся материалы Московского печатного двора (позднее ставшего Синодальной типографией), с 1619 г. до начала XX в. (типография была закрыта в 1918 г., последние издания выпущены уже гражданским шрифтом). Сохранились и документы, и издания этой первой в России типографии, которая вначале издавала только кирилловские издания, а затем и первые книги гражданской печати. Архив может очень помочь всем исследователям церковнославянского языка в их работе, но не все знают о нем и о возможности использовать его фонды, так что пока издания XIX и XX вв. спрашивают мало. Материалы РГАДА позволяют проследить ход работы над тем или иным изданием. Здесь хранятся корректурные экземпляры, листы духовной цензуры, эскизы украшений, типографские клише и т. д. Архив-хранилище

старопечатных и редких изданий планирует издать каталог имеющихся у них книг и документов, первый том которого (московские издания XVII в.) вышел в 1996 г., а выпуск второго планируется в мае-июне 2001 г.

А.А. Гусева (Отдел редкой книги РГБ) рассказала о собрании книг кирилловской печати XIX- нач. XX вв. Российской Государственной библиотеки, которое является крупнейшим в мире. В фондах РГБ имеется около 8 тысяч книг церковной печати XIX- нач. XX вв. (1801 – 1924 гг.), отпечатанные более чем 70-ю типографиями в 46 городах России и Европы (30 европейских городов ранее входили в состав России). Кроме того, довольно много книг кирилловской печати – в общем хранении. Это многочисленные коллекции, а также современные издания, которые библиотека приобретает в настоящее время. Отдел редких книг собирается опубликовать предварительный список изданий 1801-1924 гг. К сожалению, фонд этих изданий сейчас разделен и основной его массив (издания типографий Москвы, Петербурга и Киева) находится в Химках. Доступ читателей к этим изданиям практически невозможен. В хранении Отдела редких книг находятся книги провинциальных типографий, изданные как в России, так и за рубежом, например, издания Уральской типографии. А.А.Гусева обратила внимание собравшихся на имеющийся в Отделе очень хороший фонд миссионерских изданий XIX- нач. XX вв. на различных языках народов Сибири и Поволжья, учебников, а также каталоги и реестры крупных издательств, из которых сегодня можно извлечь весьма ценную информацию. Эти книги доступны для исследователей. «Мы мечтаем о том, чтобы весь фонд кирилловских изданий хранился в одном месте, и книги XIX- нач. XX вв. заняли свое место рядом с книгами XV-XVIII вв., - закончила свое сообщение А.А.Гусева. - Для этого нужна и ваша поддержка».

Много говорилось на заседании о будущем **веб-сайте** и его структуре. (Специально этой теме было посвящено сообщение сотрудника ИРЯ РАН Ю.В.Кагарлицкого). В связи с этим отмечены технические проблемы; так, необходимо обеспечить пользователей общедоступными шрифтами, которые бы позволили читать церковнославянский текст в Интернете на компьютерах, работающих под управлением различных операционных систем и на различных платформах (например, Makintosh). При отсутствии же необходимых шрифтов должна оставаться возможность для чтения хотя бы в упрощенном виде (гражданским шрифтом). Технические проблемы могут в известной мере тормозить развитие сайта.

Сайт может быть использован не только для презентации текстов и научно-исследовательских работ. Участники круглого стола обсудили и другие возможности его использования, например, для сбора мнений по поводу тех или иных публикаций; в целях образовательных: как возможность преподающих и изучающих церковнославянский язык ознакомиться с пособиями и материалами по этому предмету. Для тех, кто преподает, особенно важно то, что на сайте можно было бы собирать упражнения для практических занятий, нехватка которых пока довольно существенна. На заседании обсуждались и проблемы использования церковнославянских шрифтов в Интернете, в т.ч. создания для этой цели единого стандартного церковнославянского шрифта и его включения в кодовую таблицу Unicode.

В заключительном слове председатель поблагодарил всех присутствовавших за интересную встречу и выразил надежду на то, что она не станет последней даже в случае интенсивного развития веб-сайта. Подобные встречи за круглым столом должны стать традиционными и могли бы помочь всем работающим в этой области специалистам в деле изучения и практического использования церковнославянского языка.

Литература

Балашов 2001 – Николай Балашов, *прот.* На пути к литургическому возрождению. М., 2001.

Кравецкий, Плетнева 2001 – А.Г. Кравецкий, А.А. Плетнева. Церковнославянский язык в России (конец XIX- нач. XX в.). М., 2001.

Г.Е. Казанцева

Константин Иосифович Бабицкий

Года три-четыре назад представитель общества «Мемориал» попросил меня написать несколько страничек о Константине Иосифовиче Бабицком как участнике демонстрации на Красной площади 25 августа 1968 года, когда горстка героев вышла на Лобное место, чтобы выразить протест против вторжения советских войск в Чехословакию. С К. И. Бабицким меня связывала тридцатитрехлетняя дружба. Это был один из самых замечательных людей, каких я знал в своей жизни, и выход на площадь – далеко не единственный его поступок, достойный воспоминаний. Но мне этот поступок представляется той нравственной вершиной, которую человеку дано достичь только раз в жизни и в которой его личность выражается полнее всего.

Чтобы понять логику поступков, которая 25 августа 1968 года привела его на Красную площадь, надо хотя бы в общих чертах представить личность этого человека.

Он никогда не лукавил с собой, был равен себе при любых обстоятельствах и достигал такой гармонии слова и поступка, какой я ни в ком другом не видел. Косте для этого не надо было делать никаких усилий - для него «жить не по лжи» было абсолютно органично. Его поступки отличались спокойной силой, достоинством и какой-то естественной красотой. В них не было никакой суетности, никакого расчета на аудиторию, никакого желания понравиться, бросить вызов, встать в позу. Он держал отчет только перед самим собой и ни перед кем другим. Он был из той редчайшей породы людей, кому, как сказано в одном из его стихотворений, «согласие с собой / единая награда».

При полном сознании своего человеческого масштаба в нем не было ни малейшего намека на самовлюбленность и культ самого себя - болезни века, которая приобрела среди людей творческих профессий размах эпидемии. К себе он предъявлял неизмеримо более высокие требования, чем к другим. В споре у него никогда не было желания победить - только желание убедить. Как-то он подслушал в электричке слова семилетнего мальчика, обращенные к отцу: «Я хочу вырасти так, чтобы ни над кем не чувствовать превосходства». Он сказал мне, что «видит в них выражение духовной зрелости русского народа». Ему это ощущение «непревосходства» было в высокой степени свойственно.

Он был не просто умен и образован - он был мудр в точном значении этого слова. Это сказывалось не только в его собственных поступках - он всегда действовал по совести, а не по расчету, - но и в том, как он слушал других людей. У него была спокойная и с молодых лет отеческая манера слушать, за которой угадывалось стремление понять проблему другого человека изнутри, т.е. увидеть мир не своими, а его глазами. Я был свидетелем того, как к нему приходили исповедоваться. Наш общий друг, безвременно скончавшийся Борис Сухотин, очень точно уловил эту черту его личности, сказав, что Костя был бы идеальным священником.

Мне бы хотелось, прежде чем я перейду к его словам и делам, сказать еще об одной черте его личности - его мужском бесстрашии. Он не трусил ни перед горой или бурной рекой, ни перед бандитом, ни перед самой свирепой в мире диктатурой. В середине 70-х годов он жил в Кудряеве - заброшенной деревеньке под Щельковым, где у него был дом. Туда вернулся после отсидки громила из местных, которому Костя чем-то не понравился. Их двоих нарядили работать на лесопилку, где кроме них народу не было. Костя был жилистый, но невысокий мужчина, и особой физической мощью не отличался. Единственное, что он мог противопоставить грубой силе, была сила духа. В какой-то момент уголовник, без всякой видимой причины, вдруг сказал ему: «Я тебя убью», и это нейтральное «убью», вместо цветистого блатного «замочу», заставило Костю всерьез отнестись к вызову. Он знал, что ответить надо так, чтобы громила поверил ему. Он сказал всего два слова: «Не боюсь», но сказал их так спокойно и твердо, что навсегда завоевал уважение уголовника.

В дальнейшем мне бы хотелось опираться исключительно на детали Костиной биографии и его высказывания, которые я свято берегу в памяти (почти в ответ на прямую просьбу к друзьям в одном его полусутопливом стихотворении: «Сохраните мои цитаты»).

В седьмом классе во время войны, когда его сверстники спокойно учились в школе, он пошел работать на завод, осознав это как свой нравственный долг перед страной. Там он все научился делать руками и впоследствии не только мастерил разные вещи для дома, но и ремонтировал суда в Красном затоне, а после ссылки строил дачи под Москвой для профессоров и академиков, делал теплицы в Хабаровском крае, куда ездил с бригадой строителей, и даже работал краснодеревщиком в музее А. Н. Островского в Щелькове, где реставрировал антикварную мебель.

Костя с детства интересовался литературой, языками и музыкой, хорошо знал музыкальную классику, играл на гитаре, писал стихи и песни. Он сложил песенный цикл на стихи Юлия Даниэля, очень ему близкие. «Страна моя, скажи мне хоть словечко, Перед тобой душа моя чиста. Нужно так - бесстыдно и навечно С тобою нас разлучит клевета?» С конца 60-х годов этот цикл знала и пела московская интеллигенция. Пленки с ним до сих пор ходят по Москве.

Несмотря на сильные гуманитарные интересы, он окончил Институт связи и года четыре работал под Свердловском на радиостанции. Там он бесповоротно понял (не без помощи своей жены Татьяны Михайловны Великановой, человека не менее замечательного, чем он сам), что должен заниматься лингвистикой. Ему было без малого тридцать лет, он был

уже отцом троих детей, но это не помешало ему круто изменить жизнь. Он поступил на заочное отделение филфака МГУ и одновременно пошел работать в группу Вячеслава Всеволодовича Иванова в Институт точной механики и вычислительной техники. В 1960 году Костя перешел в только что организованный С. К. Шаумяном Сектор структурной лингвистики Института русского языка АН СССР, где сделал несколько интересных работ в области словообразования, синтаксиса и семантики. Я тоже попал в этот первый набор, и скоро мы стали друзьями. Мы проработали вместе восемь лет.

Я не могу перечислить здесь и сотой части гражданских поступков Кости, которые я наблюдал с близкого расстояния, но одну деталь нельзя не упомянуть. Он никогда не ходил на выборы и не брал открепительных талонов - не желал участвовать в спектакле, оскорбительном для его интеллекта. При этом очень долгое время - гораздо дольше меня - он сохранял веру в социализм и советскую систему. Когда к нему приходили агитаторы и умоляли как угодно проголосовать, но только проголосовать, он неизменно отвечал: «Объявите референдум, и я проголосую за советскую власть, но выбирать, не имея выбора, не буду». А когда наиболее откровенные говорили ему, что им тоже противен этот фарс, но они люди подневольные, он отвечал: «Вы не идете на скандал, а я иду». Впрочем, довольно скоро его иллюзии по поводу режима полностью развеялись.

В начале 1968 года друзья пригласили его в Чехословакию. Костя основательно выучил чешский язык, которого прежде не знал, чтобы свободно читать первую в нашей жизни свободную прессу. Он попал в Прагу в разгар «Пражской весны», был совершенно ею покорен и посвятил ей стихотворение, быть может, поэтически несовершенно, но точно выражавшее его новый взгляд на мир. Вот его заключительная строфа: «Драконов щит обронен мелким гадом. Господь оттяпал пядь у сатаны. Россия спит, но гулко бьется рядом Большое сердце маленькой страны». Когда «Пражская весна» была раздавлена советскими танками, Костя счел себя морально обязанным публично выразить протест. 22 августа в Институте русского языка состоялся митинг, который должен был продемонстрировать единство партии и народа. Костя произнес на нем самую короткую и самую яркую речь: «Родина - мать, ее не выбирают, но сегодня мне стыдно, что я - гражданин Советского Союза» (я в это время был в отпуске - в горах на Алтае - и на митинге не присутствовал, но за точность передачи Костиных слов ручаюсь, потому что в свое время получил подтверждение от него самого). Накануне демонстрации у его товарищей возникли сомнения в целесообразности задуманной акции, и они позвонили ему. Он ответил: «Как хотите, я пойду один».

Его речь на суде – замечательно емкое и точное выражение его личности. В ней совершенно не было политики, обличений и ожесточения. Ее предметом были вечные моральные ценности. Имея дело с заведомо несправедливым судом, он искренне допускал, что у его судей просто другое представление о человеческих ценностях, чем у него. Он видел в них равных себе людей и разговаривал с ними как с достойными уважения оппонентами.

Костя получил три года ссылки в Красном затоне, в четырех километрах от Сыктывкара, где он работал на судоремонтном заводе - в самой толще народа. Он принял свою новую жизнь с открытым сердцем и увидел в ней не крест, не проклятье, а новую грань радостного бытия. В один из первых дней после приезда он написал матери, которую нежно

любил, письмо в стихах. Я опять процитирую только его последнюю строфу: «Телецентр, театры, институты, Но об этом как-нибудь потом. В общем так: одетый и обутый, Сытый, обеспеченный трудом. Не в изгнание, а в родной стране. Мама, не тревожься обо мне». Костя полностью использовал возможности, которые перед ним открылись. Я дважды приезжал к нему в ссылку (в 1969 и 1970 годах) и оба раза был поражен свободой, с которой он разговаривал на самые острые темы с заведомыми сексотами. Когда я спросил его, понимает ли он, кто его собеседники, он спокойно ответил: «Конечно, понимаю. Пусть учатся, это может пойти им на пользу». Костя оставил по себе столь сильную и добрую память, что когда в те же места приехал отбывать ссылку Револьт Пименов, он, по собственному признанию, со всех сторон только и слышал: «А вот Костя сделал бы это иначе».

Костя вышел на свободу в самом начале 1971 года и первым делом поехал навестить Ларису Богораз, которой предстояло провести в ссылке еще год. Вернувшись в Москву, он сделал попытку восстановиться на работе в Институте русского языка. Разумеется, безуспешно. Он обращался и в другие учреждения Академии, повсюду - с тем же результатом. Тогда он позвонил Валентину Иванову, партийному чиновнику, который в отделе науки ЦК партии курировал лингвистику, рассказал об отказах и заявил, что хочет вернуться на прежнее место работы после того, как отбыл наказание. С характерным для КПСС иезуитским цинизмом Иванов ответил, что ЦК не может оказывать давление на академические учреждения. Известно, что после этого разговора он тут же позвонил еще в несколько академических институтов и проинструктировал директоров, как им следует поступать, если к ним обратится Бабицкий.

Три года Костя перебивался случайными заработками, строил дачи под Москвой, летом вербовался в стройотряды и уезжал в Сибирь. Между тем репрессии против диссидентов усиливались, из Академии изгонялись люди, которые осмеливались открыто протестовать против развернувшихся в стране политических процессов. В 1972 году я по той же причине не был переаттестован в должности младшего научного сотрудника в Институте русского языка АН СССР. После недолгих поисков я нашел пристанище в институте «Информэлектрон», где директором был С. Г. Малинин, человек порядочный и смелый. Там я организовал исследовательскую группу, в которую мне удалось со временем пригласить многих подвергшихся внесудебным преследованиям коллег. К сожалению, Костю даже С.Г. Малинин принять к себе не смог. Тогда мы составили список отраслевых информационных институтов Москвы (их оказалось 55) и обзвонили их все в попытке устроить Костю на работу, хоть как-то связанную с лингвистикой, но государственная репрессивная машина никакого шанса нам не оставила.

В 1974 году Костя уехал в заповедник Щельково на Волге, принадлежавший Всесоюзному театральному обществу, где поначалу устроился работать в дом-музей А. Н. Островского столяром-краснодеревщиком. У него были обширные планы. В них входила не только научная работа, но и попытка реализовать некую философию того, как должна жить в России, которую он бесконечно любил, не продавшаяся режиму творческая интеллигенция. Костя считал, что интеллигенты должны сесть на землю, жить трудом своих рук, преподавать детям в самодеятельных школах все хорошее, что они знают.

Он, кстати, изложил эти мысли в письме к А.И. Солженицыну приблизительно за год до знаменитого обращения писателя «к вождям», и получил его горячее одобрение.

В Щелькове Костя начал реализацию этих планов. Он купил деревенский дом с небольшим участком в Кудряеве и стал его обустраивать. Одновременно завел огород и в Щелькове. Но начальство тоже не дремало. В один прекрасный день весной 1979 года дом в Кудряеве почему-то загорелся - как раз тогда, когда в нем был Костя. Он едва успел вынести плотницкий и столярный инструмент и личные вещи. Библиотека сгорела. Сам Костя никогда не винил в этом ГБ, хотя нарастающее давление с этой стороны чувствовал постоянно. К концу 70-х годов они так насели на директора заповедника, что тот вынужден был уволить Костю из музея. Единственное, что Костя смог найти в заповеднике, была должность зольщика в кочегарке Дома творчества Щелькова. Я был в этой кочегарке и видел условия, в которых Косте приходилось работать. Восемь часов ежедневно в жарком воздухе, насыщенном тончайшей угольной пылью и углекислым газом. Видимо, именно тогда началась интоксикация организма, спровоцировавшая болезнь Альцхаймера, которая в конце концов и свела Костю в могилу.

Незадолго до увольнения из музея, осенью 1979 года Костя женился вторым браком на заместителе директора музея по научной работе Валентине Ивановне Шаниной. В конце 1980 года у них родилась дочь, и с этого времени я стал, иногда один, иногда с друзьями и коллегами (упомяну А. В. Гладкого, Л. Л. Касаткина, Р. Ф. Касаткину, Л. П. Крысина, Ю.С. Мартемьянова, В. А. Матвеевко, М. В. Хомякова, А. Б. Энтина), дважды в год, весной и осенью, приезжать к Косте, чтобы как-то ему помочь. Несколько человек из числа его ближайших друзей купили ему дом в Твердове взамен сгоревшего кудряевского, навезли книг, проигрыватель, пластинки. При доме был большой участок земли, на котором Костя выращивал картофель, ягоды и злаки. Мы приезжали к нему на посевную и уборочную кампании. Он мечтал построить там же вольеру для козы (коза уже была, Костя дважды в день сам ее доил), запруду на ручье с ажурным мостиком через нее, развести гусей и другую живность. В Щелькове у него уже были куры и кролики, за которыми он преданно ухаживал. Казалось, что мечта совместить культурную жизнь интеллигента с физической нагрузкой крестьянина вот-вот сбудется. Но осенью 1983 года грянула катастрофа. Костя заболел гриппом и когда по каким-то делам приехал в Москву, друзья его не узнали. Грипп, видимо, дал новый импульс болезни Альцхаймера, уже гнездившейся в его теле, и началось стремительное разрушение этого сильного и яркого человека. Осенью 1993 года он умер.

Он остался как героическая личность в памяти друзей. Придет время, и он займет достойное место в российской истории.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО КОНСТАНТИНА БАБИЦКОГО

Граждане судьи! Вам предстоит принять трудное и ответственное решение. Правовые основы такого решения были с достаточной полнотой разобраны здесь. В результате судебного разбирательства моя убежденность в том, что я не нарушил закона, — не поколеблена. Я хочу привлечь ваше внимание к той стороне дела, которая имеет большое

значение для меня самого. Я имею в виду мотивы нашего поступка и значение вашего приговора.

Я понимаю, что необычные условия, сопровождавшие наше появление на Красной площади, в какой-то мере могут вызвать в душе некоторых людей неприязнь к нам. Примером тому служит поведение отдельных граждан, которые, увидев в нас врагов всего того, что им так дорого, не задумываясь, бросились на нас. Полагаю, что они были в заблуждении.

Кого же вы в действительности видите перед собой, граждане судьи?

Я вынужден говорить о себе. Матерью, советской школой, великой русской литературой, лучшими произведениями советской и зарубежной литературы я воспитан в горячей любви и уважении к закону, в любви к прогрессу, к нашей родине, к нашему народу и к народам всего земного шара. Думаю, что в той или иной степени это может сказать о себе каждый из нас. Я полагаю, что это — достаточное основание, чтобы люди, уважающие те же ценности, могли бы с уважением отнестись к различиям во взглядах.

Я прошу вас, граждане судьи, видеть во мне и в моих товарищах не врагов советской власти и социализма, а людей, взгляды которых в чем-то отличаются от общепринятых, но которые не меньше любого другого любят свою родину и свой народ и потому имеют право на уважение и терпимость.

Мне приходится считаться с тем, что я, возможно, понесу наказание. Не скрою, эта перспектива меня не радует, но — прошу верить — гораздо больше меня волнуют другие, более глубокие последствия того или иного вашего решения.

Я уважаю закон и верю в воспитательную роль судебного решения. Поэтому я призываю вас подумать, какую воспитательную роль сыграет обвинительный приговор и какую — приговор оправдательный. Какие нравы хотите вы воспитать в массах: уважение и терпимость к другим взглядам, при условии их законного выражения, или же ненависть и стремление подавить и уничтожить всякого человека, который мыслит иначе?

Я призываю учесть, что — как справедливо сказал здесь мой друг Литвинов — все, что исходит из социалистического лагеря, все хорошее и плохое, что происходит в нашей стране, имеет решающее значение для развития событий во всем мире. Я полагаю, что вы не только решаете судьбу нескольких человек на ближайшие годы, но так или иначе — пусть отдаленно — влияете на судьбу всего человечества. Прошу вас выполнить свой долг с мудростью и опираясь на закон. Я уверен, что вы будете исходить только из закона, и спокойно жду своей участи.

Р.Ф. Касаткина

Сергей Сергеевич Высотский (1907-1986)

Вся жизнь и творческая биография С.С. Высотского тесно связана с жизнью и судьбой нашего народа. Он рано начал трудовую деятельность: сразу же после окончания средней школы стал работать библиотекарем. В 1926 году поступил на литературное отделение педагогического

факультета II Московского государственного университета (впоследствии МГПИ имени В.И. Ленина). По окончании университета продолжил работу: заведовал кабинетом русского языка Всесоюзного коммунистического института журналистики, а затем вернулся к хорошо знакомой ему библиотечной работе: руководил Отделом краеведческой литературы Республиканской библиотеки, работал библиографом библиотеки Государственного исторического музея, затем инструктором по библиографической работе в Библиотечном фонде Союза транспортных работников.

В 1938 году С.С. Высотский поступил в аспирантуру Института философии, литературы и истории (ИФЛИ) по кафедре славяно-русского языкознания. Научным руководителем его был Д.Н. Ушаков. Таким образом он вошел в круг близких учеников Дмитрия Николаевича, стал, как в то время говорили, одним из «ушаковских мальчиков». Глубокий интерес к живой народной речи, горячо поддержанный учителем, побудил Сергея Сергеевича избрать темой кандидатской диссертации описание народных говоров юго-западного Подмосковья. Собирая материал для диссертации, он исходил пешком почти все Подмосковье. Делал бесчисленные блокнотные записи крестьянской речи, уже тогда проявив незаурядные способности полевого диалектолога и фонетиста. Р.И. Аванесов написал в характеристике, выданной Сергею Сергеевичу в связи с окончанием аспирантской подготовки: «Он обладает всеми качествами превосходного диалектолога - тонким слухом, хорошей наблюдательностью, большим тактом в работе с местным населением». Это качество - умение тактично и вместе с тем весьма эффективно вести беседу с любым информантом - будь то крестьянин, представитель городских «низов» или рафинированный интеллигент - было всегда присуще Сергею Сергеевичу. Поэтому впоследствии, когда настала эпоха магнитофонов и появились звучащие записи, сделанные им, стало возможным оценить это его качество в полной мере. Можно с уверенностью утверждать, что каждая фонограмма, сделанная С.С. Высотским, представляет собой по существу двойной речевой портрет (портрет не только информанта, но и интервьюера) и в то же время жанровую сцену, поставленную опытным сценаристом и режиссером.

За два дня до начала войны, 20 июня 1941 года, С.С. Высотский защитил кандидатскую диссертацию, однако присуждение ему ученой степени откладывалось - из-за условий военного времени. Состоялось оно лишь в послевоенном 1946-м. В августе 1941 года Сергей Сергеевич пришел работать на Волхонку, д. 18/2, и этот дом стал для него родным на долгие годы. Здесь С.С. Высотский начал работать младшим, а затем старшим научным сотрудником Института русского языка АН СССР, а ушел из него еще полный творческих сил (не по своей воле, а «по сокращению штатов») в апреле 1976 г.

Во время войны он оставался в Москве. Жил, как и многие москвичи: копал противотанковые рвы; по ночам дежурил на крыше института, тушил «зажигалки». Необыкновенные фонетические способности и знание славянских языков позволили С.С. Высотскому в то время выполнять специальные задания: он слушал радиопередачи из стран, занятых фашистами, и по тонким речевым особенностям радиодикторов определял их происхождение, делал транскрипции и переводы с разных языков.

Вскоре после окончания войны, в августе 1945 года ученый возобновил

диалектологическую работу, отправившись в экспедицию в Коробовский и Егорьевский районы Московской области. Он посетил во время этой поездки знаменитую деревню Леку, описанную А.А. Шахматовым. В сборнике «Материалы и исследования по русской диалектологии» (т. II. М.; Л., 1949) выйдет статья С.С. Высотского «О говоре д. Лека». В этой работе, а также в другой статье, увидевшей свет в то же время, – «Работы Е.Ф. Будде о рязанских говорах в свете новых данных» (Бюллетень диалектологического сектора. Вып. 6. М., 1949) – впервые наметились идеи уровневого подхода к анализу фонетических явлений, т.е. уже в тех ранних работах С.С.Высотского начала формироваться его будущая концепция «фразовой фонетики». А.А. Реформатский первым обратил внимание на рождение нового подхода к анализу звучащей речи и высоко оценил его (см. А.А. Реформатский. Из истории отечественной фонологии. М., 1970).

Все последующие годы С.С. Высотский работал над Диалектологическим атласом русского языка: собирал материал в многочисленных диалектологических экспедициях, планировал маршруты поездок для других сотрудников, формировал экспедиционные группы, участвовал в подготовке карт-бланковок для Атласа. Он много времени уделял также разработке лингвогеографической методики, часто выступал с докладами на эти темы на ежегодных всесоюзных диалектологических совещаниях. С.С. Высотский – один из авторов «Атласа русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы», опубликованного в 1957 году.

В 1958 году С.С. Высотский организовал в Институте Лабораторию экспериментальной фонетики (ЛЭФ). Это была первая лаборатория такого рода в системе Академии наук. Трудился он самоотверженно: один, без помощников, без инженеров (они появились позднее), абсолютно «с нуля» начал планирование, строительство и техническое оснащение лаборатории, заказал самую современную по тем временам электро-акустическую аппаратуру для анализа речи. Созданная им ЛЭФ впоследствии послужила образцом для организации многих отечественных фонетических лабораторий. Заботясь об освоении и внедрении самых современных по тем временам методов исследования акустической стороны речи, он стремился возродить и старые методы изучения артикуляции речи, связанные в отечественном языкознании с именами Ершова, В.А. Богородицкого, Л.В. Щербы: кимографию, палатографию, рентгеносъёмку. При занятиях исследованиями артикуляции он, конечно, сам был первым «испытуемым». Он всё «примерял на себя». Находились и другие энтузиасты нового дела, но впереди всегда был Сергей Сергеевич.

ФОТО С.С. Высотского

В клинике 1-го Медицинского института он делал массовые рентгеносъёмки произношения. Большую часть материала он снял на себе, а ведь способы защиты от рентгеновского излучения в то время были весьма несовершенными.

Научными интересами Сергея Сергеевича определялся профиль созданной им лаборатории: в ней разрабатывалось новое направление – экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии. Это отличало ЛЭФ Института русского языка от других лабораторий, работавших на материале фонетики русского языка и языков народов СССР.

Еще раньше, в конце 40-х годов, С.С.Высотский начал создавать фонотеку – коллекцию звучащих записей устной речи. Первые магнитофонные записи этой коллекции относятся к 1949 году. Основная направленность фонотеки – записи региональных разновидностей русского языка. Позднее возникли и другие направления – записи русской речи во всех ее жанрово-стилевых разновидностях, мемориальные записи, а также записи на различных языках мира. Фонотека эта стала со временем настоящим национальным достоянием. Сейчас в ней хранится около 3000 фонограмм. К ней, как к источнику народной речи, постоянно обращаются самые разные специалисты: преподаватели вузов из нашей страны и из-за рубежа, научные работники, деятели кино и театра, криминалисты.

Круг научных интересов С.С.Высотского был необычайно широк. Русские крестьянские говоры, городское просторечие (говор «московских просвирен»), литургическая и бытовая речь московских старообрядцев, языки народов СССР – все это служило материалом для его фонетических занятий. Но и другие области языкознания были ему близки. Он глубоко интересовался этимологией. К сожалению, Сергей Сергеевич не опубликовал ни одного из своих блестящих этимологических этюдов, все они существовали лишь в устной форме. Список трудов С.С.Высотского сравнительно невелик. Публиковал немного, зато щедро раздаривал свои идеи...

Множество тончайших филологических наблюдений, оставшихся неопубликованными, сообщал он своим слушателям на лекциях и в докладах, да и просто в устных беседах. Каждая его опубликованная работа была событием. Все они насыщены оригинальными идеями, проведены на огромном фактическом материале, поражают своей основательностью и многослойностью – и до сих пор в них открываются всё новые и новые пласты.

Многих монографий стоит статья С.С.Высотского «Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах» (в сборнике «Очерки по фонетике севернорусских говоров». М., 1967). Впервые в русской диалектологии в этой статье прозвучала мысль о том, что фонетические диалектные различия создаются не только за счет различного фонемного инвентаря вокалических систем, но и за счет разных звуковых воплощений фонем: так, недостаточно установить, например, что в том или ином говоре функционирует пять гласных фонем, необходимо выявить также их конкретные звуковые реализации.

Статья «О звуковой структуре слова в русских говорах» (в сборнике «Исследования по русской диалектологии». М., 1973) тоже стоит у истоков целого направления в диалектологии и даже русистики в целом – изучения просодии слова. Вслед за С.С.Высотским по этому пути устремились многие исследователи. В монографии

«Физические основы современных фонетических процессов в русских говорах» С.С.Высотский является автором раздела «Звуковые изменения, не влияющие на основные черты фонологического строя говоров». Это итог его занятий рентгенографией.

Можно было бы назвать и другие работы ученого, каждая из которых самобытна и озарена новыми идеями. И здесь уместно вспомнить, что кроме русской диалектологии есть еще одна область лингвистики, которой С.С. Высотский посвятил очень много времени, – это описание фонетического строя очень многих языков народов СССР. Опубликовано множество трудов по фонетике, где С.С. Высотский выступает в качестве научного консультанта.

Это был фонетист «Божьей милостью». Он мог по деталям произношения определить, не только из какой области России происходит его собеседник, но и из какого района Москвы: с Арбата, из Хамовников, Замоскворечья... Настоящий профессор Хиггинс! Он очень любил посещать московские рынки и разговаривать там с приезжими крестьянами. Порой казалось, что речевые портреты людей для него были важнее их внешности. Говоря о ком-нибудь, он замечал: «А, это тот, с упережденным вокализмом!» – или: «Слышите, какие у нее тусклые свистящие?» – или: «Помните, к нам приходила та, с английскими альвеолярными?» и тому подобное. Недаром к нему тянулись все, кто занимается речью: и профессиональные фонетисты, и акустики, и физиологи, и работники театра и кино...

Он часто говорил, что его любимым чтением с юношеских лет были словари. Словари В.И. Даля, М. Фасмера, А. Преображенского были его настольными книгами.

Любимым видом отдыха С.С. были путешествия с рюкзаком по «малым» (бывшим уездным) городам России. Кашин, Углич, Старица, Зарайск, Льгов, Венёв, Елец и многие другие привлекали его не только своим неповторимым говором, но и теми чертами старины, которые еще сохранялись и в облике, и в бытовом укладе этих городков. Столь же привлекательны были для него и заповедные, далекие от туристических маршрутов уголки старой Москвы. Он любил устраивать туда экскурсии для близких людей.

С.С. Высотский обладал абсолютным музыкальным слухом, прекрасно играл на фортепиано. Но его музыкальные вкусы смутили бы музыкального пуриста: он отдавал предпочтение старинным русским романсам и цыганской музыке. С удовольствием бывал на спектаклях театра «Ромен».

Многое можно сказать о необычайной скромности Сергея Сергеевича. Ну хотя бы вот это. В анкетах на вопрос о степени владения иностранными языками он писал: «Владею немецким, французским (слабо).» При этом он не только свободно читал на этих языках, но и прекрасно говорил. Хорошо знал все славянские языки, а польский и болгарский даже преподавал аспирантам МГПИ им. Ленина. Узбеки, таджики, эстонцы, литовцы, аварцы, марийцы, поговорив с ним, уходили в полном убеждении, что он знает их родной язык, настолько глубоко он изучил основные, особенно фонетические закономерности этих языков. Он воплощал в себе черты истинного русского интеллигента: безразличие к чинам и званиям, широкую образованность, любознательность и доброжелательное отношение к людям.

Варвара Георгиевна Орлова (1907-1991)

Варвара Георгиевна Орлова принадлежала к той замечательной по своей сплоченности и единомыслию группе диалектологов, которая под руководством Р.И. Аванесова сформировала в 1940-1970-е гг. Московскую школу лингвистической географии¹. Ученица Р.И. Аванесова, В.Г. Орлова воплощала и развивала его научные идеи. Возглавляя в течение многих лет (1952-1969) сначала сектор истории русского языка и диалектологии Института языкознания АН СССР, а затем в выделившемся из него Институте русского языка АН СССР – сектор диалектологии, В.Г. Орлова создала прекрасный коллектив, куда входили и такие выдающиеся ученые, полевые диалектологи, непосредственно участвующие в сборе, анализе, описании диалектного материала и представлении его на диалектологических картах, как С.С. Высотский, С.В. Бромлей, Л.Н. Булатова, К.Ф. Захарова, О.Н. Мораховская, Т.Ю. Строганова, Ю.С. Азарх.

Годы руководства В.Г. Орловой этим сектором составили лучшую, наиболее плодотворную эпоху в его истории. В эти годы был собран основной материал для Диалектологического атласа русского языка (ДАРЯ), созданы 3 региональных атласа (работой над одним из них непосредственно руководила В.Г. Орлова)², которые вместе с законченными ранее еще двумя³ легли в основу позднее опубликованного сводного «Диалектологического атласа русского языка»⁴.

¹ Основные идеи этой школы были изложены в книге «Вопросы теории лингвистической географии» / Под ред. Р.И. Аванесова (М., 1962), где В.Г. Орловой были написаны несколько разделов главы «Подготовка и построение диалектологического атласа» и глава «Вопросы интерпретации данных лингвистической географии».

² Неопубликованные и хранящиеся в архиве отдела диалектологии и лингвогеографии Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН Атлас русских говоров центральных областей к западу от Москвы / Под ред. Р.И. Аванесова; Атлас русских говоров центральных областей к северу от Москвы / Под ред. О.Н. Мораховской и Т.Ю. Строгановой; Атлас русских говоров центральных областей к югу от Москвы / Под ред. В.Г. Орловой.

³ Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы / Под ред. Р.И. Аванесова. М., 1957 и неопубликованный Атлас русских говоров северо-западных областей РСФСР / Под ред. В.И. Борковского и С.С. Высотского.

⁴ Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. В 3 вып. / Под ред. Р.И. Аванесова и С.В. Бромлей. Вып. I. Фонетика. М., 1986; Вып. II. Морфология. М., 1989; Вып. III. Синтаксис. Лексика. Комментарии к картам. Справочный аппарат. М., 1996; Вып. III. Карты. Ч. 1. Лексика. М., 1997 (Ч. 2 в печати).

Сектор диалектологии Института русского языка АН СССР стал ведущим в организации всей диалектологической работы в стране. Этому способствовали и конференции диалектологов, проводившиеся сектором ежегодно в течение всей основной работы по сбору материалов для ДАРЯ. На этих конференциях, собиравших диалектологов из разных областей и республик страны, и не только русистов, обсуждались теоретические проблемы лингвистической географии и практические вопросы экспедиционной работы и оформления материалов ДАРЯ.

Варвара Георгиевна Орлова родилась в Москве 19 ноября 1907 года. Когда ей было 19 лет, она окончила педагогический техникум и стала работать сельской учительницей начальных классов в Воронинской школе Клинского района Московской области. В 1933 г. поступила в Московский областной пединститут, а после его окончания стала аспиранткой Московского городского пединститута, в котором заведующий кафедрой русского языка Рубен Иванович Аванесов собрал замечательный коллектив преподавателей – выдающихся ученых. На этой кафедре Варвара Георгиевна начала преподавать еще будучи аспиранткой и продолжала педагогическую работу и после защиты кандидатской диссертации о губных спирантах в русском языке.

В августе 1941 г. она эвакуировалась в г. Козьмодемьянск Марийской АССР, где начала работать в качестве доцента, а вскоре и заведующей кафедрой в Марийском государственном пединституте. В 1943 г. Варвара Георгиевна вернулась на работу в Московский городской пединститут, а в 1944 г. стала преподавать старославянский язык и вести диалектологическую работу в МГУ им. М.В.Ломоносова. Учившиеся у нее в эти годы вспоминают, как живо, интересно, увлекательно она читала лекции по этому, казалось бы, совершенно далекому от большинства студентов предмету.

Еще в аспирантские годы В.Г. Орлова начала вести полевою диалектологическую работу, позднее она организует кружок, в котором студенты под ее руководством будут изучать «Программу собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка», станет и руководителем студенческих экспедиционных групп, собирающих материал по этой «Программе».

В эти годы она продолжает свои диалектологические исследования. В вышедшей первым изданием в 1944 г. «Программе собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка» В.Г. Орловой написан раздел «Об организации и методах собирания диалектологических материалов». С 1947 г. Варвара Георгиевна стала также работать в Институте русского языка (затем Институте языкознания) АН СССР сначала в должности старшего научного сотрудника, а с 1952 г. заведующего отделом, сменив на этом посту академика С.П. Обнорского. В этом отделе она и проработает до конца 1971 г. С возникновения журнала «Вопросы языкознания» в 1952 г. многие годы Варвара Георгиевна входила в его редколлегию, курируя там диалектологический отдел.

В числе наиболее значимых работ В.Г. Орловой ее докторская диссертация,

опубликованная в виде монографии – «История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров» (М., 1959), где впервые на таком большом материале, как корпус данных, собранных для Диалектологического атласа русского языка, были описаны типы употребления звуков на месте этимологических *ч* и *ц*, в том числе и новые, обнаруженные автором, и высказаны достаточно аргументированные гипотезы происхождения этих типов.

Под руководством и при авторском участии В.Г. Орловой была написана коллективная монография «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров» (М., 1970) – единственная в истории русской науки капитальная работа по исторической диалектологии, основанная главным образом на современных диалектных данных.

Огромный вклад в науку – созданная В.Г. Орловой вместе с К.Ф. Захаровой диалектологическая карта русского языка (1964), отражающая русский языковой ландшафт по новым данным диалектологического атласа, и монография «Диалектное членение русского языка» (М., 1970), где сформулированы основные принципы этого членения и описаны основные лингвогеографические единицы русского языка.

По сравнению с «Диалектологической картой русского языка в Европе» Н.Н. Дурново, Н.Н. Соколова и Д.Н. Ушакова 1914 г. созданная полвека спустя «Диалектологическая карта русского языка» К.Ф. Захаровой и В.Г. Орловой и отраженная на ней новая группировка русских говоров представляет собой существенный шаг вперед в теории и практике лингвистической географии. Уточнены и добавлены многие черты, противопоставляющие Северное и Южное наречия. По-новому выделены сами эти наречия и диалектные группы внутри основных диалектных объединений, выделен особый по сравнению с членением 1914 г. тип лингво-территориального объединения – диалектная зона и определены территории восьми таких диалектных зон. Границы наречий, диалектных групп и диалектных зон выделены по пучкам изоглосс, включающих наиболее существенные для диалектного членения явления. Чрезвычайно важным было решение о значительном расширении территории среднерусских говоров за счет говоров, совмещающих принципы оканья и аканья. «Диалектологическая карта русского языка» К.Ф. Захаровой и В.Г. Орловой – один из самых весомых вкладов в русскую лингвистическую географию XX века.

До 1950 г. работа над Диалектологическим атласом русского языка осуществлялась в двух центрах – Москве под руководством Р.И. Аванесова и Ленинграде под руководством Ф.П. Филина. После разгрома марризма в 1950 г. ленинградские материалы атласа, отражавшие марристские взгляды Филина и его единомышленников, по решению Президиума АН СССР были переданы в Москву. В составе группы московских диалектологов, ездивших в Ленинград за этими материалами, была и В.Г. Орлова.

Филин этого не забывал никогда и, став в 1968 г. директором Института русского языка АН СССР, противодействовал опубликованию подготовленных к печати региональных атласов и сводного атласа и начал постепенно сокращать состав сотрудников сектора диалектологии. В.Г. Орлова, как она говорила близким ей людям, не захотела участвовать в этом, ей была глубоко неприятна и проводившаяся Филиным и поддерживавшими его сотрудниками политика репрессий в Институте по идеологическим основаниям.

Под предлогом возникшего заболевания В.Г. Орлова уходит на пенсию, а вскоре Филин выводит ее и из состава Ученого совета института.

В это время В.Г. Орлова была еще полна творческих сил и при другом положении в Институте могла бы еще много сделать для науки, оставаясь во главе сформированного ею сектора. В дальнейшие 20 лет своей жизни В.Г.Орлова не переставала интересоваться событиями, происходившими в Институте, ее очень огорчало, что ДАРЯ не издается, что сектор диалектологии вынужденно покидают один за другим ее соратники и ученики. Последний труд, в котором В.Г. Орлова приняла участие, – вышедший в 1989 г. учебник «Русская диалектология» под редакцией ее ученика Л.Л. Касаткина.

Оригинал-макет подготовлен А. Петровым

Корректор А. Рыко

Подписано в печать 20.01.2002. Формат 70X100 1/16
Бумага офсетная №1, печать офсетная.
Усл.п.л. 21,93. Заказ № 5464

Отпечатано с калек в ППП «Типография “Наука”».
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6.